

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
«ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И СОЦИАЛЬНЫЕ
ПЕРЕМЕНЫ:
ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ**

Том 13, № 1, 2020

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ: ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ

Рецензируемый научно-практический журнал, охватывающий вопросы анализа и прогноза изменений в экономике и социальной сфере различных стран и регионов, локальных территорий.

Основная цель издания журнала – предоставление широким слоям мировой научной общественности и практическим работникам возможности публиковать результаты изысканий в сфере исследования социально-экономических процессов, знакомиться с различными точками зрения на актуальные проблемы развития экономики и социума, принимать участие в дискуссиях по обсуждаемым темам. В числе основных тем – стратегии развития территорий, региональная, отраслевая экономика, социальное развитие, вопросы формирования доходов бюджетов и рационализации расходов, инновационная экономика, вопросы экономической теории.

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ильин В.А., член-корреспондент РАН (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Байджан Тюзин, кандидат наук, проф. (Стамбульский технический университет, Стамбул, Турция)

Ка Лин, д-р, проф. (Центр европейских исследований Чжецзянского университета, Ханчжоу, Китай)

Тетсуо Мисуками, д-р, проф. (Социологический колледж Университета Риккио, Токио, Япония)

Дайширо Номия, к. с. н., проф. (Университет Чуо, Токио, Япония)

Оуй Пейтер, д-р (Нидерландская организация прикладных научных исследований, Делфт, Нидерланды)

Сапир Жак, проф. (Высшая школа социальных наук (HESS), Центр исследований индустриализации (СЕМ), Париж, Франция)

Хохгернер Йозеф, д-р, проф. (Центр социальных инноваций, Вена, Австрия)

Шрёдер Антониус (Центр социальных исследований технического университета Дортмунда, Дортмунд, Германия)

Штопка Пётр, проф. (Ягеллонский университет, Краков, Польша)

Кишиштоф Т. Коньки, проф. (Лодзинский университет, Лодзь, Польша)

Артамонова А.С., ответственный секретарь (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Губанова Е.С., д. э. н., проф. (Вологодский государственный университет, Вологда, Россия)

Гулин К.А., заместитель главного редактора, д. э. н., доцент (Вологда, Россия)

Калачикова О.Н., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Лажнецов В.Н., член-корреспондент РАН (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УРО РАН, Сыктывкар, Россия)

Морев М.В., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Сычев М.Ф., к. э. н. (Вологда, Россия)

Третьякова О.В., заместитель главного редактора, к. ф. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Ускова Т.В., д. э. н., профессор (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Шабунова А.А., д. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

Веркей Жюльен, проф. (Национальный институт восточных языков и цивилизаций INALCO, Париж, Франция)

Витязь П.А., академик НАН Беларуси (НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Дайнеко А.Е., д. э. н., проф. (Институт экономики НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Кивинен М., проф. (Александровский институт Хельсинского университета, Хельсинки, Финляндия)

Котляров И.В., д. с. н., проф. (Институт социологии НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Чжан Шухуа, д-р, проф. (Китайская академия общественных наук, Пекин, Китай)

Афанасьев Д.В., к. с. н., доцент (Череповецкий государственный университет, Череповец, Россия)

Валентей С.Д., д. э. н., проф. (Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия)

Гайнанов Д.А., д. э. н., проф. (Институт социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН, Уфа, Россия)

Горшков М.К., академик РАН (Институт социологии РАН, Москва, Россия)

Кузнецов С.В., д. э. н., проф. (Институт проблем региональной экономики РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Ленчук Е.Б., д. э. н., проф. (Институт экономики РАН, Москва, Россия)

Леонидова Г.В., к. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Макаров В.Л., академик РАН (Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, Россия)

Некипелов А.Д., академик РАН (Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия)

Окрепилов В.В., академик РАН (Центр испытаний и сертификации, Санкт-Петербург, Россия)

Полтерович В.М., академик РАН (Центральный экономико-математический институт РАН, Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия)

Чукреев Ю.Я., д. т. н. (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УРО РАН, Сыктывкар, Россия)

Журнал издается с 2008 года

Периодичность выхода журнала – 6 раз в год

Решением Минобрнауки РФ журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям: 22.00.00 – социологические науки; 08.00.00 – экономические науки.

Журнал размещается в следующих реферативных и полнотекстовых базах данных: Web of Science (ESCI), ProQuest, EBSCOhost, Directory of Open Access Journals (DOAJ), RePEc, Ulrich's Periodicals Directory, ВИНТИ РАН, Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Выпуски журнала направляются в Библиотеку Конгресса США и в Германскую национальную экономическую библиотеку.

Все статьи проходят обязательное рецензирование. Высказанные в статьях мнения и суждения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ответственность за подбор и изложение материалов несут авторы публикаций.

ISSN 1998-0698 (Print)
ISSN 2312-9816 (Online)

Адрес в Интернете: <http://esc.vscac.ru>

© ФГБУН ВолНЦ РАН, 2020

FEDERAL STATE BUDGETARY INSTITUTION OF SCIENCE
VOLOGDA RESEARCH CENTER OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

**ECONOMIC
AND SOCIAL
CHANGES:
FACTS, TRENDS, FORECAST**

Vol. 13, no. 1, 2020

ECONOMIC AND SOCIAL CHANGES: FACTS, TRENDS, FORECAST

A peer-reviewed scientific journal that covers issues of analysis and forecast of changes in the economy and social spheres in various countries, regions, and local territories.

The main purpose of the journal is to provide the scientific community and practitioners with an opportunity to publish socio-economic research findings, review different viewpoints on the topical issues of economic and social development, and participate in the discussion of these issues. The remit of the journal comprises development strategies of the territories, regional and sectoral economy, social development, budget revenues, streamlining expenditures, innovative economy, and economic theory.

Founder: Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences

EDITOR-IN-CHIEF

V.A. Ilyin, RAS corresponding member (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

EDITORIAL BOARD

Tüzün Baycan, Ph.D., professor (Istanbul Technical University, Istanbul, Turkey)

Ka Lin, doctor, professor (Center of European Studies at Zhejiang University, Hangzhou, China)

Tetsuo Mizukami, Ph.D., professor (College of Sociology, Rikkyo University, Tokyo, Japan)

Daishiro Nomiya, Ph.D. in Sociology, Prof. (Chuo University, Tokyo, Japan)

P.R. A. Oeij (TNO, Netherlands Organisation for Applied Scientific Research, Delft, The Netherlands)

Jacques Sapir, professor (Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales (EHESS), Centre d'Etude des Modes d'Industrialisation (CEMIEHESS), Paris, France)

Josef Hochgerner, doctor, professor (Centre for Social Innovation, Vienna, Austria)

Antonius Schröder (Social Research Centre, Dortmund University of Technologies, Dortmund, Germany)

Piotr Sztompka, professor (Jagiellonian University, Krakow, Poland)

Krzysztof T. Konecki, professor (Lodz University, Lodz, Poland)

A.S. Artamonova, executive secretary (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

E.S. Gubanov, Doc. Sci. (Econ.), professor (Vologda State University, Vologda, Russia)

K.A. Gulin, deputy editor-in-chief, Doc. Sci. (Econ.), associate professor (Vologda, Russia)

O.N. Kalachikova, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

V.N. Lazhentsev, RAS corresponding member (Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia)

M.V. Morev, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

M.F. Sychev, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda, Russia)

O.V. Tret'yakova, deputy editor-in-chief, Cand. Sci. (Philol.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

T.V. Uskova, Doc. Sci. (Econ.), professor (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

A.A. Shabunova, Doc. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

EDITORIAL COUNCIL

Julien Vercueil, professor (National Institute for Oriental Languages and Civilizations INALCO, Paris, France)

P.A. Vityaz, academician of NAS of Belarus (NAS of Belarus, Minsk, Belarus)

A.E. Dayneko, Doc. Sci. (Econ.), professor (Institute of Economics of NAS of Belarus, Minsk, Belarus)

Markku Kivinen, professor (Aleksanteri Institute of the University of Helsinki, Helsinki, Finland)

I.V. Kotlyarov, Doc. Sci. (Sociol.), professor (Institute of Sociology of NAS of Belarus, Minsk, Belarus)

Zhang Shuhua, doctor, professor (Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, China)

D.V. Afanasyev, Cand. Sci. (Sociol.), associate professor (Cherepovets State University, Cherepovets, Russia)

S.D. Valentey, Doc. Sci. (Econ.), professor (Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia)

D.A. Gaynanov, Doc. Sci. (Econ.), professor (Institute for Social and Economic Research, Ufa Scientific Center of RAS, Ufa, Russia)

M.K. Gorshkov, RAS academician (RAS Institute of Sociology, Moscow, Russia)

S.V. Kuznetsov, Doc. Sci. (Econ.), professor (Institute of Problems of Regional Economics (Saint Petersburg, Russia)

E.B. Len'chuk, Doc. Sci. (Econ.), professor (RAS Institute of Economics, Moscow, Russia)

G.V. Leonidova, Cand. Sci. (Econ.), associate professor (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

V.L. Makarov, RAS academician (Central Economic Mathematical Institute of RAS, Moscow, Russia)

A.D. Nekipelov, RAS academician (Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

V.V. Okrepilov, RAS academician, (State Regional Center for Standardization, Metrology and Testing (Saint Petersburg, Russia)

V.M. Polterovich, RAS academician (Central Economics and Mathematics Institute, Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

Yu.Ya. Chukreev, Doc. Sci. (Engin.) (Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia)

The journal was founded in 2008

Publication frequency:
six times a year

According to the Decision of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, the journal *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast* is on the List of peer-reviewed scientific journals and editions that are authorized to publish principal research findings of doctoral (Ph.D., candidate's) dissertations in scientific specialties: 08.00.00 – economic sciences; 22.00.00 – sociological sciences.

The journal is included in the following abstract and full text databases:
Web of Science (ESCI),
ProQuest, EBSCOhost,
Directory of Open Access Journals (DOAJ),
RePEc, Ulrich's Periodicals Directory, VINITI RAS, Russian Science Citation Index (RSCI).

The journal's issues are sent to the U.S. Library of Congress and to the German National Library of Economics.

All research articles submitted to the journal are subject to mandatory peer-review. Opinions presented in the articles can differ from those of the editor. Authors of the articles are responsible for the material selected and stated.

ISSN 1998-0698 (Print)
ISSN 2312-9816 (Online)

Internet address: <http://esc.vscac.ru>

© VoIRC RAS, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

От главного редактора

Ильин В.А., Морев М.В. Ещё один шаг к «долгому государству» В. Путина 9

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

Барсуков В.Н., Калачикова О.Н. Эволюция демографического и социального конструирования возраста «старости» 34

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

Иванова М.В., Якушева У.Е. Формирование механизма взаимодействия социально ответственного бизнеса и региональных органов власти в Арктической зоне РФ 56

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ

Усков В.С. Научно-технологическое развитие российской экономики в условиях перехода к новому технологическому укладу 70

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

Дворядкина Е.Б., Белоусова Е.А. Тенденции развития муниципальных районов в национальном экономическом пространстве 87

Баймурзина Г.Р., Кабашова Е.В. Особенности социального и экономического развития современных моногородов Республики Башкортостан 106

ЭКОНОМИКА ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ

Лаженцев В.Н., Чужмарова С.И., Чужмаров А.И. Налоговое администрирование в системе лесопользования и его влияние на бюджеты северных территорий 125

Потравный И.М., Яшалова Н.Н., Бороухин Д.С., Толстоухова М.П. Использование возобновляемых источников энергии в Арктике: роль государственно-частного партнерства 144

ЭКОНОМИКА ТРУДА

Баранов С.В., Скуфьина Т.П., Гущина И.А. Влияние повышения пенсионного возраста на экономику и настроения населения Мурманской области 160

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

Ярашева А.В., Александрова О.А., Медведева Е.И., Аликперова Н.В., Крошилин С.В. Проблемы и перспективы кадрового обеспечения московского здравоохранения 174

Гужавина Т.А. Коллективные действия и социальный капитал: импликация концепций 191

Чистова Е.В., Тырсин А.Н. Выявление взаимосвязи между здоровьем и занятостью женщин пенсионного возраста 204

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Каро-Гонсалес А., Феррейра-Лопес Л. Университеты в переходный период: модель «бi» для стратегического управления 217

Кестхели К. Особенности государственного регулирования (институциональная основа) развития сельского хозяйства и сельских территорий Венгрии 231

МОНИТОРИНГ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества 244

Правила приёма статей 252

Информация о подписке 258

CONTENT

PUBLIC ADMINISTRATION EFFICIENCY

Editorial

Ilyin V.A., Morev M.V. Another Step toward V. Putin's "Long State" 9

THEORETICAL ISSUES

Barsukov V.N., Kalachikova O.N. The Evolution of Demographic and Social Construction of the Age of "Old Age" 34

REGIONAL ECONOMY

Ivanova M.V., Yakusheva U.E. The Formation of the Mechanism of Cooperation between Socially Responsible Business and Regional Authorities in the Arctic Zone of the Russian Federation 56

INNOVATION DEVELOPMENT

Uskov B.S. Scientific and Technological Development of the Russian Economy in the Transition to a New Technological Order 70

DEVELOPMENT OF MUNICIPAL FORMATIONS

Dvoryadkina E. B., Belousova E. A. Trends of the Development of Municipal Regions in the National Economic Space 87

Baimurzina G.R., Kabashova E.V. Features of Socio-Economic Development of Modern Single-Industry Towns in the Republic of Bashkortostan 106

ENVIRONMENTAL ECONOMICS

Lazhentsev V.N., Chuzhmarova S.I., Chuzhmarov A.I. Tax Administration in the Forest Management System and its Influence on the Budgets of Northern Territories ... 125

Potravnyi I.M., Yashalova N.N., Boroukhin D.S., Tolstoukhova M.P. The Usage of Renewable Energy Sources in the Arctic: The Role of Public-Private Partnership 144

LABOR ECONOMICS

Baranov S.V., Skuf'ina T.P., Gushchina I.A. The Impact of the Retirement Age Increase on the Economy and Attitudes of the Population of the Murmansk Oblast	160
---	-----

SOCIAL DEVELOPMENT

Yarasheva A.V., Aleksandrova O. A., Medvedeva E.I., Alikperova N.V., Kroshilin S.V. Problems and Prospects of Personnel Support of the Moscow Healthcare System	174
Guzhavina T.A. Collective Actions and Social Capital: Implication of Concepts	191
Chistova E.V., Tyrsin A.N. Identification of Interconnection between Health and Employment of Retirement Age Women	204

FOREIGN EXPERIENCE

Caro-Gonzalez A., Ferreira-Lopes L. Universities in Transition: The 6i Model for Strategic Governance and Management	217
Keszthelyi K. The Features of State Regulation of Agricultural and Rural Development of Territories in Hungary	231

PUBLIC OPINION MONITORING

Public Opinion Monitoring of the State of the Russian Society	244
Manuscript Submission Guidelines	252
Subscription Information	258

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

От главного редактора

DOI: 10.15838/esc.2020.1.67.1

УДК 323.2, ББК 60.527

© Ильин В.А., Морев М.В.

Ещё один шаг к «долгому государству» В. Путина

**Владимир Александрович
ИЛЬИН**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: ilin@vscc.ac.ru
ORCID: 0000-0003-4536-6287; ResearcherID: N-4615-2017

**Михаил Владимирович
МОРЕВ**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: 379post@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1396-8195; ResearcherID: I-9815-2016

Аннотация. В январе 2020 года Президент РФ В.В. Путин выступил с ежегодным Посланием Федеральному Собранию, в котором озвучил ряд существенных предложений по изменению Конституции РФ. В общественно-политическом пространстве развернулись широкие дискуссии как по поводу самих поправок, предложенных главой государства, так и по поводу изменений всей российской политической системы, внутренних и внешних аспектов государственного управления, которые они за собой влекут. В настоящей статье представлен авторский взгляд на данную тему. Исследователи анализируют основные исторические шаги, сделанные В. Путиным и определяющие вектор развития постсоветской государственности на протяжении последних 20 лет. Авторами рассматриваются программные статьи Президента, его публичные выступления, встречи с общественностью, ключевые решения, принятые им во внешней и внутренней политике, системные документы стратегического характера и т.д. Авторы приходят к выводу, что на протяжении всех президентских сроков В. Путин последовательно выстраивает каркас новой российской государственности, контуры которой он подробно и публично изложил

Для цитирования: Ильин В.А., Морев М.В. Ещё один шаг к «долгому государству» В. Путина // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 1. С. 9–33. DOI: 10.15838/esc.2020.1.67.1

For citation: Ilyin V.A., Morev M.V. Another Step toward V. Putin's "Long State". *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2020, vol. 13, no. 1, pp. 9–33. DOI: 10.15838/esc.2020.1.67.1

в своей первой программной статье «Россия на рубеже тысячелетий» (1999). В статье анализируются также экспертные оценки мотивов Послания Президента 2020 г.; рассматривается ход реализации национальных проектов и Стратегии национальной безопасности, за выполнение которой В.В. Путин взял на себя персональную ответственность в 2015 году; приводятся статистические данные, характеризующие положение дел в сфере демографии и здравоохранения, науки и образования, экономического роста и качества жизни населения за последние 30 лет. Результаты исследования позволяют говорить о том, что инициативы Президента по изменению всей политической системы в стране во многом носят вынужденный характер: как необходимое условие для того, чтобы в оставшиеся, ограниченные действующей Конституцией РФ годы президентского срока реализовать цель, которая была намечена им в 1999 году, – создание сильного, независимого социального государства с устойчивой политической системой, эффективно адаптирующейся к внутренним и внешним вызовам.

Ключевые слова: Президент, Послание Федеральному Собранию, Стратегия национальной безопасности, Конституция РФ, транзит власти.

15 января 2020 года Президент РФ В.В. Путин огласил очередное ежегодное Послание Федеральному Собранию, которое по признанию большинства экспертов моментально приобрело «историческое значение», сравнимое с «мюнхенской речью» главы государства в феврале 2007 года.

«Федеральное послание президента России 2020 года имеет историческое значение, – уверен зампред краевого парламента Алексей Золотарев. – Отмечу три таких знаковых для России послания: мюнхенскую речь Путина о многополярном мире в международной политике, речь о присоединении Крыма, касающуюся территориальной целостности государства, и текущее послание с акцентом на внутреннюю политику. В нем прозвучал сигнал о переходе на следующий политический уровень развития страны»¹.

«...Началась новейшая история, как минимум, нашей страны. А, скорее, и всего мира. Текст сегодняшнего Послания Федеральному Собранию РФ будут изучать и конспектировать школьники и студенты. Как раньше материалы последнего съезда КПСС»².

¹ Послание можно назвать историческим / Новости Рамблер 16 янв. 2020. https://news.rambler.ru/other/43508182/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylinkhttps://news.rambler.ru/other/43508182-poslanie-mozhno-nazvat-istoricheskim-cto-govoryat-prikamskie-zakonodateli-o-prezidentskih-initsiativah/

² Послание Президента Федеральному Собранию 2020. Что же произошло? / Русское агентство новостей 16 янв. 2020. <http://новости-россии.ru-an.info/новости/poslanie-prezidenta-federalnomu-sobraniyu-2020-cto-je-proizoshlo/>

Сенсационность нововведений Послания ожидалась ещё до его оглашения. Особенно после того, как была официально объявлена его дата – 15 января, впервые такой ранний срок³. Преимущественно все ждали ответа на два вопроса: даст ли Президент адекватную критическую оценку ходу реализации национальных проектов (со всеми вытекающими отсюда организационными решениями) и будут ли объявлены какие-либо шаги, касающиеся транзита президентской власти в 2024 году (в частности, будут ли внесены изменения в Конституцию по поводу сроков полномочий Президента и т.д.).

Однако системные решения, прозвучавшие в Послании, оказались куда более масштабными. Напомним, что в обращении главы государства к Федеральному Собранию четко обозначились две части: социальная, в которой он предложил ряд прямых мер, направленных на улучшение качества жизни населения и развитие демографического потенциала страны, и политическая, в которой он инициировал ряд изменений в Конституции РФ: приоритет Конституции РФ над нормами международного права, невозможность иметь иностранное гражданство лицам, занимающим должности «критически важные для обеспечения безопасности и суверенитета страны», утверждение членом Правительства

³ За всю историю президентских посланий (которая началась в 1994 году) глава государства обращался к Федеральному Собранию РФ 26 раз. Из них: 6 раз в декабре, 5 раз в феврале, 4 раза в апреле, по 3 раза в марте, мае и ноябре, 1 раз в июле и впервые в 2020 г. – в январе.

РФ Государственной Думой, включение муниципального уровня в единую систему публичной власти и так далее⁴.

... Сегодня ряд политических общественных объединений ставят вопрос о принятии новой Конституции. Сразу же хочу ответить: считаю, что такой необходимости нет. Потенциал Конституции 1993 года далеко не исчерпан, а фундаментальные основы конституционного строя, права и свободы человека, надеюсь, ещё многие десятилетия будут оставаться прочной ценностной базой для российского общества⁵.

Несмотря на то что Президент говорил лишь о поправках к Основному закону, особо подчеркивая, что его потенциал даже в современных условиях «далеко не исчерпан», столь масштабных изменений в Конституции не производилось со времен её принятия. Речь в Послании шла не только о закреплении в Основном законе страны социальных гарантий государства, но и о трансформации политической системы, о национализации элит и о приоритете норм российского законодательства над международным правом.

Чем были вызваны кардинальные и для многих неожиданные предложения, озвученные в Послании Президентом, который (как уже все привыкли и как он сам об этом не раз говорил) всегда действует максимально осторожно, неторопливо, просчитывая все возможные последствия своих действий?

Анализ экспертных мнений позволяет говорить о целом комплексе причин как внешнего, так и внутреннего характера. По мнению ряда экспертов, Послание Федеральному Собранию 2020 г. стало **началом транзита власти**: Президент инициировал комплексные преобразования политической системы, чтобы подготовить ее к своему уходу с поста главы государства в 2024 году⁶.

⁴ Послание Президента РФ Федеральному Собранию 15 янв. 2020 / Официальный сайт Президента РФ. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62582>

⁵ Там же.

⁶ См., например: Мухаметшина Е., Бочарова С., Корня А. «Транзит власти стартовал. Политологи о предложении Путина изменить Конституцию // Газета «Ведомости». 2020. 15 янв. <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2020/01/15/820659-tranzit-vlasti>

Эксперты о встрече В. Путина с политологами 6 февраля 2012 г.:

«Из ответов Владимира Путина на вопросы о политических реформах и коррекции механизмов государственного управления стал понятен его общий подход. Он понимает необходимость изменений, но очень опасается, что любое непропорциональное ускорение этого процесса может поставить под вопрос управляемость системы. Будь то регистрация партий, возвращение выборности губернаторов, расширение участия гражданского общества в принятии политических решений, подход заявлен очень осторожный и консервативный, просто-таки читается врачебный принцип „не навреди“».

То есть Владимир Путин понимает, что „достройка“ невозможна без расширения публичного политического пространства, но не очень ему доверяет и постоянно ищет возможности дополнительных „сдержек“, встроенных механизмов, которые обеспечили бы плавность и управляемость изменений, фактически гарантий того, что построенное ранее не будет поставлено под сомнение⁷.

Другие эксперты говорят о том, что в ближайшее время (возможно, уже в этом году) мировая экономика столкнется с **глобальным экономическим кризисом**, и, чтобы быть готовыми к этому моменту, России уже сейчас требуется разработка и апробация новой конфигурации политического устройства⁸.

Третьи – вспоминают о **неудовлетворительном ходе реализации национальных проектов** и предельно сжатых сроках на их выполнение, подчеркивая, что если кардинальные изменения не начнутся сейчас, то потом уже будет слишком поздно⁹.

⁷ Владимир Путин: главное – не навредить / РИА-новости от 07.02.2012. <https://ria.ru/20120207/559346082.html>

⁸ См., например: Делягин М.Г. Путин ждет срыва человечества в глобальную депрессию // Газета «Завтра». 2020. 19 янв. http://zavtra.ru/blogs/putin_zhdet_sriva_chelovechestva_v_global_nuyu_depressiyu

⁹ См., например: Зюганов Г.А. Банкротство правительственного курса и политика обновлённого социализма // Газета «Правда». 2020. 10 янв. <https://kprf.ru/party-live/cknews/190885.html>

Еще одна точка зрения заключается в том, что Президент начинает собирать **Союзное Государство** (или СССР–2), чему способствует политическая ситуация в мире и особенно в США¹⁰.

Пятое мнение: Президент утрачивает доверие к своему ближайшему окружению и поэтому хочет создать «институциональные или конституциональные гарантии» того, что **выстроенная им политическая система (как и его собственное положение в ней) будет существовать еще долгие годы, независимо от мнений отдельных личностей**. Именно для этого в политической системе создаются, а точнее, наделяются более высокими полномочиями дополнительные (кроме самого Президента РФ) центры силы – Государственный Совет, Совет Федерации, Государственная Дума, Верховный Суд¹¹.

Безусловно, все вышеуказанные мнения, скорее всего, легли в структуру мотивов, которыми руководствовался Президент, работая над Посланием, как известно, лично (о чем неоднократно говорил пресс-секретарь Президента Д. Песков). Однако, на наш взгляд, громкие политические события, произошедшие внутри страны в январе 2020 г., во многом следует рассматривать как часть одного большого стратегического плана В. Путина по созданию новой (после распада СССР) российской государственности, что он начал реализовывать еще в 1999 г., публично обозначив стратегические приоритеты развития страны в своей первой программной статье «Россия на рубеже тысячелетий»: «российская идея», «сильное государство», «эффективная экономика»¹². Его «мюнхенская речь» 2007 г., «валдайское выступление» 2013 г., «крымская весна» 2014 г. – такие же части единой мозаики «долгого государства»¹³, как и Послание–2020. И это хорошо прослеживается в логике и содержании публичных выступлений Президента (*вкладка 1*).

¹⁰ Новое государство // Газета «Завтра». 2020. 21 янв. http://zavtra.ru/blogs/novoe_gosudarstvo

¹¹ Ремчуков К. Несколько гипотез о том, что происходит в политической жизни России // Независимая газета. 2020. 27 янв. https://yandex.ru/turbo?text=http%3A%2F%2Fwww.ng.ru%2Fpolitics%2F2020-01-27%2F100_echo27012020.html

¹² Путин В.В. Россия на рубеже тысячелетий // Российская газета. 1999. 30 дек.

¹³ Сурков В. Долгое государство Путина // Независимая газета. 2019.11.02. http://www.ng.ru/ideas/2019-02-11/5_7503_surkov.html

В современном мире державная мощь страны проявляется не столько в военной силе, сколько в способности быть лидером в создании и применении передовых технологий, обеспечении высокого уровня благосостояния народа, в умении надежно охранять свою безопасность и отстаивать национальные интересы на международной арене¹⁴.

Ранее мы уже писали о том, что «категории, которыми оперирует В. Путин, задачи и вопросы, которые он ставит перед собой и перед страной, рассчитаны не на годы, а на десятилетия... Это говорит о Путине, прежде всего, как о политике, который «играет вдолгую»; как о государственном деятеле, ставящем перед собой исторически значимые для страны цели, понимающем необходимость достижения этих целей и осознающем свою историческую ответственность перед страной»¹⁵. Напомним, что в 2000 г. В. Путин «принимал» страну фактически в разрушенном состоянии, однако уже тогда, несмотря на широкий комплекс острых внешних и внутренних, политических и экономических кризисов, он не переставал видеть широкую историческую перспективу России, ориентируясь на «стремительно происходящие глубокие перемены во всем укладе жизни человечества, связанные с формированием того, что принято называть постиндустриальным обществом», о чем публично заявил в своей первой программной статье 1999 года¹⁶.

Какое место Россия должна, может и будет занимать в мировой цивилизации новой формации? Наверное, этим вопросом были продиктованы все действия главы государства, начиная «чеченской кампанией» и заканчивая событиями сегодняшнего дня. И в этой логике обращение Президента к Федеральному Собранию РФ в 2020 году становится последовательным, закономерным шагом исторического характера, выходящим далеко за рамки таких мотивов, как неудовлетворенность ходом реализации национальных проектов или подготовка политической системы к транзиту власти 2024 года.

¹⁴ Путин В.В. Россия на рубеже тысячелетий // Российская газета. 1999. 30 дек.

¹⁵ Ильин В.А. Третья четырехлетка президента В.В. Путина: противоречивые итоги – закономерный результат // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 2 (44). С. 9–21.

¹⁶ Путин В.В. Россия на рубеже тысячелетий // Российская газета. 1999. 30 дек.

Вкладка 1

Мюнхенская речь (10 февраля 2007 г.)

1. Россию, нас, постоянно учат демократии. Но те, кто нас учит, сами почему-то учиться не очень хотят. Считаю, что для современного мира **однополярная модель не только неприемлема, но и вообще невозможна**. И не только потому, что при единичном лидерстве в современном — именно в современном — мире не будет хватать ни военно-политических, ни экономических ресурсов. Но что еще важнее: сама модель является неработающей, так как в ее основе нет и не может быть морально-нравственной базы современной цивилизации.

2. Убежден: мы подошли к тому **рубежному моменту**, когда должны серьезно задуматься над всей архитектурой глобальной безопасности. И здесь надо отталкиваться от поиска **разумного баланса между интересами всех субъектов международного общения**. Тем более сейчас, когда «международный ландшафт» столь ощутимо и столь быстро меняется — меняется за счет динамичного развития целого ряда государств и регионов.

3. Мы очень часто, и я лично очень часто слышу призывы к России со стороны европейских партнеров, играть более и более активную роль в мировых делах. В этой связи позволю себе сделать одну маленькую ремарку. Вряд ли нас нужно подталкивать и стимулировать к этому. **Россия — страна с более чем тысячелетней историей, и практически всегда она пользовалась привилегией проводить независимую внешнюю политику. Мы не собираемся изменять этой традиции и сегодня**. Вместе с тем мы хорошо видим, как изменился мир, реалистично оцениваем свои собственные возможности и свой собственный потенциал. И, конечно, нам бы также хотелось иметь дело с ответственными и тоже самостоятельными партнерами, с которыми мы вместе могли бы работать над строительством справедливого и демократического мироустройства, обеспечивая в нем безопасность и процветание **не для избранных, а для всех**.

Выступление на Валдайском форуме (19 сентября 2013 г.)

1. Сегодня с необходимостью поиска **новой стратегии и сохранения своей идентичности** в кардинально изменяющемся мире, в мире, который стал более открытым, прозрачным, взаимозависимым, в той или иной форме сталкиваются практически все страны, все народы: и русский, и европейские народы, и китайцы, и американцы, и общество из практически всех стран мира. Для россиян, для России вопросы «кто мы?», «кем мы хотим быть?» звучат в нашем обществе всё громче и громче. **Мы ушли от советской идеологии, вернуть её невозможно**. Приверженцы фундаментального консерватизма, идеализирующие Россию до 1917 года, похоже, так же далеки от реальности, как и сторонники западного ультралиберализма. **Очевидно, что наше движение вперед невозможно без духовного, культурного, национального самоопределения, иначе мы не сможем противостоять внешним и внутренним вызовам, не сможем добиться успеха в условиях глобальной конкуренции**.

2. После 1991 года была иллюзия, что **новая национальная идеология, идеология развития, родится как бы сама по себе**. Государство, власть, интеллектуальный и политический класс практически самоустранились от этой работы, тем более что прежняя, официальная идеология оставила тяжёлую оскомина. И просто на самом деле все боялись даже приоткрываться к этой теме. Кроме того, отсутствие национальной идеи, основанной на национальной идентичности, было выгодно той квазиколонизаторской части элиты, которая предпочитала воровать и выводить капиталы и не связывала своё будущее со страной, где эти капиталы зарабатывались.

Практика показала, что новая национальная идея не рождается и не развивается по рыночным правилам. Самоустроение государства, общества не сработало, так же как и механическое копирование чужого опыта. Такие грубые заимствования, **попытки извне цивилизовать Россию не были приняты абсолютным большинством нашего народа**, потому что стремление к самостоятельности, к духовному, идеологическому, внешнеполитическому суверенитету — неотъемлемая часть нашего национального характера.

3. **Суверенитет, самостоятельность, целостность России безусловны**. Это те «красные линии», за которые нельзя никому заходить. При всей разнице наших взглядов дискуссия об идентичности, о национальном будущем невозможна без патриотизма всех её участников.

4. Годы после 91-го принято называть постсоветским этапом. **Мы пережили, преодолели** это бурное драматическое время. Россия, как это уже бывало в истории не раз, пройдя через ломки, испытания, возвращается к самой себе, **возвращается в собственную историю**.

Послание Федеральному Собранию РФ (4 декабря 2014 г.)

1. У нас есть все основания полагать, что пресловутая политика сдерживания России, которая проводилась и в XVIII, и в XIX, и в XX веке, продолжится и сегодня. Нас постоянно пытаются загнать в какой-то угол за то, что мы имеем независимую позицию, за то, что её отстаиваем, за то, что называем вещи своими именами и не лицемерим. **Но всё имеет свои пределы. И в случае с Украиной наши западные партнёры перешли черту, ввели себя грубо, безответственно и непрофессионально... Россия оказалась на рубеже, от которого не могла уже отступить.**

2. Твёрдость внешнеполитической позиции России основывалась на воле миллионов людей, на общенациональном единении, на поддержке ведущих политических и общественных сил. Я хочу поблагодарить всех за этот патриотический настрой. **Всех без исключения. Но нам важно и впредь сохранять такую же консолидацию, чтобы решать задачи, которые стоят перед Россией. Мы явно столкнёмся и с внешним противодействием, но мы должны для себя решить, готовы ли мы последовательно отстаивать свои национальные интересы или будем вечно их сдавать, отступать неизвестно куда.**

3. Основываясь на результатах референдума, который прошёл в Крыму, опираясь на волю народа, вношу в Федеральное Собрание и прошу рассмотреть Конституционный закон о принятии в состав России двух новых субъектов Федерации: Республики Крым и города Севастополь.

Послание Федеральному Собранию РФ (1 марта 2018 г.)

1. Россия сегодня — одна из ведущих держав с мощным внешнеэкономическим и оборонным потенциалом. **Но с точки зрения важнейшей задачи обеспечения качества жизни и благосостояния людей мы, конечно же, ещё не достигли необходимого нам уровня. Но мы должны это сделать и сделаем это.**

2. В основе всего лежит бережение народа России и благополучие наших граждан. Именно здесь нам нужно совершить решительный прорыв. **Поэтому прочный фундамент для этого создан. И потому сегодня мы можем ставить и решать задачи нового уровня.**

3. Нужно принять давно назревшие, непростые, но крайне необходимые решения. Отсечь всё, что тормозит наше движение, мешает людям раскрыться в полную силу и реализовать себя. Мы обязаны сконцентрировать все ресурсы, собрать все силы в кулак, проявить волю для дерзновенного, результативного труда. **Не сделаем этого — не будет будущего ни у нас, ни у наших детей, ни у нашей страны. И вопрос не в том, кто-то придёт, захватит и разорит нашу землю. Нет, дело совершенно не в этом. Именно отставание — вот главная угроза и вот наш враг. И если не переломим ситуацию, оно будет неизбежно усиливаться... Нам нужно обеспечить такую созидающую мощь, такую динамику развития, чтобы никакие преграды не помешали нам уверенно, самостоятельно идти вперёд. Мы сами должны и будем определять своё будущее.**

Послание Федеральному Собранию РФ (15 января 2020 г.)

1. Наши шаги по укреплению национальной безопасности были сделаны своевременно и в достаточном объёме. Впервые, хочу это подчеркнуть, впервые за всю историю существования ракетно-ядерного оружия, включая и советский период, и новейшее время, мы никого не догоняем, а наоборот, другим ведущим государствам мира ещё только предстоит создать оружие, которым уже обладает Россия.

2. Россия может быть и оставаться Россией только как суверенное государство. Суверенитет нашего народа должен быть безусловным. Мы многое сделали для этого: восстановили единство страны, покончили с ситуацией, когда некоторые государственные властные функции были узурпированы фактически олигархическими кланами, Россия вернулась в международную политику как страна, с мнением которой нельзя не считаться. Мы создали мощные резервы, чтократно повышает устойчивость нашего государства, его способность защитить социальные права граждан, а национальную экономику — от любых попыток внешнего давления. **Действительно, считаю, что пришло время внести в Основной закон страны некоторые изменения, которые прямо гарантируют приоритет Конституции России в нашем правовом пространстве.**

3. Наша задача — обеспечить высокие стандарты жизни, равные возможности для каждого человека, причём на всей территории страны. Именно на достижение такой цели направлены национальные проекты, все наши планы развития.

4. После распада Советского Союза у нас остались прежние амбиции, при этом, конечно, сохранился колоссальный потенциал: и человеческий, и интеллектуальный, ресурсный, территориальный, культурно-исторический и так далее. Но возникли и угрозы, причём угрозы такого масштаба, о которых никто раньше даже и не задумывался. А жаль, надо было бы подумывать в своё время. Поэтому при дальнейшем государственном строительстве перед нами стоят, казалось бы, прямо противоположные задачи, служат ориентиром ценности, которые могут на первый взгляд представляться несовместимыми. **Что имеем в виду? Мы должны создать систему прочную, надёжную, неизывимую и по внешнему контуру абсолютно стабильную, безусловно, гарантирующую России независимость и суверенитет. В то же время системе внутри себя живую, гибкую, легко и своевременно, главное, меняющуюся в связи с тем, что происходит в мире, вокруг нас, а главное, в связи с развитием самого российского общества. Систему, обеспечивающую в том числе сменяемость тех, кто находится у власти или занимает высокое положение в других сферах. Такое обновление — неотъемлемое условие для прогрессивной эволюции общества и пусть не безоговорочного, но стабильного развития, когда незыблемым остаётся главное — интересы России.**

Возьмем на себя смелость предположить, что Россия будущего, которую выстраивает Президент на протяжении последних 20 лет, во многом вбирает в себя черты послевоенного СССР (особенно это касается международного статуса), но функционирующего на качественно иной, соответствующей новому тысячелетию основе — на развитых принципах демократии, эффективном сочетании рыночной экономики и социального государства, соблюдении суверенитета и национальных интересов в условиях глобализирующегося мира.

Важнейшим фактором конкурентоспособности государства в борьбе за место в системе политических и экономических отношений будущего становится защищенный государственный суверенитет, но защищенный и с военной точки зрения, и с социально-экономической¹⁷.

Если брать крупными «мазками», то на пути к становлению примерно такого рода государства у Президента всегда был только один противник, называемый экспертами «коллективным Западом». Внешняя политика России, так же как и то, что происходило внутри страны, — всё это часть одной большой игры, на кону которой стоит «место под солнцем» в будущем мировой цивилизации. Победы и поражения России в этой игре определялись теми историческими задачами, которые Президент считал первоочередными и решение которых он брал, что называется, в свои руки. Так, в первой половине 2000-х гг. главным делом Президента являлось восстановление страны из руин, оставшихся после кризисного периода 1990-х гг.

Вторая половина 2000-х гг. проходила для него под знаком восстановления геополитического статуса России, начавшегося с «мюнхенской речи» 2007 г. В этот период внутренним развитием страны занималось Правительство Д. Медведева, и именно здесь, как оказалось, у Большого Плана В. Путина обнаружился уязвимые места, которыми не преминули воспользоваться «зарубежные партнеры». Либеральное крыло Правительства Медведева не было столь нацелено на восстановление российского суверенитета и реализацию национальных интересов.

¹⁷ Евстафьев Д. Народная модернизация сверху // Журнал «Эксперт». 2020. 27 янв. <https://expert.ru/expert/2020/05/narodnaya-modernizatsiya-sverhu/>

В период президентства Д. Медведева (2008–2011 гг.) Россия стала участником «пятидневной войны» с Грузией (август 2008 г.), в результате которой наша страна «из миротворца в регионе Южного Кавказа превратилась в участника конфликта на стороне мятежных грузинских регионов»¹⁸. Как отмечают эксперты, Д. Медведев фактически «предал Ливию, оказав, вопреки интересам России, неоценимую помощь США в ее разгроме»¹⁹ (2011 г.). Наконец, при нем в стране вспыхнули многотысячные протестные движения, включая митинг на Болотной площади в Москве (декабрь 2011 г.)... Наверное, самая большая историческая заслуга Д. Медведева перед страной состоит в том, что он не воспользовался возможностью пойти на II президентский срок, а вернул «бразды правления» В. Путину, предоставив ему возможность продолжить политический курс, который он начал реализовывать еще в 2000 г.

Совпавшее с мировым финансовым кризисом в период президентского срока Д. Медведева внутреннее развитие страны сделало «шаг назад», и тогда В. Путин вновь переключает внимание на решение внутренних задач. Появляются «майские указы», поднимается «волна» антикоррупционной кампании. В момент некоторой деморализации и разочарования общества (вследствие ухудшения качества жизни) В. Путин делает ставку именно на социум, чтобы не просто «поддержать» его, а консолидировать и превратить в силу, которая в будущем будет играть полновесную роль в управлении страной. Появляется Общероссийский народный фронт (2011 г.), а в 2013 г. Президент инициирует (как отметили эксперты) «первую масштабную попытку властей РФ сформулировать новую политическую идеологию для России после распада Советского Союза»²⁰ (выступление В. Путина на Валдайском форуме в 2013 г.).

¹⁸ Спустя 10 лет: что важно знать о пятидневной войне России и Грузии // Русская редакция Deutsche Welle. <https://www.dw.com/ru/спустя-10-лет-что-важно-знать-о-пятидневной-войне-россии-и-грузии/a-44985118>

¹⁹ Большаков В.В. Мировая закулиса против Путина // Информационный ресурс ВикиЧтение. <https://history.wikireading.ru/337896>

²⁰ Махмудов Р. Валдайская речь Владимира Путина: критический анализ // Информационный портал <http://www.12news.uz/>. Режим доступа: <http://www.12news.uz/news/2013/09/30/валдайская-речь-владимира-путина-кри/>

Дальнейшие события на международной арене (украинский конфликт, сирийский кризис, санкции и рост антироссийских настроений в Европе) заставляют Президента вернуться к вопросам внешней политики, и мы помним о том, насколько успешными были его действия: «раздуваемый» американцами пожар в Украине закончился «возвращением Крыма и Севастополя в родную гавань», а участие России в сирийской кампании стало громким заявлением всему миру о безоговорочной боеготовности страны к любым перипетиям на внешней арене.

Подняв фактически «с нуля» военно-промышленный блок, Президент доказал, что это возможно, и, не наблюдая столь же эффективных темпов во внутреннем социально-экономическом развитии, то есть понимая, что дальнейшая стагнация экономики не позволит ему достичь целей, которые он ставил перед собой в 1999 году, он делает ещё один исторический шаг: **вносит существенные изменения в Стратегию национальной безопасности и принимает на себя личную ответственность за ее реализацию (2015 г.)**.

Детальный сравнительный анализ Стратегии национальной безопасности 2015 г., утвержденной В. Путиным, и Стратегии национальной безопасности 2009 г., которую подписывал Д. Медведев, представлен во *вкладке 2*. Здесь же акцентируем внимание на том, что, при сохранении неизменного перечня ключевых приоритетов национальной безопасности, **каждый из них** приобрел совершенно **новое содержание**, и общее резюме этих новшеств — нацеленность на развитие уровня и качества жизни «**простых**» **россиян**, а также обеспечение **суверенного, независимого** развития самой страны — главные принципы строительства будущей российской государственности, о которых Президент писал в 1999 году.

Указав в Стратегии национальной безопасности, что отныне реализация ее основных положений будет совершаться «под руководством

Президента Российской Федерации»²¹, В. Путин объявил и государственному аппарату, и либеральным элитам, и в целом российскому обществу о том, что теперь он лично будет контролировать ход событий как во внешней, так и во внутренней политике России... Дальнейшие его действия (в частности, Послания к Федеральному Собранию в 2018 и 2020 гг.) — результат этого контроля.

Ограничение конституционно обозначенных сроков президентства В. Путина (согласно действующей Конституции РФ), равно как и объективные мировые тенденции, связанные со стремительными темпами научно-технического прогресса, а также с растущими потребностями общества в переходе от стабильности к динамичному развитию уровня и качества жизни основных слоев населения, ставили главу государства перед необходимостью объявить курс на «решительный прорыв», без которого было бы невозможно рассчитывать ни на сохранение государственного суверенитета на мировой арене, ни на поддержание стабильной социально-политической ситуации внутри страны.

Это было сделано в Послании 2018 г. В марте 2018 г. Президент начал свое ежегодное обращение к Федеральному Собранию с тезиса об «особом, рубежном характере» своего выступления и «времени, в которое мы живем», подчеркнув, что «роль, позиции государства в современном мире определяют не только и не столько природные ресурсы, производственные мощности, а прежде всего люди... Поэтому в основе всего лежит сбережение народа России и благополучие наших граждан. Именно здесь нам нужно совершить решительный прорыв»²².

²¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года № 683 // Российская газета. 2015. 31 дек. Режим доступа: <http://www.rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html>

²² Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 1 марта 2018 г. // Официальный сайт Президента РФ. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957>

Вкладка 2

Сравнение основных положений Стратегии национальной безопасности 2009 г. (утвержденной Президентом РФ Д.А. Медведевым) и Стратегии национальной безопасности 2015 г. (утвержденной Президентом РФ В.В. Путиным)*

<p>Стратегия национальной безопасности Российской Федерации – 2009 (утверждена Указом Президента РФ от 12 мая 2009 г. №537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года»)</p>	<p>Стратегия национальной безопасности Российской Федерации – 2015 (утверждена Указом Президента РФ от 31.12.2015 г. №683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»)</p>
<p>21. Национальные интересы Российской Федерации на долгосрочную перспективу заключаются: в развитии демократии и гражданского общества, повышении конкурентоспособности национальной экономики; в обеспечении незыблемости конституционного строя, территориальной целостности и суверенитета Российской Федерации; в превращении Российской Федерации в мировую державу, деятельность которой направлена на поддержание стратегической стабильности и взаимовыгодных партнерских отношений в условиях многополярного мира.</p>	<p>30. Национальными интересами на долгосрочную перспективу являются: укрепление обороны страны, обеспечение незыблемости конституционного строя, суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности Российской Федерации; укрепление национального согласия, политической и социальной стабильности, развитие демократических институтов, совершенствование механизмов взаимодействия государства и гражданского общества; повышение качества жизни, укрепление здоровья населения, обеспечение стабильного демографического развития страны; сохранение и развитие культуры, традиционных российских духовно-нравственных ценностей; повышение конкурентоспособности национальной экономики; закрепление за Российской Федерацией статуса одной из лидирующих мировых держав, деятельность которой направлена на поддержание стратегической стабильности и взаимовыгодных партнерских отношений в условиях полицентричного мира.</p>
<p>26. Стратегические цели совершенствования национальной обороны состоят в предотвращении глобальных и региональных войн и конфликтов, а также в осуществлении стратегического сдерживания в интересах обеспечения военной безопасности страны.</p>	<p>33. Стратегическими целями обороны страны являются создание условий для мирного и динамичного социально-экономического развития Российской Федерации, обеспечение ее военной безопасности.</p>

* **Полужирным шрифтом** выделены ключевые нововведения Стратегии национальной безопасности 2015 г.

Продолжение вкладки 2

<p>35. <u>Стратегическими целями обеспечения национальной безопасности в сфере государственной и общественной безопасности являются защита основ конституционного строя Российской Федерации, основных прав и свобод человека и гражданина, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и территориальной целостности, а также сохранение гражданского мира, политической и социальной стабильности в обществе.</u></p>	<p>42. <u>Стратегическими целями государственной и общественной безопасности являются защита конституционного строя, суверенитета, государственной и территориальной целостности Российской Федерации, основных прав и свобод человека и гражданина, сохранение гражданского мира, политической и социальной стабильности в обществе, защита населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера.</u></p>
<p>45. <u>Стратегическими целями обеспечения национальной безопасности в области повышения качества жизни российских граждан являются снижение уровня социального и имущественного неравенства населения, стабилизация его численности в среднесрочной перспективе, а в долгосрочной перспективе – коренное улучшение демографической ситуации.</u></p>	<p>50. <u>Стратегическими целями обеспечения национальной безопасности в области повышения качества жизни российских граждан являются развитие человеческого потенциала, удовлетворение материальных, социальных и духовных потребностей граждан, снижение уровня социального и имущественного неравенства населения прежде всего за счет роста его доходов.</u></p>
<p><u>Экономический рост.</u> 53. Стратегическими целями обеспечения национальной безопасности являются вхождение России в среднесрочной перспективе в число пяти стран-лидеров по объему валового внутреннего продукта, а также достижение необходимого уровня национальной безопасности в экономической и технологической сферах.</p>	<p><u>Экономический рост.</u> 55. Стратегическими целями обеспечения национальной безопасности являются развитие экономики страны, обеспечение экономической безопасности и создание условий для развития личности, перехода экономики на новый уровень технологического развития, вхождения России в число стран-лидеров по объему валового внутреннего продукта и успешного противостояния влиянию внутренних и внешних угроз.</p>
<p>66. <u>Стратегическими целями обеспечения национальной безопасности в сфере науки, технологий и образования являются:</u> развитие государственных научных и научно-технологических организаций, способных обеспечить конкурентные преимущества национальной экономики и потребности национальной обороны за счет эффективной координации научных исследований и развития национальной инновационной системы; повышение социальной мобильности, уровня общего и профессионального образования населения, профессиональных качеств кадров высшей квалификации за счет доступности конкурентоспособного образования.</p>	<p>67. <u>Стратегическими целями обеспечения национальной безопасности в области науки, технологий и образования являются:</u> развитие системы научных, проектных и научно-технологических организаций, способной обеспечить модернизацию национальной экономики, реализацию конкурентных преимуществ Российской Федерации, оборону страны, государственную и общественную безопасность, а также формирование научно-технических кадров на перспективу; повышение социальной мобильности, качества общего, профессионального и высшего образования, его доступности для всех категорий граждан, а также развитие фундаментальных научных исследований.</p>

Продолжение вкладки 2

<p>71. Стратегическими целями обеспечения национальной безопасности в сфере здравоохранения и здоровья нации являются:</p> <p>увеличение продолжительности жизни, снижение инвалидности и смертности;</p> <p>совершенствование профилактики и оказания своевременной квалифицированной первичной медико-санитарной и высокотехнологичной медицинской помощи;</p> <p>совершенствование стандартов медицинской помощи, а также контроля качества, эффективности и безопасности лекарственных средств.</p>	<p>71. Развитие здравоохранения и укрепление здоровья населения Российской Федерации является важнейшим направлением обеспечения национальной безопасности, для реализации которого проводятся долгосрочная государственная политика в сфере охраны здоровья граждан. Стратегическими целями такой политики являются:</p> <p>увеличение продолжительности жизни, снижение уровня инвалидности и смертности населения; увеличение численности населения; повышение доступности и качества медицинской помощи;</p> <p>совершенствование вертикальной системы контроля качества, эффективности и безопасности лекарственных средств;</p> <p>соблюдение прав граждан в сфере охраны здоровья и обеспечение связанных с этими правами государственных гарантий.</p>
<p>79. Стратегическими целями обеспечения национальной безопасности в сфере культуры являются:</p> <p>расширение доступа широких слоев населения к лучшим образцам отечественной и зарубежной культуры и искусства путем создания современных территориально распределенных информационных фондов;</p> <p>создание условий для стимулирования населения к творческой самореализации путем совершенствования системы культурно-просветительской работы, организации досуга и массового внешкольного художественного образования;</p> <p>содействие развитию культурного потенциала регионов Российской Федерации и поддержке региональных инициатив в сфере культуры.</p>	<p>76. Стратегическими целями обеспечения национальной безопасности в области культуры являются:</p> <p>сохранение и приумножение традиционных российских духовно-нравственных ценностей как основы российского общества, воспитание детей и молодежи в духе гражданственности;</p> <p>сохранение и развитие общероссийской идентичности народов Российской Федерации, единого культурного пространства страны;</p> <p>повышение роли России в мировом гуманитарном и культурном пространстве.</p>
<p>85. Стратегическими целями обеспечения экологической безопасности и рационального природопользования являются:</p> <p>сохранение окружающей природной среды и обеспечение ее защиты;</p> <p>ликвидация экологических последствий хозяйственной деятельности в условиях возрастающей экономической активности и глобальных изменений климата.</p>	<p>83. Стратегическими целями обеспечения экологической безопасности и рационального природопользования являются:</p> <p>сохранение и восстановление природных систем, обеспечение качества окружающей среды, необходимого для жизни человека и устойчивого развития экономики;</p> <p>ликвидация экологического ущерба от хозяйственной деятельности в условиях возрастающей экономической активности и глобальных изменений климата.</p>

<p>108. Реализация государственной политики Российской Федерации в сфере обеспечения национальной безопасности осуществляется путем согласованных действий всех элементов системы ее обеспечения под руководством Президента Российской Федерации и при координирующей роли Совета Безопасности Российской Федерации.</p>	<p>97. Государственная политика Российской Федерации в области национальной безопасности обеспечивается согласованными действиями всех элементов системы обеспечения национальной безопасности при координирующей роли Совета Безопасности Российской Федерации за счет реализации комплекса мер организационного, нормативно-правового и информационного характера.</p>
<p>115. <u>Основными показателями, необходимыми для оценки состояния национальной безопасности, являются:</u> удовлетворенность граждан степенью защищенности своих конституционных прав и свобод, личных и имущественных интересов, в том числе от преступных посягательств; доля современных образцов вооружения, военной и специальной техники в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и органах; ожидаемая продолжительность жизни; валовой внутренний продукт на душу населения; децильный коэффициент (соотношение доходов 10 процентов наиболее обеспеченного населения и 10 процентов наименее обеспеченного населения); уровень инфляции; уровень безработицы; доля расходов в валовом внутреннем продукте на развитие науки, технологий и образования; доля расходов в валовом внутреннем продукте на культуру; доля территории Российской Федерации, не соответствующая экологическим нормативам.</p>	<p>112. <u>Основные характеристики состояния национальной безопасности предназначаются для оценки состояния национальной безопасности и включают:</u> уровень безработицы (доля от экономически активного населения); децильный коэффициент (соотношение доходов 10% наиболее и 10% наименее обеспеченного населения); уровень роста потребительских цен; уровень государственного внешнего и внутреннего долга в процентном отношении от валового внутреннего продукта; уровень обеспечения ресурсами здравоохранения, культуры, образования и науки в процентном отношении от валового внутреннего продукта; уровень ежегодного обновления вооружения, военной и специальной техники; уровень обеспеченности военными и инженерно-техническими кадрами. Перечень основных характеристик состояния национальной безопасности может уточняться по результатам мониторинга состояния национальной безопасности.</p>

На сегодня известны данные Росстата по уровню бедности за прошедший год. **Число бедных по сравнению с аналогичным периодом предшествующего года увеличилось на 0,4% – до 14,3% населения (21 млн человек).** Что касается детской бедности, то здесь важно наблюдать процесс в динамике. Всплеск пришелся на 2015 год, когда число малоимущих несовершеннолетних увеличилось с 20,7 до 27,4% за год. После этого доля бедных детей начала слегка снижаться. Более половины таких детей живет в многодетных семьях – 52,2%. **Согласно открытым данным Российской академии народного хозяйства при Президенте РФ (РАНХиГС), практически 80% домохозяйств, находящихся за чертой бедности, – это семьи с детьми**²³.

Тем не менее в 2018–2019 гг. Правительство Д. Медведева в очередной раз не выполнило возложенные на него обязательства, и, хотя Президент не говорит об этом прямым текстом, отставка кабинета министров в полном составе – факт, свидетельствующий о многом. «Нельзя говорить про прорыв и экономический рост со старым правительством, которое не смогло его обеспечить», – небезосновательно резюмируют эксперты²⁴.

Как показали отчеты Счетной Палаты РФ о промежуточных результатах выполнения национальных проектов (которые, скорее всего, оказали серьезное, может даже решающее, влияние на текст Послания, озвученного В. Путиным 15 января 2020 г.), многие цели, задачи, параметры, зафиксированные в паспортах национальных проектов, не согласуются или слабо согласуются с другими нормативно-правовыми документами, принятыми в России, и, таким образом, уже на этом этапе возникает путаница в сроках, критериях и т.д.

Примечательно, что в мае 2018 г. на пост главы Счетной Палаты РФ Президент внес на рассмотрение Государственной Думы канди-

²³ Герасимова Е. Нищета в раннем возрасте сильно влияет на человека // Независимая газета. 2020. 15 янв. https://yandex.ru/turbo?text=http%3A%2F%2Fwww.ng.ru%2Feducation%2F2020-01-15%2F8_7768_poverty.html

²⁴ Отставка Медведева – полезная история. Особенно в свете Послания (мнение политтехнолога К. Колачева) / Е. Аблаева, В. Ширшова и др. // Информационный портал «Реальное время». 2020. 15 янв. <https://realnoevremya.ru/articles/163206-kak-v-rossii-otreagirovali-na-otstavku-pravitelstva>

Правительство должно контролировать около 1300 показателей действующих госпрограмм. И еще более 500 показателей – в рамках национальных и федеральных проектов. При этом на практике федеральные чиновники не контролируют более половины всех этих показателей и не отвечают за них. Такой диагноз систему государственного управления поставила Счетная палата после аудита работы федерального правительства за последние три года. Цели государственного управления на этапах планирования, мониторинга, контроля, оценки промежуточных и конечных результатов не достигаются²⁵.

датуру А. Кудрина – человека, «который в первой половине 1990-х гг. был первым замом А. Собчака, а в 1996 г. помог В. Путину закрепиться в Москве»²⁶. Как отозвался о нем сам В. Путин: «Это мой очень давний, добрый товарищ, близкий, и я даже скажу, что это мой друг.. Его позиция по многим вопросам мне понятна. Более того, он очень многое сделал для укрепления экономики страны. Не случайно Международное экспертное сообщество дважды признавало его лучшим министром финансов мира, и я горжусь, что у меня в Правительстве работал такой человек»²⁷.

Очевидно, что назначение «близкого соратника и неформального экономического советника»²⁸ на пост руководителя Счетной Палаты было сделано для того, чтобы получать объективную, не приукрашенную, а адекватно отражающую реальное состояние дел информацию о ходе реализации национальных проектов и в целом о развитии экономики. И, как заключил А. Кудрин в декабре 2019 г. на Совещании о ходе реализации нацпроектов

²⁵ Для будущего выздоровления пациента его нужно сначала придушить (редакционная статья) // Независимая газета. 2020. 11 фев. https://yandex.ru/turbo?text=http%3A%2F%2Fwww.ng.ru%2Feditorial%2F2020-02-11%2F2_7791_editorial.html

²⁶ Смирнов К., Багров А. Тридцать три путинских богатыря // Коммерсантъ. Власть. 2001. № 45. 13.11. С. 12.

²⁷ Стенограмма программы «Разговор с Владимиром Путиным. Продолжение». 15.12.2011. [https://ru.wikisource.org/wiki/Разговор_с_Владимиром_Путиным._Продолжение_\(15_декабря_2011_года\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Разговор_с_Владимиром_Путиным._Продолжение_(15_декабря_2011_года))

²⁸ Становая Т. Место в системе: почему Алексей Кудрин может опять пригодиться президенту // РБК. 2018. 4 мая. <https://www.rbc.ru/opinions/politics/04/05/2018/5aec10419a7947c3a769f795>

при Президенте РФ, национальные проекты «не создают необходимой критической массы шагов, которая вывела бы нас на траекторию роста»²⁹. Сам В. Путин не согласился со столь категоричной оценкой, высказанной руководителем Счетной Палаты, однако главной «системной проблемой» Президент назвал именно «сбой в перенастройке системы государственного управления».

Фактически к середине последнего президентского срока В. Путина страна подошла не в состоянии «прорыва» (если говорить не об историческом, двадцатилетнем пути, который Россия прошла под руководством В. Путина, а о последних двух годах, когда Президент поставил эту задачу в Послании 2018 года), а с очередным «пробуксовыванием» национальных проектов и пошатнувшимся после пенсионной реформы 2018 г. доверием общества к власти.

Более того, в плачевном состоянии оказалась отечественная наука, которая в условиях «стремительно нарастающей скорости технологических изменений»³⁰ безусловно выступает одним из главных фундаментов национальной безопасности и конкурентоспособности государства. «Произошел отрыв науки от реального сектора экономики, что привело к разрыву инновационной цепочки: фундаментальная наука – прикладные разработки – производство»³¹, что во многом стало причиной неутешительного резюме аудиторов Счетной Палаты РФ: «**Российская наука не стала драйвером социально-экономического развития страны**»³².

Такая ситуация никак не могла соответствовать образу России будущего, который был представлен В. Путиным в статье 1999 года, и не могла соответствовать всем его действиям по строительству новой российской государственности на протяжении последних 20-ти лет. Поэтому Президент был просто вынужден пойти на решительные меры, что мы и увидели в Послании 2020 г.

²⁹ Совет по нацпроектам: главное, чтобы люди чувствовали результат // Новости ТАСС. 2019. 25 дек. <https://tass.ru/nacionalnye-proekty/7425141>

³⁰ Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 1 марта 2018 г. // Официальный сайт Президента РФ <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957>

³¹ Гайва Е. Ученых просят произвести эффект // Российская газета. 2020. Вып. 27. 10 фев. (мнение зам. Президента РАН чл.-корр. РАН В. Иванова).

³² Там же.

После реформ, начатых в 2004 году, был принципиально изменен статус российской науки. Если до этого она относилась к реальному сектору экономики и управлялась министерством промышленности и науки, то в 2004 году наука была переведена в сектор услуг, а управление передано во вновь созданное министерство образования и науки... Возникшая в итоге система организации науки соответствует ставке на сырьевую экономику, которой не нужна разработка новых технологий, а цель образования – подготовка квалифицированных потребителей.

Дальнейшие реформы проходили в том же направлении: РАН была лишена статуса высшей научной организации страны, исключена из управления наукой, преобразована в ФГБУ, утратив особую организационно-правовую форму. Кроме того, была ликвидирована научная аспирантура, взят курс на сокращение числа научных организаций, перевод науки в университеты, которые далеко не всегда могли воспринять эту новую для себя функцию и т.д. В результате произошла сегментация науки, разрушена система организации фундаментальных исследований³³.

Вышеуказанный ход событий, приоритетные задачи, которые ставил перед собой В. Путин в различные исторические периоды, и проблемы, с которыми сталкивалась страна на протяжении всего этого пути, нельзя рассматривать в отрыве от ключевых аспектов национальной безопасности. Поэтому в различных показателях, отражающих ее приоритеты (такие как «повышение качества жизни российских граждан», «экономический рост», «наука, технологии и образование», «здравоохранение»³⁴), четко прослеживается и «восстановительный» рост первой половины 2000-х гг., и замедление темпов развития после мирового финансового кризиса, и отсутствие даже каких-либо признаков на прорыв в тот момент, когда Президент прямым текстом дал понять, что история больше не оставляет России времени на раскачку (*вкладка*³⁵ 3).

³³ Там же.

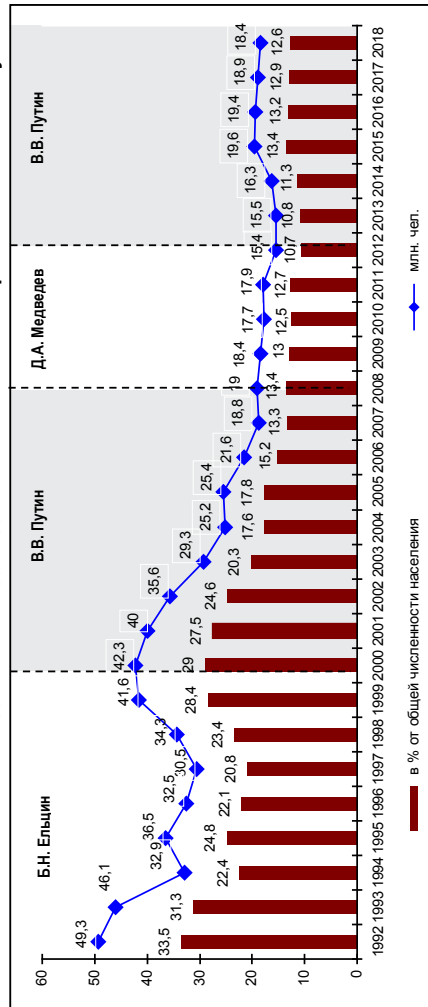
³⁴ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: утв. Указом Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Пункт 9.

³⁵ По мере возможности, для сравнения приведены данные по Германии (источник – World Bank), как стране, являющейся, по мнению многих экспертов, безусловным лидером ЕС, особенно после брекзита Великобритании.

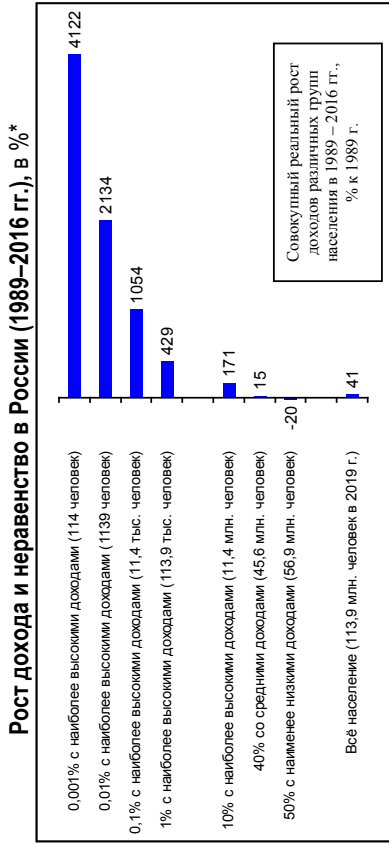
Основные показатели, отражающие состояние национальной безопасности (в порядке упоминания в Стратегии национальной безопасности 2015 г.)

I. Стратегический приоритет «ПОВЫШЕНИЕ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ РОССИЙСКИХ ГРАЖДАН»

Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума*

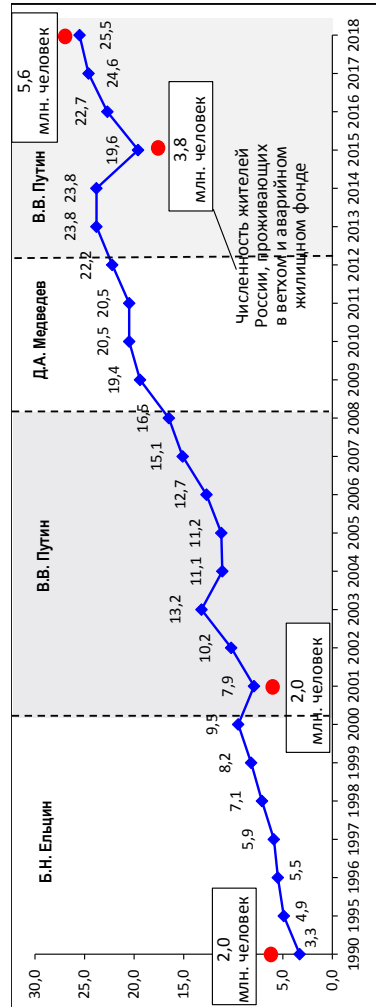
* Здесь и далее президентские сроки В.В. Путина выделены серой заливкой. Пунктирными линиями отмечены границы президентских сроков: I, II президентские сроки В.В. Путина (1994–1999 гг.); I президентский срок В. Путина (2000–2004 гг.); II президентский срок В. Путина (2004–2008 гг.); президентский срок Д. Медведева (2008–2012 гг.); III президентский срок В. Путина (2012–2018 гг.).
Источник: Федеральная служба государственной статистики (https://www.gks.ru/storage/mediabank/urov_51.doc)

* Численность населения РФ старше 20 лет (составлено по данным Федеральной службы государственной статистики. Режим доступа: http://gks.ru/bgd/reglbr19_107/).

Распределение национального дохода до вычета налогов среди взрослых супружеских пар, депящих доходы на двоих. Единица – взрослый человек (20 лет и старше; доход супружеских пар делится пополам). Фрагменты определяют относительно общего количества взрослых человек среди населения. Скорректированные оценки (использование данных опросов, финансовой отчетности, национальных счетов и благосостояния).
Источники: Novokmet F., Pkietty T., Zusman G. From soviets to oligarchs: inequality and property in russia, 1905-2016 / National Bureau of economic research. Cambridge: MA August, 2017, p. 78.

Аварийный жилищный фонд, млн. кв. м на конец года*

Источник: Жилищное хозяйство в России 2002–2019; стат. сб. / Росстат. М., 2019. 78 с.

Численность россиян, проживающих в аварийном жилищном фонде, млн. чел.

Год	1990	2001	2015	2018
РФ	2,0	2,0	3,8	5,6

Численность россиян, расселенных из аварийного жилищного фонда, тыс. чел.*

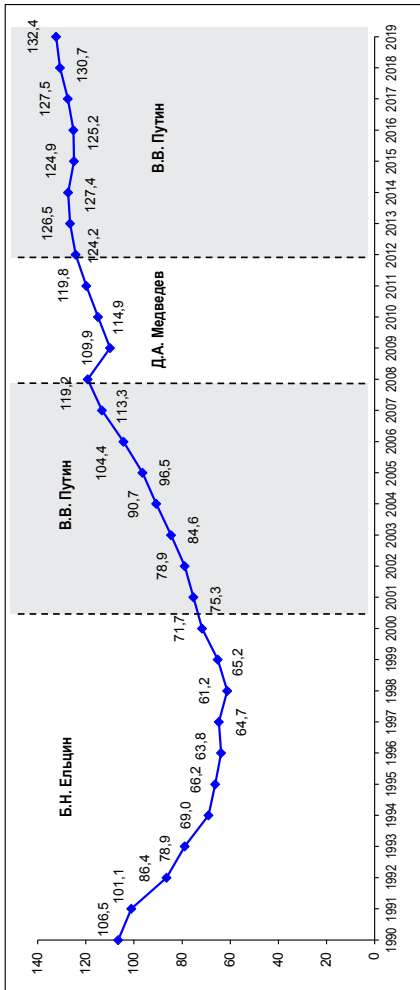
Год	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
РФ	5,4	83,3	69,8	59,0	69,1	59,0	192,9	169,7	157,9	151,4	39,3	37,0

* В целом за период с 2008 по 2019 г. из аварийного жилищного фонда было расселено 1093780 чел. (1,09 млн.).

Источники: Государственная корпорация – Фонд содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства. / Росстат. URL: <https://www.reformagkh.ru/> Федеральная целевая программа «Жилище» на 2002–2010 годы.

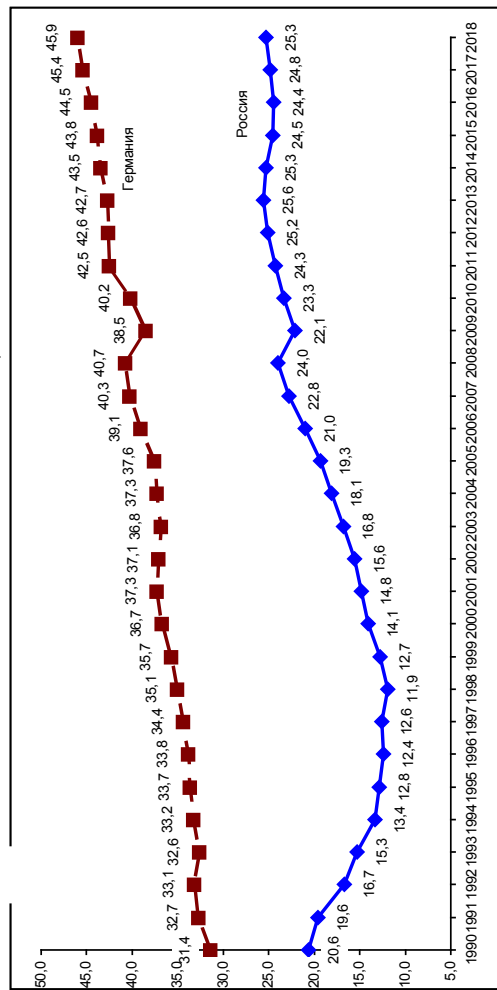
II. Стратегический приоритет «ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ»

Индекс ВВП, % к 1985 г.

Источник: Федеральная служба государственной статистики / <https://www.gks.ru>

Объем ВВП на душу населения в 1990–2018 гг., тыс. долл. США по ППС в постоянных ценах 2011 г.

Источник: Федеральная служба государственной статистики / <https://www.gks.ru>

Среднегодовой темп роста ВВП России и Германии, % в год

Территория	1990-1994	1995-1999	2000-2004	2005-2009	2010-2014	2015-2017	2018
Россия	91,1	98,9	106,8	103,9	103,0	100,0	102,5
Германия	102,7	101,6	101,0	100,5	102,2	102,1	101,5
Россия в сравнении с Германией (+ / -)	-11,6	-2,7	+5,8	+3,4	+0,8	-2,1	+1,0

Источник: Федеральная служба государственной статистики (<https://www.gks.ru>), WorldBank (<https://www.worldbank.org>)

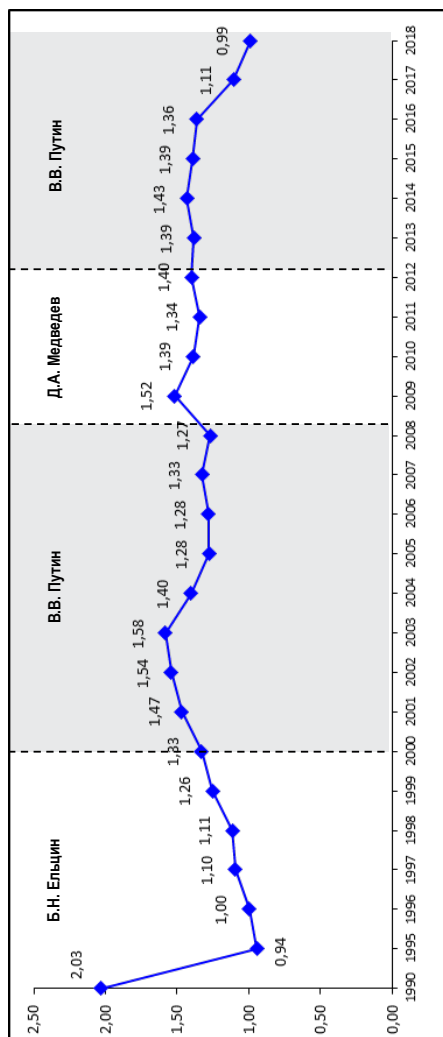
Объем ВВП на душу населения России и Германии в 1990–2018 гг., тыс. долл. США по ППС в постоянных ценах 2011 г.

Территория	1990	1995	2000	2005	2010	2015	2018
Россия	20,6	12,8	14,1	19,3	23,3	24,5	25,3
Германия	31,4	33,7	36,7	37,6	40,2	43,8	45,9
Россия в сравнении с Германией (+ / -)	-10,8	-20,9	-22,6	-18,3	-16,9	-19,3	-20,6

Источник: Федеральная служба государственной статистики (<https://www.gks.ru>), WorldBank (<https://www.worldbank.org>)

Ш. Стратегический приоритет «НАУКА, ТЕХНОЛОГИИ И ОБРАЗОВАНИЕ»

Доля внутренних затрат на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР), в % к ВВП

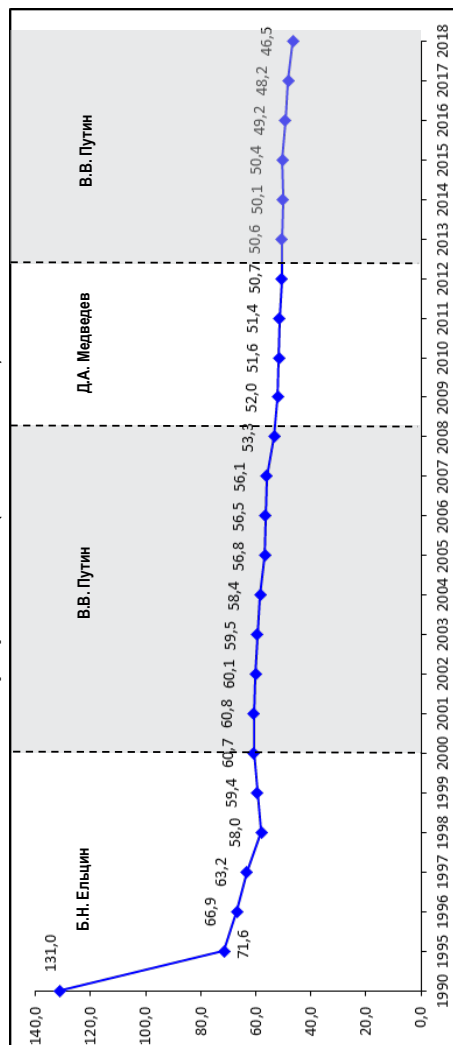
Источник: база данных Федеральной службы государственной статистики (<https://www.gks.ru/fo/ider/14477>)

Доля внутренних затрат на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР), в % к ВВП

Территория	1990	1995	2000	2005	2010	2015	2016
Россия	2,03	0,94	1,33	1,28	1,39	1,39	1,36
Германия	2,75	2,19	2,39	2,42	2,71	2,92	2,93
Россия в сравнении с Германией (+ / -)	-0,72	-1,25	-1,06	-1,14	-1,32	-1,53	-1,57

Источник: WorldBank (<https://www.worldbank.org>)

Численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками (на 10 тыс. чел.)

Источник: WorldBank (<https://www.worldbank.org>)

Число научных сотрудников в области исследований и разработок (на 10 тыс. чел.)

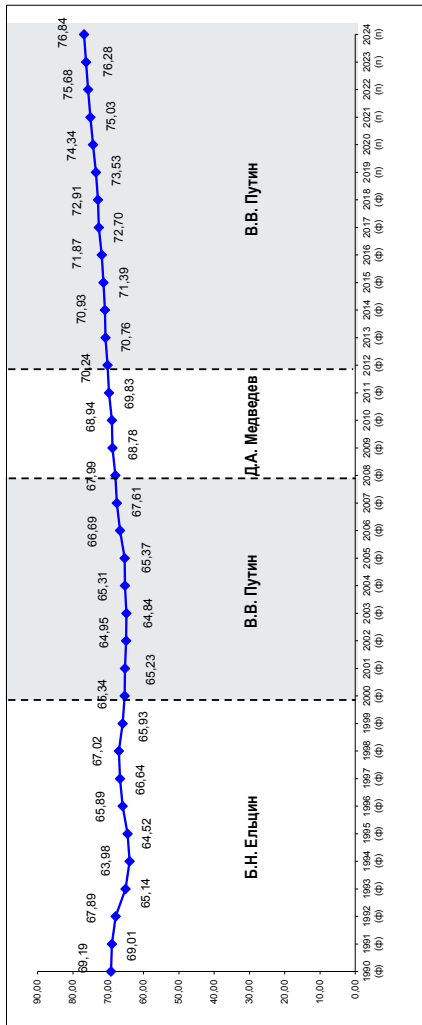
Территория	1996	1998	2000	2005	2010	2015	2016
Россия	38,0	33,4	34,6	32,3	30,9	31,2	29,8
Германия	28,3	29,2	31,6	33,3	40,5	47,5	48,8
Россия в сравнении с Германией (+ / -)	+9,7	+4,2	+3,0	-1,0	-9,6	-16,3	-19,0

Источник: WorldBank (<https://www.worldbank.org>)

IV. Стратегический приоритет «ЗДРАВООХРАНЕНИЕ»

Ожидаемая продолжительность жизни, лет*

Динамика ожидаемой продолжительности жизни в России и Германии, лет

Территория	1990	1995	2000	2005	2010	2015	2018
Россия	69,19	64,52	65,34	65,37	68,94	71,39	72,91
Германия	75,20	76,40	77,90	78,90	80,00	80,60	81,00*
Россия в сравнении с Германией (+ / -)	-6,01	-11,88	-12,56	-13,53	-11,06	-9,21	-8,09

* Данные за 2017 г.

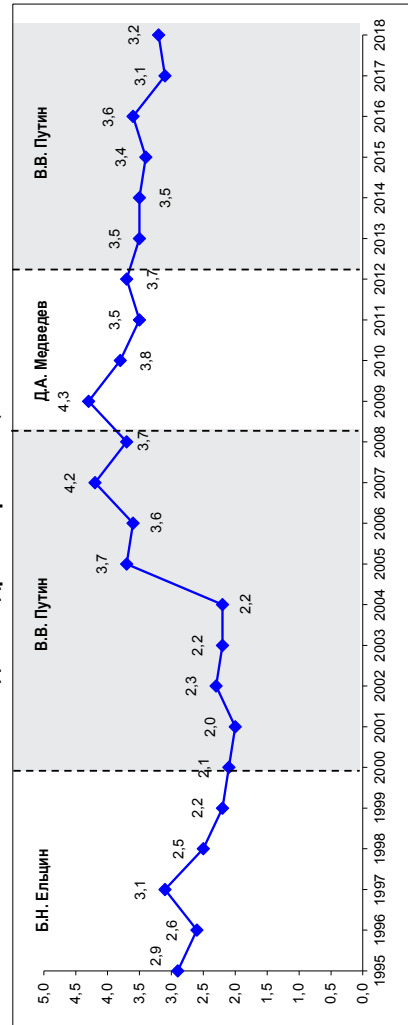
Источник: Health Nutrition and Population Statistics // The World Bank. URL: <https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=health-nutrition-and-population-statistics#>

Обозначения: (ф) – фактическое значение показателя; (п) – прогноз. Не взято целевое значение показателя нацпроекта «Демография», поскольку в нацпроекте речь идет об ожидаемой продолжительности здоровой жизни (67 лет к 2024 году). В Федеральной службе государственной статистики такого показателя нет.

* Здесь и далее президентские сроки В.В. Путина выделены серой заливкой. Пунктирными линиями отмечены границы президентских сроков: I. президентские сроки Б. Ельцина (1994–1999 гг.); II президентский срок В. Путина (2000–2004 гг.); III президентский срок В. Путина (2004–2008 гг.); президентский срок Д. Медведева (2008–2012 гг.); IV президентский срок В. Путина (2012–2018 гг.).

Источник: база данных Федеральной службы государственной статистики (<https://www.fedstat.ru/indicator/31293>).

Расходы на здравоохранение, в % к ВВП

Внутренние государственные расходы на здравоохранение, в % к ВВП

Территория	2000	2005	2010	2015	2016
Россия	2,10	3,70	3,80	3,40	3,60
Германия	7,70	7,75	9,17	9,34	9,43
Россия в сравнении с Германией (+ / -)	-5,60	-4,05	-5,37	-5,94	-5,83

Источники: Федеральная служба государственной статистики (<https://www.gks.ru/>); WorldBank (<https://www.worldbank.org>)

Представленные во *вкладке 3* данные, охватывающие период с начала 1990-х гг., наглядно показывают критическое состояние страны, в котором её «принимал» В. Путин. Несмотря на все сложности, с которыми Путину пришлось столкнуться во время своих президентских сроков, ему удалось не только сохранить Россию, но и сделать ее одним из центров многополярного мира, с которым уже нельзя не считаться. И лишь те периоды, когда глава государства по не зависящим от него причинам был вынужден сосредоточиться на внешнеполитической повестке, а реализацию внутренних целей развития осуществляло Правительство Д. Медведева, были периодами экономической стагнации и замедляющихся темпов развития и отбрасывали Россию назад, затрудняя достижение Большой стратегической цели, поставленной Президентом перед самим собой в 1999 году.

... Обсуждаемый проект Конституции со всеми поправками в перспективе **отрезает от власти либералов-рыночников.**

Правящую элиту полностью устраивала нынешняя – либеральная – редакция Конституции, она интерпретировала законы как хотела. Изменения понадобились, когда на горизонте маячил конец четвертого срока Путина. Элита, судя по всему, хотела получить мандат на такое изменение Конституции, которое позволило бы путем новой конфигурации государственных институтов сохранить действующую систему распределения власти – или попросту законодательно оформить влияние Владимира Путина после ухода с поста президента. **Но получила она фактический запрос на новую Конституцию, причем патерналистского, советского типа...**³⁶

В Послании–2020 Президент инициировал самые масштабные поправки в Конституцию за весь период ее существования. Часть из них была направлена на **национализацию элит** (запрет представителям высших руководящих органов иметь нероссийское гражданство,

³⁶ Кому нужна новая Конституция советского типа (редакционная статья) // Независимая газета. 2020. 12 фев. https://yandex.ru/turbo?text=http%3A%2F%2Fwww.ng.ru%2Feditorial%2F2020-02-12%2F2_7792_editorial.html

приоритет Конституции над нормами международного права), что, по мнению многих экспертов, «обидело довольно большое количество довольно влиятельных персон. От Медведева до весьма и весьма статусных либералов»³⁷, фактически перечеркнув все прогнозы и планы «коллективного Запада» на успешный для себя транзит власти в 2024 году.

«Все 29 лет в нашей стране внешняя политика определяла внутреннюю. Россия безоговорочно признавала приоритет международного права над национальным и тщательно подгоняла второе под первое, стараясь быть послушным адептом западной демократии. Но очень скоро стало очевидно, что это самое «незыблемое» для всех международное право легко нарушается по отношению к России. Тут и не определяемые никакими международными законами режимы санкций, и попытки политической изоляции нас, и военные операции без оглядки на ООН. И вот теперь это историческое заявление Путина расставляет приоритеты в обратном порядке. Смело, а главное правильно, но несколько запоздало. Лет так на пятнадцать! Но, как говорится, лучше поздно, чем никогда»³⁸.

Другая часть конституционных изменений была направлена на **повышение эффективности политической системы** за счет придания большего веса в принятии управленческих решений (и, в частности, в назначении членов кабинета министров) Государственной Думе, Государственному Совету и Конституционному Суду, а также за счет включения муниципального уровня в общую структуру государственного управления. Как отметил Президент, «...у нас по Конституции муниципалитеты не связаны напрямую с государством, а должна быть **единая система публичной власти, чтобы у верхних этажей этой власти была ответственность за то, что происходит внизу, а те, кто работает в муниципалитетах, были связаны определённым образом со страной и её интересами**»³⁹.

³⁷ Хазин М. Путин сжигает мосты // Газета «Завтра». 2020. 23 янв. http://zavtra.ru/blogs/putin_szhigaet_mosty

³⁸ Ветренко И. Политический буллит // Газета «Завтра». 2020. 24 янв. http://zavtra.ru/blogs/vremya_prishlo

³⁹ Стенограмма встречи В. Путина с общественностью 4 фев. 2020 // Официальный сайт Президента РФ. <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/62726>

Наконец, третья часть поправок была посвящена непосредственно **обществу** — закреплению в Основном законе страны нормы о регулярной индексации пенсий, а также о том, что минимальный размер оплаты труда не может быть ниже величины прожиточного минимума. Конечно, можно сказать, что данная норма и так закреплена в Трудовом кодексе РФ и в Конституции речь надо вести не о прожиточном минимуме, а о норме уровня жизни... однако на текущем историческом этапе эту поправку не следует расценивать как исчерпывающую; **ее смысл в том, чтобы обеспечить конституционные гарантии стабильного уровня и качества жизни всех основных слоев населения.**

Президент, таким образом, не только реформативировал всю политическую систему страны, создав в ней несколько «центров тяжести» и придав значительную роль в деле государственного управления обществу; не только принял ряд мер, направленных на национализацию элит, качественно на более высоком уровне ограничив возможности «коллективного Запада» и связанных с ним внутренних элит в управлении страной, но и назначил новое, существенно отличающееся по своему духу Правительство, которое призвано сделать то, что не удалось сделать предыдущему кабинету министров.

Масштаб конституционных изменений всегда осторожного и аккуратного Владимира Путина (вспомним его оценку ленинских ошибок) говорит о том, что **в послании мы услышали не одну лишь транзитную модель, но задачу системного переустройства России.** Это не внезапное или ситуативное решение в ответ на разнужданность части элит, посчитавших президента „хромой уткой“, или падение рейтингов власти. Кажется, что реформы продуманы и укладываются в принятый Путиным **исторический ритм развития страны.** В том числе это ответ на кризис той управленческой модели, которая сложилась к концу 2010-х годов⁴⁰.

⁴⁰ Скоробогатый П., Обухова Е. Конституционный госповорот // Журнал «Эксперт». 2020. 20 янв. <https://expert.ru/expert/2020/04/konstitutsionnyj-gospovorot/>

Наверное, можно согласиться с теми экспертами, которые говорят о том, что Президент несколько запоздал со своими решениями, что их надо было принимать год — два назад. Однако в первую очередь важно то, что он их принял. Некоторая запоздалость этих решений лишь усложняет задачи, стоящие сегодня перед новым Правительством, Президентом и перед всей системой государственного управления, но не делает их невыполнимыми.

Очевидно, что это обстоятельство Президент учитывал, поскольку и предложенная им кандидатура на пост премьера, и практически новый состав Правительства РФ (в котором появилось 16 новых лиц и полностью поменялся социальный блок) во многом являются представителями новой политической волны в России — представителями государственного управления технократического характера, а «к технократическому методу формирования руководства, — как отмечают эксперты, — прибегают страны в условиях кризиса»⁴¹, то есть тогда, когда надо «дать результат» быстро и качественно.

Состав нового правительства, сформированный под Михаила Мишустина, вызывает умеренный оптимизм. Прежде всего, из-за отсутствия в нем откровенных либералов, вызывающих отвращение у всех без исключения. За исключением умеренного, не яркого либерала Антона Силуанова, сохранившего пост министра финансов, но лишённого вице-премьерства... Самым главным звеном нового правительства станет тандем Мишустина и Белоусова. Это интересная **спайка очень сильного администратора и идеолога** проводимых сегодня в экономике преобразований. Вопрос в том, насколько эти два очень разных специалиста и человека смогут работать вместе⁴².

«Замена Медведева на Мишустина, — считают эксперты, — это уже знак. Ведь это замена человека, неспособного ни на какие дела, единственным достоинством которого являлась совершенно невероятная лояльность, на чело-

⁴¹ Иванов А. Кабмин—2020: умеренный оптимизм // Газета «Завтра». 2020. 22 янв. http://zavtra.ru/events/kabmin-2020_umerennij_optimizm

⁴² Там же.

века, который показал, что он умеет решать достаточно сложные вопросы, например, стремительное создание современной и эффективной налоговой службы. Значит, Путину вдруг понадобились качественные квалифицированные исполнители, — а раз так, он ждёт каких-то серьёзных изменений»⁴³.

Некоторые эксперты, высказывая сомнения по поводу перспектив нового Правительства, говорят о том, что многие из новых членов кабинета министров не сталкивались с управлением в государственных масштабах. Они, безусловно, зарекомендовали себя в управлении регионами, отдельными службами, департаментами..., но сейчас им придется решать задачи совсем иного рода и иметь дело с совершенно другими ресурсами, поэтому «Правительство действительно будет технократическим, но в узком бюрократическом смысле, в логике „малых дел“... это потолок задач — никаких структурных реформ назначения не предполагают»⁴⁴.

Новый кабинет министров будет продолжать социально-экономическую политику правительства Дмитрия Медведева. Порукой тому — госпожа Набиуллина как глава Банка России, порукой тому сохранение в правительстве таких знаковых фигур, как министр финансов Антон Силуанов и вице-премьер Татьяна Голикова⁴⁵.

Однако важно констатировать другое: в мнении о том, что «еще никогда российское правительство не было столь неполитическим, как сегодня»⁴⁶ и что «новый кабинет министров — чисто технократический»⁴⁷, сходится большинство экспертов, **и именно этот факт говорит о решительности намерений Президента сдвинуть**

⁴³ Делягин М.Г. Путин ждет срыва человечества в глобальную депрессию // Газета «Завтра». 2020. 19 янв. http://zavtra.ru/blogs/putin_zhdet_sriva_chelovechestva_v_global_nuyu_depressiyu

⁴⁴ Становая Т. Универсальность и молодость. Чего ждать от обновленного правительства // Московский центр Карнеги. 2020. 22 янв. <https://carnegie.ru/commentary/80860>

⁴⁵ Делягин М.Г. Без иллюзий // Официальный сайт Изборского клуба. 2020. 30 янв. <https://izborsk-club.ru/18710>

⁴⁶ Становая Т. Универсальность и молодость. Чего ждать от обновленного правительства // Московский центр Карнеги. 2020. 22 янв. <https://carnegie.ru/commentary/80860>

⁴⁷ Там же.

наконец с мертвой точки реализацию данных им обещаний и придать новый импульс внутреннему развитию страны.

Ситуация, обуславливающая вынужденный характер кардинальных решений, объявленных Президентом в Послании—2020, во многом связана ещё и с состоянием общества. **За последние 25 лет российское общество никогда не было так «заряжено» (причем конструктивно «заряжено») на кардинальные перемены в системе государственного управления, от которого зависит и решение социально-экономических вопросов.** «Пройдя через горнило дикого капитализма 1990-х, в котором сгорели иллюзии о благословенности чисто рыночных отношений, получив опыт государственного капитализма 2000-х, общественное сознание обрело ясность восприятия действительности и способность адекватной оценки предложения тех или иных политических сил относительно дальнейших путей развития страны»⁴⁸.

Можно уверенно констатировать, что в подавляющем большинстве наши люди сохранили приверженность основной **ценности предыдущего социалистического периода развития — идее социальной справедливости**, понимая ее как равное владение общественным богатством и равный доступ к произведенному благу вне зависимости от социального статуса гражданина и его материального благополучия. При этом столь же уверенно можно утверждать, что эти люди, ни в коей мере не желая отказываться от обретенной личной свободы, **выстрадали** некий баланс между личным и общественным. Президент же **законодательно оформляет зримо обозначившиеся константы народной души**⁴⁹.

Не случайно в своем Послании глава государства обратился к этой теме дважды, начав свое выступление перед Федеральным Собранием с того, что «сегодня в нашем обществе чётко обозначился запрос на перемены. Люди хотят развития и сами стремятся двигаться вперёд в профессии, знаниях, в достижении

⁴⁸ Носкович О. Россия возвращается в Красный проект // Независимая газета. 2020. 11 фев. http://www.ng.ru/kartblansh/2020-02-11/3_7791_kartblansh.html

⁴⁹ Там же.

благополучия, готовы брать на себя ответственность за конкретные дела. Зачастую они лучше знают, что, почему и как надо менять там, где они живут, работают, — в городах, районах, сёлах, по всей стране», и ближе к концу своего обращения резюмировал: «Российское общество становится более зрелым, ответственным, требовательным». **Другими словами, поправками в Конституцию Президент на самом высоком уровне государственного управления отразил те глубоко внутренние процессы и ожидания людей, которые интенсивно развиваются в нашем обществе на протяжении последних, как минимум, пяти лет.**

Как показали результаты опроса, проведенного ВЦИОМ 24 января 2020 г., россияне с оптимизмом отреагировали на новую страницу истории, которую открыл Президент 15 января: 79% людей сочли важными изменения в Конституции, предложенные главой государства. От 60 до 90% людей выразили поддержку предложенным изменениям⁵⁰.

П. Крашенинников (сопредседатель рабочей группы по подготовке предложений о внесении поправок в Конституцию РФ, состав которой, по его словам, «вполне адекватно представляет структуру российского общества») отметил, что «наибольшей поддержкой пользуются предложения Президента, которые направлены на укрепление суверенитета страны, получение такого положения, фиксирующего социальную ориентацию государства»⁵¹.

Таким образом, решения, принятые Президентом в начале 2020 года, — это не столько результат его неудовлетворенности ходом реализации национальных проектов, сколько проявление им политической воли — как человека, взявшего на себя персональную ответственность за национальную безопасность России, и как личности, планомерно достигающей своей цели по строительству новой, «постсоветской» государственности, понимание которой он публично изложил ещё 20 лет назад.

⁵⁰ Поправки в Конституцию: значение и отношение: пресс-выпуск ВЦИОМ. 2020. №4160. 3 фев. <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10146>

⁵¹ Встреча В. Путина с рабочей группой по подготовке предложений о внесении поправок в Конституцию 13 февраля 2020 г. // Официальный сайт Президента РФ. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62776>

Послание Путина внушает оптимизм. Не поверхностный, настроенческий, легко выдыхающийся оптимизм, а какую-то набирающую обороты уверенность в том, что мы уже находимся внутри какого-то важного процесса становления. К этому ощущению «внутри» пока сложно привыкнуть. Нам пока ещё легче сетовать на безидеологичность нашего существования. Однако честный наблюдатель не может не признать, что **Путин, декларируя фасадную безидеологичность, на самом деле уже вовсю работает на ниве глубинной идеологии для глубинного народа. Он методично, очень по-путински осторожно нащупывает подступы к новой русской идеологии. И всё больше растёт уверенность в том, что он не оставит после себя безидеологичную страну**⁵².

Сложно не согласиться с мнением экспертов о том, что «изменения, предложенные Президентом в Послании, лишь в узкой части касаются ныне действующих политических фигур. Они не только закладывают формат президентского трансферта-2024 и роли участников транзитной гонки, но и задают рамки политической и управленческой системы на многие годы вперед. **Владимир Путин хочет войти в историю как архитектор новой России**»⁵³... **И не только как архитектор, проектирующий и контролирующий ход воздвижения здания новой российской государственности, но и как строитель, непосредственно принимающий в этом процессе самое активное участие. На этом пути у главы государства возникает множество внешних и внутренних барьеров, однако, оглядываясь на 20-летний срок его президентства, нельзя не отметить, что движение есть, и общий характер этого движения позволяет говорить о том, что свою историческую миссию В. Путин выполняет твёрдой рукой.**

* * *

В заключение хотим привести отрывок из одного выступления В. Путина перед политической общественностью в феврале 2012 года.

⁵² Фатеев Е. Послание о добавленной стоимости // Газета «Завтра». 2020. 21 янв. http://zavtra.ru/blogs/o_dobavlennoj_stoimosti

⁵³ Скоробогатый П., Обухова Е. Конституционный госговорот // Журнал «Эксперт». 2020. 20 янв. <https://expert.ru/expert/2020/04/konstitutsionnyj-gospovorot/>

Незадолго до президентских выборов 4 марта В. Путин (находясь в то время в должности премьер-министра) принял решение встретиться с политологами, чтобы обсудить ход предвыборной кампании, текущие политические процессы, а также свою статью «Демократия и качество государства»⁵⁴, в которой будущий Президент рассуждал об угрозах и перспективах развития демократии в России и в мире, о проблемах местного самоуправления, судебной системы и т.д.

Мероприятие проходило в Москве, в Ново-Огарево. На протяжении четырех часов в кругу авторитетных экспертов⁵⁵ обсуждались такие острые темы, как протесты оппозиции, возвращение прямых губернаторских выборов, президентская гонка и т.д. Однако, несмотря на значительное количество конкретных вопросов и проблем, которые были подвергнуты дискуссии, ключевым моментом стало то, что на данной встрече В. Путин в полной мере раскрыл свой внутренний масштаб как государственного деятеля и исторической личности, принимающей на себя ответственность за судьбу России. В своих ответах он подробно охарактеризовал стратегию и цель, которую ставил перед собой еще в 1999 г., к которой постепенно шел все эти годы и которую он планирует реализовывать дальше, в ходе своего III президентского срока:

«Я и во время своих – первого, второго сроков президентства всё время думал о том, как нам сделать так, чтобы судьба России не зависела от одного либо двух-трёх человек, чтобы создать систему, при которой мы сможем гарантировать очевидно и наверняка свой суверенитет, и при этом такую систему, которая живо бы отзывалась на все требования времени, была живой и развивающейся. И это было сверхзадачей всегда, но вы абсолютно правы, когда упомянули о том,

⁵⁴ Путин В.В. Демократия и качество государства // Газета «Коммерсантъ». 2012. №20. 6 фев. <https://www.kommersant.ru/doc/1866753>

⁵⁵ На встрече присутствовали: генеральный директор Агентства политических и экономических коммуникаций Д. Орлов, историк, политолог Н. Нарочницкая, руководитель Фонда национальной энергетической безопасности К. Симонов, президент фонда «Центр стратегических разработок» М. Дмитриев, президент Института национальной стратегии М. Ремизов и президент фонда «Петербургская политика» М. Виноградов, главный редактор журнала «Россия в глобальной политике» Ф. Лукьянов, президент Фонда эффективной политики Г. Павловский и др.

в каких условиях пришлось начинать работать. **Нужно было на первом этапе просто сохранить страну, которая со всей очевидностью разваливалась**, и нужно было экономику элементарным образом восстановить и социальную сферу. Я не должен, наверное, сейчас упоминать, что не только пенсионерам не платили пенсии месяцами, – в экономике не платили, в армии даже не платили месяцами. Это социальная сфера была в таком состоянии! И тогда – не до жиру, быть бы живу – тогда нужно было делать самые элементарные вещи.

Сейчас (и в одной статье я, кстати, об этом сказал), я считаю, что только сейчас мы как бы заканчиваем этап такого постсоветского периода – первый этап постсоветского периода, и можем сейчас реально начать движение вперёд. У нас базы до сих пор не было. Я часто слышу разговоры при обсуждении моих статей (я, кстати, очень рад, что её обсуждают и те, кто поддерживает то, что там излагается, и те, кто критикует), **часто слышу от критиков один и тот же аргумент: а чего раньше не делали? Да раньше или невозможно было это сделать – ни ресурсов не было, ни условий не было, или эти проблемы не были первоочередными вообще, они не выстреливали, как те, на которые нужно обращать внимание в первую очередь**, потому что жизнь идёт вперёд, ситуация меняется постоянно.

Но я в этой связи что хочу сказать: мы до сих пор действовали достаточно эффективно, и это даёт мне право утверждать, что мы и дальше будем действовать не менее эффективно, чем в предыдущие годы. **Поэтому сверхзадачей здесь является (я, кстати, тоже в статье своей написал) доведение до логического завершения этой основной задачи, а именно создание такого государственного организма (повторю это не дословно, но близко к тексту), такой экономической системы, такой системы социальной, чтобы это всё вместе было живым, мощным, здоровым организмом, гарантирующим, безусловно, наш суверенитет, но в то же время живым, откликающимся на вызовы времени, меняющимся и на этой базе гарантирующим уровень жизни граждан России на длительную перспективу. Вот, собственно говоря, это сверхзадача»⁵⁶.**

⁵⁶ Стенограмма встречи В. Путина с политологами 6 февраля 2012 г. // Информационный портал «Путин. Итоги». <https://www.putin-itogi.ru/2012/02/06/v-v-putin-vstretitsya-s-politologami/>

Литература

1. Послание Президента РФ Федеральному Собранию 15 янв. 2020 года / Официальный сайт Президента РФ. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62582>
2. Путин В.В. Россия на рубеже тысячелетий // Российская газета. 1999. 30 дек.
3. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года № 683 // Российская газета. 2015. 31 дек. Режим доступа: <http://www.rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html>
4. Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 1 марта 2018 г. // Официальный сайт Президента РФ. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957>
5. Евстафьев Д. Народная модернизация сверху // Журнал «Эксперт». 2020. 27 янв. <https://expert.ru/expert/2020/05/narodnaya-modernizatsiya-sverhu/>
6. Скоробогатый П., Обухова Е. Конституционный госповорот // Журнал «Эксперт». 2020. 20 янв. <https://expert.ru/expert/2020/04/konstitutsionnyj-gospovorot/>
7. Поправки в Конституцию: значение и отношение: пресс-выпуск ВЦИОМ. 2020. №4160. 3 фев. <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10146>

Сведения об авторах

Владимир Александрович Ильин – член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель организации, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: ilin@vscc.ac.ru)

Михаил Владимирович Морев – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, заместитель заведующего отделом, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: 379post@mail.ru)

Ilyin V.A., Morev M.V.

Another Step toward V. Putin's "Long State"

Abstract. In January of 2020, Russian President V. V. Putin delivered an annual Address to the Federal Assembly and announced a number of significant proposals in order to change the Constitution of the Russian Federation. There were broad discussions about the proposed amendments and changes of the entire Russian political system, internal and external aspects of public administration, which they entail, in the socio-political space. This article presents the author's view on this issue. The researchers analyze V. Putin's main historical steps, which have been determining the vector of the development of post-Soviet statehood over the past 20 years. The authors review the President's program articles, his public speeches, public meetings, his key decisions in foreign and domestic policy, strategic system documents, etc. The authors conclude that V. Putin has been consistently building the framework of a new Russian statehood throughout all his presidential terms. He publicly and extensively described the contours of this system in his first program article "Russia at the Turn of the Millennium" (1999). The article also includes the analysis of expert evaluations of the motives of the 2020 Presidential Address; the examination of the implementation of national projects and the National Security Strategy, for which V. Putin took personal responsibility in 2015; statistical data, describing the state of affairs in the areas of demography and health, science and education, economic growth and population's quality of life over the past 30 years. The results of the study allow us to say that the President's initiatives, aimed at the transformation of the country's entire political system, are largely forced. It is a necessary condition for the completion of the goal, set by him in 1999, until the end of his presidential term, limited by the current Constitution of the

Russian Federation – the creation of a strong, independent social state with a stable political system, which effectively adapts to internal and external challenges.

Key words: President, Address to Federal Assembly, National Security Strategy, RF Constitution, transit of power.

Information about the Authors

Vladimir A. Ilyin – RAS Corresponding Member, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Scientific Director, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: ilin@vscc.ac.ru)

Mikhail V. Morev – Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher, deputy head of department, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: 379post@mail.ru)

Эволюция демографического и социального конструирования возраста «старости»

**Виталий Николаевич
БАРСУКОВ**

Вологодский научный центр РАН
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: Lastchaos12@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7819-8297; ResearcherID: I-8179-2016

**Ольга Николаевна
КАЛАЧИКОВА**

Вологодский научный центр РАН
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: onk82@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-4681-4344; ResearcherID: I-9562-2016

Аннотация. В XXI веке мировая демографическая система находится в состоянии перехода от стадии реализации демографического дивиденда к старению населения. Глобальный тренд трансформации возрастной структуры выступает новым, по меркам истории, феноменом, причины и механизмы возникновения которого выявлены и эмпирически подтверждены. Однако актуальным остается вопрос относительно последствий старения населения, не имеющих универсальных механизмов формирования и различающихся по территориальному признаку. Причина расхождений заключается не только в социально-экономических параметрах стран, определяющих потенциал преодоления последствий демографического старения, но и в отсутствии единого понимания того, что следует подразумевать под возрастом «старости» и как

Для цитирования: Барсуков В.Н., Калачикова О.Н. Эволюция демографического и социального конструирования возраста «старости» // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 1. С. 34–55. DOI: 10.15838/esc.2020.1.67.2

For citation: Barsukov V.N., Kalachikova O.N. The Evolution of Demographic and Social Construction of the Age of “Old Age”. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2020, vol. 13, no.1, pp. 34–55. DOI: 10.15838/esc.2020.1.67.2

демографические основания его конструирования соотносятся с социальным восприятием этой категории. Старение населения и старение общества суть грани трансформации возрастной структуры, имеющие единые причины возникновения, но концептуально различающиеся с позиции подходов к определению возраста «старости». Таким образом, целью данной работы стали выявление и систематизация эволюционных особенностей демографического и социального конструирования возраста «старости». Статья состоит из двух основных частей: анализа существующих подходов к конструированию возраста демографической «старости» населения и обобщения особенностей трансформации общественного восприятия пожилого населения в разные исторические эпохи (социальное конструирование исследуемой категории). Основным выводом проведенного исследования заключается в том, что в условиях глобального, необратимого (при суженном воспроизводстве) старения населения и демографической бета-конвергенции конструирование возраста «старости» постепенно переходит в социальную плоскость. Общества реструктуризируют представление о старости не только через призму роста продолжительности жизни (в том числе здоровой), но и через осознание возрастающей роли старшего поколения в поддержании устойчивых темпов социально-экономического развития. На этом фоне главной задачей «стареющих» государств становится преодоление сохраняющихся (хотя и в менее значимых масштабах) проявлений возрастной дискриминации в отношении пожилых граждан.

Ключевые слова: возраст «старости», старение населения, старшее поколение, социальное конструирование.

Введение

Глобальное старение населения выступает одним из главных демографических трендов современности. Увеличение доли и численности населения старших возрастов оказывает существенное влияние на социально-экономическое развитие «стареющих» государств. Учитывая необратимость демографического старения в условиях суженного воспроизводства населения, необходимо сказать, что одним из главных инструментов преодоления его последствий становится эффективная реализация ресурсного потенциала представителей старшего поколения. Однако проведенное нами ранее исследование распространенности возрастной дискриминации по отношению к пожилым людям (по социологическим данным более чем в 50 странах мира) позволило доказать, что распространенность подобных дискриминационных практик по-прежнему велика в большинстве регионов планеты [1]. Стереотипизация населения старших возрастов, выступающая одним из главных факторов инклюзии этой социально-демографической группы, имеет под собой основание в форме социального конструкта возраста «старости», параметры формирования которого изучались представителями различных научных направлений, но, в силу многогранности объекта исследования, сведения о нем не систематизированы в

едином подходе. В данном случае камнем преткновения становится субъективная составляющая феномена «старости», которая находит свое отражение в трех проекциях: популяционной (совокупность представителей вида *homo sapiens* с сопутствующими демографическими характеристиками), социальной (совокупность представителей социума с характерными для них ценностями и нормами) и индивидуальной (психологическое самовосприятие отдельных индивидов). Таким образом, возраст «старости» определяется как сложный многогранный конструкт, восприятие которого с высокой долей вероятности носит субъективный характер (на уровне отдельных территорий, общностей, индивидов). Несмотря на сложность исследуемого объекта, глобальность демографического старения и его последствий актуализируют проведение исследований, стремящихся к обобщению взаимосвязей между двумя различающимися, но крайне тесно пересекающимися между собой явлениями: старением населения и старением общества. Актуальность исследования также подтверждается необходимостью смены существующей социокультурной парадигмы «старости», вызванной новыми демографическими условиями, в которых роль представителей старших возрастов будет несоизмеримо выше, чем в предыдущие эпохи.

Цель данной работы – выявление и систематизация эволюционных особенностей демографического и социального конструирования возраста «старости». Статья состоит из двух основных частей: критического анализа методологических проблем определения возраста «старости» населения и краткого обобщения трансформации его социального восприятия в контексте демографических изменений. Информационной базой исследования выступили результаты научных исследований в области исторической демографии, антропологии, археологии, этнографии, социологии, социальной геронтологии, физиологии, а также статистические данные о возрастной структуре населения.

Методологические проблемы определения возрастных критериев демографической старости населения

Одним из главных вопросов в изучении проблем, связанных со старением населения, является определение границ возраста «старости». Очевидно, что представление о них может существенным образом различаться в силу его преимущественно условного характера. Наибольшее распространение в научной литературе имеют концепции, выделяющие три типа возраста человека: биологический, социальный и психологический, которые создают единую «триаду» в конструировании периодизации жизни индивида. Однако отметим, что при исследовании эволюции общественного восприятия пожилых людей в условиях старения населения возникает необходимость в использовании еще одной меры «старости» – демографической. В XXI веке процесс демографического старения приобрел глобальный масштаб: во всех регионах мира наблюдается прирост доли и численности населения пожилого возраста. Но, несмотря на наличие единого тренда, мы по-прежнему можем наблюдать и фиксировать различия в протекании данного процесса на отдельных территориях, проявляющиеся в различной интенсивности прироста удельного веса пожилых людей в населении [2]. Существующая дифференциация не противоречит основным постулатам теории демографического перехода и во многом является отображением различий в прохождении его фаз. Не отрицая факта наличия единых трендов, следует обратить внимание и на тот факт, что много-

образии моделей демографического развития в мире сегодня даже больше, чем, например, в середине XX века. Это обострило научную дискуссию относительно закономерностей и особенностей регионального демографического развития [3; 4]. Если сузить предмет обсуждения до явления старения населения, то возникает закономерный вопрос: насколько существующие подходы к измерению и сравнению уровней демографической старости соответствуют современным реалиям?

Перед тем как перейти непосредственно к предмету нашего исследования, проведем терминологические границы между понятиями «демографическая старость» и «демографическое старение», которые на практике часто используются как синонимы. «Старость» – понятие статическое, «старение» – динамическое. Исследования, в основе которых лежит сравнение отдельных территорий (стран, регионов), направлены на оценку «молодости» или «старости» по выделенным классификационным критериям. Характеристика «старения» дается исходя из анализа изменения структуры населения территорий (стран, регионов) в разные периоды. При этом мера «старости» определяется некоторой условной возрастной границей. Существует множество возрастных классификаций, в каждой из которых выделяются разные периоды и границы этапов жизни человека, в том числе старости (*табл. 1*).

Представленные в таблице подходы отражают лишь часть всего многообразия подходов к определению периодов жизни человека. Мы воспользовались наиболее известными классификациями, анализ эволюции которых позволяет сделать важный вывод: несмотря на рост продолжительности жизни населения, возраст старости на протяжении всей истории человечества определялся в районе 60 лет.

Открытия Ч. Дарвина и А.Р. Уоллеса стали катализаторами развития множества направлений антропологии в конце XIX–начале XX века, в том числе относительно периодизации возраста человека, а также пределов продолжительности его жизни. Физиологи и антропологи (например, М. Рубнер, П. Флуранс, Л. Ашоф, И. Швидетцки), опираясь на результаты своих исследований, пытались определить естественный предел жизни человека (на основании чего

Таблица 1. Границы возраста «старости» в разных возрастных классификациях

Классификация	Границы возраста «старости»	Начало старости
Древняя китайская классификация (до н.э.)	50–60 лет – последний период творческой жизни 60–70 лет – желанный возраст От 70 лет – старость	60 лет
Классификация Пифагора (до н.э.)	60–80 лет – старый и угасающий человек	60 лет
Классификация Гиппократ (до н.э.)	56–63 года – девятый период 63–70 – десятый период	Не определено
Классификация французских физиологов (начало XIX в.)	От 55–60 лет – период старости	55-60 лет
Классификация Флуранса (середина XIX в.)	70–85 лет – первый период старости От 85 лет – второй период старости	70 лет
Классификация Рубнера (конец XIX века)	50-70 лет – старость От 70 лет – почтенная старость	50 лет
Классификация Ашофа (начало XX века)	45–65 лет – начало старости 65–85 – старческий возраст От 85 лет – почтенная старость	45 лет
Классификация английских физиологов (начало XX века)	От 50 лет – период старости	50 лет
Классификация немецких физиологов (начало XX века)	От 60 лет – период старости	60 лет
Классификация Френкеля (середина XX века)	От 60 лет – период старости	60 лет
Большая Советская Энциклопедия (1960 г.)	65–75 – начало наступления старости	65 лет
Всесоюзная конференция геронтологов (1963 г.)	60–74 года – пожилой возраст 75–90 лет – старческий возраст 91 и старше – долгожители	60 лет
Классификация ВОЗ (вторая половина XX века)	51–60 лет – стареющий человек; 61–75 лет – пожилой человек; 76–90 лет – старый человек; 90–100 лет – очень старый человек; старше 101 года – человек в глубокой старости	50 лет
Концепция «третьего» возраста Питера Ласлетта (вторая половина XX века)	60–65 лет – «молодая старость» (The Young Old) 65 лет и старше – «мудрая зрелость» (The Old Old)	60 лет
Классификация ВОЗ (XXI век)	60–75 – пожилой возраст; 75–90 – старческий возраст; После 90 – долгожители.	60 лет
Источники: составлено авторами.		

осуществлялась и возрастная периодизация), в то время как статистики и демографы сосредоточили свое внимание на вычислении модальной («нормальной») продолжительности жизни населения (методы Лексиса, Мейнера и Фройденберга). Ученые из разных областей науки ставили перед собой разные задачи и применяли разный методологический инструментарий. Более того, в первом случае предметом исследования выступал индивид, во втором – население в целом.

Вопрос, связанный с процессом трансформации возрастной структуры населения, исследован достаточно широко, теоретический и методологический базис формировался на протяжении XX и в XXI веке. Одним из первых

исследователей, предложивших классификацию типов возрастной структуры, стал шведский демограф А.Г. Сундберг (1894). Он ввел в научный оборот понятие прогрессивного, стационарного и регрессивного типов возрастной структуры. При прогрессивной возрастной структуре население увеличивается, при стационарной – не меняет своей численности, а при регрессивной – сокращается. Отличие заключается в долях детей в возрасте 0–14 лет и «стариков» в возрасте 50 лет и старше. В прогрессивной возрастной структуре Сундберга доля детей составляет 40%, пожилых людей – 10%, в стационарной – соответственно 27 и 23%, в регрессивной – 20 и 30%. В связи с тем что регрессивный тип возрастной структуры во вре-

мена Сундберга практически не встречался (за исключением некоторых провинций Франции), им был сформулирован так называемый «закон равновесия возрастной структуры», главный постулат которого заключается в неизменности доли трудоспособного населения (15–49 лет) в пределах 49–50%¹. Однако если применить данную возрастную классификацию, например, к населению современной Франции, то можно констатировать, что диапазон значений удельного веса населения от 15 до 49 лет на протяжении 1950–2015 гг. варьировался от 44 до 50,5%². На практике закон Сундберга не подтверждается, однако примененный им подход стал базисом исследования возрастных профилей в демографии.

В 1930-е гг. немецкий статистик Ф. Бургдерфер несколько развил концепцию типов возрастных структур населения, сформулированную Сундбергом [5]. Прогрессивной возрастной структуре (молодое население) соответствует правильная пирамида. Диаграмма, изображающая стационарную структуру, напоминает «колокол». Регрессивной возрастной структуре отвечает фигура, названная «урной» (рис. 1).

Однако если во времена Ф. Бургдерфера регрессивный тип рассматривался в качестве теоретически возможного, то по данным за 2015 г. весь спектр выделенных типов возрастных структур находит свое отражение на практике (рис. 2).

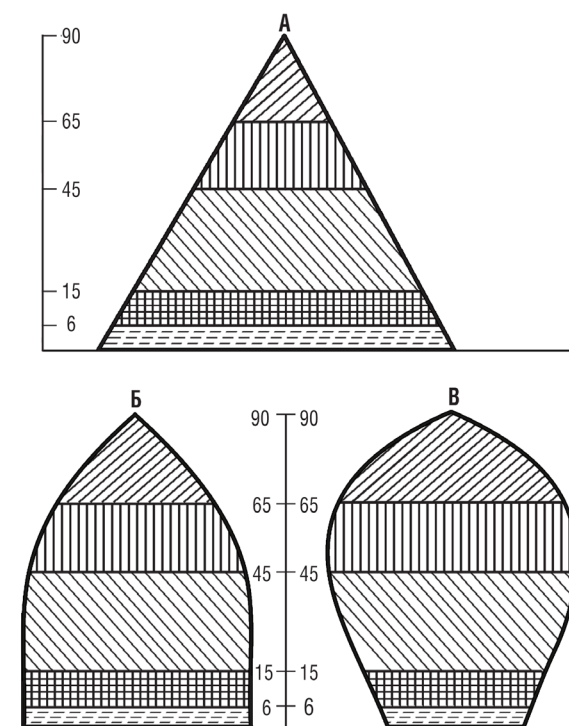
Бургдерфер и его соотечественник В. Майер считали, что тезис о взаимосвязи демографического старения и депопуляции является ошибочным и эмпирически не подтвержденным. Их мнение было вполне обоснованным, ввиду того что в первой половине XX века процесс увеличения доли и численности пожилых людей шел параллельно с ростом всего населения. Однако современная ситуация свидетельствует об обратном. В частности, за последние десять лет (с 2005 по 2015-й) население Японии (страна с самой высокой долей пожилых людей во все возрастах старше 60 лет) сократилось на 1%, а по среднему варианту прогноза ООН к 2050 уменьшится практически на 20%³.

¹ Медков В.М. Демография : учеб. пособие для вузов. Р/нД: Феникс, 2002. 448 с.

² World Population Prospects: the 2015 revision. Available at: <http://esa.un.org/unpd/wpp/>

³ Там же.

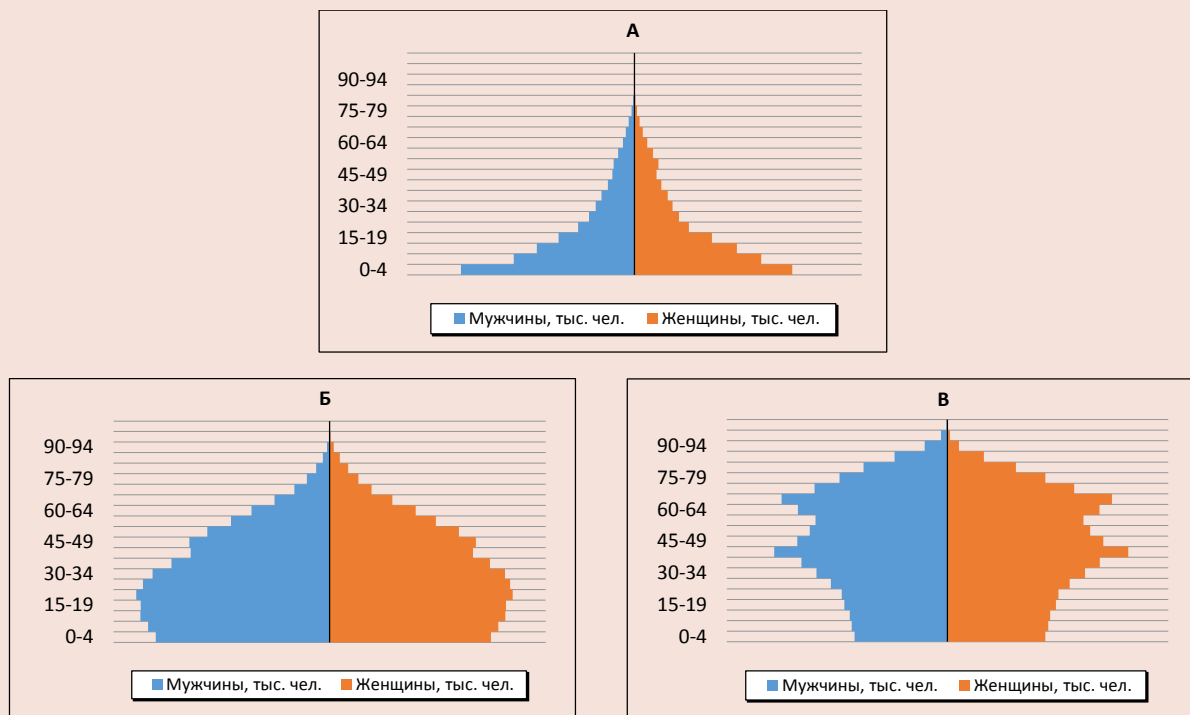
Рис. 1. Типы возрастных структур (по Ф. Бургдерферу): А – молодое (растущее) население; Б – постаревшее (стационарное) население; В – очень старое (убывающее) население

Источник: Медков В.М. Демография : учеб. пособие для вузов. Р/нД: Феникс, 2002. 448 с.

Следует отметить, что до середины XX века явлению старения населения уделялась крайне незначительное внимание со стороны научного сообщества, поскольку удельный вес и численность пожилых людей длительное время не демонстрировали существенных темпов роста. В то же время в рамках активно развивавшейся теории демографического перехода делались некоторые прогнозы и предположения относительно потенциально возможного нарастания проблемы уже в ближайшем будущем [6]. В 50–60-е годы проблема старения населения стала очевидной, что актуализировало проведение исследований, целью и задачами которых выступило определение основных методологических принципов оценки демографической старости территорий. В этот период времени был опубликован ряд теоретических и практических работ, совокупность которых можно условно назвать классическим этапом в развитии

Рис. 2. Возрастные структуры населения некоторых стран мира в 2015 г.:
А – Нигер; Б – Колумбия; В – Япония

Источник: составлено авторами по данным World Population Prospects: the 2015 revision. Available at: <http://esa.un.org/unpd/wpp/>

представлений о явлении старения населения: Доклад ООН «The Aging of Populations and its Economic and Social Implications» (1956), фундаментальные труды Э. Росseta (1959), Ж. Боже-Гарнье (1965), А. Сови (1966) и др.

Эксперты ООН одними из первых предприняли попытку классифицировать страны по уровню демографической «старости», а главным критерием был определен удельный вес населения в возрасте 65 лет и старше. Предлагалось три уровня, характеризующие возрастную структуру населения [7]:

- 1) при наличии 4% лиц старше 65 лет – молодое население;
- 2) от 4 до 7% – зрелое население;
- 3) более 7% – старое население.

Подчеркнем, что данная классификация на сегодняшний день многими экспертами используется при анализе трендов процесса демографического старения. Однако в конце 50-х годов она была небезосновательно подвергнута критике со стороны некоторых ученых, в част-

ности польского демографа Э. Росseta. Он считал классификацию ООН слишком узкой и не отражающей в действительности всего глобального масштаба явления старения населения [5]. Проведя концептуальный анализ существовавших на тот момент подходов к определению возраста старости, Росset сформировал авторскую шкалу демографической старости, включавшую в себя уже четыре уровня, а в качестве классификационного критерия он использовал возраст 60 лет и старше. Позднее, когда он пришел к консенсусу с французским ученым Ж. Боже-Гарнье (изначально Э. Росset подвергал критике ее подход к выделению границ демографической старости), шкала была несколько расширена (табл. 2).

Таким образом, концепция Сундберга приобрела несколько иной формат: на смену прогрессивному, стационарному и регрессивному населению пришли молодые, зрелые и старые. В данном случае это скорее вопрос терминологического характера, т.к. разнородность типов

Таблица 2. Шкала демографической старости Боже-Гарнье–Россета

Этап	Доля лиц в возрасте 60 лет и старше, %	Этап старения и уровня старости населения
1	<8	Демографическая молодость
2	8–10	Первое преддверие старости
3	10–12	Собственно преддверие старости
4	12 и выше	Демографическая старость
	12–14	Начальный уровень демографической старости
	14–16	Средний уровень демографической старости
	16–18	Высокий уровень демографической старости
	18 и выше	Очень высокий уровень демографической старости

возрастных структур не подвергалась сомнению. Однако главным методологическим отличием новых подходов стал уход от двухкритериальности в измерении демографической старости (ранее для характеристики типа возрастной структуры населения использовались как доли детей, так и доли пожилых). Уровень старости населения измерялся исключительно с использованием показателя удельного веса населения старше 60/65 лет. По мнению самих ученых, это позволило ввести более строгие методологические границы в исследовании демографического старения [5].

Несколько позднее Альфред Сиви в книге «Общая теория населения» (1966) представил своего рода резюме относительно подходов к исследованию процесса демографического старения. При этом французский ученый не сосредоточивался на вопросе выделения границ старости. Главным объектом его внимания стали практические результаты в оценке возможных последствий старения населения, а также показатели, позволяющие их измерять и прогнозировать [8]. К числу таких показателей в классической проекции измерения последствий изучаемого явления относились средний возраст населения, нагрузка пожилыми людьми в расчете на 1000 населения трудоспособного возраста (чаще всего – от 14 до 59/64 лет), индекс старости (численность пожилых людей в расчете на 100 детей в возрасте от 0 до 14 лет). Важным методологическим моментом выступает смещение принципа двухкритериальности от измерения уровня старости населения к измерению последствий данного явления.

В более поздние периоды рядом ученых [9–12] неоднократно предпринимались попытки создания новых типологий и классификаций

измерения уровней демографической старости и последствий старения населения, которые, впрочем, строились на уже устоявшихся классических принципах. В XXI веке, когда явление старения населения в странах мира начало приобретать глобальный масштаб, главный вопрос, с которого в 50–60-е годы XX века взяла свой старт научная дискуссия вокруг определения уровней «старости», стал еще более актуальным и звучит так: насколько установленные методологические границы соответствуют современным реалиям? Для наглядности сравним распределение стран мира в классификациях ООН и Боже-Гарнье–Россета в 1950 и 2015 годах (табл. 3 и 4).

Из представленных данных видно, что удельный вес стран мира, которые можно отнести к демографически старым, за период с 1950 по 2015 год вырос в несколько раз: с 23,5 до 44% по методике ООН и с 12 до 39% по шкале Боже-Гарнье–Россета. Эта тенденция еще раз подтверждает факт достаточной интенсивности процесса демографического старения в мире. Вместе с тем заметно сократилось присутствие стран в «буферной» зоне между «молодыми» и «старыми» территориями. Фактически в 50-е годы три условных уровня старости распределялись в порядке убывания от «молодых» к «старым». Однако на текущий момент обе классификации позволяют говорить скорее о существовании двух полюсов, на одном из которых находятся преимущественно «молодые» территории, на другом – «старые». Возникает противоречие: с одной стороны, сложно отрицать глобальность процесса демографического старения, с другой стороны, приведенные данные свидетельствуют не о снижении дифференциации между странами, а об отдалении двух противоположных групп.

Таблица 3. Распределение стран мира по уровню демографической старости в 1950 и 2015 годах (классификация ООН), %

Уровень старости	Доля стран мира, %	
	1950 год	2015 год
Молодое население (доля старше 65 лет менее 4%)	47,5	31,5
Зрелое население (доля старше 65 лет от 4 до 7%)	29	24,5
Зрелое население (доля старше 65 лет превышает 7%)	23,5	44

Источник: рассчитано авторами по данным World Population Prospects: the 2015 revision. Available at: <http://esa.un.org/unpd/wpp/>

Таблица 4. Распределение стран мира по уровню демографической старости в 1950 и 2015 годах (классификация Боже-Гарнье-Россета), %

Этап	Доля лиц в возрасте 60 лет и старше, %	Распределение стран, %	
		1950 год	2015 год
1	Демографическая молодость (<8)	66	43,5
2	Первое преддверие старости (8–10)	9,5	10
3	Собственно преддверие старости (10–12)	12	7,5
4	Демографическая старость (12 и выше)	12	39
	Начальный уровень демографической старости (12–14)	6	4,5
	Средний уровень демографической старости (14–16)	5,5	5
	Высокий уровень демографической старости (16–18)	1	2
	Очень высокий уровень демографической старости (18 и выше)	0	27,5

Источник: рассчитано авторами по данным World Population Prospects: the 2015 revision. Available at: <http://esa.un.org/unpd/wpp/>

Таким образом, уход от двухкритериальности (который должен был создать более строгие методологические рамки и снизить влияние на итоговый показатель доли и численности детей) себя не оправдал. В обеих классификациях произошло сужение «буферной» зоны между «молодыми» и «старыми» странами ввиду нарастания дифференциации между ними по аспекту рождаемости. Формат «старения снизу», т.е. за счет снижения рождаемости и, соответственно, доли детей в населении, сильно деформировал структуру стран мира по уровню демографической старости. Сравнение территорий между собой значительно осложнилось, что актуализировало поиск иных критериев демографической старости, в меньшей степени зависящих от показателей рождаемости.

В 1975 году Норманом Райдером была предложена новая мера старости населения, которая отражает не количество лет с момента рождения, а число лет дожития в старших возрастах [13]. В качестве критерия измерения уровня демографической старости он выбрал показатель

доли населения с ожидаемой продолжительностью жизни менее 10 лет. Позднее этот методологический принцип был заложен в основу концепции проспективного возраста (англ. *prospective age*), которую активно развивали У. Сандерсон и С. Щербов [14–17]. Предложенный ими критерий для определения уровня старости населения — доля населения с ожидаемой продолжительностью жизни 15 лет и менее. Исследователи поставили перед собой задачу определения объективных границ старости с точки зрения модели «старения сверху», основываясь на неоспоримом факте того, что условно современный 70-летний индивид обладает принципиально иными биологическими и социальными характеристиками, чем его ровесник несколько десятилетий назад. Главное отличие данного подхода к измерению демографической старости от традиционного заключается в парадоксальном на первый взгляд утверждении: увеличение продолжительности жизни в старших возрастах ведет не к старению, а к омоложению населения. Во многих разви-

тых государствах, где демографический переход начался заметно раньше, чем в остальном мире, медианный возраст населения, рассчитанный с использованием проспективного метода, имел тенденцию к снижению с середины XX века, тогда как показатель в традиционной проекции продолжает расти [18]. В качестве подтверждения рассмотрим показатели демографической старости, рассчитанные по разным методикам для населения России, Швеции и Дании (табл. 5).

Приведенные данные показывают разнонаправленный характер процесса демографического старения в классической и проспективной проекциях: доля населения в возрастах старше 60 и 65 лет растет, тогда как удельный вес населения с ОПЖ 15 лет и менее – снижается. Более того, Дания, входящая в верхнюю часть рейтинга по уровню демографической старости в традиционном измерении, имеет меньшую долю пожилых людей, чем Россия, если опираться на расчеты проспективного показателя. Очевидна также меньшая дифференциация стран по уровню демографической старости.

Важным моментом является и то обстоятельство, что сдвиг границ старости в проспективной концепции в целом соответствует тенденциям смещения социального возраста, имеющего во многом более формальные границы (например, пенсионный возраст). Следовательно, увеличение продолжительности жизни в старших возрастах расширяет рамки опреде-

ления производительного населения, что может служить аргументом в пользу повышения возраста выхода на пенсию. Однако есть одно НО: в концепции проспективного старения не учитываются темпы прироста ожидаемой продолжительности здоровой жизни (ОПЗЖ) и иные характеристики, отражающие, например, институциональные особенности занятости населения в старших возрастах. В классическом измерении демографической старости эти элементы также не предусмотрены, в то время как установление границ возраста старости на уровне 60/65 лет позволяет приблизить соотношение биологического и социального (в данном случае имеется в виду пенсионный возраст) возрастов с прикладной точки зрения. Рассмотрим условный пример России. Если опираться на расчеты в проекции проспективного старения, то границы старости в стране составили бы в 2015 г. 62 года для мужчин и 69 лет для женщин. Вместе с тем законодательно установленные границы пенсионного возраста на тот момент составляли 60 лет для мужчин и 55 лет для женщин. Следовательно, если рассчитывать показатель демографической нагрузки в проекции проспективного старения, то миллионы мужчин в возрасте от 60 до 62 лет и женщин в возрасте от 55 до 69 лет будут формально относиться к производительной части населения, хотя подавляющее большинство из них уже закончили свою трудовую деятельность. Пример России может быть не самым показательным, однако отметим, что проспективный возраст

Таблица 5. Удельный вес населения старших возрастов некоторых странах мира в различных классификациях (1990–2015 гг.)

Страна	Год	Доля населения старше 60 лет, %	Доля населения старше 65 лет, %	Доля населения с ОПЖ от 15 лет и менее, %
Россия	1990	15,9	10	11,4
	2015	19,8	13,2	11,1
	+/-	+3,9	+3,2	-0,3
Швеция	1990	22,7	17,8	14
	2015	25,2	19,6	11,6
	+/-	+2,5	+1,8	-2,4
Дания	1990	20,3	15,6	13,6
	2015	24,7	19	10,7
	+/-	+4,4	+3,4	-2,9

Источник: рассчитано авторами по данным Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации. URL: <http://www.gks.ru>; официального сайта статистики Швеции. URL: <https://www.scb.se/en/>; официального сайта статистики Дании. URL: <https://www.dst.dk/en>

старости в уже рассмотренных нами Швеции и Дании тоже значительно превышает нормативный пенсионный возраст (на 4 и 5 лет соответственно).

Вернемся к показателю ОПЗЖ в трех рассмотренных странах, динамика которого является, вероятно, одним из наиболее значимых критических аргументов не в пользу концепции проспективного старения. Так, за период с 1990 по 2015 год возраст «старости» в России, Дании и Швеции увеличился на 2; 4,5 и 3,5 года соответственно, тогда как показатель ОПЗЖ населения в возрасте 65 лет возрос на 1 год в РФ и на 2 года в Скандинавских странах. Объективно ситуация во всех без исключения странах мира складывается таким образом, что темпы роста показателя ОПЗЖ заметно уступают росту средней продолжительности жизни. И возникает вопрос о том, насколько объективными являются границы возраста в концепции проспективного старения? Как нам видится, использование критерия доли населения с ОПЖ в 15 лет и менее в измерении демографической старости несколько искажает представление о возрасте старости, т.к. не учитывает реальные достижения в области продления здоровой жизни в старших возрастах.

Проведенный нами анализ позволяет сделать вывод, что существующие подходы к измерению уровня демографической старости имеют ряд недостатков. Так, измерение с помощью традиционных методов, применяющих показатели доли населения старше 60/65 лет, несколько устарело, в то время как при использовании проспективного метода, на наш взгляд, может завышаться представление о реальных границах старости населения. Нерешенным остается и вопрос о репрезентативности сравнения уровней демографической старости в отдельных регионах мира.

С точки зрения старения населения как динамического процесса трансформация возрастной структуры отображает перемещение населения от одной фазы демографического перехода к другой. Но с точки зрения демографической старости в статике — это набор абсолютно разных типов возрастных структур, сравнение которых между собой затруднено в силу разного влияния отдельных факторов на ее изменение. Таким образом, в сущности, потреб-

ность в измерении демографической старости на глобальном уровне теряет свою актуальность как с точки зрения традиционных методов, так и с позиции концепции проспективного старения.

Отметим, что мы не преследуем цель полного опровержения существующих мер измерения демографической старости. Проблема исключительно в методологической обоснованности применения единых критериев ее «возраста» для стран, находящихся на разных этапах демографического перехода. Основным же недостатком этих методов выступает то, что определение масштабов старения населения через призму возраста демографической старости (по сути, популяционный уровень) не дает ответа на важный вопрос: как стареет общество? Страны, имеющие схожие показатели демографической старости, могут существенно различаться по социально-демографическим характеристикам старшего поколения. Демографическое конструирование возраста «старости» основывается на применении методов, которые позволяют оценить факторы и последствия увеличения доли и численности пожилых людей в населении, но не дают возможности определить параметры изменения положения представителей старших возрастов в социальной структуре. В этой связи исследование эволюции социального конструирования «старости» (процесс, происходящий параллельно демографическим изменениям) является необходимым условием для полного понимания сущности «тихой революции».

Основные вехи эволюции общественного восприятия пожилого возраста: от геронтоцида к обществу «для всех возрастов»

В рассуждениях о проблеме последствий демографического старения наибольшее внимание, как правило, акцентируется на их экономической составляющей (проблема дефицита пенсионных систем, сокращение предложения на рынке труда и др.). В то же время трансформация возрастной структуры населения ведет к изменению социального пространства, в котором все большую роль играет старшее поколение. Отсюда возникает вопрос: что последует за этими изменениями и готово ли общество к ним? Ответ на него скрыт в общественном восприятии неизбежной смены социокультурной

парадигмы «старости», в которой ресурсный потенциал старшего поколения рассматривается как один из главных факторов устойчивого социально-экономического развития. Важно понимать, что процесс социальной «реструктуризации» пожилого возраста берет свое начало в глубокой древности, когда возрастная структура населения была совершенно иной, так же как место и роль пожилого человека. Отношение к представителям старшего поколения, как и демографические трансформации, имеет эволюционный характер, что подразумевает наличие определенных факторов, оказывающих влияние на его изменение. В этой части работы мы произвели попытку выстраивания хронологической последовательности изменения общественного восприятия представителей старшего поколения в контексте изменений возрастной структуры населения. Исследование проводилось путем поэтапного рассмотрения пяти исторических эпох (первобытное общество, античная эпоха, средневековье, новое и новейшее время), для каждой из которых дана краткая обобщенная характеристика демографии населения пожилого возраста и социального положения данной социально-демографической группы.

Первобытное общество. Э. Россет в фундаментальном труде «Процесс старения населения» называл древний социум «обществом без стариков» [5; 19]. Стоит отметить, что его высказывание подтверждается данными археологических раскопок – единственным источником информации о населении того времени. В середине XX века французский исследователь Анри Валуа представил общественности данные об исследовании 186 останков людей времен позднего палеолита (40–13 тыс. лет до н.э.) и мезолита (13–4 тыс. лет до н.э.), согласно которым в эти периоды в среднем только 2–2,5% населения доживало до возраста 50–60 лет [20]. Выдающийся отечественный демограф Б.Ц. Урланис ссылается в работе [21] на материалы раскопок в Северной Америке, где из 1132 скелетов племени доземледельческой стадии только четыре приходились на возраст 55 лет и старше. Венгерские ученые Г. Ашади и Я. Немешкери рассчитали коэффициент дожития для населения эпохи палеолита в возрасте 40–44 лет, составивший 0,01. В целом же пики смертно-

сти наблюдаются в возрастах от 0 до 5, а также от 20 до 30 лет [22]. По мнению Б.Ц. Урланиса [21], основной причиной смертности взрослых в древние времена была насильственная смерть (гибель в стычках с животными, ритуальные убийства, битва за добычу и др.).

Что касается отношения к пожилым людям, то, по мнению Э. Роскета [19] и Л. Кшивицкого [23], в первобытном обществе было широко распространено сознательное умерщвление стариков. Причина, вероятнее всего, заключалась в ограниченности ресурсов к существованию и угасание физиологических свойств организма в пожилом возрасте, в связи с чем терялись возможности к выполнению полезных для общины функций. Человек в зрелом возрасте занимал важное место в общественной структуре, т.к. обладал опытом и навыками добычи полезных ресурсов, но с наступлением старости эти умения обесценивались. Вместе с тем Л. Кшивицкий, опираясь на исследования возрастной структуры останков и поведенческих особенностей племен Новой Зеландии и Новой Гвинеи, выдвинул гипотезу, согласно которой положение стариков значительно улучшилось, когда древними людьми был освоен огонь [23]. Если обратиться к известной классификации Л. Моргана [24], то можно предположить, что социальная значимость представителей старшего поколения принципиально изменилась с переходом человечества на среднюю ступень дикости. В племенах старикам, наряду с женщинами, присваивается важная функция – поддержание огня. Фактически это можно назвать первой из наиболее существенных стадий эволюции отношения к пожилым людям, характерными чертами которого стали осознание полезности выполняемых представителями старшего поколения функций.

Античная эпоха. Раннеисторическая эпоха предоставляет значительно больше сведений о возрастной структуре, месте и роли пожилого человека в социуме. Дж. Энджел в работе [25] сопоставил археологические данные об останках греков в эпоху неолита и во времена Римской империи, согласно которым средний возраст в момент смерти увеличился в этот период почти на 7 лет (31,8 и 38,5 года соответственно). Для сравнения: Я. Шилади, который провел исследование надгробий в 48 городах и райо-

нах Римской империи, определил, что средний возраст умерших в античную эпоху составлял 32,2 года [19]. К. Пирсон, исследовавший таблички, прикрепленные к мумиям в Древнем Египте [26], и У. Макдонел, изучивший надгробные надписи в западной части Римской империи времен I в. до н.э. — I в. н.э. [27], оценили среднюю продолжительность жизни населения древнего мира в 22 года. Американские исследователи Л. Даблин, А. Лотка и М. Шпигельман предполагали, что эта величина находится в диапазоне от 20 до 30 лет [28]. Разница в представленных оценках объясняется в первую очередь различиями в применявшихся методах.

Однако для нас важен не сам порядок цифр, а факт увеличения продолжительности жизни населения в эту эпоху по сравнению с доисторической. В качестве основной причины таких изменений Дж. Энджел называл улучшение санитарно-гигиенических условий и устранение некоторых видов внешних причин смертности [25]. Безусловно, увеличение продолжительности жизни и повышение ее качества положительно отразились на отношении общества к старшему поколению.

Распад родоплеменных отношений существенно изменил положение пожилых людей в структуре общества. Можно с уверенностью говорить о том, что социальное устройство античных государств было основано на семейно-клановых принципах. Известный древнегреческий историк и географ Страбон отмечал, что «...пользуются доверием люди самые знаменитые, старейшие и наиболее опытные» [29]. Высшие органы власти в Древней Греции («геруссия») и Римской империи («сенат») представляли собой советы старейшин. Этимология этих слов показывает, что они происходят от слов «старец» и «старик» [30]. Уже в наше время система государственного управления античных государств получила название «геронтократия», т.е. «власть стариков».

Вместе с тем в литературных источниках древнего мира найдены сведения, на основании которых можно оценить общественное восприятие пожилых людей и их образа жизни. Римский мыслитель Цицерон одним из первых представил философское осмысление пожилого возраста в диалоге «О старости», написанном им в 44 году до н.э. [31]. В этом произведении

он выделил четыре основные причины, которые формируют негативное представление о пожилых людях и остаются актуальными в XXI веке:

- старость препятствует деятельности;
- старость ослабляет тело;
- старость лишает всех наслаждений;
- старость приближает нас к смерти.

Цицерон не отрицает самого существования данных явлений, но уделяет большое внимание философскому отношению индивида к старшему возрасту. По его мнению, дальновидность, накопленный опыт и стойкий характер делают пожилой возраст самым полезным для мудрого человека. Цицерон приводит множество примеров активной политической и военной деятельности своих пожилых современников, тем самым опровергая мнение о том, что возраст препятствует общественной деятельности. Здравый смысл, тренировка памяти и размышления компенсируют угасающую физическую силу, а опрометчивость молодости сменяется дальновидностью. Что касается последней из названных мыслителем причин, то, по его мнению, каждый человек находится на одинаковом расстоянии от смерти.

Позднее размышления Цицерона о старости поддержал его соотечественник Луций Анней Сенека. В 12 главе «Нравственных писем к Луцилию» [32] он призывает рассматривать старость в качестве неизбежной части жизненного пути человека, наполненной своими преимуществами, характерными для данного возраста. Вслед за Цицероном, Сенека пишет, что «все наслаждения...заменяет отсутствие нужды в них», но, в то же время, старость «...полна наслаждений, если уметь ими пользоваться».

Важно отметить, что исторические источники свидетельствуют о сохранении древней традиции умерщвления пожилых людей в античную эпоху. Страбон приводит несколько примеров, относящихся примерно к IV в. до н.э. [29]. На острове Кеос (полис Юлида) существовал обычай, предписывавший всем старикам старше 60 лет выпивать цикуту (ядовитый экстракт). Обосновывалось это нехваткой пищи, а сам «закон» звучал следующим образом: «Плохо не должен жить тот, кто не живет хорошо». В племенах согдейцев и бактрийцев (современная территория Узбекистана и Тад-

жикистана) стариков заживо скармливали собакам, однако этот обычай, согласно Страбону, был устранен Александром Македонским. В скифо-сарматских племенах Арало-Каспийского региона существовала практика поедания пожилых людей мужского пола старше 70 лет, а также умерщвления голодной смертью. М.И. Кулишер, ссылаясь на протестантского пастора и этнографа Матфея Претория [33], указывает, что геронтоцид («убийство стариков») практиковался у прусских литовцев и древних пруссов.

Таким образом, несмотря на некоторые изменения в социальном статусе представителей старшего поколения, проблема геронтоцида в древнем мире оставалась актуальной. В силу недостаточности имеющихся сведений мы не можем говорить о масштабе этого явления, но факт его существования опровергнуть трудно. Более того, приведенные примеры демонстрируют нам, что практиковавшееся умерщвление пожилых людей не имело привязки к конкретной культуре. Как и ранее, в каждом случае прямо или косвенно прослеживается единая причина: нехватка ресурсов. Соответственно, мы можем предполагать, что геронтоцид представлял собой одно из первых и наиболее радикальных проявлений возрастной дискриминации, относившейся преимущественно к пожилым людям, чье физическое и моральное состояние, по мнению их современников, не позволяло отнести их к «полезной», производительной части общества.

Эпоха средневековья. Данный период истории человечества предоставляет ученым крайне малое количество материалов по статистике населения и исторической демографии. Один из наиболее значимых трудов о средневековой демографии принадлежит Дж. Расселу [34]. Ученый рассчитал 11 таблиц смертности для населения Англии за период с 1276 по 1450 г., в соответствии с которыми средняя продолжительность жизни при рождении в ту эпоху составляла порядка 26–28 лет. Стоит отметить, что значение показателя сильно варьировалось (от 17 до 35 лет), причиной чего послужила эпидемия чумы, достигшая своего пика во второй половине XIV века. Именно этот фактор стал главным барьером для роста продолжительности жизни в средневековую эпоху. Одним из подтверждений гипотезы о снижении средней

продолжительности жизни в рассматриваемые исторические периоды является исследование В. Вальораса: по его данным значение показателя для населения Греции в эпоху античности и средневековья находилось на одинаковом уровне – 22 года [35].

Наиболее детальные сведения о возрастной структуре населения средневековья представлены в работе Г. Ашади и Я. Немешкери [22]. Согласно данным их исследования, проведенного в Югославии (X–XI вв.), в Швеции и Германии (XII–XIV вв.), в изучаемый период на территории Европы до возраста 60 лет доживало в среднем 6% населения. Э. Россет в своих исследованиях [5; 19] ссылается на сочинение папы Иннокентия III (1161–1216) «О предсказуемом мире и нищете человеческой», который охарактеризовал демографическую ситуацию своей эпохи следующими словами: «Мало кто доживал до сорока лет, а шестидесятилетние представляли собой редкие случаи». На основании вышеизложенного мы можем предположить, что в средневековье эволюция продолжительности жизни и, соответственно, рост численности пожилых людей замедлились, что во многом было обусловлено большим количеством войн, неудовлетворительными санитарными и экономическими условиями.

Обратимся теперь к общественному восприятию пожилых людей в рассматриваемый исторический период. Известный историк и социолог Ф. Арьес предоставляет важные сведения относительно образа старшего поколения в глазах средневекового общества [36]. Иконографическая традиция Франции XIV–XVIII веков свидетельствует о том, что каждому конкретному возрасту присваивалась определенная социальная функция. В случае с пожилым человеком (возраст домоседства) – это неопрятно одетый по старой моде бородатый ученый (либо представитель иной когорты, имеющей отношение к умственному труду). Таким образом, в средневековье знание и связанные с ним функции ассоциировались именно с пожилым возрастом. Это позволяет нам предположить, что представители старшего поколения получают конкретную нишу в общественной структуре. В то же время Ф. Арьес отмечает, что в средневековой Франции пожилые люди не пользовались общественным уважением [36]. Старость

определялась как возраст отречения от дел, возраст чтения книг и молитв. В XVI–XVII веках сформировался образ полноценного человека — человека молодого: военный в офицерском поясе на вершине социальной пирамиды. Безусловно, пример Франции не дает возможности экстраполировать полученные выводы на все регионы мира, но, на наш взгляд, эти сведения позволяют косвенно охарактеризовать ситуацию в странах континентальной Европы, которые исторически выступали «авангардом» социальных трансформаций.

Стоит упомянуть о случаях геронтоцида, которые были характерны для того времени. Одним из наиболее важных исторических фактов выступает поручение папы римского Александра IV, датируемое XIII веком, согласно которому известный средневековый теолог Альберт Великий должен был отправиться в Польшу, чтобы устранить существовавший там варварский обычай убийства стариков [33]. А.А. Котляревский подробно рассмотрел традиции умерщвления пожилых людей у вендов (собирательное обозначение славянских племен, населявших территорию Европы). Автор приводит пример, относящийся к 1220 г., когда старейшина Левин фон Шулберг насильно отнял у группы вендов приговоренного ими к смерти старика, который после этого случая прожил еще порядка 20 лет [37]. Последнее упоминание об этом обычае вендов относится к XVII веку. Церковный служитель Гильдебранд писал: «В прежние времена дети сами убивали своих одряхлевших родителей, которые неспособны были зарабатывать, говоря, что Богу не угодны люди неработающие» [33]. На наш взгляд, приведенная цитата является еще одним подтверждением того, что в условиях относительно устойчивой демографической ситуации экономический контекст во многом определял отношение к пожилым людям в эпоху древности и средневековья. Однако следует также отметить, что в относительно развитых государствах этот обычай стал подвергаться сомнению и рассматривался в качестве негуманного пережитка прошлого.

Новое время. Рассматриваемая историческая эпоха отождествляется с зарождением демографии как науки. Второй половиной XVII века датируются две первые известные таблицы смер-

ности: Дж. Граунта для населения Лондона (1660-е годы) и Э. Галлея для населения Вроцлава (1687–1691). Однако оценки средней продолжительности жизни существенно различались: около 18 лет в первом случае [38] и 30 лет — во втором [39]. По расчетам Э. Галлея до возраста 60 лет доживало 24,2% (напомним, что для средневековья этот показатель составлял порядка 6%). Во Франции, Голландии и Швеции XVIII века доля доживающих до 60 лет возросла до 30% [5]. В XIX веке доля доживающих до пожилого возраста в развитых странах варьировалась от 35 до 46%, в то время как в Европейской части России она составляла порядка 25%, что соответствует показателям для Польши XVII века по расчетам Э. Галлея. С.А. Новосельский в труде «Смертность и продолжительность жизни в России» (1916) возрастную структуру Российской империи характеризовал как «типичную для аграрных стран, отсталых в санитарном, культурном и экономических отношениях» [40]. На рубеже XIX и XX веков до 60 лет доживало порядка 29% жителей Европейской части России, в то время как в Швеции и Дании — свыше 50% [41]. Выявленная дифференциация важна для сравнения демографического развития стран, но стоит отметить самое главное: для всех рассмотренных государств наблюдалось (в разной степени) снижение смертности, в том числе в старших возрастах. В начале XX века в нескольких европейских странах доля населения старше 60 лет превышала 10% (Франция, Швеция, Ирландия). Что касается изменения средней продолжительности жизни, то в развитых странах согласно расчетам⁴ она возросла в период с 1840 по 1900 г. в среднем почти на 10 лет (с 41 до 50,5 соответственно).

Восприятие пожилых людей в общественном сознании также претерпевало изменения. Образ уважаемого старца в развитых странах постепенно сменился на «человека в возрасте» и «женщину или мужчину, хорошо сохранившихся» [36]. Определяющим в этом отношении становится изменение представления о возрасте старости, что является своего рода социальным феноменом. Социальные феномены —

⁴ Demographic Yearbook. 1953. URL: <https://unstats.un.org/unsd/demographic/products/dyb/dybsets/1953%20DYB.pdf>

это конструкции, созданные человеком в ходе исторического развития [42]. Конструирование старости в Новое время происходит в контексте осознания демографических (увеличение продолжительности жизни и трансформация возрастной структуры), экономических (индустриальная революция) и культурных изменений.

Несмотря на существенные изменения в восприятии пожилого населения, упоминания о геронтоциде встречаются и в XIX веке. Так, известный путешественник Д.Н. Бухаров описал обычай лопарей (саамов), кочевников: больного или пожилого человека оставляли на произвол судьбы, в том случае если он не мог продолжить путь вместе с остальными. Для него сооружали небольшой шалаш, оставляли немного воды и провизии, после чего покидали [43]. Особый интерес представляет заметка П. Литвиновой в журнале «Киевская старина» (1885) под названием «Как сажали в старину людей старых на лубок» [44]. Автор приводит данные интервью с жителями одного из селений Малороссии, подтверждающие факт умерщвления пожилых людей. В рассказе местного жителя прямо прослеживается сущность отношения к старикам в те времена: человек в пожилом возрасте имел значимость и уважение только в том случае, если обладал полезными для своей социальной группы умениями и навыками.

Важно также отметить, что к концу исторической эпохи в ряде передовых стран (например, Швеция, Англия, Германия) начинают проводиться регулярные переписи населения, которые рисуют более достоверную картину возрастной структуры. Во второй половине

XIX века рейхсканцлером Германии Отто фон Бисмарком внедрялась первая модель системы социального обслуживания и страхования населения (в том числе пенсионного), ознаменовавшая собой наступление эпохи «социальных государств». Одна из главных причин таких изменений заключалась в осознании факта роста численности населения старших возрастов в целом ряде стран континентальной Европы. Именно в те годы взяло свое начало явление, которое к 20-м годам XXI века станет глобальным и кардинально поменяет представление общества о старшем поколении и «возрасте старости», – старение населения.

Новейшее время. Современная эпоха ознаменована демографическими трансформациями. В 1909 г. французский демограф А. Ландри обратил внимание на существование определенных закономерностей в демографическом развитии западных стран, а также на переход к «новому демографическому режиму» [45]. Знаковым событием стал выход в свет его книги «Демографическая революция» (1934 [46]), давшей одноименное название изменению трендов рождаемости и смертности в развитых странах в первой половине XX века. Уменьшение числа рождений и увеличение продолжительности жизни вызвало существенную трансформацию возрастной структуры населения, главной характеристикой которой стал не наблюдавшийся ранее колоссальный прирост доли и численности населения пожилого возраста (табл. 6). По данным за 2015 г. удельный населения старше 60 лет в развитых странах в среднем составляет 24% (в мире – 12%).

Изменение демографической ситуации привело к пересмотру государственной политики в

Таблица 6. Изменение доли пожилых в общей численности населения в развитых странах

Доля лиц в возрасте свыше 60 лет, %	Страна, год			
	Франция	Швеция	Великобритания	Германия
8	1788	1860	1910	1911
10	1850	1882	1925	1925
12	1870	1912	1931	1937
14	1931	1948	1938	1950
15	1939	1950	1940	1954
16	1947	1956	1952	1960
17	1961	1959	1961	1962

Источник: Сови А. Общая теория населения. Т. 2 : Жизнь населения / пер. с франц. Ф.Р. Окуновой. М. : Прогресс, 1977. 520 с.

отношении граждан пожилого возраста. Проблема старения населения требовала решения двух взаимосвязанных задач: поддержание экономического роста и обеспечение достойного качества жизни старшего поколения. В начале XX века большинством развитых стран мира был взят курс на введение общегосударственных социальных программ. Долгое время (если более точно, то до 70-х–80-х годов) пенсионные системы развитых стран основывались на т.н. принципе солидарности поколений (модель условно-накопительной пенсионной системы «pay-as-you-go») и функционировали посредством перераспределения средств между поколениями, а точнее перечисления части доходов работающего населения в пользу нетрудоспособных граждан. Однако, когда демографический дивиденд был исчерпан и большинство развитых стран вошли в третью фазу демографического перехода, пенсионная нагрузка на трудоспособное население начала существенно возрастать, что сделало актуальным вопрос о справедливости перераспределения общественных финансов. Социально-демографической группе пожилых людей, до этого рассматривавшейся только в качестве непроизводительной части населения, присваиваются ярлыки «бремя» или «обуза» для государства и его бюджета. Отметим, что многие страны отреагировали на этот вызов переходом к накопительной пенсионной системе, повышающей индивидуальную ответственность гражданина за свои пенсионные накопления.

Еще одним важным последствием демографического старения является трансформация рынка труда и сокращение предложения на нем. Во второй половине XX века работодатели в развитых и развивающихся странах использовали применительно к пожилым людям систему, которую условно можно назвать «последний на вход, первый на выход» [47]. Т.е. люди, приближающиеся к пенсионному возрасту, стали первыми кандидатами на увольнение и последними – при приеме на работу. В 70-х годах в развитых странах активно вводилась практика раннего выхода на пенсию из-за кризиса занятости, возникшего в те годы, разрабатывались специальные программы «освобожденной занятости» (Англия) или предпенсионных выплат (Германия) [47]. Но, несмотря на контекст, эта

система по определению является дискриминационной, причем экономически обоснованной только в рамках «демографического окна»: если соотношение доли иждивенцев и удельного веса трудоспособного населения стремится к минимуму.

На рубеже XX–XXI веков в большинстве развитых стран проблема профицита предложения на рынке труда сменилась ее дефицитом. Из-за необратимости глобального демографического старения актуальной стала проблема реализации второго демографического дивиденда [48], основанного на ресурсном потенциале старшего поколения, проще говоря – стимулировании занятости пожилых людей и внедрении политики продления периода трудовой активности граждан после достижения пенсионного возраста. Мировая общественность отреагировала на это принятием нормативных документов, регулирующих, в том числе, трудовую деятельность пожилых людей: Венский международный план по проблемам старения (1982), Декларация по проблемам старения (1992), Мадридский международный план действий по проблемам старения (2002). Государствам и работодателям рекомендуется создавать благоприятные условия и стимулировать занятость населения «третьего возраста». Отношение к пожилым людям в обществе выстраивается через осознание необходимости эффективной реализации их ресурсного потенциала.

В современном мире нет места геронтоциду, однако пренебрежительное отношение к пожилым людям сохранилось в иной форме, которая в науке получила название «эйджизм». Термин был введен в оборот американским ученым Р. Батлером [49] и означал дискриминацию по возрастному признаку по аналогии с нацизмом и сексизмом. Батлер рассматривал его в качестве комбинации трех взаимосвязанных аспектов, таких как негативная стереотипизация пожилых людей, дискриминационные проявления в межличностном взаимодействии людей, дискриминация на институциональном уровне (в частности, на рынке труда) [50].

Можно предположить, что возрастная дискриминация по отношению к пожилым людям выступает фактором снижения качества их жизни. Для подтверждения этой гипотезы мы предприняли попытку сравнения результатов ше-

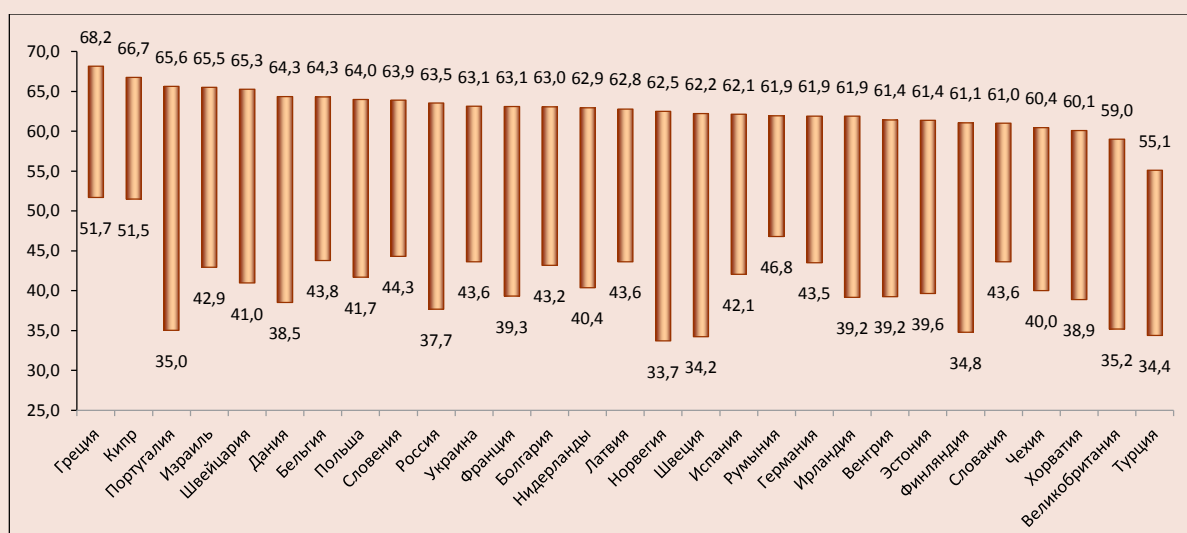
стой волны социологического исследования The World Values Survey⁵ (блок вопросов, направленный на выявление возрастной дискриминации) с данными рейтинга качества жизни пожилых людей в мире (Global AgeWatch Index, 2015 г.), рассчитанного по методике международной неправительственной организации HelpAge International. Расчеты продемонстрировали наличие сильной положительной корреляционной связи ($r=0,71$), т.е. чем ниже уровень дискриминационных настроений по отношению к пожилым людям, тем выше качество их жизни. Искоренение эйджизма, который является таким же социальным рудиментом, как и геронтоцид, стало неотъемлемой частью перехода к новой социокультурной парадигме «старости» и политике эффективной реализации ресурсного потенциала старшего поколения.

Социологические опросы — один из важных инструментов получения информации о границах возраста «старости» с позиции самого общества. В 2008 году участникам Европейского социологического исследования (ESS) предлагалось ответить на два интересующих исследователей вопроса: 1) «В каком возрасте закан-

чивается молодость?» и 2) «В каком возрасте начинается старость?». На рисунке 3 представлены данные по некоторым странам мира (цифра внизу столбца — завершение молодости, вверху — начало старости).

Из приведенных данных мы можем заключить, что указанные страны наиболее существенно различаются с точки зрения завершения периода молодости (что сказывается и на длительности «зрелости»), в то время как возраст «старости», без учета крайних точек, варьируется в диапазоне от 60 до 65 лет. В целом это подтверждает актуальность использования схожих критериев при определении демографической старости, а также примерное соответствие пенсионному возрасту, являющемуся одним из формализованных вариантов возраста социального. Можно предположить, что возраст «старости» в понимании социума во многом соответствует законодательно закреплённому возрасту выхода на пенсию. Т.е. не только демографические факторы обуславливают социальные изменения, но и, наоборот: возраст «недееспособности» в общественном сознании становится продуктом социального конструирования.

Рис. 3. Распределение ответов на вопросы «В каком возрасте заканчивается молодость?» и «В каком возрасте начинается старость?», 2008 год, лет

Источник: ESS4 2008. Available at: <https://www.europeansocialsurvey.org/data/download.html?r=4>

⁵ Стандартизированные опросы проводились в 56 странах на протяжении 2010–2014 годов, общая выборка составила свыше 90 тыс. человек.

Интересные сведения получил ВЦИОМ, который провел схожий вариант опроса на территории России (рис. 4).

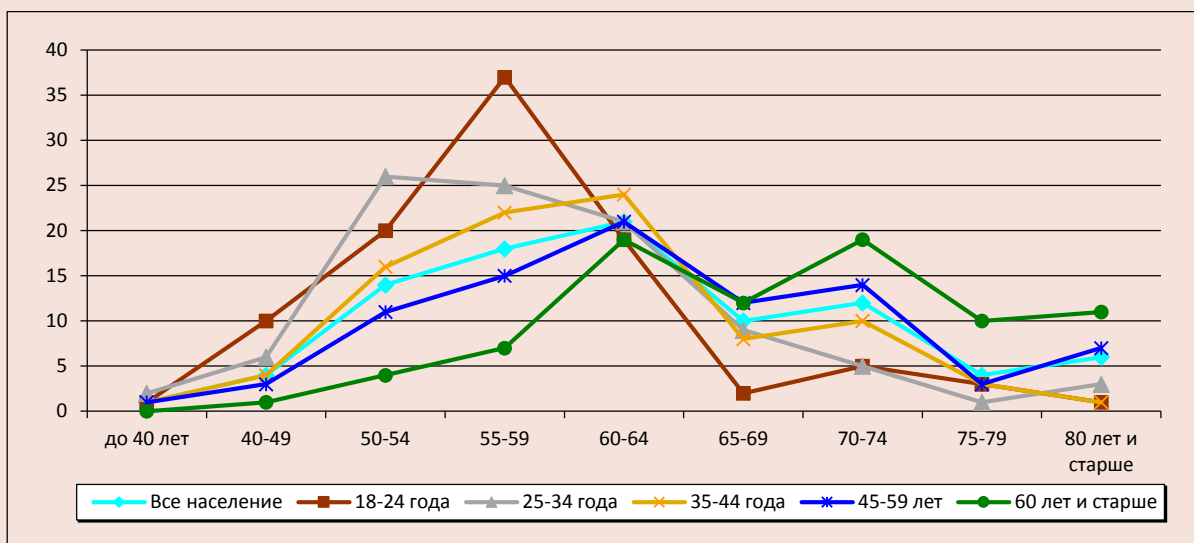
В этом случае важен не столько сам факт того, какой именно возраст россияне соотносят со старостью, сколько различия в представлениях об этом в разных возрастных группах. Так, исходя из приведенных данных можно сделать вывод, что, по мнению представителей младших групп, возраст «старости» наступает существенно раньше в сравнении с позицией старшего поколения. Т.е. мы можем предположить, что в условиях старения населения и соответственно увеличения численности пожилых людей возраст «старости» конструируется не только посредством осознания факта роста продолжительности жизни, но и посредством изменения баланса представительства отдельных социально-демографических групп в населении. Косвенно это подтверждается ранее полученными нами данными, согласно которым уровень толерантного отношения к пожилым людям выше в странах, где фиксируется наибольшее присутствие этих групп в общей структуре [1].

Очевидно, что демографические изменения являются первопричиной старения как населения (популяции *homo sapiens*), так и общества в

целом. Однако в текущих условиях глобальности и необратимости старения населения причинно-следственные связи становятся не столь однозначными. Стареющее общество, адаптируясь к новым демографическим параметрам, «реструктуризирует» понятие возраста «старости», которое во многом определяется социальными конструктами (такими как пенсионный возраст). Старение населения и общества – абсолютно естественные процессы, которые можно лишь ускорить или замедлить, но которым вряд ли можно препятствовать. Возвращаясь к методологическим размышлениям об актуальности подходов к определению возраста «старости», мы сталкиваемся с вопросом: а есть ли место и потребность в этом термине в стареющем обществе?

Закключение. Если древний социум с уверенностью можно назвать «обществом без стариков», то современная демографическая ситуация – противоположная. Опираясь на имеющиеся сведения, предположим, что кардинальные изменения в положении представителей старшего поколения происходили под влиянием революционных цивилизационных прорывов (добыча огня, индустриальная революция и т.д.), а также качественных сдвигов в демографической системе. В частности, расцвет социаль-

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос «На Ваш взгляд, в каком возрасте начинается старость?», 2018 год

Источник: Демоскоп Weekly. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2018/0787/opros01.php>

ных государств в развитых странах пришелся на стадию реализации ими демографических дивидендов, когда доля иждивенческих групп в населении достигла исторического минимума, что позволило создать фундамент для развития протекционистских систем социального обеспечения пожилых граждан. Таким образом, становится очевидным, что конструирование возраста «старости» в ее изначальном проявлении имело преимущественно демографический контекст с ярко выраженными экономическими факторами.

В условиях глобального, необратимого (при сохранении суженного воспроизводства) старения населения и демографической бета-конвергенции (развивающиеся страны «стареют» существенно более высокими темпами, чем развитые) [51] конструирование возраста «старости» постепенно переходит в социальную плоскость. Общества реструктуризируют представление о старости не только через прирост продолжительности жизни (в том числе здоровой), но и через осознание возрастающей роли старшего поколения в поддержании устойчивых темпов социально-экономического развития.

Изменение общественного мнения касательно пожилого возраста в разные исторические периоды определялось восприятием демографической структуры и текущими социально-экономическими условиями. В каждой рассматриваемой нами эпохе отношение к пожилым людям имело свои особенности: менялись и выполняемые ими функции, и социальный облик. Проведенный анализ демонстрирует, что явление системного геронтоцида встречалось на протяжении всей истории

человечества вплоть до XIX в. Очевидно, что основными факторами, определявшими существование данного феномена, выступали элементарная нехватка ресурсов и утрата представителями старшего поколения полезных, по мнению остальной части общества, навыков. Планомерный переход от презрения к пожилым людям до исчезновения понятия «старость», по крайней мере, в значении деградации, можно рассматривать как реакцию общества на изменение продолжительности жизни. В то же время социальное конструирование образа пожилого человека в условиях демографического старения, как и в предыдущие исторические эпохи, осуществляется путем оценки полезности навыков представителей старшего поколения. Основное отличие заключается в том, что если ранее главной социальной функцией человека пожилого возраста выступала «трансмиссия» накопленного им жизненного опыта, то сегодня, в условиях, когда доля пожилых людей в большинстве развитых и развивающихся стран является единственно возрастающей, на данную социально-демографическую группу возлагается ответственность за поддержание устойчивого социально-экономического развития государства. В связи с этим первостепенной становится задача по созданию благоприятных условий для увеличения включенности представителей старшего поколения в общественно полезную деятельность. Это может существенно упростить процесс перехода к новому обществу. Эффективность решения данной задачи зависит не только от самих пожилых людей, но и от политики государства, а также готовности общества принять эти неизбежные изменения.

Литература

1. Барсуков В.Н. Оценка распространенности дискриминационных настроений по отношению к пожилым людям в странах мира // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 4. С. 82–90.
2. Доброхлеб В.Г., Барсуков В.Н. Демографические теории и региональный аспект старения населения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. № 6. С. 89–103.
3. Вишевский А.Г. Это ключ от другого замка // Общественные науки и современность. 2005. № 2. С. 150–155.
4. Клупт М.А. Теория демографического развития: институциональная перспектива // Общественные науки и современность. № 2. 2005. С. 139–149.
5. Россет Э. Процесс старения населения. М. : Статистика, 1968. 508 с.
6. Thompson W.S. Population. *American Journal of Sociology*, 1929, no. 34 (6), pp. 959–975.

7. The aging of populations and its economic and social implications. United Nations : New York, 1965, 128 p.
8. Сови А. Общая теория населения. Т. 2: Жизнь населения / пер. с франц. Ф.Р. Окуновой. М. : Прогресс, 1977. 520 с.
9. Бухер С. Современные тенденции старения населения России // Вестник Российской Академии Наук. 2016. № 3. С. 215–223.
10. Meltem I. Economic and Social Consequences of Population Aging the Dilemmas and Opportunities in the Twenty-First Century. *Applied Research in Quality of Life*, 2015, vol. 10, pp. 735–752.
11. Dlugosz Z. The level and dynamics of population ageing process on the example of demographic situation in Europe. *Bulletin of Geography (Socio-Economic series)*, 2003, no. 2, pp. 5–15.
12. Golini A. Demographic trends and aging in Europe. Prospects, problems and policies. *Genus*, 1997, vol. 53, pp. 33–74.
13. Ryder N. B. Notes on Stationary Populations. *Population Index*, 2017, vol. 41(1), pp. 3–28.
14. Sanderson W., Scherbov S. Average remaining lifetimes can increase as human populations age. *Nature*, 2005, vol. 435(7043), pp. 811–813.
15. Sanderson W., Scherbov S. Remeasuring Aging. *Science*, 2010, vol. 329, pp. 1287–1288.
16. Sanderson W., Scherbov S. The Characteristics Approach to the Measurement of Population Aging. *Population and Development Review*, 2013, vol. 39, pp. 673–685.
17. Lutz W., Sanderson W., Scherbov S. The coming acceleration of global population ageing. *Nature*, 2008, vol. 451(7179), pp. 716–719.
18. Васин С.А. Традиционный и перспективный возраст, или двойственная роль высокой смертности // Demoscope weekly. 2008. № 357–358. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2008/0357/tema03.php>
19. Россет Э. Продолжительность человеческой жизни. М. : Прогресс, 1981. 384 с.
20. Vallois H. Vital Statistics in Prehistorical Population as Determined from Archeological Data. The Application of Quantitative Methods in Archeology. Chicago, 1960. 358 p.
21. Урланис Б.Ц. Эволюция продолжительности жизни. М. : Статистика, 1978. 310 с.
22. Acsádi J. History of human life span and mortality. Budapest : Akadémiai Kiadó, 1970. 346 p.
23. Krzywicki L. Primitive Society and its Vital Statistics. London. : Macmillan and Co, 1934. 589 p.
24. Морган Л. Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. Л. : Издательство института народов Севера ЦИК СССР, 1935. 386 с.
25. Angel J. The Length of Life in Ancient Greece. *Journal of Gerontology*, 1947, vol. 2, pp. 18–24.
26. Pearson C. On the Change in Expectation of Life in Man During a Period of circa 2000 years. *Biometrika*, 1901, vol. 1, pp. 261–264.
27. Macdonel W. On the Expectation of Life Ancient Rome and Provinces of Hispania and Lusitania, and Afrika. *Biometrika*, 1913, vol. 19, pp. 366–380.
28. Dublin L., Lotka A., Spiegelman M. Length of Life: A Study of the Life Table. New York : Ronald Press Co, 1949. 349 p.
29. Страбон География. Л. : Наука, 1964. 944 с.
30. Меликова, К.А. Геронтократия как феномен античной культуры // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. 2014. № 37. С. 24–31.
31. Цицерон М. Т. О старости. О дружбе. Об обязанностях. М. : Наука, 1993. 248 с.
32. Сенека Л.А. Нравственные письма к Луцилию. М. : Наука, 1977. 386 с.
33. Кулишер М.И. Очерки сравнительной этнографии и культуры. С.-Петербург : Тип. И.Н. Скороходова, 1887. 308 с.
34. Russel J. British Medieval Population. Albuquerque : Univ. of New Mexico Press, 1948. 389 p.
35. Valaoras V. Standard Age and Sex Patterns of Mortality. Trends and Differentials in Mortality, 1956, pp. 133–149.
36. Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. 416 с.
37. Котляревский А.А. Древности права балтийских славян: опыт сравнительного изучения славянского права. Прага: тип. В. Нагеля, 1874. 178 с.
38. Westengaard, H. Contributions to the History of Statistics. New York : A. M. Kelley, 1978. 280 p.

39. Pearl R. Introduction to Medical Biometry and Statistics. London : W. B. Saunders company, 1923. 398 p.
40. Новосельский С.А. Смертность и продолжительность жизни в России. Петроград : Тип. Министерства внутренних дел, 1916. 208 с.
41. Hart H. Expectation of Life as an Index of Social Progress. *American Sociological Review*, 1944, vol. 9, pp. 609–621.
42. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М. : Медиум, 1995. 323 с.
43. Бухаров Д. Н. Поездка по Лапландии осенью 1883 года. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1885. 345 с.
44. Литвинова П. Как сажали в старину людей старых на лубок // Киевская старина. 1885. Том XII. С. 354–356.
45. Вишневский А.Г. Незамеченный вклад в теорию демографического перехода // Демографическое обозрение. 2015. №4. Режим доступа: https://demreview.hse.ru/data/2016/04/12/1126752684/DemRev_2_4_2015_6-34.pdf
46. Landry A. La Révolution Démographique. *INED*, 1982. 230 p.
47. Зеликова Ю. А. Стареющая Европа: демография, политика, социология. СПб. : Норма, 2014. 224 с.
48. Lee R., Mason A. Population aging, wealth, and economic growth: demographic dividends and public policy. WESS background paper, 2015, 35 p.
49. Butler R. Ageism: Another form of bigotry. *The Gerontologist*, 1969, no. 9, pp. 243–246.
50. Барсуков В.Н. Причины и последствия конфликта поколений как социальной проблемы «стареющих» государств. Социальное пространство. 2016. № 5. Режим доступа: <http://sa.vscs.ac.ru/article/2069>
51. Барсуков В.Н. От демографического дивиденда к старению населения: мировые тенденции системного перехода // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 4. С. 167–182.

Сведения об авторах

Виталий Николаевич Барсуков – научный сотрудник, Вологодский научный центр РАН (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: Lastchaos12@mail.ru)

Ольга Николаевна Калачикова – кандидат экономических наук, заместитель директора, зав. отделом, Вологодский научный центр РАН (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: onk82@yandex.ru)

Barsukov V.N., Kalachikova O.N.

The Evolution of Demographic and Social Construction of the Age of “Old Age”

Abstract. In the 21st century, global demographic system is in the transition from the stage of demographic dividend implementation to population ageing. A global trend of the age structure transformation is a new, by the history’s standards, phenomenon. Reasons and mechanisms of its emergence are revealed and empirically confirmed. However, the issue of the population ageing’s consequences, which do not have universal mechanisms of formation and differ according to a territorial basis, remains relevant. The reason of differences is not only about socio-economic parameters of countries, which determine the potential to overcome the consequences of demographic ageing, but also about the lack of a common understanding of the “old age” and the correlation between the demographic basis of its construction and the social perception of this category. Population ageing and ageing society are manifestations of the age structure transformation, which have common reasons of emergence, but they are conceptually different in defining the age of the “old age”. Thus, the purpose of this work is to identify and systematize the evolutionary features of demographic and social construction of the age of the “old age”. The article consists of two main parts: the analysis of existing approaches to constructing the age of the population’s

demographic “old age” and features of the transformation of public perception of elderly population in different historical epochs (social construction of the studied category). The main conclusion of the study is that within global, irreversible (with a narrowed reproduction) ageing of the population and demographic beta-convergence, the construction of the age of the “old age” gradually moves into the social area. Societies restructure the concept of the old age not only through the prism of increasing life expectancy (including healthy), but also through awareness of the increasing role of the older generation in maintaining sustainable rates of the socio-economic development. On this background, the main task of “ageing” states is to overcome the persistent (albeit on a less significant scale) manifestations of age discrimination against older citizens.

Key words: age of “old age”, population ageing, older generation, social construction.

Information about the Authors

Vitalii Nikolaevich Barsukov – Researcher, the Vologda Research Center of RAS (56a, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: Lastchaos12@mail.ru)

Ol’ga Nikolaevna Kalachikova – Candidate of Sciences (Economics), Deputy Director, Head of Department, the Vologda Research Center of RAS (56a, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: onk82@yandex.ru)

Статья поступила 04.02.2020.

Формирование механизма взаимодействия социально ответственного бизнеса и региональных органов власти в Арктической зоне РФ

**Медea Владимировна
ИВАНОВА**

Центр гуманитарных проблем Баренц региона
Кольский научный центр Российской академии наук
Апатиты, Мурманская обл., Российская Федерация, 184209, ул. Ферсмана, д. 14
Апатитский филиал Мурманского арктического государственного университета
Апатиты, Мурманская обл., РФ, 184209, ул. Лесная, д. 29, кор. 7, каб. 206
E-mail: medeya999@gmail.com
ORCID: 0000-0002-6091-8804; ResearcherID: J-8019-2018

**Ульяна Евгеньевна
ЯКУШЕВА**

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова
Архангельск, Российская Федерация, 163002, наб. Северной Двины, д. 54, кор. 1,
каб. 209
E-mail: u.yakusheva@narfu.ru
ORCID: 0000-0002-0807-7796; ResearcherID: 3045851

Аннотация. В существующих условиях развития наиболее актуальным является вопрос о распределении социальных функций между государством и бизнесом. Выделяют следующие институты, через которые государство передаёт социальные функции организациям: социальное предпринимательство, некоммерческие организации и корпоративная социальная ответственность. Наиболее важными данные процессы становятся для Арктической зоны РФ, имеющей ресурсную ориентацию и характеризующуюся особой уязвимостью к техногенным, биогенным, социокультурным угрозам. Добывающие компании чаще компаний других отраслей применяют

Для цитирования: Иванова М.В., Якушева У.Е. Формирование механизма взаимодействия социально ответственного бизнеса и региональных органов власти в Арктической зоне РФ // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 1. С. 56–69. DOI: 10.15838/esc.2020.1.67.3

For citation: Ivanova M.V., Yakusheva U.E. The Formation of the Mechanism of Cooperation between Socially Responsible Business and Regional Authorities in the Arctic Zone of the Russian Federation. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2020, vol.13, no. 1, pp. 56–69. DOI: 10.15838/esc.2020.1.67.3

политику социальной ответственности, носящую добровольный характер. Результаты анализа проведенных исследований свидетельствуют о том, что вопросам взаимодействия социально ответственных компаний и региональных органов власти уделено незначительное внимание. Работа посвящена исследованию процессов формирования механизма, определяющего взаимодействие социально ответственных компаний и региональных органов власти Арктической зоны РФ. Информационной основой послужили первичные и вторичные источники информации. Для сбора первичных данных применялось глубинное неструктурированное интервью. Вторичными источниками данных выступили официальные данные сайтов правительства и компаний, нормативно-правовые акты и внутренняя документация компаний (годовые отчеты, уставы, положения, политика, отчеты об устойчивом развитии). В качестве методов интерпретации данных применялись контент-анализ стратегий, синтез и структурный подход. Ограничениями в исследовании выступают доступ к внутренней документации компании и отсутствие обновлений на официальных сайтах правительства и компаний. Несмотря на существующие в исследовании узкие места, полученные результаты представляют интерес для дальнейшего изучения механизма влияния социальной ответственности бизнеса на социально-экономическое развитие территорий и актуализации стратегий развития арктических регионов.

Ключевые слова: социально-экономическая политика, корпоративная социальная ответственность, Арктическая зона РФ, механизм взаимодействия.

Введение

Современные тенденции реализации региональной социально-экономической политики в России характеризуются диверсификацией социальной ответственности и формированием общей солидарной ответственности государства и бизнеса. Разгосударствление социальной ответственности происходит путем развития социального предпринимательства, привлечения и поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций, содействия развитию корпоративной социальной ответственности. Развитие институтов социальной ответственности направлено, с одной стороны, на снижение финансовой нагрузки региональных бюджетов, с другой – на повышение качества предоставляемых социальных услуг. Так, по определению авторов [1], под социальной ответственностью можно понимать деятельность законопослушной компании в отношении граждан любой территориальной единицы, направленную на предоставление социальных выгод для граждан и ведущую к улучшению качества жизни, сохранению биоразнообразия, уменьшению негативного влияния и комплексному развитию данной территориальной единицы. Данный вопрос особенно важен для регионов Арктики в силу их повышенной чувствительности к любым оптимизационным реформам, направленным на снижение госу-

дарственных социальных затрат, особенно в области жизнеобеспечивающих систем.

Так, исследование формирования механизма взаимодействия социальной ответственности компаний и региональных органов власти в Арктической зоне РФ позволит выявить особенности формальных и неформальных взаимосвязей, сложившихся между регионом и бизнесом.

Методология исследования базируется на системном междисциплинарном подходе. Теоретические построения основываются на результатах экспертной оценки отечественных и зарубежных законодательных актов, других нормативных документах, прямо или косвенно регулирующих корпоративную социальную ответственность (КСО), а также на основе результатов интервьюирования выбранных фокус-групп¹.

¹ Эмпирическое исследование проводилось в рамках качественной парадигмы. С целью изучения неявных элементов механизма реализации корпоративной социальной ответственности крупных компаний были проведены фокус-группы, объектом которых выступили представители различных социальных групп, в той или иной мере осведомленные об организационных процессах в области КСО: представители администрации округа (8 чел.); работники нефтегазовых компаний (8 чел.), студенты, проходившие практику в нефтегазовой компании (10 чел.).

На основе контент-анализа стратегии социально-экономического развития арктических регионов были выявлены основные характеристики КСО и особенности всего коммуникационного процесса (критерием анализа послужила частота упоминаний слов «корпоративная социальная ответственность», «государственно-частное партнёрство», «социальный проект» в отношении бизнеса, «частные инвестиции» – в отношении социальных проектов, а также содержательный анализ упоминаний о нефтегазовых компаниях и их социальной роли в развитии региона).

Теоретической основой исследования послужили труды ученых XX века, которые описывали идею передачи части социальных функций бизнесу. Так, Г. Боумен утверждал, что бизнес должен нести ответственность за существующие в регионе социальные проблемы и принимать участие в их решении. Социальная ответственность рассматривалась не как единственно верный, а как возможный путь для развития бизнеса. Г. Боумена считают «отцом Корпоративной Социальной Ответственности» [2, 3]. Похожую идею поддерживал В. Фредерик: ресурсы компаний необходимо использовать не только для решения целей бизнеса, но и для создания «всеобщего социально-экономического блага» [4, 5]. С. Сети, С. Вартрик и Ф. Кохрен, Э. Фриман, Л. Кэррол сформулировали более четко роль социально ответственного бизнеса, которая выражается в проведении тех социальных мероприятий, которые помогут решать социальные проблемы в регионах присутствия [6, 7, 9, 10, 11].

Работы ученых XXI века рассматривают современные практики социально ответственных компаний. Д.А. Рондинелли и М.А. Берри проанализировали различные мероприятия, оказывающие влияние на развитие региона, и выделили порядка 20 типов мероприятий, таких как разработка собственных более строгих стандартов, финансовая поддержка природоохранной деятельности, участие в создании ООПТ, внедрение практики чистого производства, переработка отходов и др. [12]. Л. Шен, Л. Мадали и А. Барве рассматривали эффекты для региона от проведения бизнесом политики социальной ответственности, сгруппировав их в три типа: экономические, социальные и экологи-

ческие [13]. Повышенное внимание уделяется взаимоотношению компаний, добывающих природные ископаемые, и местного населения, так как деятельность данных компаний прямо и косвенно влияет на качество жизни, на развитие региона. Деятельность компаний, добывающих, к примеру, нефть, приводит к сбою работы экосистемы. Если деятельность компании осуществлялась или осуществляется в рамках принятых стандартов, то экосистема восстанавливается с течением времени, а экологический вред, наносимый местным жителям, не приводит к значительному ухудшению качества жизни. Таким образом, компании при помощи социальных программ могут компенсировать наносимый ущерб [14].

А.М. Фадеев, А.Е. Череповицын, Ф.М. Ларичкин утверждали, что государству в целом и северным регионам в частности необходимо выстраивать такую политику взаимодействия с компаниями, которая привлекала бы их к решению существующих социально-экономических проблем, то есть к реализации общественной ценности углеводородных ресурсов. При этом основной проблемой считается необходимость достижения определенных производственных показателей, что приводит к неиспользованию всей потенциальной общественной ценности [15]. А.Н. Пилясов и Н.Ю. Замятина, также уделявшие внимание социальному развитию Арктической зоны, утверждали, что социально-экономическое развитие необходимо рассматривать с «низового уровня» и потребностей местных сообществ [16]. При этом значительный вес приобретает партнёрство с бизнесом, распространённой формой которого является государственно-частное партнёрство в социальной сфере [17]. Р.Н. Павлов рассматривал сущность и роль социального предпринимательства в государстве как «одну из возможных форм перехода из „царства необходимости” в „царство свободы”». Е.В. Попов, А.Ю. Веретенникова, И.В. Наумов, К.М. Козинская выявили факторы, влияющие на повышение уровня социально ориентированного бизнеса: рост автономности общества и гендерного равенства [18, с. 249; 19]. При этом повышение количества социально ориентированных целей и количества участвующих в социальных организациях не оказывает влияния на развитие

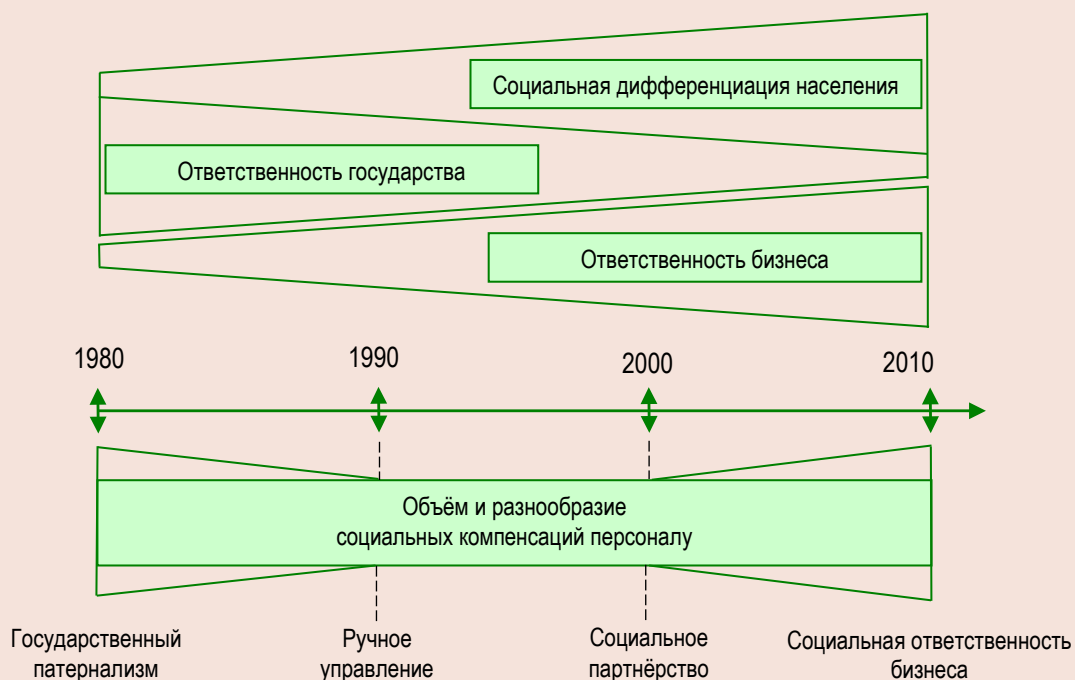
компаний. Полученные результаты доказывают, что популяризация социально ориентированного бизнеса возможна посредством развития принципов демократии. Авторы рассматривают вопросы социального предпринимательства, отличающегося от социальной ответственности бизнеса тем, что бизнес изначально имеет коммерческие цели и получаемую прибыль использует для решения проблем в секторе здравоохранения, культуры и спорта, а социальное предпринимательство ориентировано на получение социального эффекта и функционирование в социальной сфере. Д. Мунн и Д. Вогель предположили, что вопрос взаимоотношения государства и социально ответственного бизнеса может рассматриваться с точки зрения двух подходов: социально ответственный бизнес и правительство являются взаимоисключающими в решении социальных вопросов либо это отношения между участником рынка и правительством [20]. Д.С. Дубовец на основе анализа плательщика социальных компенсаций персоналу рассмотрел эволюцию социальной ответвен-

ности в России, доказав, что в стране используется подход о взаимоисключении бизнеса и правительства при выполнении социальной функции (рис. 1) [21].

Основным отрицательным эффектом от перекладывания государством социальных обязанностей на плечи компаний выступает повышение социальной дифференциации населения [21]. Но на дифференциацию доходов населения влияет множество факторов, а само существование феномена не зависит от исполнителя социальных функций.

Таким образом, исследователи уделяли внимание различным аспектам взаимодействия региона и социально ответственного бизнеса, таким как анализ теоретических подходов к роли бизнеса, эффекты от взаимодействия, отраслевая специфика социально ответственного бизнеса, но вопрос рассмотрения механизма влияния социальной ответственности на развитие региона остаётся не раскрытым в трудах отечественных и зарубежных учёных и требует дальнейшего изучения.

Рис. 1. Социальная ответственность бизнеса и государства

Источник: Дубовец Д.С. Роль социально-трудовых отношений в социально-экономической системе // Человек и труд. 2010. № 9.

Результаты исследования

Под «механизмом влияния корпоративной социальной ответственности» в данном исследовании понимается система звеньев, элементов, взаимодействующих между собой и приводящих в движение друг друга. Для раскрытия механизма далее описаны существующие элементы, формы влияния, их порядок и способ взаимодействия.

Современный механизм взаимодействия социально ответственных нефтегазовых компаний и региональных органов власти, оказывающий влияние на развитие регионов Арктической зоны Российской Федерации, основывается на общности политики компаний и целей региона. Цели региона, как правило, представлены в стратегиях и программах социально-экономического развития и выражают интересы общества, а политика компаний в отношении региона отражается в следующих документах: этический или социальный кодекс; отчёт об устойчивом развитии, отчёт о социальном развитии или отчёт о корпоративной социальной ответственности; годовой корпоративный отчёт; устав; иные отчёты, положения, кодексы.

Исследование формирования механизма взаимодействия проводилось на примере Ненецкого автономного округа (НАО), как одной из территорий присутствия крупных нефтегазовых компаний, имеющих серьёзный опыт реализации КСО. По данным Сводного государственного реестра участков недр и лицензий, с 1993 по 2018 год лицензию на право добычи углеводородных ресурсов на территории НАО получили 72 компании, 20 из которых ведут политику социальной ответственности [22]. Большая часть компаний относятся к холдингам группы компаний «Лукойл», «Роснефть», «Газпром».

Было выявлено, что механизм формируется в рамках взаимодействия формальных институтов, закреплённых в форме законодательных, нормативно-правовых актов, стандартов, и неформальных, представляющих собой стереотипы мышления, привычки, нормы поведения, «договороспособность», которые складываются с течением времени и зависят от ментальных особенностей общества. Рассмотрим четыре ос-

новные формы взаимодействия компаний и региона в рамках формирования механизма:

- взаимодействие, которое происходит в рамках законодательства;
- использование рекомендаций или стандартов по ведению корпоративной социальной ответственности;
- взаимодействие в процессе получения лицензии на право добычи углеводородных ресурсов;
- заинтересованность органов государственной власти и компаний.

1. Взаимодействие, которое происходит в рамках законодательства. В результате рассмотрения нормативного поля социальной ответственности нефтегазового бизнеса в Арктике было выделено три вида нормативно-правовых актов:

- Нормативные акты, регулирующие специфику деятельности компании, основными из которых являются Закон РФ «О недрах»², Федеральный закон «О соглашениях о разделе продукции»³; Закон Ненецкого автономного округа «О внесении изменений в закон Ненецкого автономного округа „О недропользовании“»⁴. Данные нормативно-правовые акты отражают те действия, которые компании обязаны выполнять и которые не могут быть отнесены к корпоративной социальной ответственности. Их рассмотрение позволяет избежать ситуаций, когда компания выдаёт установленные законодательством обязательства за социальную ответственность.
- Нормативные акты, регулирующие благотворительную и добровольческую деятельность, основными из которых являются Всеобщая Декларация Добровольчества⁵, Федеральный

² О недрах: закон Российской Федерации от 21 февраля 1992 г. № 2395-1 (в ред. от 30.09.2017) // СПС КонсультантПлюс.

³ О соглашениях о разделе продукции: Федеральный закон от 30 декабря 1995 г. № 225-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.

⁴ О внесении изменений в закон Ненецкого автономного округа «О недропользовании»: закон Ненецкого автономного округа от 22 декабря 2017 г. № 357-ОЗ // СПС КонсультантПлюс.

⁵ Всеобщая Декларация Добровольчества, принятая на XVI Всемирной конференции Международной ассоциации добровольческих усилий в Амстердаме, январь 2001 г.

закон «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях»⁶, Федеральный закон «О безвозмездной помощи (содействии) Российской Федерации и внесении изменений и дополнений в отдельные законодательные акты Российской Федерации о налогах и об установлении льгот по платежам в государственные внебюджетные фонды в связи с осуществлением безвозмездной помощи (содействия) Российской Федерации»⁷, Закон Ненецкого автономного округа «О договорах и соглашениях Ненецкого автономного округа»⁸. Несмотря на то что корпоративная социальная ответственность подразумевает действия добровольного характера, организация этих действий попадает под законодательное регулирование, которое в свою очередь отражает основные способы реализации социальной активности, а также основные принципы правового регулирования социальной сферы.

— Нормативные акты, регулирующие деятельность правительства и иных государственных органов, основными из которых являются Резолюция «Рекомендации о поддержке добровольчества»⁹, Указ Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах РФ на период до 2024», «О льготах по оплате электрической энергии (мощности) на территории Ненецкого автономного округа»¹⁰, «Об установлении пониженной ставки налога на прибыль организаций для отдельных катего-

рий налогоплательщиков»¹¹. Данная группа документов отражает заинтересованность региона в развитии бизнеса.

В результате анализа нормативно-правовых актов мирового, федерального и местного уровней (всего было проанализировано 43 документа), оказывающих прямое и косвенное воздействие на формирование механизма взаимодействия корпоративной социальной ответственности, были определены возможные способы реализации социальной политики компаний и государственные инструменты мотивации компаний для участия в развитии региона — территории присутствия. Итак, реализация социальной политики компании возможна путем благотворительности, финансирования некоммерческих организаций, через государственно-частное партнёрство, заключение концессионных соглашений, финансирование социально ориентированных предприятий. Компания может самостоятельно принимать участие в социальной активности, а также может участвовать в организации и финансировании деятельности другого юридического лица, деятельность которого носит социальный характер. Анализ показал, что регулирование социальной активности компаний направлено на предотвращение нарушений прав и свобод граждан или защиту интересов участников договора.

Государственные способы мотивации компаний для участия в развитии региона в целом и проведения социальных мероприятий в частности включают: создание нормативных актов, позволяющих закрепить права и регулировать возникающие противоречия; софинансирование совместных проектов, участие в уставном капитале компаний; создание необходимой инфраструктуры для добычи углеводородного сырья; использование финансовых рычагов, таких как налогообложение или льготы по уплате платежей, позволяющих компаниям сократить издержки на добычу углеводорода; регулирование ценообразования при помощи механизма таможенных сборов (импортозамещение). В то же время несовершенство регулирующей системы

⁶ О благотворительной деятельности и благотворительных организациях: Федеральный закон от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.

⁷ О безвозмездной помощи (содействии) Российской Федерации и внесении изменений и дополнений в отдельные законодательные акты Российской Федерации о налогах и об установлении льгот по платежам в государственные внебюджетные фонды в связи с осуществлением безвозмездной помощи (содействия) Российской Федерации: Федеральный закон от 4 мая 1999 г. № 95-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.

⁸ О договорах и соглашениях Ненецкого автономного округа: закон Ненецкого автономного округа от 28 июня 2010 г. № 38-ОЗ // СПС КонсультантПлюс.

⁹ Рекомендации о поддержке добровольчества: резолюция А/RES/56/38, принятая Организацией Объединенных Наций 10 января 2002 г.

¹⁰ О льготах по оплате электрической энергии (мощности) на территории Ненецкого автономного округа: закон Ненецкого автономного округа от 8 февраля 2018 года № 368-ОЗ // СПС КонсультантПлюс.

¹¹ Об установлении пониженной ставки налога на прибыль организаций для отдельных категорий налогоплательщиков: закон Ненецкого автономного округа от 8 октября 2013 года № 88-ОЗ.

может привести к конфликту интересов и ограничению права деятельности компаний. В частности, органы государственной власти должны обеспечивать право малочисленных коренных народов вести традиционную хозяйственную деятельность в местах традиционного проживания. Это ведет к ограничению возможности нефтегазовых компаний оперировать на территориях, относящихся к местам традиционного проживания. В Ненецком автономном округе к таким местам относится муниципальный район Заполярный (кроме городского поселения раб. пос. Искателей). Возникает конфликт интересов: с одной стороны, стоит цель — «получение экономических выгод», а с другой — «сохранение культурного наследия».

В нормативных актах уделяется внимание вопросу поддержки государством деятельности углеводородных компаний, но редко упоминается о добровольном их участии в развитии региона посредством проведения социальных мероприятий. При этом большой блок нормативных актов направлен на законодательное закрепление трудовых прав и регулирование вопросов техники безопасности, развития социальной сферы и внедрения инноваций во все сферы жизни общества.

2. Рекомендации или стандарты по ведению корпоративной социальной ответственности. Другой формой взаимодействия общества и углеводородных компаний является использование добровольных стандартов и рекомендаций корпоративной социальной ответственности и стандартов ведения отчетности об устойчивом развитии компании. Стимулами к соблюдению стандартов являются существующие в отрасли традиции, давление общества или же требование партнеров или поставщиков [23]. Например, в Кодексе деловой этики ПАО «Нефтяная компания „Лукойл“» упомянуто, что компания ожидает от поставщиков одобрения принципов их кодекса и следования стандартам этичного ведения бизнеса, а в Социальном кодексе ПАО «Лукойл» прописаны критерии выбора поставщиков¹².

¹² Кодекс деловой этики ПАО «Нефтяная компания „Лукойл“». URL: <http://www.lukoil.ru/FileSystem/9/312213.pdf> (дата обращения: 12.05.2019); Социальный кодекс ПАО «Лукойл», принятый на заседании Совета директоров ПАО «Лукойл» от 24.10.2017 г. № 16. URL: <http://lukoil.ru/FileSystem/9/166582.pdf> (дата обращения: 12.05.2019).

В результате проведенной нами экспертной оценки более 20 стандартов и рекомендаций по ведению социальной деятельности они были сгруппированы по следующим категориям:

- по сфере применения: стандарты, сфокусированные на регулировании вопросов экологии, охраны труда или экономики;
- по уровню охвата: международные или федеральные;
- по стадии регулирования: стандарты, сфокусированные на процессе и предоставляющие руководства к действию; стандарты, помогающие сформировать отчетность, результаты, оценить представленные показатели.

Было выявлено, что большая часть стандартов нацелена на регулирование как социального, так и экологического аспекта деятельности компании. При этом все стандарты ставят перед собой цель помочь компании построить такую политику, которая позволила бы внести вклад в достижение целей устойчивого развития. Лишь малая часть руководств направлена на процесс составления отчетности об устойчивом развитии. Таким образом, посредством использования стандартов государство может участвовать в регулировании обычаев ведения социального бизнеса через ассоциации, союзы и другие объединения.

3. Взаимодействие в процессе получения лицензии на право добычи углеводородных ресурсов. На основе интервью были выявлены устоявшиеся практики взаимодействия субъектов лицензирования. Лицензия на право добычи полезных ископаемых выдается на конкурсной или аукционной основе и состоит из следующих шагов: объявление конкурса с размещением на официальном сайте правительства; сбор заявок с соответствующими документами; проведение аукциона; вынесение решения конкурсной комиссией. Респонденты отметили, что помимо получения лицензии на право добычи компании составляют технический проект, а также подписывают соглашение, в котором, в частности, приводятся работы по территориальному обустройству участка добычи и меры по ликвидации экологического ущерба. В соглашении наряду с обязательными пунктами могут быть прописаны и дополнительные моменты, например о социальной роли бизнеса в регионе добычи ресурсов. Заявки с наибольшим количеством социально-экономических эффектов для ре-

гиона имеют наибольший шанс на одобрение. Рассмотрение технических заданий позволило сделать вывод, что компании прописывают мероприятия по рациональному использованию и охране окружающей среды, увеличению нефтеотдачи скважины.

4. Заинтересованность органов государственной власти и компаний. О необходимости использовать политику корпоративной социальной ответственности компаниями призывало первое лицо Российской Федерации на XIII съезде Российского союза промышленников и предпринимателей в 2003 году¹³. Президент России отметил, что «социальная ответственность предпринимателей — абсолютная обязательная составляющая участия в производственном процессе»¹⁴.

Анализ показал, что заинтересованность органов государственной власти в развитии корпоративной социальной ответственности выражается не только устными посланиями, но и посредством упоминаний о роли компаний в стратегиях развития.

- **На федеральном уровне:**

1. Энергетическая стратегия России на период до 2030 года¹⁵, в которой одним из основных приоритетов развития объявлено использование компаниями инноваций, стимулирование НИОКР, а также экологическая безопасность и переход на новую структуру топливно-энергетического комплекса. В документе обозначена необходимость для компаний представлять показатели устойчивого развития, а также внедрять стандарты корпоративной социальной ответственности. Прописаны общие меры поддержки корпораций со стороны государства, в частности, с целью развития компаниями социальной сферы; прописаны меры по созданию условий для реализации социальных программ в области развития кадров. Обозначено финансовое участие государства в формировании необходимой инфраструктуры. Арктика выделена как один из регионов развития топливно-энергетического комплекса.

¹³ Официальный сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru> (дата обращения: 29.04.2019).

¹⁴ Официальный сайт Всероссийской организации качества по вопросам социальной ответственности. URL: <http://www.ksovok.com> (дата обращения: 29.04.2019).

¹⁵ Энергетическая стратегия России на период до 2030 года: утв. распор. Правительства РФ от 13 ноября 2009 г. № 1715-р.

2. Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года¹⁶. В ней перечислены проблемы развития Арктики и цели ее дальнейшего развития, где акцент сделан на необходимости государственной поддержки нефтегазовых компаний. В стратегии упомянуто о необходимости привлекать внебюджетные источники финансирования и развивать государственно-частное партнерство.

3. Государственная программа «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 года»¹⁷. В подпрограмме 3 обозначены вопросы развития нефтегазового сектора в Арктике с фокусом на использовании инноваций, а также подчеркнута необходимость сотрудничества государства и бизнеса. При описании участия органов государственной власти в реализации программы упомянуто о потребности соблюдения баланса интересов государства, бизнеса и общества. В рамках выделенных направлений развития Арктики компании могут проводить социальные мероприятия, в частности по развитию науки, инноваций и сохранению окружающей среды. Заинтересованность государства в участии компаний в реализации запланированных мероприятий подтверждается наличием внебюджетных источников финансирования.

4. Стратегия пространственного развития до 2025 года¹⁸. Она определяет планирование развития территорий и проводит анализ существующих проблем. В стратегии упоминается о регионах, входящих в Арктическую зону РФ, как минерально-сырьевых центрах, что говорит об их ресурсной ориентации. В стратегии, с одной стороны, выдвигается необходимость ухода от монопрофильности субъектов, а с другой стороны, развитие минерально-сырьевых центров рассматривается как один из инструментов

¹⁶ Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года: утв. Президентом РФ от 8 февраля 2013 г. № Пр-232.

¹⁷ Государственная программа «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 года»: утв. пост. Правительства от 21 апреля 2014 года № 366.

¹⁸ Об утверждении Стратегии пространственного развития до 2025 года: распор. Правительства РФ от 13 февраля 2019 года № 207-р.

реализации целей стратегии. Это создает противоречие и ставит под сомнение реализацию поставленных целей.

• **На региональном уровне:**

1. Стратегия социально-экономического развития Ненецкого автономного округа на перспективу до 2030 года¹⁹. Контент-анализ показал, что «корпоративная социальная ответственность» и «социальные проекты» в отношении бизнеса не упоминались в стратегии вообще. В стратегии признается большая роль нефти и нефтегазовых ресурсов в экономическом развитии региона: при характеристике развития НАО практически в каждом разделе рассматриваются эффекты от деятельности нефтегазовых компаний, выраженные в основном в виде инвестиций, поступлений в бюджет и в создании рабочих мест. При планировании развития делается акцент на решении существующих проблем, к примеру безработицы, путём переориентирования кадров на базовый сектор. В тексте документа выделяются потребности в диверсификации экономики, но детально проработанных проектов не приводится. Регион рассматривает экстенсивное развитие экономики как базовое направление развития. В стратегии упоминается один из механизмов взаимодействия с компаниями — использование ГЧП (упоминается 10 раз, в т.ч. 4 раза в отношении добывающих компаний), но без выделения основных игроков со стороны нефтегазового бизнеса.

Со стороны компаний заинтересованность в реализации политики корпоративной социальной ответственности может выражаться в получении выгод:

- посредством наград и грамот для признания общественностью;
- членства в клубе, продвигающем идеи социальной ответственности, для получения контактов, заключения соглашений, продвижения бизнеса, получения инвестирования и др.

К мировым клубам относят следующие: Business for Social Responsibility²⁰, The

¹⁹ Стратегия социально-экономического развития Ненецкого автономного округа на перспективу до 2030 года: утв. пост. Собрания депутатов Ненецкого АО от 22 июня 2010 г. № 134-сд.

²⁰ Официальный сайт Business for Social Responsibility. URL: <https://www.bsr.org> (дата обращения: 04.05.2019).

Conference Board²¹, CSR Europe²², Европейский банк реконструкции и развития²³. В Российской Федерации популярными считаются следующие ассоциации:

- Ассоциация менеджеров России²⁴;
- Российский союз промышленников и предпринимателей, Комитет по социальной и демографической политике²⁵;
- Торгово-промышленная палата Российской Федерации, публикующая «Реестр надёжных поставщиков» и «Реестр социально ответственных организаций России»²⁶.

При планировании развития бизнеса компании делают акцент на эффектах для региона как экономических — налоговые поступления, так и социальных — создание рабочих мест. Одновременно и регион готов участвовать в создании экономической инфраструктуры для разработки новых месторождений. Однако неурегулированным остается вопрос об использовании объектов инфраструктуры после освоения нефтегазового комплекса: смогут ли к ней иметь доступ граждане и другие компании? Существующие стратегии развития арктических регионов необходимо актуализировать с выделением значительной роли социально ответственного бизнеса в регулировании социальных проблем в силу готовности и заинтересованности бизнеса участвовать в их решении.

Результаты проведенного исследования процессов формирования механизма влияния корпоративной социальной ответственности нефтегазовых компаний на развитие регионов Арктической зоны Российской Федерации позволили разработать формализованную схему, отражающую совокупное взаимодействие основных формальных и неформальных институтов КСО (рис. 2).

²¹ Официальный сайт The Conference Board-. URL: <https://www.conference-board.org> (дата обращения: 04.05.2019).

²² Официальный сайт CSR Europe. URL: <https://www.csreurope.org> (дата обращения: 04.05.2019).

²³ Официальный сайт European Investment Bank. URL: <https://www.eib.org/en/index.htm> (дата обращения: 04.05.2019).

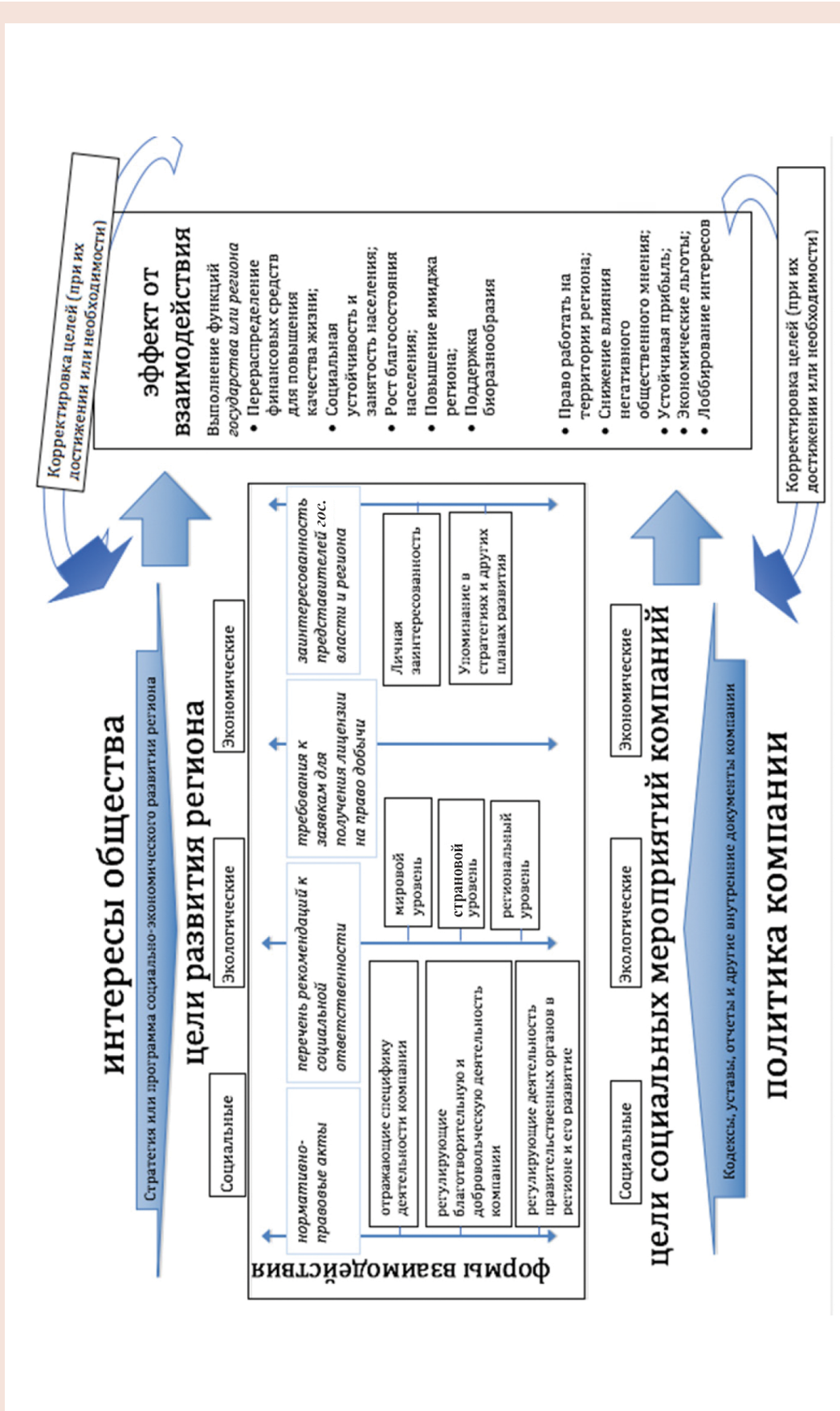
²⁴ Официальный сайт Ассоциации менеджеров России. URL: <https://amr.ru> (дата обращения: 08.05.2019).

²⁵ Официальный сайт Российского союза промышленников и предпринимателей. URL: <http://www.rspp.ru> (дата обращения 08.05.2019).

²⁶ Официальный сайт Торгово-промышленной палаты Российской Федерации. URL: <https://tpprf.ru> (дата обращения: 08.05.2019).

Рис. 2. Механизм взаимодействия социально ответственного крупного бизнеса и региональных органов власти Арктической зоны Российской Федерации

Источник: составлено авторами.

Политика региона и компаний в области решения социальных проблем отражена в целях, для достижения которых оба игрока осуществляют взаимодействие в рассмотренных четырех формах. Помимо представленных форм взаимодействия региона и компаний механизм основывается на эффектах, полученных от взаимодействия и корректировки целей. Механизм влияния запускает социодинамический мультипликатор, действие которого проявляется в экономических, социальных и экологических эффектах на мезо- и микроуровнях соответствующей территории.

А. На мезоуровне:

1. *Экономические эффекты* связаны в первую очередь с расширением финансовой основы регионального бюджета и местных бюджетов – территорий присутствия. Обеспечение социальной устойчивости территории, занятости населения и создание новых рабочих мест. Повышение имиджа региона как места работы и жизни.

2. *Социальные эффекты* проявляются в улучшении качества жизни местного социума,

росте его благосостояния (увеличение материальных, финансовых, социальных и духовных благ) (табл. 1).

3. *Экологические эффекты* связаны в первую очередь с поддержанием биоразнообразия и минимизации антропогенного воздействия на окружающую среду.

В качестве примеров социальных эффектов на мезоуровне можно рассмотреть инициативы, реализованные на территории Ненецкого автономного округа Группой компаний «Лукойл», ООО «СК Русвѣтпетро» и АО «Тоталь».

Б. На микроуровне:

1. *Дополнительные экономические* выгоды компании: развитие потенциала рабочей силы, выход на новые рынки, улучшение отношений с местным сообществом.

2. *Устойчивая прибыль в будущем:* вкладываемая часть денежных средств в социальные и филантропические программы, корпорации сокращают свою текущую прибыль, но в долгосрочной перспективе создают благоприятное социальное окружение.

3. *Экономические льготы* в виде налоговых преференций (табл. 2).

Таблица 1. Примеры социальной активности нефтегазовых компаний в Ненецком автономном округе

Компания	Год реализации	Мероприятие	Сумма	Результат/ эффект
Группа компаний «Лукойл»	С 2005 года по настоящее время	Конкурс социальных и культурных проектов на территории присутствия	~42 млн. рублей	Поддержано около 200 проектов
	С 2015 по 2018	Поддержка оленеводческих сельскохозяйственных кооперативов «Харп», «Ерв» и «Ижемский оленевод и Ко»	~120 млн. рублей	Проведение ежегодного праздника, поставка необходимых препаратов
	2017	Изучение влияния деятельности компании на окружающую среду, совместно с РОО «Совет по морским млекопитающим»	~50 млрд. рублей	Проведение конференции, пополнение банка знаний
	2017	Восстановление рыбных ресурсов, сохранение биоразнообразия	280,2 млн. рублей	Сохранение существующей экосистемы в местах присутствия
АО «Тоталь» Разведка Разработка (Россия)	2009	Финансирование строительства объектов социальной инфраструктуры	-	Построена школа № 2 в поселке Искателей
ООО «СК Русвѣтпетро»	2016	Финансирование расселения аварийного и ветхого жилья.	20 млн. рублей	Проживающие в ветхом жилье, непригодном для жизни, получили новые квартиры
Источники: Официальный сайт нефтяной компании «Лукойл». URL: http://www.lukoil.ru/ ; официальный сайт ООО «СК «Русвѣтпетро». URL: https://www.rvpetro.ru/ ; официальный сайт правительства Ненецкого автономного округа. URL: http://adm-nao.ru (дата обращения: 30.09.2019).				

Таблица 2. Получаемые нефтегазовыми компаниями экономические льготы

Льгота	Характеристика
0 % налога на добычу полезных ископаемых	При нормативных потерях или добыче попутного газа и иных случаях статьи 342 НК РФ.
Снижение суммы налога на добычу полезных ископаемых	Снижение суммы отчислений при переработке газового конденсата.
Налог на прибыль в размере в размере 13,5 %	Снижение ставки налога в региональный бюджет.
Освобождение от НДС	Передача товаров и имущественных прав при благотворительной деятельности, реализация медицинских и образовательных услуг.
Уменьшение суммы налог на прибыль	Учитываются расходы на изготовление и распространение социальной рекламы; послабления для участников региональных инвестиционных проектов (снижение ставки до 0%).
Источники: Налоговый кодекс Российской Федерации, Закон Ненецкого автономного округа от 8 октября 2013 года № 88-03 «Об установлении пониженной ставки налога на прибыль организаций для отдельных категорий налогоплательщиков».	

4. *Лоббирование интересов*, направленное на формирование положительного имиджа компании. Положительный имидж компании позволяет снизить степень недоверия к ней граждан, которые впоследствии воспринимают ее как активно участвующую в развитии региона²⁷.

5. *Снижение влияния негативного общественного мнения*.

Механизм взаимодействия социально ответственного бизнеса и региональных органов власти был рассмотрен на примере Ненецкого автономного округа, но в силу схожести специфики развития арктических регионов из-за их зависимости от добывающей отрасли может быть экстраполирован на все территории Арктической зоны Российской Федерации.

Дискуссия по достигнутым результатам и выводы

В результате исследования был рассмотрен механизм влияния социально ответственного бизнеса на социально-экономическое развитие регионов Арктической зоны РФ на примере нефтегазовых компаний Ненецкого автономного округа. Существующий механизм базируется на формальных и неформальных институтах. К формальным относится действующее нормативно-правовое поле, а к неформальным — обычаи делового оборота, практики и «договороспособность» участников процесса.

Получаемые в результате взаимодействия положительные эффекты являются одним из основных факторов, мотивирующих регион предоставить доступ к территориям с полезными ископаемыми и выдать лицензию на право добычи этих полезных ископаемых. Социальные программы являются также механизмом перераспределения ресурсов муниципальными и региональными властями с целью решения вопросов социального и экологического характера. Для компании положительные эффекты служат стимулом к участию в развитии региона и формируют дальнейшую стратегию деятельности в выбранном регионе. Таким образом, и компании, и регион несут солидарную ответственность за решение существующих в регионе социальных проблем. Нормативно-правовое поле в достаточной степени регулирует корпоративную социальную ответственность и раскрывает основные способы реализации социальных мероприятий.

Дальнейшее исследование формирования механизма влияния социальной ответственности бизнеса на социально-экономическое развитие регионов Арктической зоны РФ позволит выявить особенности сложившихся социальных взаимосвязей между регионом и бизнесом и раскрыть потенциал регионального рынка социальных услуг, особенно — отдалённых территорий.

²⁷ Под лоббированием понимается процесс отстаивания своих интересов определенными законодательством способами (консультации, экспертные советы, публичные слушания и др.). Статьи 30–45 Конституции Российской Федерации // СПС КонсультантПлюс.

Литература

1. Yakusheva U. The development of corporate social responsibility. *Management in the High North: young researchers' contribution*, 2015, vol. 1, pp. 52–74.
2. Bowen H.R. *Social responsibilities of the businessman*. New York: Harper & Row, 1953. 276 p.
3. Bowen H.R. *Toward social economy*. Carbondale, IL: Southern Illinois University Press, 1977.
4. Frederick W.C. The growing concern over business responsibility. *California Management Review*, 1960, no. 2, pp. 54–61.
5. Frederick W.C. From CSR1 to CSR2: The maturing of business and society thought. *Business and Society*, 1994, vol. 33, no 2, pp. 150–167.
6. Благоев Ю.Е. Генезис концепции корпоративной социальной ответственности // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2006. № 2. С. 3–26.
7. Freeman R.E. *Stakeholder thinking: the state of the art*, in: Näsi, J. (ed.): Understanding stakeholder thinking, Helsinki, LSR-Publications, 1995, pp. 35–46.
8. Freeman R.E. The stakeholder approach revisited. *Zeitschrift für Wirtschafts- und Unternehmensethik*, 2004, Jg. 5, Heft 3, pp. 228–241.
9. Carroll A.B. A three dimensional conceptual model of corporate performance. *Academy of Management Review*, 1979, vol. 4, pp. 497–505.
10. Carroll A.B. Ethical challenges for business in the new millennium: Corporate social responsibility and models of management morality. *Business Ethics Quarterly*, 2000, vol. 10 (1), pp. 33–42.
11. Carroll A.B., Shabana K.M. The business case for corporate social responsibility: A review of concepts, research and practice. *International journal of management reviews*, 2010, vol. 12 (1), pp. 85–105.
12. Rondonelli D., Berry M. Environmental citizenship in multinational corporations: Social responsibility and sustainable development. *European Management Journal*, 2000, vol. 18 (1), pp. 70–84.
13. Shen L., Muduli K., Brave A. Developing a Sustainable Development Framework in the Context of Indian Mining Industries: AHP approach. *Resource Policy*, 2013, vol. 46, pp. 15–26. DOI: 10.1016/j.resourpol.2013.10.006
14. Hilson G., Murck B. Sustainable development in the mining industry: clarifying the corporate perspective. *Resources Policy*, 2000, vol. 26, pp. 227–238.
15. Фадеев А.М., Череповицын А.Е., Ларичкин Ф.Д. Устойчивое развитие нового добывающего региона при реализации нефтегазовых проектов на шельфе Арктики // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2012. № 1 (19). С. 33–37.
16. Замятина Н.Ю., Пилясов А.Н. Новая теория освоения (пространства) Арктики и Севера: полимасштабный междисциплинарный синтез // Арктика и Север. 2018. № 31. С. 5–27. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.31.5
17. Пилясов А.Н. Контуры Стратегии развития Арктической зоны России // Арктика. Экология и экономика. 2011. № 1. С. 38–47.
18. Павлов Р.Н. Политическая экономия как теоретико-методологическая основа для выявления основных тенденций развития социального предпринимательства // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 4. С. 235–251. DOI: 10.15838/esc.2018.4.58.15
19. Неформальная институциональная среда социального предпринимательства / Е.В. Попов, А.Ю. Веретенникова, И.В. Наумов, К.М. Козинская // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 4. С. 217–234. DOI: 10.15838/esc.2018.4.58.14
20. Moon J., Vogel D. Corporate social responsibility, government and civil society. The Oxford handbook of corporate social responsibility, *Oxford: Oxford University Press*. 2008. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199211593.003.0013
21. Дубовец Д.С. Роль социально-трудовых отношений в социально-экономической системе // Человек и труд. 2010. № 9.
22. Официальный сайт Сводного государственного реестра участков недр и лицензий. URL: <https://old.rfgf.ru/license/index.php> (дата обращения: 23.03.2019)
23. Rai G., Hooda K. Corporate Social Responsibility: Review of literature. *International Journal of Social Science & Interdisciplinary Research*, 2013. Vol. 2 (6), pp. 38–44.

Сведения об авторах

Медеева Владимировна Иванова – доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Центр гуманитарных проблем Баренц региона, Кольский научный центр Российской академии наук (184209, Мурманская обл., г. Апатиты, ул. Ферсмана, д. 14), заведующий кафедрой, Апатитский филиал Мурманского арктического государственного университета (184209, Мурманская обл., г. Апатиты, ул. Лесная, д. 29, кор. 7, каб. 206; e-mail: medeya999@gmail.com)

Ульяна Евгеньевна Якушева – старший преподаватель, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (163002, Архангельская обл., г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 54, кор. 1, каб. 209; e-mail: u.yakusheva@narfu.ru)

Ivanova M.V., Yakusheva U.E.

The Formation of the Mechanism of Cooperation between Socially Responsible Business and Regional Authorities in the Arctic Zone of the Russian Federation

Abstract. In the current development conditions, the issue of distributing social functions between the state and a business is the most relevant. There are several institutions through which the state transfers social functions to organizations: social entrepreneurship, nonprofit organizations, and corporate social responsibility. These processes are the most important for the RF Arctic zone, which is resource oriented, and it is characterized by a special vulnerability to technogenic, biogenic, and socio-cultural threats. Mining companies adopt a voluntary social responsibility policy more often than companies from other industries. The results of the analysis of conducted studies show that a little attention is paid to issues of cooperation between socially responsible companies and regional authorities. This work is devoted to studying processes of the formation of mechanisms defining cooperation between socially responsible companies and regional authorities of the RF Arctic zone. Primary and secondary sources of information served as the informational basis. To collect primary data, we used in-depth unstructured interviews. Secondary data sources were official data from government and companies' websites, legal acts, and internal documentation of companies (annual reports, ordinances, regulations, policies, and reports on sustainable development). Content analysis of strategies, synthesis, and structural approach were used as methods of data interpretation. Access to company's internal documentation and the lack of updates on government and companies' official websites were restrictions of the research. Despite the existing bottlenecks in the research, the results are interesting for the further study of the mechanism of influence of business' social responsibility on the territories' socio-economic development and actualization of strategies for the Arctic regions' development.

Key words: socio-economic policy, corporate social responsibility, RF Arctic zone, mechanism of influence.

Information about the Authors

Medeya Vladimirovna Ivanova – Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, Leading Researcher, Barents Centre of the Humanities, The Kola Research Center of the Russian Academy of Sciences (14, Fersmana street, Apatity, the Murmansk Oblast, 184209), Head of Department, The Apatity Branch of Murmansk Arctic State University (Office 206, build. 7, 29, Lesnaya street, Apatity, the Murmansk Oblast, 184209; e-mail: medeya999@gmail.com)

Ul'yana Evgen'evna Yakusheva – Senior Lecturer, The Northern Arctic Federal University named after M.V. Lomonosov (Office 209, build.1, 54, Severnaya Dvina Emb., Arkhangelsk, 163002; e-mail: u.yakusheva@narfu.ru)

Статья поступила 25.07.2019.

Научно-технологическое развитие российской экономики в условиях перехода к новому технологическому укладу*

Владимир Сергеевич

УСКОВ

Вологодский научный центр РАН

Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького д. 56а

E-mail: v-uskov@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5158-8551; ResearcherID: T-6713-2017

Аннотация. В современных развитых странах начался активный поиск новых источников роста. Один из них – научно-технологический потенциал (НТП), реализуемый через новые информационные, цифровые и промышленные технологии, развитие которых в совокупности приводит к становлению нового технологического уклада и ускорению роста производительности труда. На долю НТП приходится до 90% от совокупного вклада всех факторов прироста валового внутреннего продукта этих стран. Формирование нового уклада – это современный глобальный тренд, в который важно вписаться для поддержания конкурентоспособности экономики. Ориентация экономики России на экспорт энергоресурсов создает угрозы экономической и технологической безопасности национального хозяйства. Таким образом, в контексте кардинальных технологических и структурных сдвигов мировой экономической системы задача перехода России к новому технологическому укладу приобретает особую актуальность. Важными направлениями ее решения являются создание качественно новых производственных отношений, благоприятствующей нормативно-правовой среды и приведение ее в соответствие с требованиями нового технологического уклада, формирование соответствующего информационного и материально-технического оснащения для реализации новых технологий и видов деятельности. Цель данной статьи – анализ научно-технологического развития РФ в условиях перехода к новому технологическому укладу. Представлено обобщение теоретических основ сущности технологических изменений экономики в рамках перехода к новому технологическому укладу; изучен

* Статья подготовлена при поддержке гранта Президента РФ (МК-3098.2019.6).

Для цитирования: Усков В.С. Научно-технологическое развитие российской экономики в условиях перехода к новому технологическому укладу // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 1. С. 70–86. DOI: 10.15838/esc.2020.1.67.4

For citation: Uskov V.S. Scientific and Technological Development of the Russian Economy in the Transition to a New Technological Order. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2020, vol. 13, no.1, pp. 70–86. DOI: 10.15838/esc.2020.1.67.4

отечественный и зарубежный опыт реализации национальных планов и стратегий в сфере научно-технического и инновационного развития; проанализированы состояние и тенденции научно-технологического развития РФ по ключевым индикаторам новой технологической революции; выявлены проблемы развития экономики в рамках перехода к новому технологическому укладу; разработан комплекс мер по активизации процессов научно-технологического развития РФ в новых условиях.

Ключевые слова: научно-технологическое развитие, новый технологический уклад, проблемы, состояние, тенденции, направления развития.

Введение

Положение страны на мировом рынке и рост национальной экономики определяется её конкурентоспособностью, повышение которой достигается за счет успешности и скорости продвижения социально-экономической системы государства и его регионов по пути научно-технологического развития.

На протяжении только последних ста лет в нашей стране наблюдалось как эволюционное, так и революционное изменение целевых ориентиров развития национальной экономики и входящих в ее состав подсистем. Например, с 90-х гг. прошлого века в качестве целевой установки экономического развития выступало обеспечение перехода к рыночной экономике, преодоление последствий структурного кризиса, противодействие мировому финансовому кризису. В последнее десятилетие на первый план вышла задача преодоления сырьевой зависимости страны, обеспечения на этой основе высоких темпов экономического роста, выхода страны в мировые лидеры. Решение этой задачи в определяющей степени зависит от создания условий для инновационного развития экономической системы, формирования организационно-экономического уклада, соответ-

ствующего экономике знаний (инновационной экономике, когнитивной экономике, экономике, базирующейся на знаниях, инновационной модели развития).

В этой связи проблема обеспечения научно-технологического развития экономики в долгосрочной перспективе находится в фокусе внимания исследователей, исполнительных органов государственной власти, общественных организаций [1, 2]. Однако говорить о значительных успехах в этой сфере пока преждевременно. О нерешенности данной проблемы и, значит, её актуальности свидетельствует тот факт, что в международных рейтингах с точки зрения ресурсного потенциала науки (интеллектуальный потенциал, инфраструктура, финансирование, регулирование) и востребованности научных результатов Россия значительно отстает от лидеров инновационного развития (Швейцарии, Великобритании и Швеции) по всем ключевым индикаторам. Так, по итогам 2017 г. Россия занимала 46 место по Глобальному индексу инноваций; 45-е – по уровню развития технологий; 36-е – информационно-коммуникационных технологий; 62 место – креативной деятельности (табл. 1).

Таблица 1. Рейтинг РФ по основным индикаторам Глобального индекса инноваций

Индикатор	Место в рейтинге		
	2013 г.	2016 г.	2017 г.
Глобальный инновационный индекс	62	43	46
Институты	87	73	73
Человеческий капитал и наука	33	23	23
Инфраструктура	49	60	62
ИКТ	28	35	36
Развитие внутреннего рынка	74	63	60
Развитие бизнеса	52	37	33
Развитие технологий и экономики знаний	48	40	45
Развитие креативной деятельности	101	66	62
Источник: Глобальный индекс инноваций (Global Innovation Index) : официальный сайт. URL: https://www.globalinnovationindex.org/			

Существенное отставание России в инновационном развитии является следствием ориентированности ее экономики на экспорт сырьевых ресурсов. Наличие богатых природных ресурсов формирует так называемый синдром «сырьевого проклятия», что не позволяет национальной экономике интенсивно развивать наукоемкий высокотехнологичный сектор [3], а значительная дифференциация территорий страны не способствует формированию региональных инновационных систем и, следовательно, государства в целом. Это, в свою очередь, сдерживает переход экономики на инновационный путь, не обеспечивает высокие темпы роста и национальную конкурентоспособность.

Вместе с тем определяющим фактором экономического лидерства становится технологическое развитие. Рост технологической конкуренции требует установить в качестве важнейшего приоритета страны формирование перспективной технологической структуры экономики. Одной из основных задач российского государства становится переход к новому технологическому укладу. Следовательно, необходимо определить приоритетные направления развития науки, технологий и техники, сформировать эффективное инфраструктурное обеспечение, стимулировать бизнес к созданию и внедрению новых технологий. Решение этой задачи позволит России не только участвовать в формировании рынков будущего, но и занять достойное место в глобальных технологических цепочках.

В этой связи целью исследования стал анализ научно-технологического развития РФ в условиях перехода к новому технологическому укладу.

На достижение данной цели направлено решение следующих задач:

- 1) изучение сущности технологических изменений экономики в рамках перехода к новому технологическому укладу;
- 2) обобщение отечественного и зарубежного опыта реализации национальных планов и стратегий в сфере научно-технологического и инновационного развития;
- 3) анализ состояния, определение тенденций научно-технологического развития РФ по ключевым индикаторам и выявление проблем,

препятствующих переходу экономики к новому технологическому укладу;

- 4) обоснование комплекса мер по активизации процессов научно-технологического развития РФ.

Теоретические аспекты исследования

Проблема экономического роста волнует отечественных и зарубежных ученых не одно десятилетие. В настоящее время среди основных факторов экономического роста приоритное место занимает уровень технологического развития [4]. Об этом свидетельствует тот факт, что страны, имеющие высокий технологический уровень, находятся среди мировых лидеров. Как правило, это индустриальные страны, в которых достигнут высокий уровень технико-технологического развития и квалификации трудовых ресурсов [5]. Другими словами, высокотехнологичная промышленность обеспечивает более высокие темпы роста экономики в целом. Этот тезис является основополагающим в теории стадий экономического роста Уолта Ростоу [6], теории единого индустриального общества Раймона Арона [7] и нового индустриального общества Джона Гелбрейта [8], теории постиндустриального общества Даниела Бэлла [9] и др. [10–14]. Практическое подтверждение данного тезиса наглядно демонстрируют США, которые весьма активно ведут процессы реиндустриализации, т.е. «возвращают» из развивающихся государств предприятия обрабатывающей промышленности. Причем этот возврат в значительной степени связан с еще большей экономией труда, порожденной интенсивной автоматизацией современного промышленного (индустриального) производства и применением робототехники в развитых странах [15].

Составной частью теоретической платформы исследования индустриализации и новой индустриализации является теория долгосрочного технико-экономического развития, дающая объяснение закономерностей технологической динамики. Основным понятием данной теории выступает «технологический уклад», изучению феномена которого посвящены работы многих зарубежных и российских экономистов (среди них Д. Риккардо, К. Маркс, Й. Шумпетер, Д.С. Львов, С.Ю. Глазьев, Ю.В. Яковец, А.А. Сытник и др.).

Основоположник современного взгляда на технологический уклад – Н.Д. Кондратьев. По его мнению, главной причиной цикличности является необходимость обновления основных производственных фондов. Основную роль в развитии цивилизации он отводил научно-техническим инновациям [16]. Он считал, что перед повышательной волной длинного цикла происходит серьезная трансформация в различных сферах жизни общества, которые связаны с изменением науки и техники.

В российской экономической науке модель технологического уклада стала основным аналитическим инструментом анализа технологических революций [17, 18, 19]. Технологический уклад понимается как «крупный комплекс технологически сопряженных производств», с определенной периодичностью замещаемый другим комплексом, более современным по составу используемых технологий.

Ведущие отечественные ученые [20] определяют технологический уклад как некоторую совокупность технологически связанных друг с другом производств, близких по качественным характеристикам технологии, ресурсов и выпускаемой продукции. Аналогичного взгляда придерживаются большинство российских ученых, осуществивших исследования в 1990-е – начале 2000-х гг.

Анализ отечественной и зарубежной литературы по изучаемой тематике позволил нам выделить три основных подхода к сущности категории «технологический уклад». Техно-технологического подхода придерживаются С.Ю. Глазьев, Ю.В. Яковец, Р.М. Нижегородцев, Т.П. Николаева, Дж. Доси и др. Эволюционный подход к технологическому укладу отстаивают В.И. Маевский, В.В. Иванов, Р.И. Цвылев и др. За институциональный подход ратуют К. Перес, Б. Карлссон, Р. Станкевич, Н.И. Иванова, В.В. Киселева, О.С. Сухарев, А.Г. Фонов и др. (табл. 2).

Подходя критически к определению понятий «техно-экономическая парадигма» и «технологический уклад» («технологическая система»), можно заключить, что эти понятия весьма схожи. Принципиальное отличие состоит в том, что, трактуя первое, зарубежные исследователи придерживаются институционального подхода, а также учитывают динамику технологического и экономического развития. В работах же отечественных ученых внимание преимущественно сосредоточено на технико-технологической стороне и без учета изменений.

В настоящее время мировые тенденции свидетельствуют о переходе к новому, шестому технологическому укладу, основными трендами которого являются [26]: переход на кастомизи-

Таблица 2. Основные направления исследования сущности категории «технологический уклад» [21–25]

Название подхода	Представители	Определение
Технико-технологический	С.Ю. Глазьев, Ю.В. Яковец, Р.М. Нижегородцев, Т.П. Николаева, Дж. Доси	1. Совокупность технологически сопряженных производств, сохраняющая целостность в процессе своего развития, «некоторая совокупность подразделений, близких по качественным характеристикам технологии ресурсов и выпускаемой продукции». 2. Техно-экономическая парадигма – совокупность технологически сопряженных «кластеров технологий», основанных на радикальных инновациях.
Эволюционный	В.И. Маевский, В.В. Иванов, Р.И. Цвылев	1. Совокупность эволюционно развивающихся технологических направлений. 2. Технологический уклад позволяет изучать закономерности технико-экономического развития в виде структурных изменений, развитие экономики рассматривает с точки зрения ее прогрессирующей информатизации и распространения в экономике вещественных процессов.
Институциональный	К. Перес, В.В. Киселева, А.Г. Фонов, О.С. Сухарев, Б. Карлссон, Р. Станкевич	1. Техно-экономическая парадигма – комплекс промышленных секторов, соответствующая ему институциональная структура, инфраструктура, финансовая структура, а также социально-экономический климат и специфическая система отношений между трудом и капиталом, сформировавшихся на базе внедренного в фазе депрессии пучка базисных технологических инноваций и опосредующих развитие нового технологического стиля. 2. Технологическая система – сеть агентов, взаимодействующих в специфической экономической (например, отраслевой) области при соответствующей институциональной инфраструктуре и участвующих в разработке, диффузии и использовании технологий, при этом акцент в них делается на радикальных инновациях, т.е. на новых технологиях, которые приводят к вытеснению устаревших.

рованное производство, рост инжиниринговых компаний; массовое использование аддитивных технологий, 3D-принтеров; имитационное моделирование; стирание географических барьеров и исчезновение посредников.

Изучение теоретико-методологических подходов и передового зарубежного опыта позволяет заключить, что информационные технологии и цифровая трансформация являются основным фактором технологических перемен и условием обеспечения конкурентоспособности как на уровне отдельных предприятий, так и на уровне стран и наднациональных объединений, приводя к перестройке всех экономических и производственных процессов, радикальному повышению производительности, повышению качества и снижению себестоимости товаров и услуг [27]. Важнейшими стремительно развивающимися технологиями являются роботизация, 3D-печать, искусственный интеллект, интернет вещей и подключение технологических объектов к Интернету, автоматизированное проектирование, новые сенсоры и датчики, использование интеллектуальных сетей в энергетике, создание материалов с заданными свойствами. В целом эти технологии позволяют создавать и использовать в промышленности киберфизические системы – производства под управлением программ с использованием сложных датчиков, где нет необходимости в участии людей. Это проявляется в тотальной автоматизации технологических и бизнес-процессов, в максимальной горизонтальной и вертикальной информационной интеграции [28, 29, 30].

Указанные тренды обеспечивают сокращение потребления материалов, рост производительности труда, увеличение «интеллектуальной» доли в затратах, а также географическую доступность товаров, что является крайне актуальным для России.

Материалы и методы исследования

При проведении исследования использовалась совокупность методических подходов, обеспечивающих необходимую комплексность оценки возможности усиления роли новой промышленной революции в развитии производства, повышения эффективности и конкурентоспособности российской экономики в условиях перехода к новому технологическому укладу.

Оценка уровня научно-технологического развития промышленного сектора РФ и степени его готовности к развитию в условиях перехода к новому технологическому укладу осуществлялась на основе массива статистической информации, охватывающего, во-первых, показатели инновационного развития экономики, во-вторых, показатели, характеризующие социально-экономический потенциал РФ, результативность экономической и социальной политики; в-третьих, показатели развития реального сектора экономики РФ и рынка информационно-коммуникационных технологий. Методами анализа являются сравнительный анализ, методы познания, контент-анализ, методы диалектической логики, метод синтеза основ теории и эмпирического опыта.

Научная новизна исследования заключается в развитии методических подходов к определению инновационных преобразований научно-технологического сектора РФ в контексте перехода к новому технологическому укладу и развитию экономики, ориентированной на внедрение в производство цифровых технологий, выступающих технологической основой для экономического роста российской экономики.

Основные результаты исследования

Низкие темпы роста российской экономики позволяют утверждать, что возможности экономического роста за счет сырьевых факторов в основном исчерпаны. Перед Россией стоит задача достижения качественного роста, который может быть обеспечен только на основе научно-технологического развития, т.е. перехода к новому технологическому укладу.

Эта задачи диктуются также «большими вызовами» глобального характера, с которыми столкнулись все страны мира. В числе таких вызовов – исчерпание потенциала дальнейшего роста производительности в большинстве развитых стран: с 2011 года значения данного показателя не превышают 1% в год [31].

Ответом индустриально развитых стран (США, Германия, Великобритания, Япония, Китай, Южная Корея и др.) на этот вызов стала научно-технологическая и инновационная политика, нацеленная на стимулирование разработок и внедрение передовых технологий, которые обеспечат высокую производительность и, как следствие, технологический и экономический рост. При этом ставка делается на развитый индустриальный сектор.

Это находит отражение в реализации странами различных стратегий, планов и программ, стимулирующих наращивание научно-технологического и промышленного потенциала, совершенствование инновационных систем, обновление технической базы индустрии (табл. 3).

В России активно обсуждаются также возможные перспективы использования новых технологий. В 2016 г. принята Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации до 2035 года [36], в которой в качестве приоритетных направлений развития отечественной науки, технологий и инноваций закреплены:

1. Проведение исследований, стимулирующих обеспечение РФ технологиями новой промышленной революции.
2. Создание интерактивной среды интеллектуального, цифрового производства. Развитие «зеленой» энергетики.

3. Поддержание ресурсного баланса общества в условиях ограниченности природных ресурсов для индустрии.

4. Развитие продовольственной безопасности страны.

5. Адаптация государства к рискам, связанным с будущими демографическими изменениями и сложностью социально-технологических систем.

В 2017 г. принята программа «Цифровая экономика» (сейчас это национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации»). Ведется и разработка программ регионального уровня. Подобные документы, как правило, содержат цели и план работ по модернизации существующих производств на основе новых цифровых технологий, включают создание и развитие предприятий в информационно-коммуникационной сфере, формирование в стране соответствующей инфраструктуры и правовой базы.

Таблица 3. Национальные планы и стратегии в сфере научно-технического и инновационного развития, принятые в некоторых развитых и стремительно развивающихся странах

Страна	Наименование документа	Период
Франция	Национальный план исследований	2013–2018 гг.
	План восстановления промышленности	С 2013 г.
	Инновации – 2030	2013–2030 гг.
	Национальная стратегия высшего образования	2014–2018 гг.
Германия	Индустрия 4.0	2011–2020 гг.
	Расширенная стратегия развития высоких технологий	В разработке
Италия	Промышленность 2015	2006–2025 гг.
	Предназначение Италии	С 2013 г.
Япония	Комплексная стратегия науки, технологий и инноваций	2013–2030 гг.
Великобритания	Стратегия инновационного развития и исследований	С 2011 г.
	Стратегия промышленного развития	С 2012 г.
США	Стратегия инновационного развития	С 2009 г.
ЕС	Европейские передовые инновационные инициативы	2012 г.
	За европейский промышленный ренессанс	2014 г.
	Европейская рамочная программа исследований и инноваций «Горизонт - 2020»	2014–2020 гг.
Индия	Десятилетие инноваций	2010–2020 гг.
Китайская Народная Республика	Средне- и долгосрочный Национальный план по развитию науки и техники	2006–2020 гг.
	13-я пятилетка развития науки и техники	2016–2020 гг.

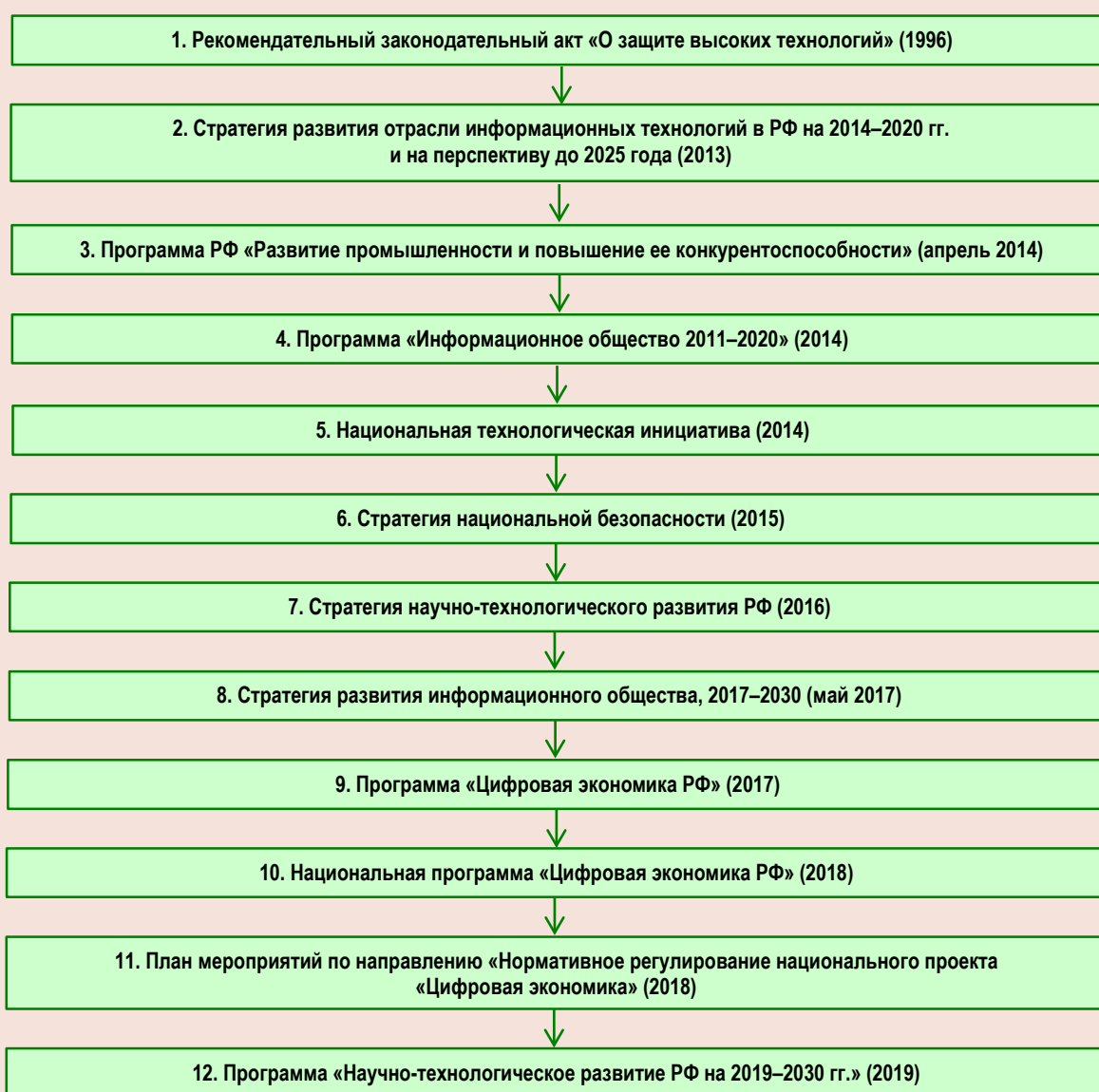
Источники: OECD Science, Technology and Industry Outlook 2014. OECD, 2014. 480 p. URL: http://www.keepeek.com/Digital-Asset-Management/oecd/science-and-technology/oecd-science-technology-and-industry-outlook-2014_sti_outlook-2014-en#page114; OECD Science, Technology and Industry Outlook 2016. OECD, 2016. – 196 p. URL: https://read.oecd-ilibrary.org/science-and-technology/oecd-science-technology-and-innovation-outlook-2016_sti_in_outlook-2016-en#page1

Кроме государственной программы 2017 года в России принят ряд стратегических документов, которые значительно влияют на применение цифровых технологий в отечественной экономике. Начало было заложено еще в 1996 году в связи с принятием Рекомендательного законодательного акта «О защите высоких технологий», который был направлен на формирование условий для развития информационных технологий (рис. 1).

Таким образом, адаптируясь к «большим вызовам» и главным тенденциям мировой экономики, Российская Федерация ставит задачу перехода к новому технологическому укладу, ядро которого включает информатизацию и цифровизацию экономических процессов во всех сферах хозяйственной деятельности.

Однако серьезным препятствием на пути решения этой задачи является низкая доля внутренних затрат на информационно-ком-

Рис. 1. Нормативно-правовая база, регулирующая развитие высокотехнологичных производств на основе развития информационных технологий

Источник: составлено автором.

Таблица 4. Затраты на информационно-коммуникационные технологии в ВВП за период с 2010 по 2017 г.

Показатель	2010 г.	2012 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2010-2017 гг., %
Затраты на ИКТ, млрд. руб.	516	843	1175	1153	1249	1012	196,1
ВВП, млрд. руб.	46309	68164	79199	83387	86010	92000	198,7
Затраты на ИКТ в ВВП, %	1,11	1,24	1,48	1,38	1,45	1,10	-0,01

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели», 2003–2018 гг. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156

муникационные технологии в валовом внутреннем продукте страны (табл. 4). Проведенный нами анализ показал, что за период с 2010 по 2017 г. данный показатель существенно не изменился.

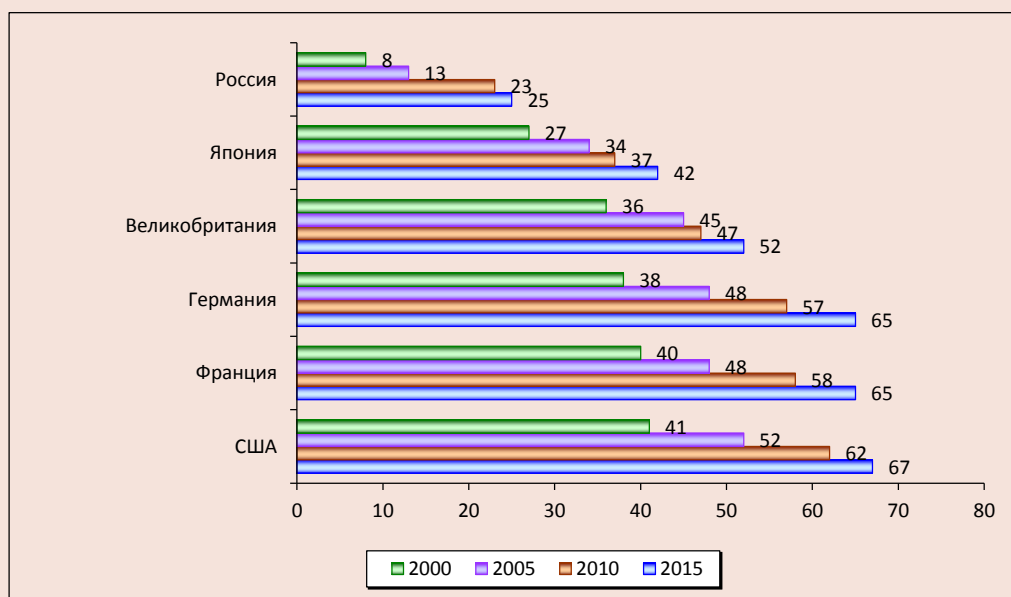
За отмеченный период затраты организаций на информационные и коммуникационные технологии увеличились более чем в 6 раз – со 160 до 1012 млрд. руб. соответственно. Вместе с тем их доля в ВВП не увеличивалась, а даже уменьшалась.

В настоящее время в статистике отсутствует подробная информация о годовой динамике показателя затрат организаций на информационные и коммуникационные технологии в ВВП зарубежных стран. Однако изучение публикаций по данной тематике позволяет сделать вывод о том, что в развитых странах, в частности в

Германии, в последние годы значение данного показателя в ВВП составляло от 3 до 4% (т.е. в четыре раза выше, чем в РФ).

Как уже отмечалось, основным мотивом для развертывания новой промышленной и технологической политики в передовых странах мира послужила необходимость преодоления замедления темпов роста производительности труда. В период с 2000 по 2015 г. устойчивый рост данного показателя в этих странах сохранялся (рис. 2). В отношении России можно констатировать, что она по-прежнему отстает от стран-лидеров: её показатель в 2–2,5 раза ниже, чем в Германии, Франции и США. Как показывают представленные данные, в России не достигнут даже тот уровень производительности труда, который был в развитых странах 10–20 лет назад.

Рис. 2. Производительность труда по странам (по ППС в расчете на одного занятого, долл. США)

Источник: Новая технологическая революция: вызовы и возможности для России: экспертно-аналитический доклад. М., 2017. 136 с.

Таким образом, перед Россией стоит задача обеспечения устойчивого роста уровня производительности труда для полной реализации потенциала национальной экономики. Чтобы повысить производительность, требуется технологическая модернизация производств, включающая в себя введение в эксплуатацию новой техники, обновление основных производственных фондов, прежде всего оборудования, комплексную автоматизацию производств и т. д. По мнению абсолютного большинства опрошенных руководителей российских промышленных предприятий (84%), ключевым внутренним условием для роста производительности труда является повышение технического уровня производства¹.

Технологическая модернизация должна отражаться в росте инвестиций в основной капитал, чего сегодня в России не наблюдается: по данным Росстата, степень износа основных

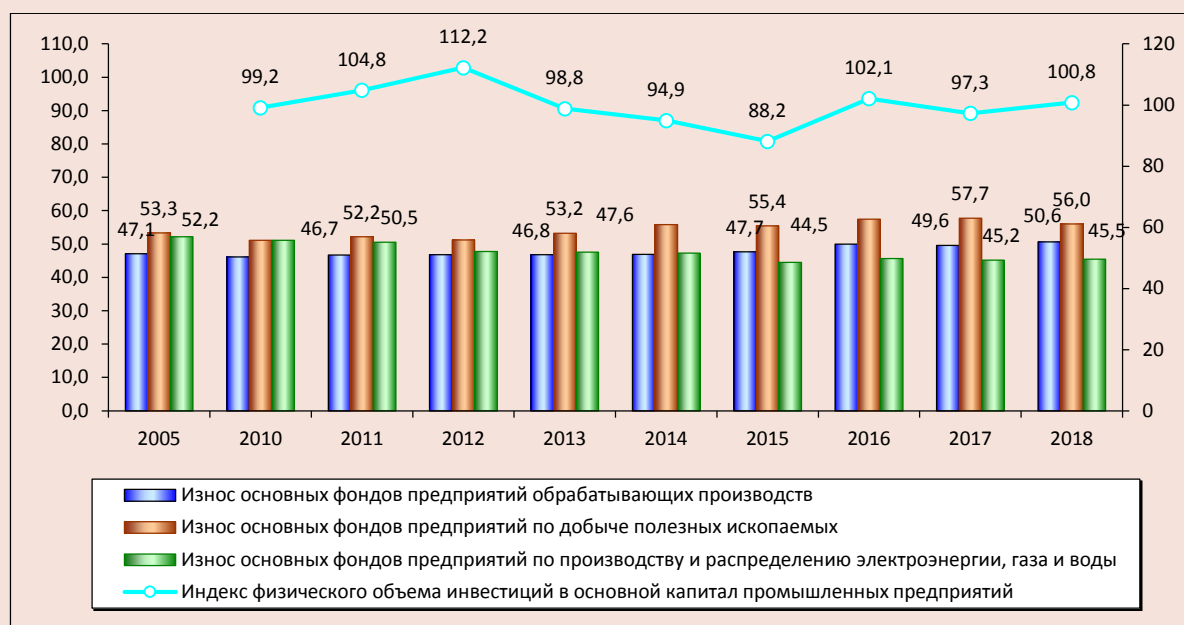
фондов в обрабатывающей промышленности стабильно увеличивалась с 2005 года (47,1%) по 2018 год (50,6%). Подобная динамика прослеживается и в добывающей промышленности, а также на предприятиях по распределению электроэнергии, газа и воды (рис. 3).

Анализ динамики индекса физического объема инвестиций в основной капитал говорит о том, что, несмотря на увеличивающуюся степень износа основных фондов, объем инвестиций в российскую промышленность, прежде всего в высокотехнологичные сферы, практически не растет.

Наблюдается отставание России и по другим ключевым индикаторам технологического развития.

Во-первых, уровень инновационной активности промышленных организаций остается весьма низким (около 10%). В последние десятилетия доля инновационных товаров в общем

Рис. 3. Степень износа основных фондов промышленных предприятий и индекс физического объема инвестиций в основной капитал промышленных предприятий РФ

Источники: Эффективность экономики России. Режим доступа: <https://www.gks.ru/folder/11186>; Технологическое развитие отраслей экономики. Режим доступа: <https://www.gks.ru/folder/11189>

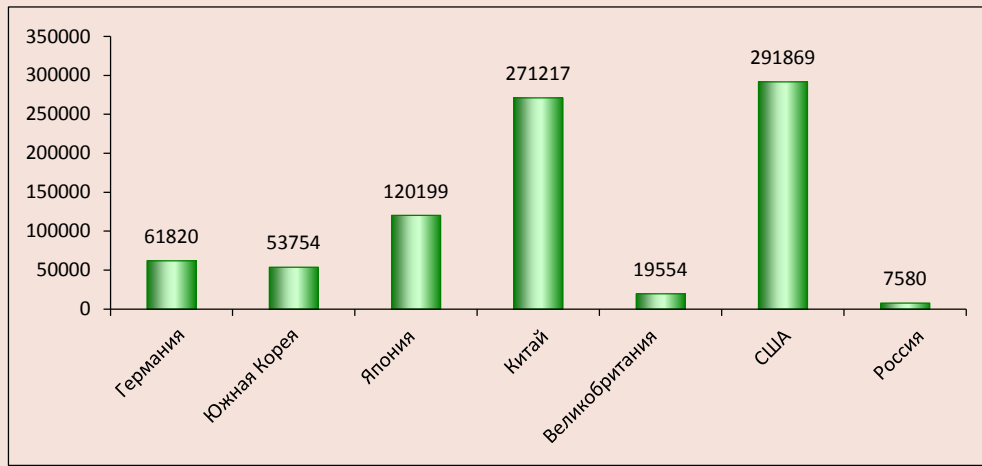
¹ Производительность труда. Результаты опроса 500 руководителей промышленных предприятий // Минпромторг России, фонд «Центр стратегических разработок», Центр мониторинга развития промышленности, Агентство по технологическому развитию. 2017.

объеме отгруженных товаров в национальных масштабах не превышала 10%. Затраты промышленных предприятий на НИОКР находятся на крайне низком уровне: в 2015 году – всего 0,3% ВВП по данным ОЭСР. Для сравнения: аналогичный показатель в Китае составлял 1,54% ВВП, в США – 1,79% ВВП, в Японии – 2,72% ВВП (рис. 4).

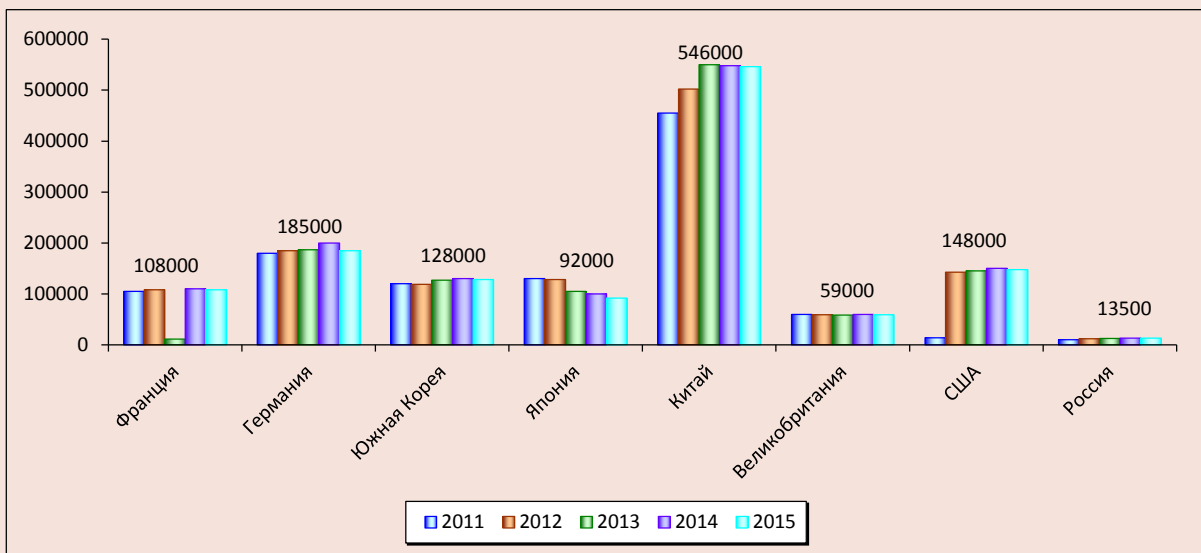
Во-вторых, наблюдается сокращение уровня диверсификации производимой продукции, в результате чего происходит смещение структуры экспорта России в сторону продуктов низкой сложности (порядка 80% в структуре экспорта) с одновременно низким уровнем объемов экспорта обрабатывающей промышленности (рис. 5).

Рис. 4. Затраты на НИОКР промышленных предприятий в 2015 г., млн. долл. США (в постоянных ценах)

Источник: The Global Competitiveness Report 2017–2018. Geneva: World Economic Forum. 2017. P. 249.

Рис. 5. Объем высокотехнологичного экспорта отдельных стран, млн. долл. США

Источник: составлено на основе данных Всемирного банка. Режим доступа: <https://data.worldbank.org/indicator/TX.VAL.TECH.MF.ZS>

В-третьих, имеет место запаздывание в создании новых отраслей и рынков разворачивающейся технологической революции. Несмотря на постепенное восстановление экономики, в ВВП России сохраняется низкая доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей (табл. 5).

Все эти факты позволяют говорить о том, что для российской экономики характерна инновационная стагнация, массового перераспределения ресурсов в пользу прогрессивных технологических укладов нет, в промышленном секторе сформировалось устойчивое технологическое отставание.

В то же время, судя по данным о динамике показателей прироста физического объема ВВП, рентабельности активов, рентабельности продаж и удельной величины объема инновационных товаров, работ, услуг, преобладающие в российской промышленности III и IV технологические уклады достигли пределов экономического роста (табл. 6).

В-четвертых, разрыв между Россией и странами-лидерами в части зарегистрированных патентов в таких сферах, как робототехника, новые материалы, аддитивные технологии, ин-

дустриальный Интернет вещей и т. д., измеряется разами. По данным Всероссийского научно-исследовательского института авиационных материалов, доля России на мировом рынке аддитивных технологий в 2016 году составила около 1,7% [31].

В-пятых, крайне низкий уровень финансирования НИОКР: в целом по стране на исследования и разработки выделяется порядка 1,10% ВВП, в то время как в странах – технологических лидерах этот показатель составляет 3–4% их ВВП [28, 31].

В-шестых, сохранение низких темпов цифровизации и платформизации экономики. Согласно исследованию [31], Российская Федерация занимает 41 место по готовности к цифровой экономике (десять лидирующих стран: Сингапур, Финляндия, Швеция, Норвегия, Соединенные Штаты Америки, Нидерланды, Швейцария, Великобритания, Люксембург и Япония). По экономическим и инновационным результатам использования цифровых технологий Россия находится на 38 месте, значительно отставая от Финляндии, Швейцарии, Швеции, Израиля, Сингапура, Нидерландов, США, Норвегии, Люксембурга, Германии и др.

Таблица 5. Динамика вклада наукоемких отраслей в ВВП

Показатель	Значение по годам						
	2010	2011	2012	2013	2014	2016	2016 к 2010, %
Объем ВВП, млрд. руб.	39763,2	41457,8	42869,6	43444,4	43722,7	43855,4	110,3
Доля продукции наукоемких отраслей в ВВП, %	22,8	21,9	22,1	23,1	23,5	23,7	0,9
Объем высокотехнологичной продукции в пост.ценах, млрд. руб.	9066	9079	9474,2	10036	10275	10316	113,8
Прирост объема высокотехнологичной продукции в ВВП отн. 2010 года, %	–	0,14	4,50	10,70	13,34	13,52	13,4*
* 2016 г. к 2011 г. Источник: Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: http://www.gks.ru/							

Таблица 6. Динамика показателей ВВП, рентабельности организаций в целом по Российской Федерации за 2000–2016 гг.

Показатель	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2012 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Индекс ВРП, прирост, %	10,6	7,6	4,6	3,1	1,3	-0,6	0,8
Рентабельность активов, %	7,6	8,8	6,7	6,1	2,5	3,9	4,9
Рентабельность продаж, %	18,9	13,5	10	8,6	7,3	8,1	8,7
Объем инновационных товаров, работ и услуг, %	4,4	5,0	4,8	8	8,7	7,9	8,4
Источник: Россия в цифрах. 2017: крат. стат. сб. / Росстат. М., 2017. 511 с.							

Такое положение России результат низкой проработанности нормативно-правовой базы и недостаточно благоприятных условий для применения цифровых технологий и внедрения инноваций бизнес-структурами. Следует сказать, что в 2016 году Индекс цифровизации экономики и общества (I-DESI) составил в России 0,47. Для сравнения: в ЕС среднее значение этого показателя – 0,54; лидерами по уровню цифровизации стали Дания (0,67), Финляндия (0,66), Швеция (0,65) и Нидерланды (0,64) [31].

Следствием заметного отставания России по ключевым индикаторам технологического развития является весьма незначительная доля наукоемкой продукции и продукции с высокой долей добавленной стоимости в экспорте.

Таким образом, проведенный нами анализ позволяет сделать вывод о низком уровне научно-технологического развития в России, который препятствует решению задачи повышения производительности труда и включению страны в глобальные тренды. В контексте этого, как нам представляется, государственная политика в научно-технологической и промышленной сферах требует существенных корректировок.

Предложения

В условиях перехода к новому технологическому укладу один из возможных путей решения вышеобозначенных проблем, а также ответ на вызовы, с которыми в настоящее время сталкивается российская экономика, видится прежде всего в стимулировании научно-технологического развития промышленного сектора.

Становление нового технологического уклада происходит на базе процессов в общественной системе, включающих в себя инновации, интенсивные вложения в информационные, цифровые технологии. Для экономики знаний характерны тесные связи между наукой и сферой технологий, высокая значимость инноваций для экономического роста и конкурентоспособности, равно как и значимость образования, непрерывного обучения, увеличения инвестиций в нематериальные активы: НИОКР, программное обеспечение, образование. Поэтому успешность развития экономики знаний и активный рост инновационных производств тесно взаимосвязаны. Исходя из этого, следует отметить особую важность формирования эффективных институтов научно-

технологического развития [5, 14]. Реализация поставленных целей предполагает соответствующие мероприятия. Во-первых, речь идет о создании благоприятной нормативно-правовой среды, приведении ее в соответствие с требованиями цифровой экономики как нового уклада и качественно новых производственных отношений. Во-вторых, необходимо соответствующее информационное и материально-техническое оснащение для реализации новых технологий и видов деятельности. В-третьих, важно внести изменения в систему подготовки и переподготовки кадров, повышения квалификации по новым специальностям. Кроме того, следует разработать подходящие механизмы поддержки отечественных компаний, наиболее продвинутых в плане новых технологий [37].

Необходимо понимать, что регулирование экономики в период становления нового уклада требует внимательного подхода со стороны государственного аппарата. Становление экономики нового типа невозможно без инноваций, так же как невозможна реализация продукции на мировом рынке без постоянной гонки за повышением ее конкурентоспособности.

Характер и методы государственного регулирования должны быть связаны с политикой в инвестиционной сфере, финансированием фундаментальных наук и рискованных проектов.

В целях научно-технологического развития промышленного сектора следует сформировать государственную политику по реиндустриализации промышленности в условиях глобализации, структурной трансформации национальной экономики и приступить к её эффективной реализации. А создание высокотехнологичных производств и инновационно-активных предприятий позволит повысить уровень конкурентоспособности отраслей промышленности, ее инновационного потенциала [17; 24] и социально-экономического развития России и ее регионов [31; 34].

Промышленная политика государства должна быть направлена на стимулирование технологического перевооружения промышленных предприятий; модернизацию основных производственных фондов; создание условий для реализации результатов интеллектуальной деятельности в промышленном производстве;

расширение производства инновационной продукции; развитие производственного и инновационного потенциала предприятий.

Для формирования и реализации механизма государственной политики в сфере научно-технологического развития могут быть использованы различные методы и подходы (табл. 7).

Изменение форматов управления научно-технологическим развитием в условиях перехода к новому технологическому укладу должно базироваться на концептуальной основе смены модели экономического роста, сценариев формирования технологического лидерства, модели управления процессами научно-технических изменений, механизмов реализации стратегий технологического развития (рис. 6).

Механизмы управления системой научно-технологических преобразований должны быть направлены, с одной стороны, на сокращение сроков разработки и коммерциализации «прорывных» технологических решений, обеспечивающих стратегическое позиционирование региона, с другой стороны, на перенастройку механизмов взаимодействия всех субъектов интеграционных процессов системы «наука—образование—производство» в целях обеспечения равномерности распределения инновационных технологических решений.

В свою очередь, данный подход позволяет определить основные параметры международного позиционирования технологического развития по инновационно-технологическому и

рыночному потенциалам, базирующиеся на стратегиях технологического развития, формируемых на основе соотношения источников знаний (технологии/профессиональные компетенции):

- мировая технологическая конкурентоспособность (новые сектора экономики регионов: высокотехнологичный; сектор «экономики знаний»);
- локальная технологическая конкурентоспособность (базовые сектора экономики: ресурсно-сырьевой, инфраструктурный);
- нишевое лидерство в новых секторах экономики регионов и базовых секторах экономики.

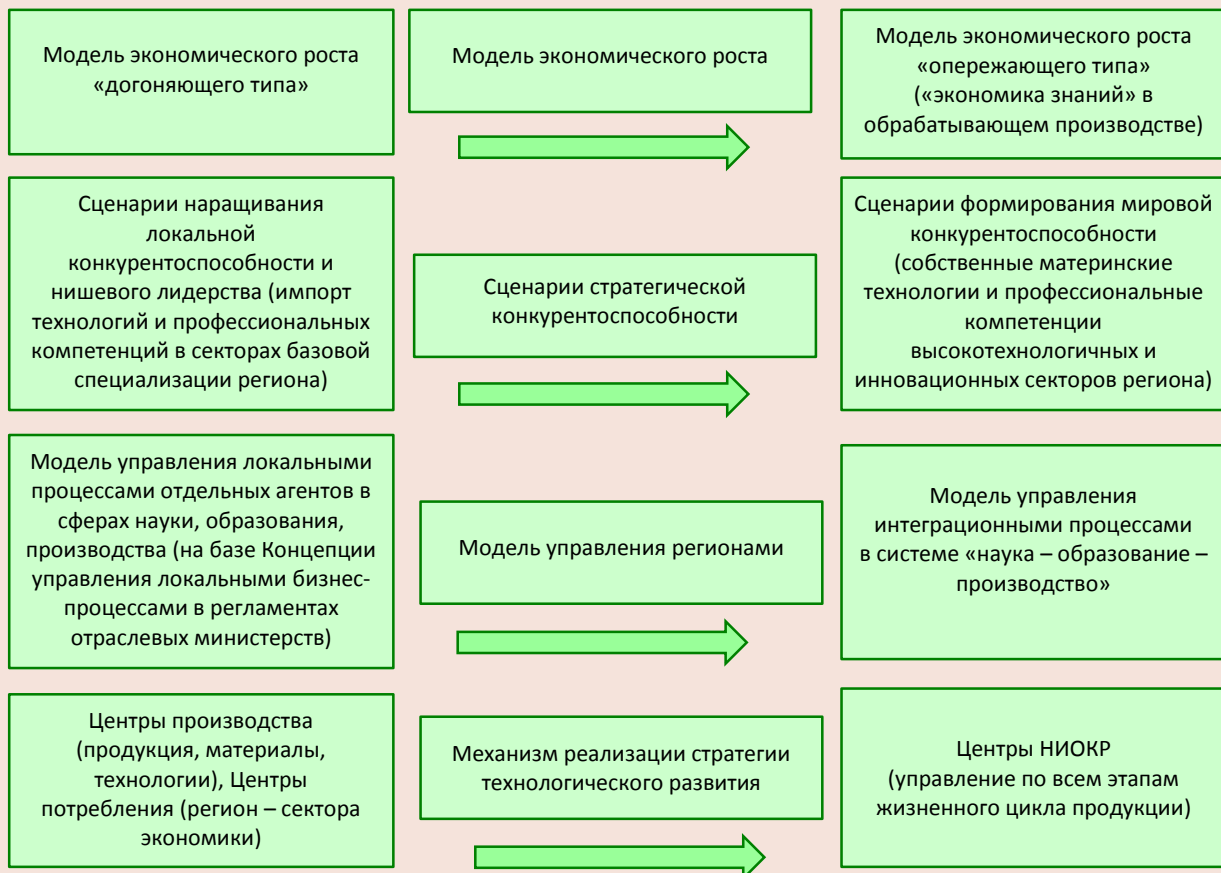
По нашему мнению, с целью ускорения технологических преобразований поддержка крупного, среднего и малого бизнеса должна осуществляться только при условии соответствия инновационно-технологических решений следующим требованиям:

- новое качество экономического роста региона (новые товарные рынки и рынки труда; доля производства с высокой добавленной стоимостью; интеллектуальный потенциал; новые профессиональные компетенции);
- новое качество жизнедеятельности населения (доступность; экономичность; безопасность здоровья);
- новое качество потребления (энергоэффективность; экономичность; продуктивность; результативность).

Таблица 7. Методы реализации механизма государственного научно-технологического развития в условиях перехода к новому технологическому укладу [38]

Прямые методы	Косвенные методы
Финансирование НИОКР из федерального и региональных бюджетов	Налоговые кредиты и льготы
Контроль закупок технологий и инноваций за рубежом	Стимулирование предприятий через изменения в ценовой и таможенной политике
Страхование риска, существующего в инновационной деятельности	Ускоренная амортизация
Субсидирование научно-технических разработок	Формирование инновационных научно-технологических центров на базе ведущих вузов страны
Дотационное финансирование отдельных инновационных проектов и выделение средств на создание площадок для их взаимодействия	Совершенствование законодательства в вопросах патентного права, интеллектуальной собственности
Частичное предоставление государственных гарантий для привлечения в проекты средств разных типов инвесторов: банков, инвесткомпаний и т.д.	Создание правового механизма покупки или вхождения в капитал малых инновационных компаний крупного бизнеса
Институт специнвестконтрактов	

Рис. 6. Концептуальная основа изменения форматов управления научно-технологическим и инновационным развитием

Источники: составлено автором на основе: Коровин Г., Ченчевич С., Крохина Е. О роли региональных институтов инновационного развития // Проблемы теории и практики управления. 2018. № 12. С. 84; Ленчук Е.Б., Власкин Г.А. Формирование цифровой экономики в России: проблемы, риски, перспективы // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2018. № 5. С. 9.

В качестве институционального обеспечения изменения форматов управления могут выступать «институты профессиональных заказчиков» на инновационно-технологические решения (ИТР), необходимые для перехода на технологии VI технологического уклада. На наш взгляд, для выполнения функционала «профессиональных заказчиков» на ИТР можно использовать форматы региональных технологических платформ, объединяющих взаимодействие субъектов интеграционной системы «наука—образование—производство».

Заключение

Таким образом, реализация курса научно-технологического развития экономики в условиях перехода к новому укладу включает уста-

новление приоритетов экономического и научно-технического развития, усиленное финансирование НИОКР, инвестирование в производственно-технологические комплексы нового уклада, формирование соответствующей институциональной среды. Принимаемые решения, в том числе приоритеты роста и развития, должны быть взаимосвязаны, во-первых, с объектами инновационной трансформации, во-вторых, с предпочтениями основных экономических агентов, в-третьих, с внешними и внутренними условиями и факторами и с динамикой изменений внутри страны.

В связи с этим выбору приоритетных направлений расходования сил и средств должен предшествовать системный анализ потенциала

социально-экономической системы в разрезе всех ее подсистем, с учетом истории, накопленного опыта, состояния технологий, ресурсной базы и интеллектуального потенциала.

Развитие высокотехнологичных производств в рамках формирования нового уклада предусматривает более широкий и глубокий анализ секторов национального хозяйства. Существующие темпы развития страны в этом направлении связаны с экстенсивным ростом электронных сегментов рынка. Сравнительно скромные преимущества по большинству направлений современного НТП ставят под сомнение возможность кардинально изменить расклад сил на мировой научно-технологической арене и развить высокие темпы роста конкурентоспособных производств на базе цифровых технологий. Применение системных принципов к обоснованию стратегических приоритетов и способов воздействия предполагает соизмерять целевые показатели цифровых

технологий за счет тех или иных источников с имеющимся интеллектуальным и технико-технологическим потенциалом экономики.

Для обеспечения роста высокотехнологичных производств в условиях цифровой трансформации промышленного сектора страны требуется системная парадигма экономики и общества, которая служит единственно адекватным методологическим базисом инновационно-технологического развития социально-экономической системы и ее звеньев в условиях кардинальных перемен.

Результаты исследования могут быть использованы для аналитических, прогнозных исследований динамики региональных и национальных макросистем, для выработки рекомендаций по созданию предпосылок активизации экономического роста в условиях перехода к новому технологическому укладу. Это позволит повысить качество реализуемой экономической политики.

Литература

1. Ускова Т.В., Чекавинский А.Н. Закон о стратегическом планировании в Российской Федерации: достоинства и нерешенные вопросы (экспертная оценка) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. № 4. С. 63.
2. Гулин К.А., Мазилев Е.А., Ермолов А.П. Импортзамещение как инструмент активизации социально-экономического развития территорий // Проблемы развития территории. 2015. № 3. С. 7
3. Проблемы экономического роста территории / Т.В. Ускова, Е.В. Лукин, Т.В. Воронцова, Т.Г. Смирнова. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. 170 с.
4. Ильин В.А., Поварова А.И. Проблемы регионального развития как отражение эффективности государственного управления // Экономика региона. 2014. № 3. С. 48
5. Коровин Г.Б. Теоретические аспекты новой индустриализации России // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). URL: <http://journal-s.org/index.php/sisp/article/view/2803/0>
6. Rostow Walt. The Stages of Economic Growth: A Non-Communist Manifesto. Cambridge University Press, 1960. 173 p.
7. Арон Р. Этапы развития социологической мысли: пер. с англ. М.: Прогресс-Политика, 1993. 608 с.
8. Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество: пер. с англ. М., АСТ, 2004. 602 с.
9. Bell D. The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting. New York: Basic Books, 1999.
10. Тоффлер Э. Третья волна. М., 1999.
11. Глазьев С.Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. М.: Экономика, 2010. 255 с.
12. Рифкин Дж. Третья промышленная революция: как горизонтальные взаимодействия меняют энергетику, экономику и мир в целом: пер. с англ. М., 2014.
13. Jenike M., Jakob K. Dritte Industrielle Revolution. *Internationale Politik*, 2008, no. 5, pp. 38–39.
14. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М., 2017. С. 27.
15. The Reindustrialization of the United States. Euler Hermes Economic Outlook, Special Report, 2013, January, no. 1187. URL: <http://www.eulerhermes.us/reindustrialization.pdf>.

16. Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. М.: Экономика, 2002. 768 с.
17. Глазьев С.Ю., Харитонов В.В. Нанотехнологии как ключевой фактор нового технологического уклада в экономике. М.: Тривант. 2009. 304 с.
18. Глазьев С.Ю. Мирохозяйственные уклады в глобальном экономическом развитии // Экономика и математические методы. 2016. Т. 52. №2. С. 3–29.
19. Perez C. Unleashing a golden age after the financial collapse: Drawing lessons from history. *Environmental Innovation and Societal Transitions*, 2013, March, vol.6. pp. 9–23.
20. Глазьев С.Ю., Львов Д.С., Фетисов Г.Г. Эволюция технико-экономических систем: возможности и границы централизованного регулирования. М.: Наука, 1992. 207 с.
21. Яковец Ю.В. Глобальные экономические трансформации XXI века. М.: Экономика, 2011. 377 с.
22. Возрождение экономики России: путь в XXI век / В.П. Логинов, И.Р. Курнышева, Ю.И. Соколов и др. М.: Наука, 2000. 268 с.
23. Маевский В. Экономическая эволюция и экономическая генетика // Вопросы экономики. 1994. № 5. С. 58–66.
24. Иванов В. В. Перспективный технологический уклад: возможности, риски, угрозы // Экономические стратегии. 2013. № 4. С. 2–5.
25. Перес К. Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания: пер. с англ. М.: Дело, 2011. 232 с.
26. Инновации и экономический рост. М.: Наука, 2002. 377 с.
27. Freeman C., Soete L. The economics of Industrial Innovation: A Study of Long Waves and Economic Development. Pinter: London, 1997. P. 19.
28. Усков В.С. Тенденции формирования и проблемы развития цифровой экономики в России // Проблемы развития территории. 2019. № 2. С. 53.
29. Корепонов Е.Н. Парадоксы в науке и инновациях // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2019. № 1. С. 47.
30. Россия online? Догнать нельзя отстать: отчет / The Boston Consulting Group. 2016. Июнь.
31. Новая технологическая революция: вызовы и возможности для России: экспертно-аналитический доклад. М., 2017. 136 с.
32. Eurostat – New Cronos, metadata on high-tech industries and knowledgeintensive services. Eurostat. URL: http://ec.europa.eu/eurostat/cache/metadata/FR/htec_esms.htm
33. Кузнецова С.Б. Четвертая промышленная революция как результат инновационно-технологического развития производственных систем // Современные научные исследования и инновации. 2016. № 3. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2016/03/65792>
34. Ленчук Е.Б. Курс на новую индустриализацию – глобальный тренд экономического развития // Проблемы прогнозирования. 2016. № 3. С. 132–143.
35. Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации: утв. Указом Президента РФ от 1 декабря 2016 г. № 642. URL: <http://docs.cntd.ru/document/420384257>
36. Полтерович В.М. Институты догоняющего развития (к проекту новой модели экономического развития России) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 5. С. 34–56. DOI: 10.15838/esc/2016.5.47.2
37. Ленчук Е.Б., Власкин Г.А. Формирование цифровой экономики в России: проблемы, риски, перспективы // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2018. № 5. С. 9.

Сведения об авторе

Владимир Сергеевич Усков – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник отдела научно-технологического развития и экономики знаний, Вологодский научный центр РАН (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького д. 56а; e-mail: v-uskov@mail.ru)

Uskov V.S.

Scientific and Technological Development of the Russian Economy in the Transition to a New Technological Order

Abstract. In modern developed countries, an active search for new sources of growth has begun. One of them is the scientific and technological potential (STP), implemented through new informational, digital, and industrial technologies. Its development leads to the formation of a new technological structure and the acceleration of labor productivity growth. STP accounts for up to 90% of the total contribution of all factors to the growth of these countries' gross domestic product. The formation of a new order is a modern global trend, which is important to follow in order to maintain the economy's competitiveness. The orientation of the Russian economy toward the export of energy resources poses threats to the economic and technological security of the national economy. Thus, within fundamental technological and structural changes of the world economic system, the task of Russia's transition to a new technological order becomes particularly relevant. Important areas of its solution are the creation of qualitatively new production relations, a favorable regulatory environment and its alignment with the requirements of the new technological order, the formation of appropriate informational and material equipment for the implementation of new technologies and activities. The purpose of this article is to analyze the scientific and technological development of the Russian Federation in the process of transition to the new technological order. The article summarizes the theoretical foundations of the essence of technological changes in the economy in the process of the transition to the new technological order; it studies domestic and foreign experience of implementing national plans and strategies in the sphere of scientific, technical, and innovative development; it analyzes the status and trends of the scientific and technological development of the Russian Federation according to key indicators of a new technological revolution; it reveals issues of the economic development in the process of the transition to the new technological order; it develops a set of measures for the activation of processes of the scientific and technological development of the Russian Federation in a new environment.

Key words: scientific and technological development, new technological way of living, problems, state, trends, development areas.

Information about the Author

Vladimir Sergeevich Uskov – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher at the Department for the Studies of Problems of Scientific and Technological Development and Knowledge Economy, The Vologda Research Center of RAS (56a, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: v-uskov@mail.ru)

Статья поступила 30.01.2020.

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

DOI: 10.15838/esc.2020.1.67.5

УДК 332.14, ББК 65.04

© Дворядкина Е.Б., Белоусова Е.А.

Тенденции развития муниципальных районов в национальном экономическом пространстве

**Елена Борисовна
ДВОРЯДКИНА**

Уральский государственный экономический университет
Екатеринбург, Российская Федерация, 620144, ул. 8 Марта/Народной Воли,
62/45

E-mail: dvoryadkina@usue.ru

ORCID: 0000-0001-5163-0334; ResearcherID: B-3564-2017

**Елизавета Александровна
БЕЛОУСОВА**

Уральский государственный экономический университет
Екатеринбург, Российская Федерация, 620144, ул. 8 Марта/Народной Воли,
62/45

E-mail: Belousova-unir@usue.ru

ORCID: 0000-0001-5355-5243; ResearcherID: W-2254-2019

Аннотация. Концентрация населения и экономической деятельности в крупных и крупнейших городских агломерациях наряду с трансформацией системы стратегического планирования в России представляют собой серьезные вызовы для малонаселенных муниципальных образований, расположенных на слабо урбанизированных территориях, основополагающим из которых является муниципальный район. С одной стороны, органы местного самоуправления муниципальных районов вынуждены работать в условиях сокращающейся ресурсной базы, с другой стороны, — обеспечивать реализацию документов стратегического планирования федерального и регионального уровня, в том числе касающихся пространственного развития. В этом контексте важной представляется научно обоснованная оценка экономико-пространственного развития муниципальных районов, которая может служить основой для принятия решений о применении стратегического и тактического инструментария управления территорией муниципального обра-

Для цитирования: Дворядкина Е.Б., Белоусова Е.А. Тенденции развития муниципальных районов в национальном экономическом пространстве // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 1. С. 87–105. DOI: 10.15838/esc.2020.1.67.5

For citation: Dvoryadkina E. B., Belousova E. A. Trends of the Development of Municipal Regions in the National Economic Space. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2020, vol. 13, no. 1, pp. 87–105. DOI: 10.15838/esc.2020.1.67.5

зования. Целью исследования выступает определение тенденций развития муниципальных районов как специфического объекта в экономическом пространстве региона. Методологическую базу статьи составили концепции экономического пространства. Оценка экономико-пространственного развития опиралась на группы показателей, отражающих три параметра экономического пространства: насыщенность, развитие физического базиса, связанность. По результатам расчета индексов присутствия и анализа временных рядов дана обобщенная балльная оценка экономико-пространственного развития муниципальных районов, в соответствии с которой идентифицированы типы тенденций в зависимости от влияния на экономическое пространство региона (конструктивная или деструктивная). Апробация методики на примере муниципальных районов Челябинской области показала, что муниципальные районы оказывают существенное влияние на экономическое пространство региона в части сельскохозяйственного производства, несмотря на промышленную специализацию региона в целом; подтвердила тенденцию перемещения трудовых ресурсов и капитала в городские округа; позволила констатировать скорее отрицательную динамику развития физического базиса экономического пространства и неудовлетворительную ситуацию по показателям связанности экономического пространства. Проведенный анализ позволил сформулировать четыре направления экономико-пространственного развития муниципальных районов, которые могут стать основой тактического и стратегического инструментария регионального и муниципального управления.

Ключевые слова: экономическое пространство, регион, муниципальный район, муниципальная экономика, сельские территории.

Введение

На современном этапе развития экономики России очевидна тенденция нарастания дисбалансов в экономическом пространстве регионов, связанных с концентрацией населения и экономической деятельности в крупных и крупнейших агломерациях и с ограниченным развитием муниципальных образований, которые находятся за их пределами и к которым относятся муниципальные районы. Перспективное развитие муниципальных районов во многом связано со слабо урбанизированными территориями, так как сельские поселения, сформированные на основе сельских населенных пунктов, доминируют в их составе (92%¹). Экономическое развитие таких территорий характеризуется рядом проблем, в том числе низким уровнем доходов населения, благоустройства, слабо развитым рынком труда, недостатком инвестиций в инженерную и социальную инфраструктуру, а наблюдающийся отток населения и бизнеса из них усугубляет их еще больше. В целом можно отметить,

что отток населения из малонаселенных сельских муниципальных образований является общемировой тенденцией [1–6]. Несомненна и пространственная обусловленность трудностей осуществления местного самоуправления на территориях муниципальных районов: дисперсность населённых пунктов, их слабая транспортная доступность ведут к сложностям охвата населения муниципальными услугами, обеспечения доступа к объектам инфраструктуры и образования.

В дополнение к этому, трансформация нормативных условий пространственного развития в стране обуславливает необходимость адаптации муниципальных образований к формирующейся системе стратегического планирования. Принятие в начале текущего года значимого документа в области национального пространственного развития — Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года — актуализирует ряд вопросов, связанных с научно обоснованным методическим сопровождением реализации данной стратегии, в том числе разработкой стратегического и тактического инструментария для регионов и муниципальных образований. Впервые, исполнительным органам власти регионов и органам местного самоуправления

¹ Формирование местного самоуправления в Российской Федерации на 1 января 2018 г.: бюллетень / Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа : http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1244553308453.

прямо рекомендовано руководствоваться положениями Стратегии при разработке и реализации отраслевых документов стратегического планирования, государственных программ и иных программных и плановых документов при принятии решений, направленных на обеспечение устойчивости системы расселения и в целях снятия инфраструктурных ограничений в социально-экономическом развитии территорий, что в перспективе потребует квалифицированного анализа и адаптации положений Стратегии к конкретным экономико-пространственным условиям. Во-вторых, проблемы, обозначенные в Стратегии в качестве отправных точек, напрямую касаются муниципального района как муниципального образования, локализованного в экономическом пространстве региона (в том числе возрастание демографической нагрузки на трудоспособное население, существенные внутрорегиональные различия по уровню социально-экономического развития, низкий уровень предпринимательской активности за пределами крупных и крупнейших городских агломераций). В-третьих, до конца не решена проблема оценки (качественной, количественной) экономико-пространственного развития на национальном, региональном и муниципальном уровнях.

Следует констатировать, что большинство исследователей обращаются к изучению социально-экономического развития муниципальных районов вне пространственного контекста. На наш взгляд, недостаточно изученным остается развитие муниципальных районов как специфических территорий осуществления местного самоуправления во взаимосвязи с процессами трансформации экономического пространства региона. Соответственно, цель настоящего исследования – изучить экономико-пространственное развитие муниципальных районов как специфического объекта в экономическом пространстве региона.

Методика исследования

Кратко представим основные положения применяемой методики (подробно методика исследования описана нами в статье [7]). Обобщение теоретических исследований о сущности экономического пространства (А.Г. Гранберга²,

² Гранберг А.Г. Основы региональной экономики : учебник. М., 2000. С. 25.

П.А. Минакира [8, с. 43–45; 9, с. 124; 10, с. 18], Т.Г. Нефедовой [11], А.И. Трейвиша [12] и ряда других ученых) позволяет сделать вывод о том, что трансформацию экономического пространства (ЭП) можно характеризовать через изменение трех параметров: насыщенность ЭП деятельностью экономических агентов, развитие физического базиса ЭП и связанность ЭП. С целью характеристики указанных параметров нами проанализирован массив доступной официальной статистики, формируемой Росстатом, и отобраны показатели (табл. 1), отвечающие ряду критериев:

- отражающие развитие муниципальных районов как специфического объекта в экономическом пространстве региона;
- отражающие развитие муниципального района как пространства функционирования муниципальной экономики и территории концентрации сельских поселений;
- позволяющие сделать выводы о тенденциях, способствующих развитию ЭП региона (конструктивные тенденции), и тенденциях, ведущих к его разрушению (деструктивные).

Относительно последнего критерия необходимо пояснить следующее. Разделяя мнение российского исследователя В.Н. Лаженцева о том, что пространственное развитие – это «согласованные прогрессивные изменения в освоении и воспроизводстве природных ресурсов, размещении и внутреннем содержании производительных сил, в расселении населения и обустройстве среды жизнедеятельности» [13, с. 97], можно сделать вывод о том, что развитие экономического пространства происходит: через возникновение новых поселений; рост экономической активности; рост экономически значимого результата (продукт/доход); развитие инфраструктуры.

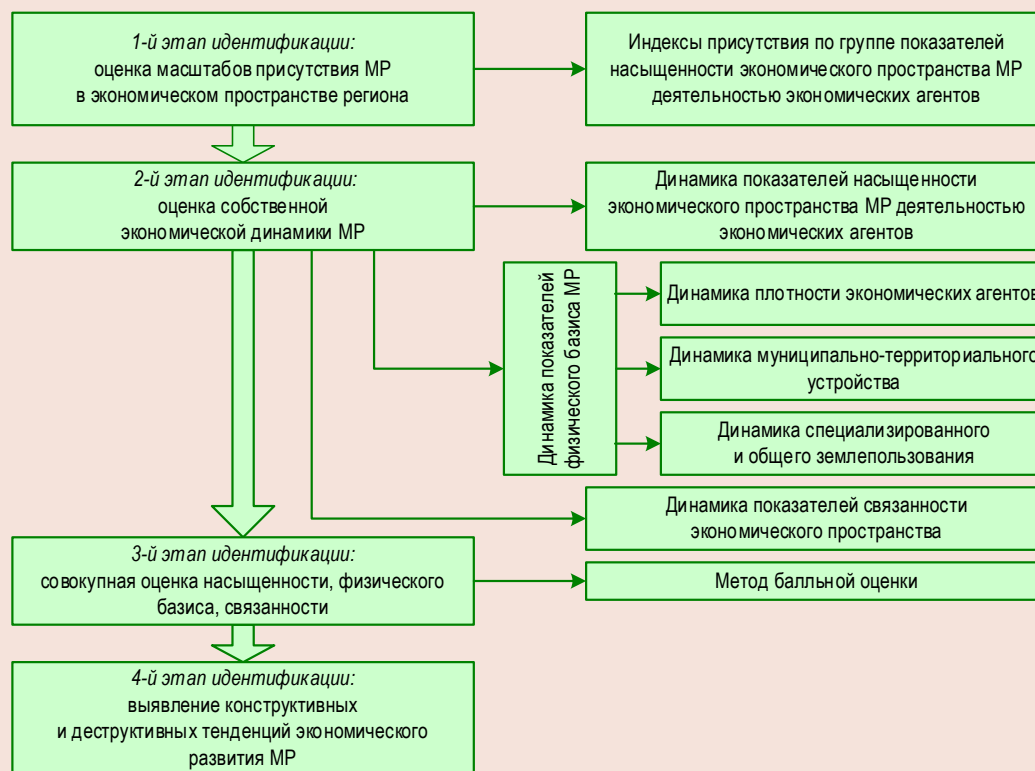
Обратный процесс – разрушение экономического пространства – характеризуется исчезновением поселений, упадком экономической активности, снижением экономически значимого результата, деградацией инфраструктуры.

Алгоритм методического подхода к идентификации тенденций экономического развития муниципальных районов (МР) в экономическом пространстве региона представлен на рисунке.

Таблица 1. Состав групп показателей методики

Группа показателей	Показатели насыщенности экономического пространства муниципального района деятельностью экономических агентов	Показатели пространственного каркаса (физического базиса) экономического пространства	Показатели связанности экономического пространства
Состав группы	<ul style="list-style-type: none"> – продукция сельского хозяйства как показатель производства, результатов производственной деятельности; – инвестиции в основной капитал (осуществляемые организациями, находящимися на территории муниципального образования (без субъектов малого предпринимательства) как показатель распределения (денежных средств в накопление основного капитала); – оборот розничной торговли как показатель потребления. 	<ul style="list-style-type: none"> – количество населенных пунктов и муниципальных образований (муниципальных районов, сельских, городских поселений); – плотность населения; – посевные площади всех сельскохозяйственных культур в хозяйствах всех категорий; – площадь многолетних насаждений; – площадь земельных участков, предоставленных для жилищного строительства, индивидуального жилищного строительства и комплексного освоения в целях жилищного строительства, в расчете на 10 тысяч человек населения. 	<ul style="list-style-type: none"> – доля населения, проживающего в населенных пунктах, не имеющих регулярного автобусного и (или) железнодорожного сообщения с административным центром муниципального района, в общей численности населения муниципального района; – доля протяженности автомобильных дорог общего пользования местного значения, не отвечающих нормативным требованиям, в общей протяженности автомобильных дорог общего пользования местного значения; – число сельских населенных пунктов, обслуживаемых почтовой связью; – число телефонизированных сельских населенных пунктов.
Аналитическое значение	Отражают воспроизводственный процесс на территории	Характеризуют изменение освоенности ЭП в пределах территории муниципального района (возможность делать выводы о физическом сжатии или расширении ЭП)	Характеризуют интенсивность экономических связей внутри муниципального района, определяемую развитием транспорта, дорог, коммуникаций, поддерживающих взаимодействие экономических агентов, а также его интегрированность в ЭП региона

Алгоритм методического подхода к идентификации тенденций (конструктивных и деструктивных) экономического развития муниципальных районов в экономическом пространстве региона

Муниципальные районы представляют собой часть ЭП региона, один из типов пространственных экономических образований на уровне региона, следовательно, методика включает оценку, с одной стороны, самостоятельного экономического развития муниципальных районов, с другой — масштабов влияния муниципальных районов на ЭП региона через расчет индексов присутствия.

Для апробации методики выбраны муниципальные районы Челябинской области. Выбор обусловлен рядом обстоятельств.

Ранее проведенное нами исследование касалось МР Свердловской области. Свердловская и Челябинская области характеризуются сходством структуры экономики, так как относятся к регионам традиционно-промышленного классического типа [14, с. 19] и признаны ведущими индустриальными регионами страны [15]. Области характеризуются практически одинаковым уровнем состояния окружающей среды (согласно данным Общероссийской общественной организации «Зеленый патруль»)³, что существенно влияет на развитие муниципальных районов. Однако в том, что касается муниципального устройства регионов — соотношения количества муниципальных районов и городских округов, они значительно отличаются, что представляет собой интерес, так как позволяет сравнивать масштабы присутствия муниципальных районов в ЭП региона в условиях численного превосходства разных типов муниципальных образований. В Свердловской области 5 муниципальных районов и 68 городских округов, а в Челябинской области — 27 муниципальных районов и 16 городских округов⁴.

Анализ статистических показателей, а также расчет индексов присутствия на их основе ограничен периодом 2011–2017 гг. Выбор периода обусловлен тем, что 2011-й — это первый год

реализации Концепции устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 года⁵, а именно сельские территории преобладают в ЭП муниципальных районов.

Результаты исследования

1-й этап. Оценка масштабов присутствия муниципальных районов в экономическом пространстве региона. По показателям группы насыщенности ЭП деятельностью экономических агентов рассчитаны индексы присутствия как соотношение между долей муниципально-го района в регионе по анализируемому показателю и его долей в общей численности населения региона⁶. Основой индекса присутствия является показатель численности населения. Динамика доли численности населения МР Челябинской области представлена в *таблице 2*.

Масштабы присутствия муниципальных районов по численности населения в экономическом пространстве Челябинской области более чем в 11,5 раза превышают масштабы присутствия муниципальных районов в Свердловской области, однако они также продолжают сокращаться: в период 2011–2017 гг. доля муниципальных районов в численности населения региона упала с 28,38 до 27,09 %. Снижение отрицательной величины темпов прироста происходит аналогичным Свердловской области образом: в начале периода она варьировалась от 0,8 до 1,1 %, к концу темпы падения доли муниципальных районов в численности населения региона составили 0,6 %.

В Челябинской области, так же как и в Свердловской, только в одном муниципальном районе (Сосновском) масштабы присутствия по численности населения и численность

³ Итоговый экологический рейтинг субъектов РФ за 2017 г. Режим доступа : <http://greenpatrol.ru/ru/stranica-dlya-obshchego-reytinga/ekologicheskiy-reyting-subektov-rf?tid=338>.

⁴ Формирование местного самоуправления в Российской Федерации на 1 января 2017 г. : бюллетень / Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа : http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1244553308453.

⁵ Концепция устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 г.: утв. распор. Правительства РФ от 30 ноября 2010 г. № 2136-р.

⁶ Индекс присутствия как показатель, сбалансированный по численности населения, позволяет делать вывод о том, насколько пропорционально участие муниципальных районов в воспроизводственном процессе региона по численности экономических агентов. Значение индекса меньше единицы свидетельствует о преимуществе других территорий, равное единице — о пропорциональном по численности населения распределении показателя, больше единицы — об активном участии муниципальных районов в формировании регионального показателя.

Таблица 2. Доля населения муниципальных районов в общей численности населения Челябинской области на конец года, %

Муниципальный район	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Агаповский	0,99	0,99	0,97	0,95	0,95	0,95	0,95
Аргаяшский	1,18	1,17	1,17	1,16	1,17	1,18	0,17
Ашинский	1,84	1,81	1,77	1,75	1,73	1,71	0,69
Брединский	0,80	0,78	0,76	0,75	0,74	0,73	0,73
Варненский	0,77	0,76	0,74	0,73	0,72	0,72	0,72
Верхнеуральский	1,03	1,02	1,01	1,00	0,99	0,99	0,98
Еманжелинский	1,53	1,52	1,50	1,49	1,46	1,44	1,42
Еткульский	0,88	0,88	0,88	0,88	0,88	0,87	0,86
Карталинский	1,40	1,39	1,38	1,36	1,35	1,34	1,33
Каслинский	0,98	0,98	0,97	0,96	0,94	0,93	0,91
Катав-Ивановский	0,94	0,92	0,91	0,89	0,88	0,86	0,85
Кизильский	0,73	0,72	0,70	0,68	0,67	0,65	0,64
Коркинский	1,83	1,82	1,78	1,74	1,73	1,71	1,71
Красноармейский	1,22	1,24	1,23	1,20	1,21	1,21	1,20
Кунашакский	0,86	0,86	0,86	0,86	0,85	0,84	0,83
Кусинский	0,83	0,82	0,81	0,80	0,79	0,78	0,77
Нагайбакский	0,59	0,57	0,56	0,55	0,54	0,54	0,53
Нязепетровский	0,51	0,50	0,50	0,49	0,48	0,48	0,47
Октябрьский	0,60	0,59	0,58	0,57	0,57	0,57	0,56
Пластовский	0,74	0,74	0,73	0,74	0,74	0,74	0,73
Саткинский	2,45	2,42	2,39	2,36	2,33	2,31	2,29
Сосновский	1,79	1,82	1,84	1,88	1,93	2,00	2,05
Троицкий	0,80	0,79	0,77	0,75	0,74	0,73	0,73
Увельский	0,91	0,90	0,89	0,89	0,90	0,91	0,91
Уйский	0,74	0,72	0,70	0,69	0,68	0,67	0,66
Чебаркульский	0,85	0,86	0,86	0,85	0,85	0,85	0,85
Чесменский	0,57	0,57	0,56	0,55	0,54	0,54	0,53
<i>Итого</i>	<i>28,38</i>	<i>28,13</i>	<i>27,82</i>	<i>27,52</i>	<i>27,37</i>	<i>27,25</i>	<i>27,09</i>

Рассчитано по: База данных муниципальных образований / Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа : <http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst65/DBInet.cgi>; Регионы России. Социально-экономические показатели / Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа : http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156.

населения росли в течение всего рассматриваемого периода. Еще два района смогли сохранить долю в численности населения региона: в Увельском муниципальном районе численность населения на конец периода выросла, а в Чебаркульском – осталась почти такой же, как в 2011 г.

Рассчитанные индексы присутствия муниципальных районов по показателю «продукция сельского хозяйства (хозяйства всех категорий)» для Челябинской области представлены в *таблице 3*.

Хотя численность населения муниципальных районов Челябинской области в 9,5 раза, а доля населения муниципальных районов в ре-

гиональной численности населения в 11,5 раза больше соответствующих показателей Свердловской области, индекс присутствия муниципальных районов Челябинской области ниже, чем в Свердловской (3,27 против 4,72), и за рассматриваемый периода он увеличился всего на 5%. Таким образом, в Свердловской области региональное сельскохозяйственное производство и доля муниципальных районов в нем росли более быстрыми темпами, чем в Челябинской области.

Индивидуальные индексы присутствия по показателю продукции сельского хозяйства большинства районов за весь период выше единицы. Только четыре района имеют индекс

Таблица 3. Индексы присутствия муниципальных районов в экономическом пространстве Челябинской области по показателю продукции сельского хозяйства

Муниципальный район	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Агаповский	7,61	7,45	6,51	6,83	6,91	6,74	6,50
Аргаяшский	5,62	6,02	6,17	6,25	5,33	5,12	5,20
Ашинский	0,46	0,42	0,49	0,42	0,39	0,36	0,31
Брединский	5,42	4,70	4,54	4,32	5,09	4,97	5,31
Варненский	4,67	4,26	3,66	3,90	4,02	3,90	4,19
Верхнеуральский	4,50	3,73	3,74	3,19	3,24	3,04	2,92
Еманжелинский	2,67	4,56	4,75	5,02	4,37	3,99	2,74
Еткульский	2,81	2,72	2,93	2,64	2,63	2,39	2,23
Карталинский	1,77	1,67	1,50	1,45	1,70	1,70	1,77
Каслинский	1,88	1,50	1,49	1,30	1,06	1,05	1,11
Катав-Ивановский	0,80	0,72	0,82	0,69	0,65	0,59	0,53
Кизильский	5,83	5,57	4,91	4,39	5,04	5,20	5,21
Коркинский	0,27	0,23	0,24	0,24	0,22	0,21	0,20
Красноармейский	4,02	4,51	4,47	5,02	4,23	4,33	4,38
Кунашакский	2,68	2,39	2,74	4,36	5,16	5,16	5,27
Кусинский	1,09	1,02	1,18	0,95	0,86	0,79	0,69
Нагайбакский	5,12	7,03	9,32	10,46	10,06	10,82	10,99
Нязепетровский	1,53	1,42	1,51	1,28	1,21	1,11	1,05
Октябрьский	5,64	4,31	5,11	4,62	4,79	5,36	5,18
Пластовский	2,15	1,83	1,82	1,58	1,58	1,54	1,42
Саткинский	0,41	0,38	0,37	0,35	0,31	0,30	0,26
Сосновский	4,49	4,90	4,56	4,53	4,41	4,40	4,13
Троицкий	5,05	4,37	4,73	4,24	4,46	4,90	5,35
Увельский	2,96	2,56	2,87	4,11	6,81	8,41	9,50
Уйский	3,21	3,29	3,08	3,01	2,99	2,97	3,39
Чебаркульский	6,96	7,87	7,40	7,96	7,19	6,92	7,11
Чесменский	6,18	5,06	4,85	4,38	4,33	4,11	4,49
<i>Итоговый индекс</i>	<i>3,12</i>	<i>3,15</i>	<i>3,16</i>	<i>3,23</i>	<i>3,25</i>	<i>3,28</i>	<i>3,27</i>

Рассчитано по: База данных муниципальных образований / Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа : <http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst65/DBInet.cgi>; Регионы России. Социально-экономические показатели / Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа : http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156.

меньше единицы – Ашинский, Катав-Ивановский, Коркинский, Кусинский (на конец периода), Саткинский; доля в региональном сельскохозяйственном производстве в них ниже доли в численности населения региона.

Внимание привлекает внушительная динамика индекса Нагайбакского муниципального района. Масштабы присутствия данного района выросли более чем в два раза – с 5,12 до 10,99, при этом динамика была исключительно положительной и подкреплялась ростом сельскохозяйственного производства. Такая динамика связана с появлением на территории района птицеводческого комплекса. Активное строительство основных производств Нагайбакского

птицеводческого комплекса стартовало в начале лета 2011 г. Мощность комплекса – 50 тыс. т мяса птицы в год. Проект Нагайбакского птицеводческого комплекса включает восемь производственных площадок, каждая из которых расположена на территории отдельного сельского поселения⁷.

Другой район, продемонстрировавший резкий рост с 2,96 до 9,50, – Увельский муниципальный район, хотя он несколько снижал масштабы присутствия по показателю продук-

⁷ ООО «Нагайбакский птицеводческий комплекс» // СИТНО. Режим доступа : <http://sitno.ru/enterprises/proizvodstvo-ptitsevodcheskoy-produktsii/ooo-nagaybaskiy-ptitsevodcheskiy-kompleks->

ции сельского хозяйства в 2012–2013 гг. Достижения района непосредственно связаны с компанией «Увелка», базирующейся в п. Увельский, занимающейся переработкой злаковых и бобовых и активно инвестирующей в экономику района. Положительную динамику по результатам на конец периода также показывают Еманжелинский (с 2,67 до 2,74), Красноармейский (с 4,02 до 4,38), Кунашакский (с 2,67 до 5,27), Троицкий (с 5,05 до 5,35), Уйский (с 3,21 до 3,39) муниципальные районы.

Индексы присутствия муниципальных районов по показателю «инвестиции в основной капитал» для Челябинской области представлены в *таблице 4*.

Территориальная и хронологическая неравномерность масштабов присутствия по показателю инвестиций свойственна и муниципальным районам Челябинской области. Масштабы присутствия муниципальных районов на конец периода не изменились и не превышают единицы (0,28), как и в Свердловской области.

В отличие от Свердловской области, в Челябинской можно найти существенное количество примеров муниципальных районов, где индекс присутствия по показателю инвестиций в основной капитал превышал единицу. Такие районы включают Ашинский, Варненский, Еманжелинский, Кунашакский, Нагайбакский, Пластовский, Увельский, в основном

Таблица 4. Индексы присутствия муниципальных районов в экономическом пространстве Челябинской области по показателю инвестиций в основной капитал

Муниципальный район	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Агаповский	0,07	0,38	0,20	0,04	0,08	0,07	0,12
Аргаяшский	0,44	0,55	0,36	0,09	0,05	0,12	0,07
Ашинский	0,31	0,68	1,23	0,69	0,21	0,25	0,34
Брединский	0,15	0,25	0,13	0,09	0,15	0,23	0,26
Варненский	0,06	5,43	8,14	2,94	0,81	0,45	0,55
Верхнеуральский	0,71	0,70	0,55	0,23	0,25	0,49	0,53
Еманжелинский	0,15	0,49	1,27	1,44	0,74	0,49	0,08
Еткульский	0,26	0,17	0,29	0,18	0,15	0,16	0,27
Карталинский	0,08	0,06	0,10	0,06	0,09	0,08	0,09
Каслинский	0,14	0,25	0,18	0,10	0,07	0,16	0,15
Катав-Ивановский	0,17	0,09	0,18	0,17	0,19	0,10	0,08
Кизильский	0,06	0,02	0,03	0,02	0,01	0,01	0,02
Коркинский	0,15	0,07	0,14	0,08	0,09	0,16	0,08
Красноармейский	0,67	0,47	0,21	0,10	0,17	0,35	0,27
Кунашакский	0,07	0,02	1,45	0,21	0,04	0,05	0,04
Кусинский	0,11	0,16	0,10	0,08	0,02	0,03	0,05
Нагайбакский	0,51	0,36	1,11	1,29	0,51	0,13	0,12
Нязепетровский	0,13	0,03	0,07	0,07	0,04	0,05	0,05
Октябрьский	0,44	0,26	0,25	0,17	0,15	0,31	0,23
Пластовский	1,11	0,43	1,19	0,77	0,89	1,37	1,63
Саткинский	0,34	0,46	0,39	0,23	0,16	0,26	0,34
Сосновский	0,34	0,72	0,75	0,48	0,62	0,39	0,63
Троицкий	0,15	0,10	0,07	0,38	0,24	0,10	0,14
Увельский	0,27	0,27	6,83	7,11	2,41	0,57	0,37
Уйский МР	0,05	0,05	0,05	0,05	0,06	0,06	0,07
Чебаркульский МР	0,70	0,31	0,28	0,33	0,43	0,33	0,44
Чесменский МР	0,14	0,11	0,11	0,08	0,06	0,09	0,07
<i>Итоговый индекс</i>	<i>0,28</i>	<i>0,47</i>	<i>0,87</i>	<i>0,60</i>	<i>0,32</i>	<i>0,26</i>	<i>0,28</i>

Рассчитано по: База данных муниципальных образований / Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа : <http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst65/ DBInet.cgi>; Регионы России. Социально-экономические показатели / Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа : http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156.

превышение индекса приходилось на 2013–2014 годы. В среднем индекс присутствия по показателю инвестиций выше, чем в муниципальных районах Свердловской области, что говорит о чуть большей обеспеченности экономики муниципальных районов Челябинской области инвестициями.

Второе отличие Челябинской области по динамике данного показателя – присутствие значительного количества муниципальных районов, демонстрировавших рост по результатам периода – 11 из 27 районов (Агаповский, Ашинский, Брединский, Варненский, Еткульский, Карталинский, Каслинский, Пластовский, Сосновский, Увельский, Уйский).

Индексы присутствия муниципальных районов по показателю «оборот розничной торговли» для Челябинской области представлены в *таблице 5*.

Совокупный индекс присутствия по показателю потребления в муниципальных районах Челябинской области вырос в два раза и к 2017 году практически достиг уровня Свердловской области. Однако в целом объемы потребления муниципальных районов региона остаются низкими по сравнению с городскими округами. Относительными лидерами по потреблению можно считать Ашинский, Еманжелинский, Еткульский, Каслинский, Катав-Ивановский, Коркинский, Красноармейский,

Таблица 5. Индексы присутствия муниципальных районов в экономическом пространстве Челябинской области по показателю оборота розничной торговли

Муниципальный район	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Агаповский	0,04	0,03	0,04	0,07	0,09	0,10	0,12
Аргаяшский	0,10	0,16	0,14	0,14	0,18	0,17	0,16
Ашинский	0,04	0,11	0,15	0,12	0,16	0,19	0,31
Брединский	0,06	0,05	0,05	0,06	0,08	0,09	0,13
Варненский	0,05	0,04	0,08	0,09	0,12	0,11	0,13
Верхнеуральский	0,04	0,05	0,10	0,12	0,15	0,16	0,19
Еманжелинский	0,07	0,10	0,14	0,17	0,23	0,22	0,24
Еткульский	0,12	0,18	0,17	0,14	0,18	0,20	0,21
Карталинский	0,06	0,06	0,07	0,09	0,14	0,12	0,18
Каслинский	0,29	0,26	0,26	0,30	0,37	0,36	0,38
Катав-Ивановский	0,11	0,17	0,31	0,31	0,36	0,37	0,46
Кизильский	0,03	0,02	0,03	0,03	0,03	0,04	0,05
Коркинский	0,14	0,20	0,22	0,21	0,26	0,26	0,31
Красноармейский	0,17	0,23	0,36	0,38	0,35	0,32	0,26
Кунашакский	0,05	0,07	0,08	0,11	0,12	0,11	0,10
Кусинский	0,07	0,11	0,12	0,12	0,16	0,18	0,21
Нагайбакский	0,02	0,04	0,07	0,09	0,10	0,11	0,11
Нязепетровский	0,07	0,07	0,07	0,08	0,13	0,13	0,14
Октябрьский	0,09	0,05	0,06	0,07	0,09	0,14	0,11
Пластовский	0,17	0,23	0,24	0,23	0,25	0,26	0,30
Саткинский	0,14	0,16	0,19	0,21	0,26	0,25	0,31
Сосновский	0,25	0,41	0,33	0,37	0,39	0,40	0,31
Троицкий	0,02	0,03	0,04	0,03	0,05	0,04	0,03
Увельский	0,05	0,03	0,02	0,04	0,04	0,03	0,03
Уйский	0,03	0,03	0,03	0,04	0,05	0,06	0,07
Чебаркульский	0,06	0,03	0,02	0,04	0,12	0,14	0,05
Чесменский	0,06	0,06	0,10	0,11	0,14	0,14	0,15
<i>Итоговый индекс</i>	<i>0,10</i>	<i>0,13</i>	<i>0,15</i>	<i>0,16</i>	<i>0,19</i>	<i>0,20</i>	<i>0,21</i>

Рассчитано по: База данных муниципальных образований / Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа : <http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst65/DBlnet.cgi>; Регионы России. Социально-экономические показатели / Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа : http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156.

Кусинский, Пластовский, Саткинский, Со-сновский муниципальные районы. Индекс присутствия по обороту розничной торговли в данных районах в целом был выше, чем итоговый индекс для всех муниципальных районов, и демонстрировал положительную динамику.

В качестве положительного факта следует отметить, что абсолютное большинство муниципальных районов Челябинской области нарастили свое присутствие в региональном показателе розничной торговли к концу периода, за исключением Увельского и Чебаркульского муниципальных районов.

Таким образом, масштабы присутствия муниципальных районов в экономическом пространстве Свердловской и Челябинской областей сокращались по показателю численности населения и инвестиций, что с учетом динамики региональных значений этих показателей свидетельствует о перемещении трудовых ресурсов и капитала в городские округа. Однако стоит отметить, что в среднем индекс присутствия по показателю распределения в муниципальных районах Свердловской области был ниже, чем в Челябинской области, что говорит о несколько большей их насыщенности капиталом.

Что касается двух оставшихся индексов, то, несмотря на сходство в главном (в обоих регионах индекс присутствия по показателю продукции сельского хозяйства выше единицы, а индекс присутствия по обороту розничной торговли ниже), здесь наблюдаются и некоторые различия.

В Челябинской области рост масштабов присутствия муниципальных районов по показателю сельскохозяйственного производства был гораздо менее значительным (63% против 5%), чем в Свердловской области, а динамика индивидуальных индексов присутствия была отрицательной в большинстве районов. Следовательно, присутствие муниципальных районов Челябинской области в региональном сельскохозяйственном производстве неравномерно. Однако значение индекса присутствия по показателю продукции сельского хозяйства выше единицы (региональный показатель формируется преимущественно муниципальными районами) говорит о том, что развитие характерной экономической деятельности на территории

муниципальных районов балансирует и диверсифицирует региональное ЭП традиционно-промышленного региона, предоставляя возможность сохранять относительно стабильные масштабы присутствия в регионе по показателю потребления, которые в течение анализируемого периода существенно не менялись. В дополнение к этому выскажем предположение, что достигнутое значение может быть определенной границей потребления для исследуемого типа территории вне зависимости от уровня доходов, поскольку в сельской местности часть предметов потребления может быть куплена только в крупных городских поселениях, а существенный объем производится самими жителями.

2-й этап. Оценка экономической динамики муниципальных районов. Следующим этапом методического подхода к идентификации тенденций экономического развития муниципальных районов в экономическом пространстве региона является оценка собственной экономической динамики муниципальных районов по трем группам показателей: насыщенности экономического пространства деятельностью экономических агентов, развития пространственного каркаса и связанности экономического пространства.

Анализ насыщенности экономического пространства муниципальных районов деятельностью экономических агентов представлен с точки зрения воспроизводственного процесса на территории муниципальных районов через характеристику показателя производства (продукция сельского хозяйства), распределения (инвестиций в основной капитал) и потребления (оборот розничной торговли).

Анализ динамики показателя *продукции сельского хозяйства* муниципальных районов Челябинской области показал, что для большинства районов характерна чередующаяся динамика показателя с ростом по результатам анализируемого периода. Районы, снизившие объемы производства продукции сельского хозяйства, включают Ашинский, Верхнеуральский, Каслинский, Катав-Ивановский, Кусинский, Нязепетровский, Пластовский, Саткинский. Практически не изменил первоначальные объемы производства (изменение в пределах 1 % в плюс или минус) Чесменский

муниципальный район. Существенный рост продукции сельского хозяйства наблюдался в Увельском муниципальном районе – в 4,8 раза, Нагайбакском – 2,9 раза, Кунашакском – в 2,8 раза по результатам на конец периода.

В среднем объем сельскохозяйственного производства в муниципальных районах Челябинской области вырос с 75 592 руб. на душу населения в районе в 2011 г. до 118 299 руб. в 2017 г. Муниципальные районы производят 88,6 % (2017 г.) сельскохозяйственной продукции региона. Рост сельскохозяйственного производства в муниципальных районах Челябинской области был меньше, чем в Свердловской, и составил 49,9 %, при этом продукция сельского хозяйства региона выросла на 49,6 %.

Относительно показателя инвестиций в основную капитал муниципальных районов Челябинской области можно сказать, что они в рассматриваемый период в среднем составляли около 13% инвестиций в регионе. Инвестиционный процесс в муниципальных районах Челябинской области протекает более активно, чем в Свердловской области: доля муниципальных районов, увеличивших объем инвестиций в основную капитал на конец периода, выше, чем в Свердловской области (12 из 27 против 1 из 5).

Видимого прироста объема инвестиций по результатам на конец периода добились Варненский (почти в 9 раз), Сосновский (в 2,3 раза) муниципальные районы. В целом динамика муниципальных районов Челябинской области по показателю инвестиций в основную капитал повторяет региональную, хотя снижение потока инвестиций в муниципальных районах начинается раньше, чем в регионе: если региональный объем инвестиций начал снижение в 2014 г., то в муниципальных районах совокупные инвестиции снизились на год раньше.

Положительная динамика объемов потребления (*оборот розничной торговли*) на конец периода наблюдалась во всех муниципальных районах, за исключением Увельского и Чебаркульского, оборот розничной торговли которых снизился так же, как и соответствующий индекс.

Потребление муниципальных районов Челябинской области к 2017 г. выросло в 2,4 раза и составило 5,8 % регионального показателя потребления. При этом темпы роста были выше региональных, а снижение регионального по-

казателя, начавшееся в 2015 г., муниципальные районы повторили на год позже. В то время как региональный показатель потребления в 2017 году продолжил падать, муниципальные районы, наоборот, увеличили потребление.

В Челябинской области рост сельскохозяйственного производства был менее равномерным, чем в Свердловской, хотя наблюдался в большинстве муниципальных районов (за исключением восьми). В отличие от Свердловской области, на территории муниципальных районов Челябинской области более активно осуществлялись инвестиции в основной капитал и потребление росло более высокими темпами.

Анализ показателей, характеризующих пространственный каркас (физический базис) экономического пространства, в том числе динамики плотности экономических агентов, муниципально-территориального устройства, специализированного (посевы, многолетние насаждения) и общего (жилищное строительство) землепользования.

Первым показателем рассмотрим плотность экономических агентов, характеризующую распределенность экономических агентов в пространстве. По плотности населения муниципальные районы Челябинской области дают неоднозначную картину: в регионе 13 муниципальных районов, плотность населения которых не превышает 10 чел. на 1 км², 12 муниципальных районов с плотностью выше 10 чел. на 1 км², но меньше средней по региону – 39,5 чел. на 1 км² и два муниципальных района, многократно превышающих региональную плотность населения, – Еманжелинский и Коркинский. Высокая плотность населения в последних (437,6 и 580,1 чел. на 1 км² соответственно) обусловлена близостью к Челябинску, поскольку административный центр данных муниципальных районов находится в пределах 50 км от центра региона. Однако даже в этих муниципальных районах плотность экономических агентов падала на протяжении всего периода.

Плотность населения снижается в большинстве муниципальных районов. Исключение составили лишь Сосновский и Увельский муниципальные районы, плотность и численность населения которых выросли на конец периода. В Чебаркульском муниципальном районе показатель не изменился. Однако следует отме-

титель, что Сосновский муниципальный район – единственный, где рост плотности и численности населения составил 15 % и продолжался в течение всего рассматриваемого периода, что в значительной степени объясняется его близостью к Челябинску. Выявленную тенденцию подтверждает и ранее проведенное исследование А.В. Шмидта, В.С. Антонюк, А. Франчини относительно влияния Челябинской агломерации в том числе на миграционный прирост (убыль) по городским округам и муниципальным районам. Авторы пишут: «Характеристика... свидетельствует о том, что за 2006–2014 гг. увеличился прирост населения только в близлежащих к Челябинску муниципальных образованиях (Копейск – на 102,41 % и Сосновский район – 121,83 %). В Челябинске темпы роста населения составили 122,35 %. Во всех остальных городских округах и муниципальных районах произошла миграционная убыль населения» [16, с. 783]. Подчеркнем, что агломерации в целом повышают неравномерность, несбалансированность развития экономического пространства ввиду высокой концентрации населения и экономической деятельности в них [17, с. 28] и являются важным фактором в территориальном планировании [18].

Сокращение плотности экономических агентов на исследуемых территориях представляется крайне негативной тенденцией, так как именно агенты создают и развивают экономическое пространство, будучи носителями экономических действий. Экономические агенты формируют в том числе трудовой потенциал территории, являющийся основной движущей

силой её социального и экономического развития [19, с. 244; 20, с. 97]. Сокращение плотности экономических агентов представляется тем более критичным, что трудовой потенциал может сокращаться более быстрыми темпами, чем общая численность населения (и, следовательно, плотность), как происходит, например, в муниципальных районах и городских округах Вологодской области [21, с. 176].

Следующим шагом при анализе развития пространственного каркаса является оценка изменений *муниципально-территориального устройства регионов*. Как уже отмечалось, развитие экономического пространства выражается в возникновении новых поселений, его разрушение – в их исчезновении. Понятие поселения мы будем рассматривать как в географическом смысле (населенный пункт), так и с точки зрения муниципального устройства (как муниципалитет).

Динамика муниципального устройства Свердловской и Челябинской областей представлена в *таблице 6*.

В Челябинской области при неизменном количестве муниципальных районов за счет укрупнения сократилось число входящих в их состав сельских поселений с 246 до 242, в то время как муниципальное устройство Свердловской области не изменилось.

С точки зрения количества населенных пунктов состав муниципальных районов Челябинской области оставался неизменным, за исключением Сосновского муниципального района: в 2014 г. в нем добавился 1 населенный пункт – поселок Терема⁸. Сосновский муниципальный

Таблица 6. Количество муниципальных районов, сельских (СП) и городских поселений (ГП) Свердловской и Челябинской областей в 2011 и 2017 гг.

Регион	2011			2017		
	МР	СП	ГП	МР	СП	ГП
Свердловская область	5	16	5	5	16	5
Челябинская область	27	246	27	27	242	27

Формирование местного самоуправления в Российской Федерации на 1 января 2012 г., 2017 г. : бюллетень / Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа : http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1244553308453.

⁸ О согласовании образования вновь возникшего населенного пункта на территории Кременкульского сельского поселения Сосновского муниципального района и присвоении ему наименования «Терема» : постановление Губернатора Челябинской области от 5 марта 2014 г. № 245; О присвоении наименования географическому объекту в Челябинской области и о внесении изменения в постановление Правительства РФ от 28 апреля 2014 г. № 379 : постановление Правительства РФ от 19 августа 2014 г. № 825.

район расположен в непосредственной близости к городскому округу с внутригородским делением Челябинску, ранее территориально входил в его состав. В связи с этим территория муниципального округа активно используется под строительство загородных поселков, дач. Вновь образованный населенный пункт появился как один из таких поселков. Появление населенного пункта можно рассматривать как положительный признак долгосрочного расширения обжитого пространства и развития физического базиса экономического пространства.

Анализ *общего землепользования* основывается на показателе площади земельных участков, предоставленных для жилищного строительства, индивидуального жилищного строительства и комплексного освоения в целях жилищного строительства, в расчете на 10 тыс. чел. населения. Доступность данных по Челябинской области дает немного материала для анализа, однако видно, что земли под строительство жилья здесь выделяют. Положительная динамика предоставления земельных участков под жилищное строительство, в расчете на 10 тыс. чел. населения, наблюдается в Ашинском, Еманжелинском, Карталинском, Каслинском и Уйском муниципальных районах. Тем не менее можно предположить, что работа с выделением земельных участков в Свердловской области ведется в больших масштабах и более системно.

Анализ *специализированного землепользования* базируется на показателях посевных площадей всех сельскохозяйственных культур в хозяйствах всех категорий и площадей многолетних насаждений плодово-ягодных культур. Данные показатели дают возможность оценивать степень освоенности физического базиса в соответствии с характеристикой муниципальных районов как территорий концентрации сельских поселений. Посевные площади всех сельскохозяйственных культур в хозяйствах всех категорий в Челябинской области на 99,6 % состоят из посевных площадей муниципальных районов, поэтому сокращение площади посевов региона на 7,2 % за весь рассматриваемый период означает сокращение площади посевов муниципальных районов на аналогичную величину, хотя необходимо отметить, что в последние два года рост посевных площадей возобновился. Большинство муниципальных районов (20) демонстрирова-

ли отрицательный результат на конец периода, что свидетельствует о сжатии ойкумены. Подчеркнем, что в данном случае муниципальные районы оказывают решающее влияние на развитие физического базиса экономического пространства.

Площадь многолетних насаждений плодово-ягодных культур в муниципальных районах Челябинской области в основном не показывает положительной динамики (изменение с 2011 по 2017 г. составило -5 %). К 2017 г. площадь плодово-ягодных культур выросла только в Нагайбакском муниципальном районе – на 3 га (11 %) и Каслинском – на 7 га (4 %); неизменной она осталась в Варненском муниципальном районе. В остальных муниципальных районах площадь плодово-ягодных культур сократилась в пределах 7 % к концу периода, за исключением Агаповского муниципального района, в котором падение площади многолетних плодово-ягодных насаждений составило 47 %. В муниципальных районах Челябинской области объемы насаждений плодово-ягодных культур в абсолютных значениях резко не изменялись, однако наблюдается постепенное снижение показателя в течение всего периода.

В отношении развития физического базиса экономического пространства можно сделать следующие выводы. В Челябинской области специализированное землепользование в большинстве районов сокращается, что частично может быть связано с изменением конъюнктуры продовольственных рынков (ввиду высокого уровня самообеспеченности региона⁹ часть произведенной сельскохозяйственной продукции вывозится в другие регионы); неочевидна положительная динамика и в общем землепользовании. Тем не менее в Челябинской области, в отличие от Свердловской, появился один населенный пункт. Положительная динамика по плотности населения присутствует в двух муниципальных районах, однако один из них находится в непосредственной близости от Челябинской агломерации и испытывает ее влияние.

⁹ Вопрос обеспечения продовольственной безопасности Челябинской области и импортозамещения рассмотрел комитет Законодательного Собрания по аграрной политике. Режим доступа : <https://www.zs74.ru/news/vopros-obespecheniya-prodovolstvennoy-bezopasnosti-chelyabinskoy-oblasti-i-importozameshcheniya>.

Анализ показателей, характеризующих связанность экономического пространства. На данном этапе анализа собственной экономической динамики муниципальных районов рассматриваются четыре показателя, отражающих развитие сети автомобильных и железных дорог, почтовой и телефонной связи¹⁰.

В Челябинской области относительно хорошая ситуация в муниципальных районах сложилась с качеством автомобильного покрытия (по сравнению со Свердловской, где в среднем 54% дорог местного значения не отвечают нормативным требованиям). Однако регулярное автобусное и железнодорожное сообщение с центром муниципального района не налажено более чем для 0,8% населения региона, или 30 631 чел. (что практически равно численности населения Еткульского муниципального района). В условиях высокой дисперсности сельских населенных пунктов — это негативный показатель уровня связанности экономического пространства. Обеспеченность почтовой и телефонной связью крайне неравномерна среди муниципальных районов Челябинской области, что оказывает дополнительное неблагоприятное воздействие на связанность экономического пространства в регионе и внешнюю и внутреннюю интегрированность в него муниципальных районов.

На 3-м и 4-м этапах методики выполняется обобщение оценок насыщенности экономического пространства муниципальных районов, развития их пространственного каркаса и связанности экономического пространства, которое позволяет провести идентификацию типа тенденций экономического развития и сделать заключительные выводы о влиянии муниципальных районов на экономическое пространство региона.

Для совокупной оценки используем балльный метод, при этом баллы присваиваются динамике муниципальных районов по следующим критериям:

- 4 балла — рост показателя в течение всего периода;
- 3 балла — нестабильная динамика, по результатам на конец периода — рост;

- 2 балла — нестабильная динамика, по результатам на конец периода показатель не изменился или показатель не менялся в течение периода;

- 1 балл — нестабильная динамика, по результатам на конец периода показатель снизился;

- 0 баллов — отрицательная динамика в течение всего периода.

Данные критерии действуют для всех показателей, кроме двух, имеющих отрицательный смысл (для них критерии применяются в обратном порядке):

- доля населения, проживающего в населенных пунктах, не имеющих регулярного автобусного и (или) железнодорожного сообщения с административным центром муниципального района, в общей численности населения муниципального района;

- доля протяженности автомобильных дорог общего пользования местного значения, не отвечающих нормативным требованиям, в общей протяженности автомобильных дорог общего пользования местного значения.

Кроме того, в отношении показателей обеспеченности телефонной и почтовой связью в случае, если показатель сохранял максимальную величину на протяжении всего анализируемого периода, динамика оценивается в 4 балла.

Максимальное количество баллов составляет 64; тогда конструктивными можно считать тенденции экономического развития муниципальных районов, получивших от 33 до 64 баллов, деструктивными — от 0 до 32 баллов. В случае отсутствия данных динамика оценивается в 2 балла (стабильная). Совокупная оценка экономического развития муниципальных районов Челябинской области представлена в *таблице 7*.

Согласно полученным расчетам, в Челябинской области конструктивными являются тенденции развития Еткульского, Карталинского, Каслинского, Нагайбакского, Сосновского, Троицкого Увельского, Уйского муниципальных районов. Остальные 19 муниципальных районов имеют деструктивные тенденции экономического развития, т. е. оказывают разрушающее воздействие на экономическое пространство региона.

¹⁰ Данные почтовой и телефонной связи доступны только с 2014 г.

Таблица 7. Балльная оценка экономического развития муниципальных районов Челябинской области на 2017 г.

Муниципальный район	Присутствие МР в регионе				Насыщенность территории МР деятельностью экономических агентов			Развитие физического базиса МР					Связанность экономического пространства МР				Итого
	Доля в численности населения	ИП по продукции сельского хозяйства	ИП по инвестициям в основной капитал	ИП по обороту розничной торговли	Сельскохозяйственное производство	Инвестиции в основной капитал	Оборот розничной торговли	Плотность экономических агентов	МТУ	Земля под ИЖС и ЖС	Посевы	Многолетние насаждения	Без автобусного, железнодорожного сообщения с центром МР	Несоответствие автодорог нормам	Наличие почтовой связи	Наличие телефонной связи	
Агаповский	0	1	3	3	3	3	3	0	2	2	3	0	0	2	4	0	29
Аргаяшский	1	1	1	3	3	1	3	1	2	0	0	1	1	4	4	4	30
Ашинский	0	1	3	3	1	3	3	0	2	3	1	1	1	2	0	2	26
Брединский	0	1	3	3	3	3	3	0	2	2	3	1	1	2	2	1	30
Варненский	0	1	3	3	3	3	3	0	2	2	1	2	0	1	4	4	32
Верхнеуральский	0	1	1	4	1	1	3	0	2	2	1	1	3	4	0	0	24
Еманжелинский	0	3	1	3	3	1	3	0	2	3	1	1	2	2	2	2	29
Еткульский	0	1	3	3	3	3	3	0	2	4	1	1	2	4	4	4	38
Карталинский	0	2	3	3	3	3	3	0	2	4	1	0	4	1	4	4	37
Каслинский	0	1	3	3	1	3	3	0	2	3	1	3	3	3	1	3	33
Катав-Ивановский	0	1	1	4	1	1	3	0	2	1	0	1	1	2	2	4	24
Кизильский	0	1	1	3	3	1	3	0	2	0	1	1	4	4	4	4	32
Коркинский	0	1	1	3	3	1	3	0	2	1	1	1	2	3	2	4	28
Красноармейский	1	3	1	3	3	1	3	1	2	2	1	1	1	2	0	4	29
Кунашакский	0	3	1	3	3	1	3	1	2	2	1	1	3	2	0	0	26
Кусинский	0	1	1	4	1	1	4	0	2	2	1	1	3	2	0	4	27
Нагайбакский	0	3	1	4	4	1	4	0	2	1	1	3	1	2	4	4	35
Нязепетровский	0	1	1	4	1	1	3	0	2	1	1	1	3	2	2	0	23
Октябрьский	0	1	1	3	3	1	3	0	2	0	1	1	1	2	4	4	27
Пластовский	1	0	3	3	1	3	3	1	2	4	3	0	2	1	1	0	28
Саткинский	0	0	2	3	1	3	3	0	2	1	1	1	4	1	4	0	26
Сосновский	4	1	3	3	3	3	3	4	4	1	1	1	1	4	4	0	40
Троицкий	0	3	1	3	3	1	3	0	2	0	2	1	4	2	4	4	33
Увельский	2	3	3	1	3	3	1	3	2	3	2	0	2	2	4	4	38
Уйский	0	3	4	4	3	3	4	0	2	3	3	0	3	0	0	4	36
Чебаркульский	2	1	1	1	3	1	1	2	2	0	3	1	3	2	3	4	30
Чесменский	0	3	1	4	3	1	3	0	2	0	1	0	1	2	2	2	25

Выводы

Краткое обобщение некоторых показателей (табл. 8) позволяет сделать вывод о более высокой в целом производительности труда и эффективности экономической деятельности в муниципальных районах Свердловской области по сравнению с Челябинской.

Несмотря на схожие проблемы, связанные с численностью экономических агентов, муниципальные районы Свердловской области имеют более равномерные и высокие балльные оценки производственной деятельности (продукция сельского хозяйства), развития пространственного каркаса в части общего и специализированного землепользования, а также связанности экономического пространства по показателям автобусного и железнодорожного сообщения, обеспеченности почтовой и телефонной связью, чем муниципальные районы Челябинской области.

В Челябинской области муниципальные районы занимают 88,7 % территории региона, поэтому их равномерное развитие менее ожидаемо. Тем не менее в муниципальных районах региона сельскохозяйственное производство выступает важной составляющей экономической базы и его результаты оказывают существенное влияние на региональное экономическое пространство. Динамичнее, чем в Свердловской области, протекает воспроизводственный процесс в экономическом пространстве муниципальных районов Челябинской области в части процессов потребления и распределения: наблюдаются несколько более активные инвестиции по сравнению со Свердловской областью, высокими темпами растет потребление. Развитие пространственного каркаса экономического пространства имеет скорее отрицательную динамику, несмотря на

появление нового населенного пункта и рост плотности населения в двух муниципальных районах. Наиболее критичной представляется ситуация в отношении связанности экономического пространства и интегрированности муниципальных районов как в экономическое пространство региона, так и внутри самих районов – она очень неравномерна, что является признаком разрушающего воздействия на экономическое пространство региона.

В соответствии с проведенным анализом экономико-пространственное развитие муниципальных районов может быть направлено:

1) на рост экономической активности и экономически значимых результатов с учетом центробежного характера производственных отношений на территории;

2) сохранение и повышение качественных характеристик физического базиса, а также степени его освоенности;

3) рост интегрированности муниципальных районов в экономическое пространство региона и связанности экономического пространства внутри муниципального района;

4) сбалансированное развитие сельско-городских отношений (городские и сельские поселения в пределах муниципального района; муниципальные районы и городские округа в пределах региона).

Данные направления наряду с полученными результатами апробации методического подхода к идентификации тенденций (конструктивных и деструктивных) развития муниципальных районов в экономическом пространстве региона и результатами компаративного анализа муниципальных районов двух регионов традиционно-промышленного типа в условиях численного превосходства разных видов муниципальных образований (муниципальных рай-

Таблица 8. Доля муниципальных районов Челябинской и Свердловской областей в некоторых региональных показателях, %

Региональный показатель	МР Свердловской области		МР Челябинской области	
	2011	2017	2011	2017
Численность населения	2,4	2,3	28,4	27,08
Продукция сельского хозяйства	7,1	10,9	88,5	88,6
Инвестиции в основной капитал	1,1	0,4	8,2	7,5
Оборот розничной торговли	0,5	0,5	2,8	5,8
Площадь земель МР	11,0	11,5	88,7	88,7
Площадь посевов	10,1	13,9	98,95	99,6

онов и городских округов) представляют собой научную новизну статьи. Анализ экономико-пространственного развития объектов в региональном экономическом пространстве вносит вклад в развитие методологии пространственной экономики, направленной на изучение пространственного поведения экономических агентов.

Отметим также, что сформулированные направления могут быть формализованы в виде

программных инструментов управления территориями (муниципальных и региональных программ), а также проектов, т.е. служить основой тактического инструментария регионального и муниципального управления. Кроме того, сформулированные направления могут использоваться при подготовке документов стратегического планирования регионального и муниципального уровня, в частности стратегий социально-экономического развития.

Литература

1. Fox J. *Rural America is Aging and Shrinking*. June, 2017. Available at: <https://www.bloomberg.com/view/articles/2017-06-20/rural-america-is-aging-and-shrinking>
2. Fujii Yasuyuki. Shrinkage in Japan. *Electronic Journal of Contemporary Japanese Studies*. Available at: <http://www.japanesestudies.org.uk/special/shrinking-regions/Chapter3.pdf>
3. Martinez-Fernandez C., Kubo N., Noya A., Weyman T. (eds.) *Demographic Change and Local Development: Shrinkage, Regeneration and Social Dynamics*. Paris: OECD, 2012. 310 p.
4. *Shrinking Rural Regions in Europe: Policy Brief*. Luxembourg: European Spatial Planning Observation Network, 2017. Available at: <https://www.espon.eu/rural-shrinking>.
5. Syssner J., Meijer M. Informal Planning in Depopulating Rural Areas: A Resource-Based View of Informal Planning Practices. *European Countryside*, 2017, vol. 9, no. 3, pp. 458–472.
6. Syssner J. Planning for Shrinkage? Policy Implications of Demographic Decline in Swedish Municipalities. *Revista de estudios sobre despoblación y desarrollo rural*, 2016, vol. 20, pp. 7–31.
7. Dvoryadkina E.B., Belousova E.A. Municipal Districts in Economic Space of a Region: Constructive and Destructive Trends // Известия Уральского государственного экономического университета. 2018. Т. 19, № 5. С. 84–106. DOI: 10.29141/2073-1019-2018-19-5-7
8. Минакир П.А., Демьяненко А.Н. Очерки по пространственной экономике. Хабаровск : ИЭИ ДВО РАН, 2014. 272 с.
9. Минакир П.А., Демьяненко А.Н. Общественное развитие: междисциплинарные взаимодействия пространственных проекций // Пространственная экономика. 2011. № 4. С. 124–134.
10. Минакир П.А. Экономический анализ и измерения в пространстве // Пространственная экономика. 2014. № 1. С. 12–39.
11. Нефедова Т.Г. Сжатие внегородского освоенного пространства России – реальность, а не иллюзия // Сжатие социально-экономического пространства: новое в теории регионального развития и практике его государственного регулирования. М.: ИГРАН, МАРС, 2010. С. 128–144.
12. Трейвиш А.И. «Сжатие» пространства: трактовки и модели // Сжатие социально-экономического пространства: новое в теории регионального развития и практике его государственного регулирования. М.: ИГРАН, МАРС, 2010. С. 16–31.
13. Лаженцев В.Н. Пространственное развитие (примеры Севера и Арктики) // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. 2010. № 1(1). С. 97–104.
14. Голошейкин Е.В. Методический подход к исследованию традиционно-промышленного региона в территориальной структуре национальной экономики : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05. Екатеринбург, 2011. 32 с.
15. Экономическая динамика России и регионов в условиях структурного кризиса: анализ и прогнозирование / С.С. Гордеев, С.Г. Зырянов, О.П. Иванов, А.В. Кочеров // Социум и власть. 2016. № 6 (62). С. 47–55.
16. Шмидт А.В., Антонюк В.С., Франчини А. Городские агломерации в региональном развитии: теоретические, методические и прикладные аспекты // Экономика региона. 2016. Т. 12. Вып. 3. С. 776–789.

17. Лапаева М.Г., Лапаев С.П. Современные особенности размещения производительных сил // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2016. № 3. С. 25–29.
18. Анимиа Е.Г., Власова Н.Ю. Территориальное планирование субъекта РФ с учетом развития городских агломераций // Современные тенденции пространственного развития и приоритеты общественной географии: материалы Междунар. науч. конф. в рамках IX Ежегодной научной ассамблеи Ассоциации российских географов-обществоведов (г. Барнаул, 12–19 сентября 2018 г.). Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2018. С. 10–14.
19. Чулкова Е.А., Дегтярева Т.Д., Рахматуллина Л.И. Сельские трудовые ресурсы региона: состояние, тенденции развития и пространственное распределение // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2015. № 5 (55). С. 244–247.
20. Микула Е.С. Обзор методов оценки человеческого капитала муниципального образования // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 2 (331). С. 97–99.
21. Чекмарева Е.А. Исследование условий и факторов воспроизводства трудового потенциала муниципальных районов Вологодской области // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 5. С. 173–194.

Сведения об авторах

Елена Борисовна Дворядкина – доктор экономических наук, профессор, проректор по научной работе, профессор кафедры, Уральский государственный экономический университет (620144, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45; e-mail: dvoryadkina@usue.ru)

Елизавета Александровна Белоусова – кандидат экономических наук, главный специалист, ассистент кафедры, Уральский государственный экономический университет (620144, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45; e-mail: Belousova-unir@usue.ru)

Dvoryadkina E.B., Belousova E.A.

Trends of the Development of Municipal Regions in the National Economic Space

Abstract. Concentration of population and economic activity in large and largest urban agglomerations, together with the transformation of the system of strategic planning in Russia, cause great challenges for less populated municipal entities, situated in less urbanized territories, the main of which is the municipal district. On the one hand, local self-government bodies of municipal districts are forced to work in conditions of a shrinking resource base. On the other hand, to ensure the implementation of strategic planning documents on federal and regional levels, including ones related to spatial development. In this context, a scientifically justified assessment of the economic and spatial development of municipal districts is important. It may serve as the basis for making decisions on the usage of strategic and tactical tools for managing the territory of a municipal entity. The purpose of the study is to determine development trends of municipal districts as a specific object in the economic space of the region. The methodological basis of the article is based on concepts of the economic space. The assessment of the economic and spatial development was based on groups of indicators that reflect three parameters of the economic space: intensity, the development of the physical basis, and connectivity. On the basis of the results of calculating the presence indices and analyzing time series, a generalized score of the economic and spatial development of municipal districts is given. According to it, the types of trends, depending on the impact of the economic space of the region (constructive or destructive), are identified. Approbation of the methodology on the example of municipal districts of the Chelyabinsk Oblast showed that urban areas have a significant impact on the economic space of the region in the field of agricultural production, despite the industrial specialization of the region; it confirmed the trend of movement of

labor and capital into urban districts; allowed stating negative dynamics of the development of physical basis of the economic space and the unsatisfactory situation in terms of the connectivity of the economic space. The analysis made it possible to formulate four directions of the economic and spatial development of municipal districts. It may become the basis of tactical and strategic tools for regional and municipal management.

Key words: economic space, region, municipal region, municipal economy, rural territories.

Information about the Authors

Elena Borisovna Dvoryadkina – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Prorector for Research Work, Professor of Department, Ural State University of Economics (65/45, 8 Marta/Narodnoi Voli Street, Yekaterinburg, 620144, Russian Federation; e-mail: dvoryadkina@usue.ru)

Elizaveta Aleksandrovna Belousova – Candidate of Sciences (Economics), Chief Specialist, Assistant of Department, Ural State University of Economics (65/45, 8 Marta/Narodnoi Voli Street, Yekaterinburg, 620144, Russian Federation; e-mail: Belousova-unir@usue.ru)

Статья поступила 03.06.2019.

DOI: 10.15838/esc.2020.1.67.6

УДК 911.375(338), ББК 65.9(2Рос)

© Баймурзина Г.Р., Кабашова Е.В.

Особенности социального и экономического развития современных моногородов Республики Башкортостан

**Гузель Римовна
БАЙМУРЗИНА**

Башкирский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН
Уфа, Республика Башкортостан, Российская Федерация, 450000, ул. 50-летия Октября, д. 20/1
E-mail: guzrim@mail.ru
ORCID: 0000-0002-1844-2689; ResearcherID: G-4824-2017

**Елена Владимировна
КАБАШОВА**

Башкирский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН
Уфа, Республика Башкортостан, Российская Федерация, 450000, ул. 50-летия Октября, д. 20/1
E-mail: e_kabashova@bk.ru
ORCID: 0000-0002-0948-3518; ResearcherID: G-2840-2018

Аннотация. Изучение и мониторинг современного состояния моногородов России являются одними из актуальных вопросов социально-экономической политики государства, особенно в контексте реализации приоритетных национальных проектов и стратегии пространственного развития. Целью статьи является определение специфики социально-экономического развития моногородов Республики Башкортостан на основе комплексного анализа эмпирических данных с использованием социологического инструментария. Для достижения поставленной цели проведена оценка эффективности градообразующих предприятий, проанализированы состояние социально-трудовой сферы, социологические и статистические индикаторы уровня жизни населения; изучены демографические процессы и тенденции в моногородах республики. Исследование шести моногородов (Благовещенск, Учалы, Нефтекамск, Белебей, Белорецк, Кумертау) позволило определить особенности каждой территории, проранжировать их по уровню соци-

Для цитирования: Баймурзина Г.Р., Кабашова Е.В. Особенности социального и экономического развития современных моногородов Республики Башкортостан // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 1. С. 106–124. DOI: 10.15838/esc.2020.1.67.6

For citation: Baimurzina G.R., Kabashova E.V. Features of Socio-Economic Development of Modern Single-Industry Towns in the Republic of Bashkortostan. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2020, vol.13, no. 1, pp. 106–124. DOI: 10.15838/esc.2020.1.67.6

ально-экономического благополучия. Результаты разошлись с характеристиками (категориями), приведенными в последнем перечне российских моногородов Минэкономразвития РФ. Согласно актуализированным данным, к городам со стабильной социально-экономической ситуацией сегодня можно отнести только Нефтекамск; с рисками ухудшения социально-экономического положения – Благовещенск, Учалы, Белебей; к городам с наиболее сложным социально-экономическим положением – Белорецк и Кумертау. Выявлены города с высоким предпринимательским потенциалом (Белебей, Белорецк, Благовещенск), который однако реализуется чаще в неформальном секторе экономики, что существенно ухудшает социальное самочувствие населения. Предпринимательский потенциал других городов (Учалы, Нефтекамск, Кумертау) крайне низок. В городах Учалы и Кумертау практически отсутствуют альтернативы занятости, что определяет жесткую зависимость положения горожан от градообразующего предприятия. Муниципальные органы власти при этом не имеют возможности существенно повлиять на социально-экономическое положение в городе. Применение социологического инструментария в исследовании позволило выявить внутренние факторы и особенности развития моногородов, которые проявляются в жизненных установках и социальном самочувствии населения, но не раскрываются и не передаются статистическими показателями. Разработанная методика может быть использована для комплексного исследования других российских моногородов, поиска эффективных стратегий их модернизации.

Ключевые слова: моногород, градообразующее предприятие, социально-экономическое развитие, уровень жизни, занятость, демография.

Введение

Актуальность исследования социально-экономического положения современных моногородов в России обусловлена объективными рисками ухудшения уровня и качества жизни проживающего в них населения. В условиях рыночной экономики состояние градообразующей организации (или отрасли) и ее возможности обеспечения занятостью населения становятся определяющими факторами жизнеспособности города. Кроме того, градообразующие предприятия многих российских моногородов остаются крупными промышленными объектами. Переход из государственного сектора в частный обусловил существенное сокращение их бюджетов и возможностей поддержания прежних объемов производства, изменение интересов и приоритетов собственников, оптимизацию расходов предприятий на социальные цели, заработную плату и инвестиции.

Централизация бюджетных ресурсов на федеральном уровне делает муниципалитеты менее самостоятельными в решении финансовых, инвестиционных и других вопросов, что, в свою очередь, влияет на уровень жизни местного населения. Доходная обеспеченность муниципальных образований крайне низка, особенно монопрофильных, где местная экономика представлена одной или несколькими отрас-

лями [1]. Моногорода с низким разнообразием видов экономической деятельности оказались на периферии основных экономических и модернизационных процессов [2].

Несмотря на широкую государственную поддержку моногородов (создание Фонда развития моногородов, территорий опережающего социально-экономического развития – ТОСЭР; разработка федеральных программ, специальных нормативно-правовых актов и т.д.), разнообразные семинары по управлению для органов муниципальной власти, инициацию совместных инфраструктурных и инвестиционных проектов на основе государственно-частного партнерства), существенных структурных сдвигов в экономике моногородов не наблюдается.

Комплексная программа развития моногородов, которая была запущена в 2016 г., досрочно прекращена с 1 января 2019 г. Распоряжением Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. утверждена Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года¹.

¹ Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года: распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 №207-р (ред. от 31.08.2019).

В «Российской газете» от 30 июля 2019 г. опубликованы результаты оценки Счетной палатой РФ эффективности поддержки моногородов. Согласно этим оценкам, «за два года работы программы развития моногородов на субсидии потратили 18 млрд. рублей, но численность трудоспособного населения в них сократилась на 350 тыс. человек... предпринимательская активность снизилась... юридических лиц стало меньше на 22,7%»². Одним из существенных упущений стало то, что «игнорировалась возможность оказывать поддержку моногородам в зависимости от их социально-экономических и географических особенностей», а «потратить бюджетные деньги с максимальной пользой можно, если учитывать конкретную ситуацию»³.

Принятие эффективных управленческих решений затрудняется также ограниченными возможностями муниципальной статистики, неполнотой динамических данных на уровне предприятий. Эта ситуация еще более актуализирует необходимость комплексных исследований социально-экономического развития российских моногородов. В настоящее время имеются научные труды по проблемам экономического и социального развития моногородов Кемеровской области (В.А. Трифонов, В.А. Шабашев, И.В. Добрычева, И.С. Антонова, Е.А. Пчелинцев, Р.А. Галимова) [2–4], Иркутской области (Е.А. Ветрова, М.А. Атаманова, Т.В. Кулакова, Е.И. Нефедьева, О.В. Тарабан) [5, 6], Вологодской области (Т.В. Ускова, Л.Г. Иогман, С.Н. Ткачук, А.Н. Нестеров, Н.Ю. Литвинова) [7], Пермской области (А.Д. Ризов) [8], Тюменской области (М.Л. Белоножко, И.С. Самборецкий, Н.В. Гальцева) [9, 10], регионов Центрального Черноземья (С.Н. Растворцева, И.В. Манаева) [11, 12] и др. Отечественными учеными изучены и проанализированы особенности возникновения и развития российских и зарубежных моногородов (С.В. Кулай, М.Г. Меерович, Г.В. Кутергина, А.В. Лапин, И.В. Манаева) [13–15].

Анализ работ зарубежных и отечественных исследователей свидетельствует о том, что мно-

гие страны (Великобритания, США, Канада, Германия, Франция, страны СНГ и др.) сталкивались с различными проблемами монопрофильных территорий [16–19]. В ходе поиска научно обоснованных концептуальных решений задачи модернизации экономики и повышения качества жизни населения моногородов опубликованы монографии [7, 20, 21], защищены диссертации [см., например, 10], подготовлены аналитические доклады⁴ и т.д. Базовой концепцией «оздоровления» монопрофильной экономики признана стратегия диверсификации посредством создания специальных экономических зон, программ поддержки и развития в них предпринимательства [23]. При этом эксперты подчеркивают необходимость учитывать местные условия и особенности; качество управления на местном уровне; особенности взаимодействия муниципалитета и градообразующего предприятия; «качество» населения; бюджетную обеспеченность; масштабы экономики; социокультурные, географические, климатические особенности и др.

Между тем, в условиях недостатка адекватных и сопоставимых данных о рынке труда, уровне жизни, заработной плате, а также отсутствия унифицированной методики оценки социального самочувствия на муниципальном уровне и т.д. любое добросовестное исследование состояния моногородов вносит вклад в формирование более полной и реальной картины жизни в этих поселениях.

Целью данного исследования является определение специфики социально-экономического развития моногородов Республики Башкортостан на основе комплексного анализа эмпирических данных с использованием социологического инструментария.

Научная новизна данной работы заключается в применении авторской методики исследования моногородов на основе комплексного и

² Гайва Е. Не так считали // Российская газета. 2019. №165 (7923). 30 июля. С. 5.

³ Там же.

⁴ Аналитический доклад по вопросам управления развитием моногородов. М.: Институт экономики города, 2011. URL: http://www.urbanconomics.ru/sites/default/files/a_monogoroda_iue_2011.pdf (дата обращения: 20.10.2019); Обзор российских моногородов: аналитический доклад Института комплексных стратегических исследований. М.: ИКСИ, 2017. URL: https://icss.ru/images/pdf/research_pdf/MONOTOWNS.pdf (дата обращения: 20.10.2019).

сопоставительного анализа официальной статистики и социологических данных. Для расширения и углубления знаний о моногородах в условиях ограниченности статистики муниципальных образований и корпоративного сектора нами предложено дополнить группы статистических показателей социологическими индикаторами (предпринимательская активность, субъективная оценка материального положения, гибкость и качество рынка труда, миграционные установки, уверенность в будущем и др.).

Отсутствие подобных исследований в Республике Башкортостан обуславливает практическую значимость данной работы. Мы считаем, что проведенное исследование позволит выработать научно обоснованные управленческие решения по укреплению и диверсификации экономики моногородов республики, повышению уровня и качества жизни их населения.

Методика исследования. Моногорода рассматриваются нами как сложные и специфические системы, требующие соответствующего системного подхода к их анализу. В связи с данной логикой нами выделены три группы показателей: 1) развития, функционирования и эффективности градообразующих предприятий; 2) социально-трудовой сферы и уровня жизни населения; 3) демографического развития и миграционной привлекательности. Особенностью авторской методики является сопоставление данных официальной статистики с результатами социологического исследования, что позволило прояснить и «оживить» картину жизни моногородов, обогатив ее сведениями о предпринимательском потенциале, наличии и характере альтернативных стратегий занятости населения, социально-экономическом благополучии и самочувствии, миграционных установках и другой информацией. Разработанная методика может быть использована для комплексного исследования других российских моногородов, поиска эффективных стратегий их модернизации, выработки адресных мер поддержки их развития.

Объектами исследования являются шесть моногородов Республики Башкортостан, вошедшие в Перечень монопрофильных муницип-

пальных образований Российской Федерации (моногородов), утвержденный распоряжением Правительства РФ от 29 июля 2014 года № 1398-р. Эмпирическую базу исследования составили данные муниципальной статистики, финансовой отчетности градообразующих предприятий, официальных сайтов предприятий и муниципальных образований, а также инвестиционные планы и стратегические документы планирования исследуемых городов, нормативные и правовые акты Российской Федерации и Республики Башкортостан. Для более полного и комплексного представления жизни моногородов нами использована база данных социологического исследования «Стратегия социально-экономического развития Республики Башкортостан до 2030 года» (сокращенно «Стратегия РБ–2030»)⁵. Выбор этого исследования в качестве эмпирической базы продиктован необходимостью анализа на уровне муниципалитетов, что требует большого объема выборки. Исследование такого масштаба последний раз было проведено в 2015 г. в рамках разработки Стратегии социально-экономического развития Республики Башкортостан до 2030 г.

Результаты исследования. Комплексное исследование моногородов позволило: 1) ранжировать их по уровню социально-экономического благополучия; 2) выявить специфику их развития, актуальные проблемы и риски, потенциал; 3) определить роль органов местного самоуправления и градообразующих предприятий в жизни моногородов. Эти результаты отражены в портретах моногородов, приведенных далее в порядке возрастания рисков неблагополучия. Основные социально-экономические показатели моногородов собраны в *табл. 1*.

⁵ Организаторы исследования: Министерство экономического развития Республики Башкортостан, Башкирский филиал Института социологии Российской академии наук, Институт социально-политических и правовых исследований Республики Башкортостан. Объект исследования – население РБ в возрасте от 18 до 75 лет. Выборка районированная по социально-экономическим зонам РБ, стратифицированная, с квотированием на этапе отбора в домохозяйстве по полу и возрасту. Объем выборки – 6300 человек. Метод исследования – самозаполнение бланка социологического опроса (анкеты). Сроки проведения полевых работ: июль–октябрь 2015 г.

Таблица 1. Основные показатели социально-экономического положения моногородов Республики Башкортостан

Показатели	Нефтекамск	Благовещенск	Учалы	Белорецк	Белебей	Кумертау
Доходы местного бюджета, 2018 г., тыс. руб. на 1 чел.	16,74	8,16	4,41	4,86	4,22	19,54
Чистая прибыль (убыток) градообразующего предприятия, 2017 г., тыс. руб.	44	-263* 1886**	303	1004	91	-3413
Прирост числа организаций на 1000 человек, 2018 г. в % к 2010 г.	9,5	2,8	-11,2	-9,7	5,0	7,7
Прирост числа ИП на 1000 человек, 2018 г. в % к 2010 г.	-25,7	-11,8	-8,6	-15,8	-17,0	-26,4
Доля имеющих и планирующих начать свое дело в ближайшее время, 2015 г., %	2,1	14,3	9,5	16,8	12,0	2,7
Прирост населения, 2010–2018 гг., человек	16685	403	-2945	-22028	43	-8943
Средний возраст населения, 2018 г., лет	36,7	36,5	38,28	39,48	39,25	39,55
Доля трудоспособного населения в общей численности населения, 2018 г., %	57,8	55,9	52,5	53,3	56,0	53,9
Средняя заработная плата работников организаций, 2017 г., тыс. руб. в месяц	31,3	35,8	34,9	27,7	25,7	28,0
Уровень субъективной бедности, 2015 г., %	16,6	29,6	40,4	32,0	36,2	34,9
* АО «БАЗ». ** АО «Полиэф». Источники: сост. авторами на основе данных официальной статистики и социологических исследований (конкретные источники указаны далее, в разделе анализа и пояснения полученных результатов).						

Нефтекамск занимает второе место по уровню доходов местного бюджета в расчете на 1 человека. Финансовые показатели градообразующего предприятия имеют положительную тенденцию, количество организаций в городе растет, хотя численность работников организаций сокращается. Заработные платы работников выше среднереспубликанского уровня. Работающее население в основном имеет срочные трудовые контракты. Вместе с тем население отмечает дефицит возможностей занятости в случае потери основной работы. Предпринимательский потенциал⁶ невысокий. В городе отмечается наименьший уровень субъективной бедности. Население города – самое молодое, доля населения в трудоспособном возрасте – самая высокая. Это единственный моногород республики, в котором численность населения растет за счет естественных и миграционных процессов.

В Благовещенске функционируют два градообразующих предприятия, которые относятся к

⁶ Предпринимательский потенциал в данной статье оценивался на основе социологических данных о наличии и/или желании иметь собственное дело (ИП, частное предприятие, фермерское хозяйство и т.д.).

нефтяной отрасли промышленности. В связи с этим он отличается самым высоким среди моногородов республики уровнем заработных плат. Однако доходы местного бюджета в расчете на человека невысоки. Город характеризуется самой высокой предпринимательской активностью, но небольшим ростом количества организаций. Это свидетельствует о росте неформальной занятости, которая играет двойную роль: с одной стороны, она увеличивает гибкость локального рынка труда и возможности для занятости, с другой – формирует основы для роста социально-экономической дифференциации населения, снижения средних заработных плат и качества занятости. Население за кредитовано. Доля малоимущего населения не так высока, как в других моногородах, но существенна. Численность населения за 2010–2018 гг. практически не изменилась. Благовещенск – самый молодой город по возрастному составу населения, что, вероятно, объясняет желание большинства уехать из него, т.к. молодежь не видит для себя перспектив в этом городе.

Город Учалы отличается самым высоким уровнем концентрации трудоспособного населения на градообразующем предприятии, что

означает самую жесткую зависимость социально-экономического положения его жителей от состояния крупнейшего работодателя. Работники организаций моногорода получают достаточно высокую зарплату (выше средне-республиканского уровня). Однако финансовое положение градообразующего предприятия ухудшается, хотя оно еще характеризуется как неубыточное. Заметим, что и темпы роста самой отрасли, т.е. добычи полезных ископаемых, к которой относится предприятие, существенно снизились в последние годы. Моногород характеризуется самыми низкими доходами местного бюджета в расчете на человека. В городе сокращается число организаций, низким остается уровень предпринимательской активности. Около трети опрошенного населения считает вполне вероятным потерять работу, но возможность найти новое место работы оценивает очень низко. При самом высоком уровне субъективной бедности население отличается очень высокой закредитованностью. Доля населения в трудоспособном возрасте — самая низкая. Темпы естественного прироста населения быстро сокращаются, намечается тенденция роста миграционного оттока. Однако в 2015 г. большинство опрошенных не имели желания мигрировать из города. На вопрос об уверенности в будущем достаточно значимая доля жителей г. Учалы не смогла дать определенный ответ. Моногород, на наш взгляд, находится в зоне риска ухудшения социально-экономического положения.

Белорецк имеет низкие доходы местного бюджета в расчете на одного жителя. Градообразующее предприятие концентрирует в себе почти треть работников организаций. Предприятие прибыльное, но уровень зарплатных плат в городе ниже среднереспубликанского. Снижение темпов роста номинальных зарплатных плат началось с 2014 г. На наш взгляд, это связано с сокращением в городе численности работников организаций, увеличением распространенности гибких режимов труда, неформальной занятости и самозанятости. Более четверти респондентов ответили (самый высокий показатель среди моногородов), что легко смогут найти новую работу в случае потери нынешней. К малоимущему слою отнесли себя около трети жителей города, две трети — не имеют кредитов. Население города относитель-

но немолодое, наблюдается стабильная естественная и миграционная убыль. Несмотря на все сложности, население достаточно оптимистично смотрит в будущее.

Белебей — город с самыми низкими доходами местного бюджета в расчете на одного жителя, с самой низкой среди моногородов республики заработной платой работников. Вместе с тем здесь отмечаются небольшой рост числа организаций (хотя и при сокращении численности занятых в них), довольно высокий предпринимательский потенциал, однако в большей мере он реализуется в неформальном секторе экономики и самозанятости. Это подтверждается и ответами респондентов: жителям этого города найти другую работу относительно проще, чем в других моногородах. Население Белебея немолодое, с достаточно высоким уровнем субъективной бедности, с очень осторожным отношением к кредитам. Белебей — единственный моногород республики, в котором чистая прибыль градообразующего предприятия за последние три года увеличилась более чем в 2 раза, а с 2017 г. в городе наблюдается миграционный прирост. Естественная убыль при этом (как следствие старения населения) пока сохраняется.

Кумертау имеет самые высокие доходы местного бюджета в расчете на человека, что сочетается с низким уровнем зарплатных плат в организациях города. Доля обеспеченного населения, согласно социологическим замерам, самая низкая среди моногородов республики. Это косвенно свидетельствует о высоком социальном расслоении. Население имеет большой объем кредитов. Градообразующее предприятие является работодателем для трети работников организаций моногорода. Предприятие убыточное, основные фонды изношены на 60%. Численность работников организаций сокращается. В городе практически нет альтернатив занятости, плохо развивается предпринимательство, рабочих мест с гибкими условиями труда немного. Образование ТОСЭР в 2016 г. привлекло в город 12 резидентов, однако социально-экономический эффект пока незаметен, хотя существенно и ускорились темпы роста доходов местного бюджета. В городе отмечаются самые высокие потери населения, основной причиной которых является миграционный отток. Вместе с тем увеличивается и естественная убыль населения.

Анализ и пояснение полученных результатов

1. Состояние градообразующих предприятий и экономики моногородов Республики Башкортостан. Градообразующие предприятия играют ключевую роль в экономическом развитии моногородов, от них во многом зависит ситуация на рынке труда, наполнение бюджета, состояние городской инфраструктуры. Большая часть градообразующих предприятий монопрофильных территорий республики специализируются в обрабатывающей промышленности: производство транспортных средств, машин и оборудования, готовых металлических изделий, производство пластмассовых изделий и др. Исключением является город Учалы, главное предприятие которого относится к добы-

вающей промышленности. В целом индексы промышленного производства свидетельствуют о положительной динамике. Однако темпы их роста заметно снизились по сравнению с уровнем 2010 г., особенно в добывающей промышленности. Слегка намечающиеся тенденции посткризисного восстановления позволяют рассчитывать на определенную стабильность и наличие шансов для улучшения положения моногородов при условии, что будет выбрана и реализована продуманная управленческая стратегия.

Основные направления деятельности и ключевые характеристики градообразующих предприятий моногородов республики приведены в *табл. 2.*

Таблица 2. Характеристики основных градообразующих предприятий моногородов Республики Башкортостан

Градообразующее предприятие (название, год основания)	Отрасль специализации	Доля занятых на предприятии в общей численности работников организаций города, %	Доля занятых на предприятии в общей численности трудоспособного населения города, %
ОАО «Белебеевский завод «Автономаль» (АО «БелЗАН», 1971 г.)	Производство крепежных изделий и пружин для автомобильной промышленности	20,0	7,6
ООО «Белебеевский завод «Автокомплект» (ООО «БЗАК», 1998 г.)	Производство электрического и электронного оборудования для автотранспортных средств	2,7	1,0
ООО «Белебеевское предприятие «Автодеталь» (ООО «Белавтодеталь», 1945 г.)		1,8	0,7
ОАО «Кумертауское авиационное производственное предприятие» (АО «КумАПП», 1962 г.)	Производство вертолетов, самолетов и прочих летательных аппаратов	31,3	10,6
ОАО «Белорецкий металлургический комбинат» (АО «БМК», 1762 г.)	Производство проволоки методом холодного волочения	31,6	16,1
ПАО «Нефтекамский автозавод» (ПАО «НЕФАЗ», 1972 г.)	Производство кузовов для автотранспортных средств; производство прицепов и полуприцепов	19,5	7,5
ОАО «Благовещенский арматурный завод» (АО «БАЗ», 1756 г.)	Производство прочих кранов и клапанов	18,6	8,6
АО «Полиэф» (1985 г.)	Производство пластмасс и синтетических смол в первичных формах	12,5	5,8
ОАО «Учалинский горно-обогатительный комбинат» (АО «УГОК», 1961 г.)	Добыча и обогащение медной руды	52,9	31,0
Источники: сост. и рассчитано авторами на основе данных: Социально-экономическое положение муниципальных районов и городских округов Республики Башкортостан: стат. сб. / Башкортостанстат. Уфа, 2018; Официальные сайты градообразующих предприятий.			

Показатели финансово-хозяйственной деятельности градообразующих предприятий республики свидетельствуют о её недостаточной эффективности (табл. 3). За 2015–2017 гг. из всех градообразующих предприятий моногородов республики объемы чистой прибыли выросли только в АО «БелЗАН» (более чем в 2 раза) и ПАО «НЕФАЗ». Прибыли АО «БМК» и АО «УГОК» существенно сократились. АО «КумАПП» и АО «БАЗ» стали убыточными. Несмотря на положительное сальдо кредиторско-дебиторской задолженности АО «КумАПП», положение данного предприятия и АО «БАЗ» является наименее стабильным. По выручке и обороту самыми крупными предприятиями являются АО «УГОК» и АО «БМК», это отражается и на численности их работников.

Показатели финансово-хозяйственной деятельности градообразующих предприятий во многом обусловлены состоянием основных фондов. Судя по оценкам за 2017 г., основные фонды градообразующих предприятий моногородов республики характеризуются высокой степенью износа: в Кумертау – 61,6%, в Белорецке – 50,5%, в Белебее – 49,9%, в Благовещенске – 49,1%, в Нефтекамске – 49,1%, в Учалах – 41,6%.

Укрепление социально-экономического положения моногорода невозможно без диверси-

фикации видов экономической деятельности, роста деловой активности организаций и предприятий. В период 2010–2018 гг. рост количества организаций отмечался в Нефтекамске (на 16,1%), Благовещенске (6,2%), а также в Белебее (2,4%) и Кумертау (3,3%). Создание в 2016 г. ТОСЭР в городах Белебее и Кумертау не привело к значительному росту в них числа организаций. В городе Учалы количество организаций сократилось на 97 ед., а в г. Белорецке – на 120 ед. (рис. 1).

За этот период во всех моногородах республики также произошло сокращение числа индивидуальных предпринимателей. Наибольшее количество закрывшихся ИП зарегистрировано в Нефтекамске, где в 2010 году работало на 900 предпринимателей больше, чем в 2018 году. В относительном выражении (в расчете на 1000 человек населения) наибольшее сокращение числа ИП было отмечено в Кумертау – на 26,4%. Основные причины заключаются как в увеличении налоговой нагрузки на предпринимателей, так и в снижении покупательной способности населения. Социологические данные 2015 года фиксируют более высокий предпринимательский потенциал Благовещенска, Белорецка и Белебея, в других моногородах он почти не заметен (рис. 2).

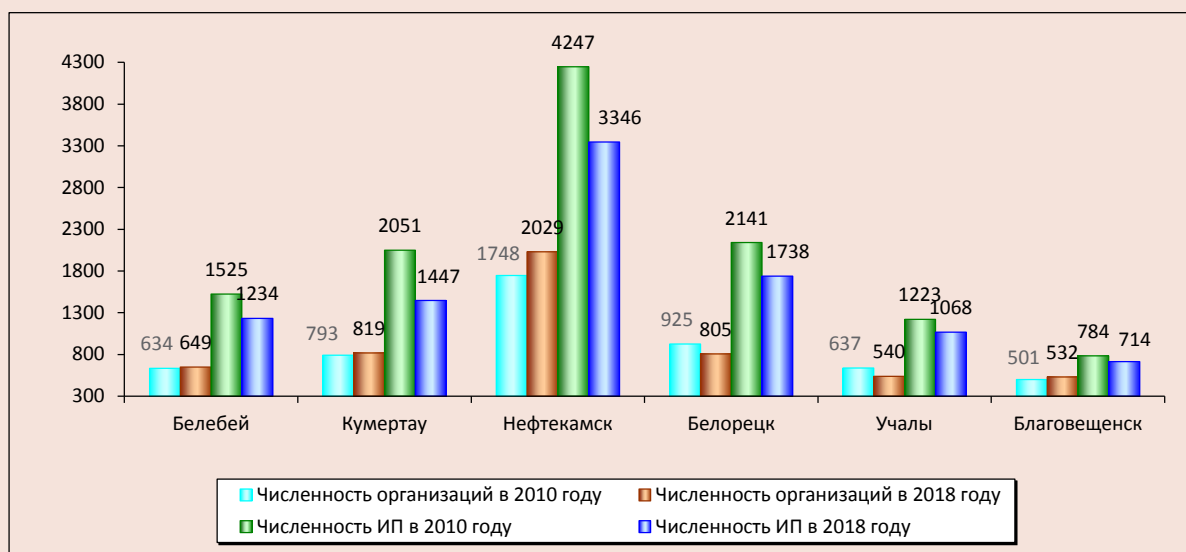
Таблица 3. Показатели финансово-хозяйственной деятельности градообразующих предприятий Республики Башкортостан

Год	АО «БелЗАН»	АО «КумАПП»	АО «БМК»	ПАО «НЕФАЗ»	АО «БАЗ»	АО «УГОК»
<i>Чистая прибыль (убыток), тыс. руб.</i>						
2015	45688	...	2096550	-393000	47585	3300720
2016	36028	...	315524	37041	-278602	3018990
2017	91385	-3412520	1003970	44356	-262687	302812
<i>Выручка, тыс. руб.</i>						
2015	4178250	...	23466700	8661430	2832180	24151900
2016	4421470	...	22889400	12246600	2701930	21749100
2017	4811400	7656410	23932300	13139400	2540990	20486400
<i>Дебиторская задолженность, тыс. руб.</i>						
2015	766283	...	3168060	1573700	531629	1398210
2016	672860	...	4154530	2644270	422157	5474920
2017	481335	3616340	6273560	2047250	401525	3087100
<i>Кредиторская задолженность, тыс. руб.</i>						
2015	427278	...	3672580	1889160	328774	2420560
2016	539868	...	3565010	3180300	250981	1988620
2017	401553	5861310	3310870	2620870	389265	3229150

Источник: Бухгалтерская отчетность градообразующих предприятий: https://www.audit-it.ru/buh_otchet/

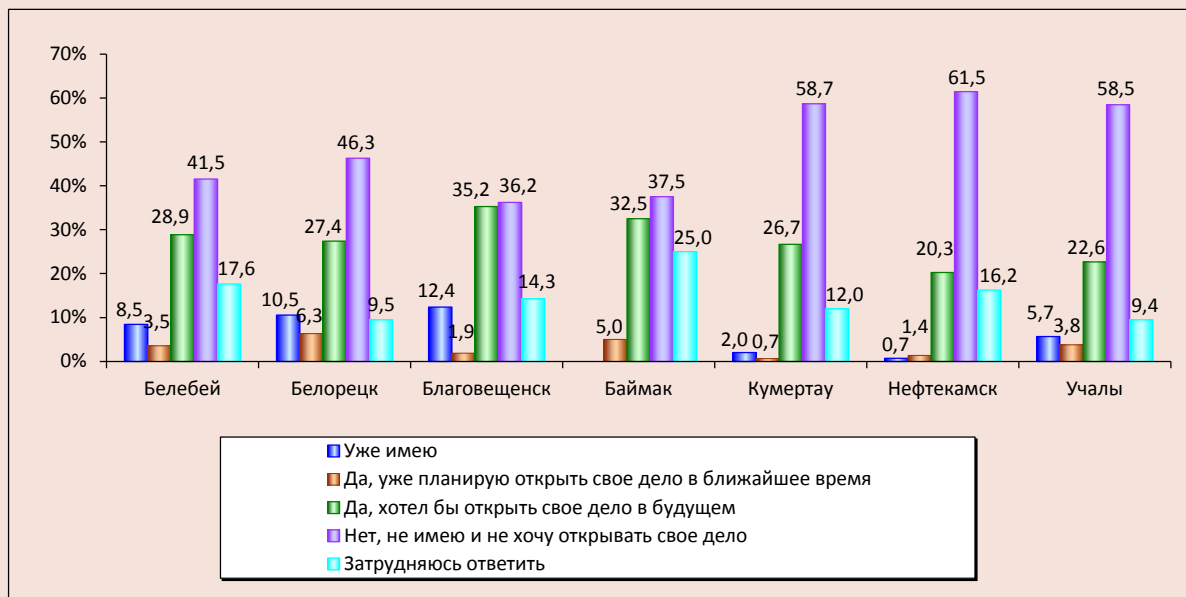

Рис. 1. Динамика численности организаций и индивидуальных предпринимателей в моногородах Республики Башкортостан, ед.

Источники: Социально-экономическое положение муниципальных районов и городских округов Республики Башкортостан: стат. сб. / Башкортостанстат. Уфа, 2011; Там же. Уфа, 2018.

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Хотели бы Вы иметь собственное дело? (ИП, частное предприятие, фермерское хозяйство и т.д.)?», %

Источник: данные социологического исследования «Стратегия РБ–2030».

Таблица 4. Основные характеристики территорий опережающего социально-экономического развития в Республике Башкортостан (ТОСЭР)

Город	Год создания ТОСЭР	Число резидентов	Область реализации проектов	Ожидаемые результаты
Белебей	2016	12	Производство оборудования для нефтяной промышленности, минеральных удобрений, железобетонных изделий, металлоконструкций; пищевая промышленность	Более 2,9 млрд. руб. инвестиций; более 2 тыс. новых рабочих мест
Кумертау	2016	12		
Нефтекамск	2019	2	Легкая и пищевая промышленность, строительство	Более 3,3 млрд. руб. инвестиций; более 1 тыс. новых рабочих мест
Белорецк	2019	1		
Благовещенск	2019	1		
Учалы	Ведется работа по созданию ТОСЭР			

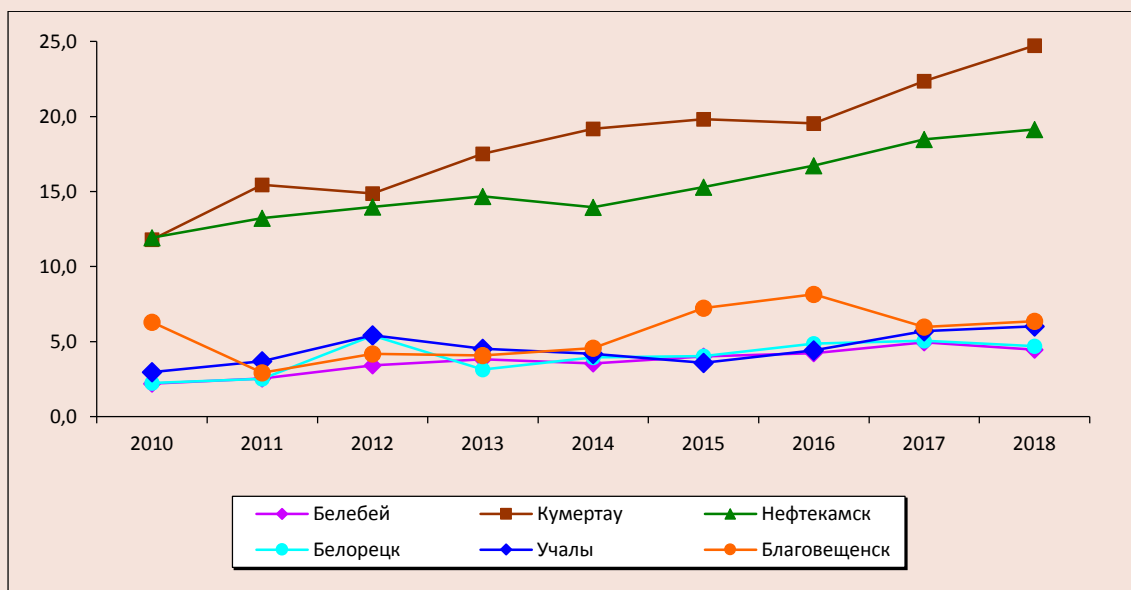
Источники: TOP в моногородах России привлекли 22 млрд. рублей инвестиций. URL: <https://economy.bashkortostan.ru/press-tsentr/news/tor-v-monogorodakh-rossii-privlekli-22-mld-rubley-investitsiy/> (дата обращения: 10.10.2019); Первые резиденты башкирских ТОСЭР «Белорецк» и «Благовещенск» включены в реестр резидентов ТОСЭР Минэкономразвития России. URL: <https://realnoevremya.ru/news/153416-pervye-rezidenty-bashkirskih-toser-beloreck-i-blagoveschensk-vklyucheny-v-reestr-rezidentov-toser-minekonomrazvitiya-rossii> (дата обращения: 10.10.2019).

В целях диверсификации, модернизации и улучшения социально-экономического положения моногородов создаются ТОСЭР. В настоящее время они функционируют в пяти из шести моногородов республики (табл. 4).

Социально-экономическое положение моногорода и потенциал его развития во многом зависят от бюджетной обеспеченности. Доходы муниципального образования являются также показателем эффективности деятель-

ности органов местного самоуправления и их взаимодействия с экономическими субъектами. Доходы бюджетов моногородов в расчете на одного постоянного жителя существенно различаются. Более успешными в этом отношении оказались Кумертау (24,7 тыс. руб. на душу населения) и Нефтекамск (19,1 тыс.). В остальных городах этот показатель находится в диапазоне 4,7–6,3 тыс. рублей на душу населения (рис. 3).

Рис. 3. Динамика показателей доходов местных бюджетов моногородов Республики Башкортостан, тыс. руб. на душу населения

Источник: Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС).

Интересные результаты показала социологическая оценка эффективности деятельности органов власти и управления на региональном и местном уровнях⁷. Население считает, что муниципальная власть лучше, чем органы региональной власти, осведомлена о потребностях и нуждах горожан, но меньше учитывает эти знания в своей работе: на муниципальном уровне дистанция между осведомленностью о проблемах и их учетом в работе больше, чем на региональном. Это отражает дефицит реальных возможностей (правовых, организационных, финансовых) у органов местной власти собственными силами решать локальные задачи и проблемы. Эти данные свидетельствуют о недоучете потребностей и нужд населения городов органами местной и региональной власти.

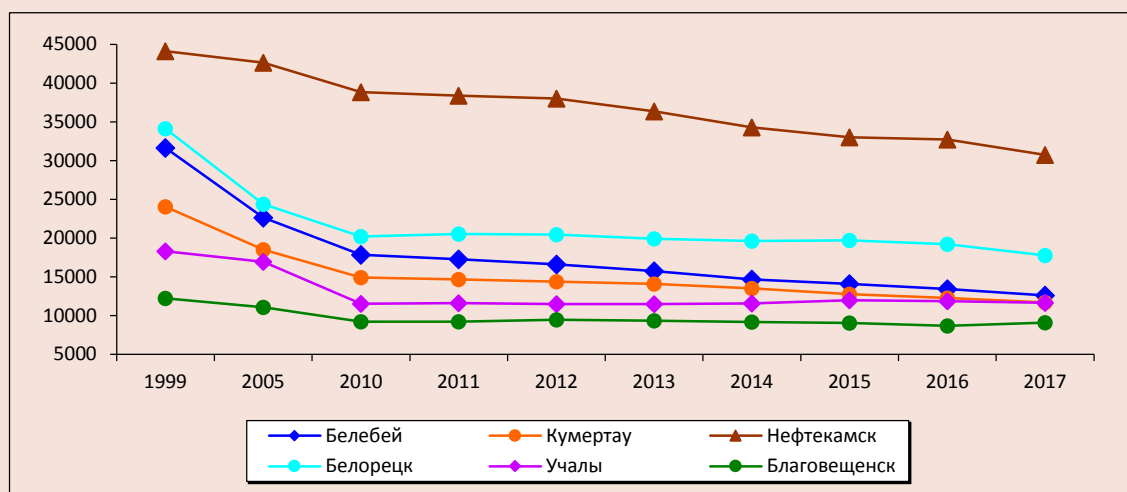
2. Занятость, уровень жизни и социальное самочувствие населения моногородов. Градообразующие предприятия рассматриваемых городов концентрируют в себе существенную долю работающего населения. Однако удельный вес работников этих предприятий в общей численности работников организаций различается. АО «УГОК» является работодателем для 52,9% работников всех организаций города, АО «БМК» – для 31,6%, АО «КумАПП» – 31,1%. В

Благовещенске функционируют два крупных предприятия (АО «БАЗ», АО «Полиэф»), охватывающих 31,1% общей численности работников организаций города. В Белебее на трех предприятиях по производству изделий и оборудования для автотранспортной промышленности трудятся около 25%, в АО «НЕФАЗ» – около 20% от числа работников организаций города (см. табл. 2).

Численность работников организаций моногородов заметно сократилась к 2010 г. В последующие годы ситуация относительно стабилизировалась, но снижение продолжалось в Нефтекамске (-8100 человек за 2010–2017 гг.), Белебее (-5266 человек), Кумертау (-3217 человек), Белорецке (-2466 человек). В Учалах и Благовещенске, городах «со стабильной экономической ситуацией», число работников организаций практически не изменилось (рис. 4).

В моногородах сохраняются менее гибкие режимы труда. Особенно отличаются Учалы, Кумертау и Нефтекамск, в которых 70–80% работающего населения имеют бессрочные трудовые контракты (рис. 5). При этом, согласно социологическим данным, около трети занятых в этих городах считают вполне вероятным потерять работу. А если они останутся без нее,

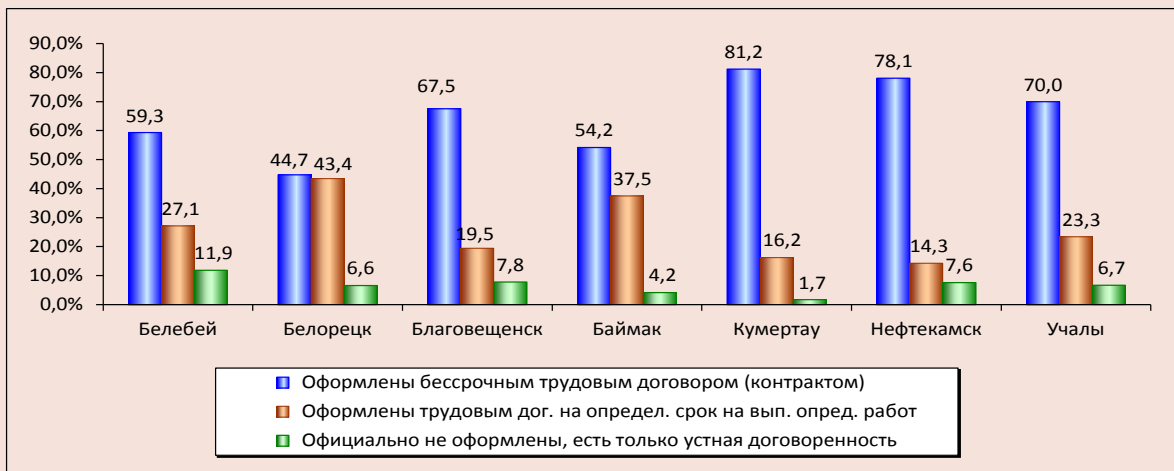
Рис. 4. Среднесписочная численность работников всех организаций по моногородам РБ за 1999–2017 гг., чел.

Источники: Социально-экономическое положение муниципальных районов и городских округов Республики Башкортостан: стат. сб. / Башкортостанстат. Уфа, 2011; Там же. Уфа, 2018.

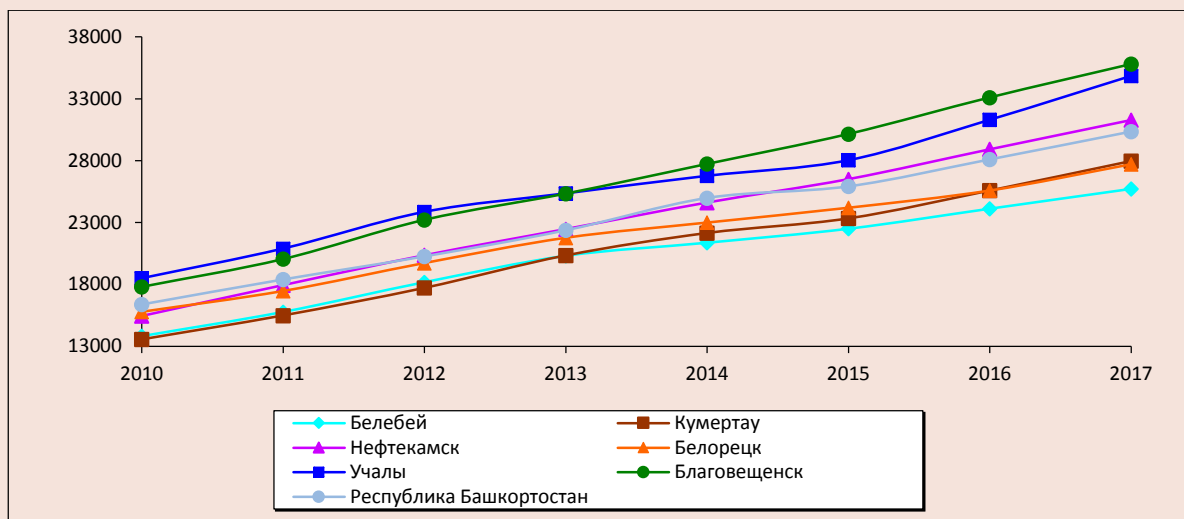
⁷ Результаты того же социологического исследования «Стратегия РБ–2030», 2015 г.

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос «Оформлены или не оформлены официально Ваши отношения с работодателем по основному месту работы?», %

Источник: данные социологического исследования «Стратегия РБ–2030».

Рис. 6. Среднемесячная заработная плата работников организаций, руб.

Источники: Социально-экономическое положение муниципальных районов и городских округов Республики Башкортостан: стат. сб. / Башкортостанстат. Уфа, 2011; Там же. Уфа, 2018.

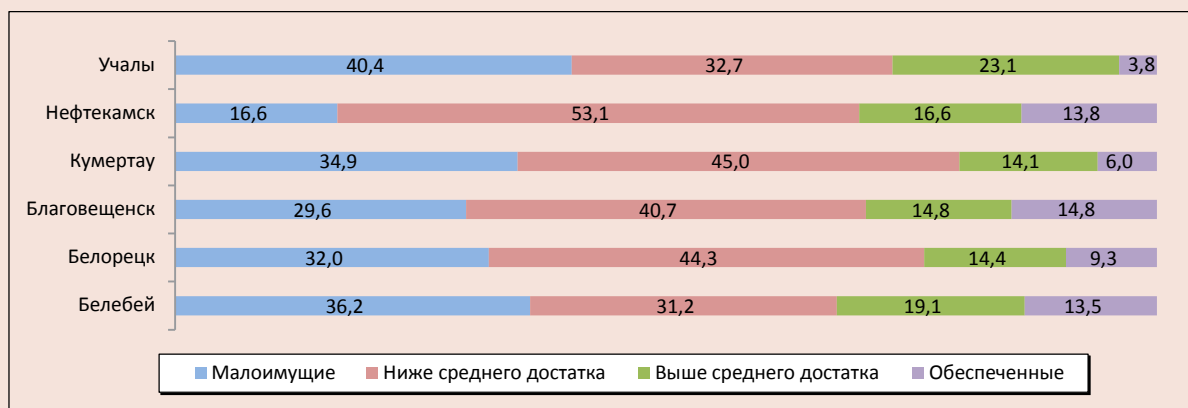
то найти другую работу им будет очень нелегко, особенно в Кумертау и Учалах. В Нефтекамске (крупном городе с высшими учебными заведениями) возможностей найти другое место работы чуть больше, но не намного.

Возможностей для занятости больше там, где практикуются более гибкие режимы труда, в нашем случае – в Белебее, Белорецке и Благовещенске. Наибольшая доля респондентов, ответивших «я легко смогу найти другую ра-

боту», – среди жителей Белорецка (28%) и Белебей (24%); для сравнения: в Кумертау – 6%, Учалах – 10%, Нефтекамске – 13%. Вместе с тем в этих городах ниже средняя зарплата и, по всей видимости, выше уровень неформальной занятости.

Самые высокие заработные платы имеют жители Благовещенска, Учалов и Нефтекамска (рис. 6). Среднемесячная заработная плата работников организаций в этих городах

Рис. 7. Структура населения моногородов по материальному положению, %

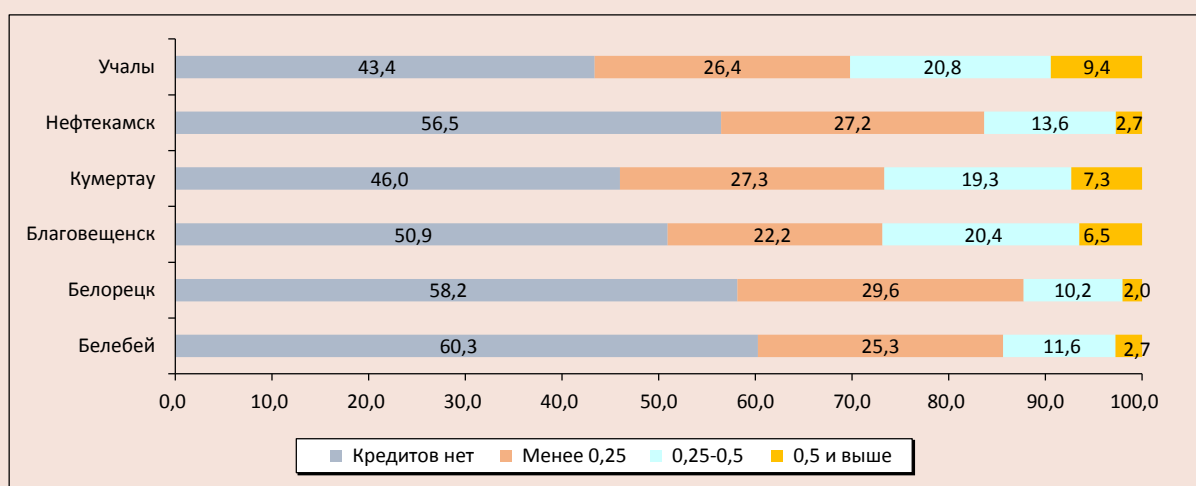
Источник: данные социологического исследования «Стратегия РБ–2030».

превышает средний уровень по республике. Белорецк, Кумертау и Белебей заметно отстают по этому показателю и находятся ниже среднего уровня по республике. Нефтекамск существенно «оторвался» от своего соседа по категории «с рисками ухудшения социально-экономического положения» с 2014 г., когда замедлились темпы роста заработных плат в Белорецке.

Большая часть населения моногородов, также как и в республике в целом, невысоко оценивает свое материальное положение («денег хватает на одежду и питание, но покупка бытовой техники, мебели вызывает затруднения») (рис. 7).

Это характерно и для относительно благополучных моногородов – Нефтекамска и Благовещенска. Вместе с тем в Нефтекамске самый

Рис. 8. Распределение ответов на вопрос «Имеете ли Вы кредиты (ипотека, автокредит, потребительский и т.п.) и если да, то примерно какую долю Вашего семейного бюджета составляют выплаты по этим кредитам?», %

Источник: данные социологического исследования «Стратегия РБ–2030».

низкий уровень бедности – 16,6%. В остальных моногородах доля малоимущих составляет 30–40%. В Учалах, где отмечается наиболее высокий уровень заработных плат, наблюдается довольно сильное расслоение: самая высокая доля малоимущего населения при высокой доле населения с достатком выше среднего уровня. Сильная дифференциация по доходам наблюдается и в Белебее, в основном за счет роста неформальной занятости.

Город Учалы, при самом высоком уровне бедности населения, отличается также его высокой закредитованностью: примерно каждый десятый имеет кредит, выплаты по которому составляют более 50% семейного бюджета, а для каждого пятого – от 25 до 50% семейного бюджета (рис. 8). Чуть меньше, но все же существенно закредитовано население Кумертау (где отмечается низкая доля обеспеченного населения), а также Благовещенска (с достаточно высокими зарплатами).

3. Демография и миграционная привлекательность территорий. Изменение численности населения (естественное, механическое, качественное и структурное) – один из наиболее ярких индикаторов социального благополучия. Численность населения моногородов республики на 01.01.2019 г. составила 400 980 человек (10% от общей численности населения). За 2000–2018 гг. этот показатель сократился на 4% (или на 16,8 тыс. человек). В Белебее и Благовещенске он практически не изменился, в Белорецке сократился на 22 тыс. человек,

в Кумертау – на 8,9 тыс. человек, в Учалах – на 2,9 тыс. человек. Единственным городом с положительной динамикой численности населения стал Нефтекамск, рост населения в котором за этот период составил 113,6% (16,7 тыс. чел.).

Оценка вклада естественного и миграционного прироста в динамику численности населения моногородов показывает, что они за 2015–2018 гг. потеряли за счет миграционного оттока 1246 человек и приобрели за счет естественного прироста 1108 человек. В целом естественный прирост наблюдался в городах с более молодым населением в Нефтекамске (самый высокий), в Учалах и Благовещенске (более скромные результаты). В Кумертау основной причиной сокращения численности населения является миграционная убыль, в Белорецке – естественная убыль, как следствие старения населения. В Белебее с 2017 г. отмечается миграционный прирост (как результат инвестиций в развитие города), однако для сокращения естественной убыли необходимо существенное омоложение населения (табл. 5).

При отсутствии альтернатив занятости (а для молодежи – перспектив карьерного/личностного роста) монопрофильные города не могут удерживать в себе население. Социологические исследования говорят о высоком миграционном потенциале этих городов. В целом по моногородам доля желающих уехать из своего города в 2015 г. составила 32%, не желающих – 48%, затруднились ответить – 20%. Доля желающих уехать из своего города была

Таблица 5. Вклад естественного и миграционного прироста в динамику численности населения моногородов в 2015–2018 гг.

Моногород	Миграционный прирост (убыль), чел.				Естественный прирост (убыль), чел.				Итого за 2015–2018 гг.		
	2015	2016	2017	2018	2015	2016	2017	2018	Миграц. прирост (убыль), человек	Естест. прирост (убыль), человек	Общий прирост (убыль), человек
Белебей	-225	-83	292	153	-1	2	-240	-191	137	-430	-293
Кумертау	-529	-420	-492	-238	-70	-97	-216	-209	-1679	-592	-2271
Нефтекамск	-44	24	377	845	904	698	572	396	1202	2570	3772
Белорецк	-225	-187	-48	-85	-188	-183	-276	-338	-545	-985	-1530
Учалы	-127	126	185	-240	163	73	33	17	-56	286	230
Благовещенск	-53	-184	-14	-54	77	102	67	13	-305	259	-46

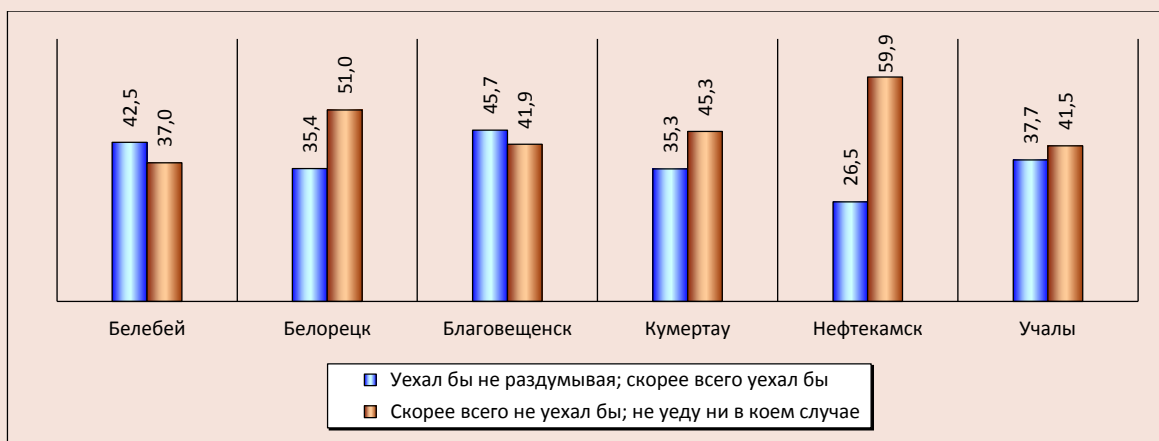
Источники: Демографические процессы в Республике Башкортостан: стат. сб. Уфа: Башкортостанстат, 2018; Там же. Уфа, Башкортостанстат, 2019.

ниже среднереспубликанского уровня только в Нефтекамске. В относительно благополучном Благовещенске доля потенциальных мигрантов даже превышала долю не желающих покидать город. Это частично объясняется тем, что здесь довольно молодое население. Такое же неблагоприятное соотношение наблюдалось и в Белебее (рис. 9).

Тем не менее, несмотря на сложности жизни, большая часть жителей моногородов с оптимизмом смотрит в будущее. Наибольшая доля уверенных в своем будущем проживает в Не-

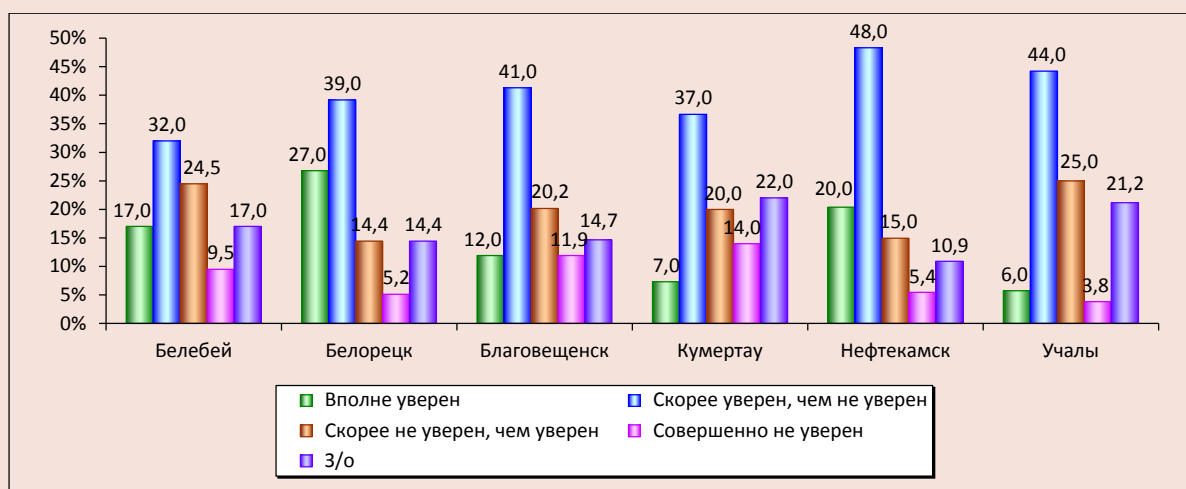
фтекамске (совершенно уверены – 20,4%, скорее уверены, чем не уверены – 48%) и Белорецке (вполне уверены – 27%, скорее уверены – 39%). Наибольшая доля «пессимистов» зафиксирована в Белебее, Кумертау и Благовещенске: 20–25% скорее не уверенных, чем уверенных, в том числе 9–14% совершенно не уверенных в своем будущем. Учалы и Кумертау отличились высокой долей затруднившихся ответить на этот вопрос (от 17 до 22%), что, на наш взгляд, нельзя оценить положительно (рис. 10).

Рис. 9. Распределение ответов на вопрос «Если бы у Вас появилась возможность уехать из Вашего города в другое место жительства, то как бы Вы поступили?», %

Источник: данные социологического исследования «Стратегия РБ–2030».

Рис. 10. Уверенность населения в своем будущем, %

Источник: данные социологического исследования «Стратегия РБ–2030».

Полемика по поводу результатов. Завершая исследование, мы надеемся развернуть полемику по следующим положениям.

В соответствии с критериями Минэкономразвития РФ моногорода Республики Башкортостан распределены по трем категориям: 1) с наиболее сложным социально-экономическим положением (Белебей и Кумертау); 2) с рисками ухудшения социально-экономического положения (Нефтекамск и Белорецк); со стабильной социально-экономической ситуацией (Учалы и Благовещенск). Однако, согласно полученным результатам, к городам со стабильной социально-экономической ситуацией сегодня можно отнести только Нефтекамск; к городам с рисками ухудшения социально-экономического положения — Благовещенск, Учалы, Белебей; с наиболее сложным социально-экономическим положением — Белорецк и Кумертау. Категория моногорода не несет в себе значимой информации и не связана с системой поддержки моногородов, созданием ТОСЭР. Решение о выделении необходимых средств поддержки всегда принимается адресно.

Как показывают исследования, в т. ч. зарубежные, наиболее эффективным способом укрепления положения монопрофильных территорий является диверсификация их экономики, развитие малого и среднего бизнеса. Создание ТОСЭР ориентировано на привлечение инвестиций в объеме не менее 5 млн. рублей и создание не менее 10 рабочих мест в первый год реализации проекта. Это требование неподъемно для большинства начинающих предпринимателей и не стимулирует развитие честного предпринимательства и малого бизнеса. Данное исследование показало, что в ряде городов

с высоким предпринимательским потенциалом наблюдаются «стихийная» диверсификация экономики, рост неформальной занятости, которые сложно контролировать и учитывать. Несмотря на уменьшение зависимости от градообразующего предприятия, такое развитие ведет к снижению качества занятости, ухудшению материального и правового положения работников и в конечном счете негативно отражается на жизнеспособности города. Если создание ТОСЭР направлено на привлечение инвестиций и развитие производств с экспортной ориентацией, то развитие малого предпринимательства должно стимулировать внутренний спрос и экономическую активность населения. Муниципальные органы власти при этом не имеют возможности существенно повлиять на социально-экономическое развитие в городе в связи с ограниченностью бюджетных и организационных ресурсов. Учет специфики моногородов, который достигается в том числе обращением к социологическим данным, позволяет выработать более эффективные адресные меры их модернизации.

Как было отмечено в начале статьи, наряду с доступными и относительно новыми статистическими материалами в ней использованы эмпирические данные, собранные в конце 2015 года. Для комплексной оценки прогресса необходимо новое и более целенаправленное социологическое исследование, включающее также глубокий, качественный анализ мнений и оценок экспертного сообщества. Оно позволит дать более полные ответы на новые вызовы и вопросы в развитии моногородов, оценить эффективность управленческих мер и решений по их социально-экономическому и демографическому развитию.

Литература

1. Trifonov V.A., Loyko O.T., Nesteruk D.N., Zhironkin S.A., Strekovtsova E.A. Managing a monotown as a priority social and economic development area. *AIP Conference Proceedings: Proc. III Intern. Young Researchers Conf.*, 2017, vol. 1800, pp. 1–5.
2. Antonova I.S., Pchelintsev E.A., Garimova P.A. Case study of Kemerovo region with high concentration of single-industry towns. *The European Proceedings of Social & Behavioral Sciences*, 2018, vol. 50, pp. 42–49.
3. Колодий Н.А., Трифонов В.А. Социально-ответственное проектирование в моногороде на примере г. Юрга Кемеровской области // *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2018. № 1. С. 27–33. DOI:10.21603/2500-3372-2018-1-27-33.

4. Шабашев В.А., Добрычева И.В. Исследование занятости в монопрофильном муниципальном образовании – городе Юрге // Экономика и предпринимательство. 2016. № 1–1. С. 487–494.
5. Vetrova E.A., Atamanova M.A., Kulakova T.V. The replacement strategy for monotowns in Russia: From industry branches towards tourism on the example of Baikal'sk. *Life Science Journal*, 2014, vol. 11 (12s), pp. 929–933.
6. Нефедьева Е.И., Тарабан О.В. Проблема занятости населения монопрофильных территорий (на примере Иркутской области) // Труд и социальные отношения. 2019. № 2. С. 33–46.
7. Моногород: управление развитием : монография / Т.В. Ускова, Л.Г. Иогман, С.Н. Ткачук, А.Н. Нестеров, Н.Ю. Литвинова ; под ред. Т.В. Усковой. Вологда : ИСЭРТ РАН, 2012. 220 с.
8. Ризов А.Д. Развитие ТОСЭР в границах старопромышленных городов // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 2. С. 133–138.
9. Белоножко М. Л., Самборецкий И. С. Социальные проблемы моногородов Тюменского севера // Вузовская наука: теоретико-методологические проблемы подготовки специалистов в области экономики, менеджмента и права : материалы Международного семинара. Тюмень, 2016. С. 89–93.
10. Гальцева Н.В. Реструктуризация экономики монопрофильного старопромышленного региона ресурсной специализации (на примере Магаданской области) : автореф. дис. ... докт. экон. наук : 08.00.05. М., 2010. 35 с.
11. Растворцева С.Н., Манаева И.В. Социально-экономическое развитие моногородов Центрально-Черноземного района России: проблемы и пути решения : монография / М.: Экон-информ, 2013. 140 с.
12. Манаева И.В., Растворцева С.Н. Экономико-математическая модель прогнозирования социально-экономического развития моногорода // Экономический анализ: теория и практика. 2016. № 10 (457). С. 131–139.
13. Меерович М.Г. Советские моногорода: история возникновения и специфика // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 1. С. 53–65.
14. Кутергина Г.В., Лапин А.В. Управление развитием моногородов: отечественные и зарубежные подходы к моделированию // Вестник Пермского университета. 2015. № 3 (26). С. 70.
15. Манаева И.В. Реструктуризация экономики моногорода: зарубежный опыт // Муниципальная экономика. 2011. № 5. С.36–37.
16. Edelblutte S. La reconversion des anciennes villes-usines européennes, ou la question de la survie urbaine (The redevelopment of European company-towns, a matter of urban survival). *Bulletin de l'Association de Géographes Français*, 2010, vol. 87-3, pp. 353–367. DOI: 10.3406/bagf.2010.8170.
17. Marais L., McKenzie F.H., Deacon L., Nel E., Rooyen D., Cloete J. The changing nature of mining towns: Reflections from Australia, Canada and South Africa. *Land Use Policy*, 2018, vol. 76, pp. 779–788. DOI: 10.1016/j.landusepol.2018.03.006.
18. Martinat S., Dvorak P., Frantal B., Krusacek P., Kunc J., Navratil J., Osman R., Tureckova K., Reed M. Sustainable urban development in a city affected by heavy industry and mining? Case study of brownfields in Karvina, Czech Republic. *Journal of Cleaner Production*, 2016, vol. 118, pp. 78–87. DOI: 10.1016/j.jclepro.2016.01.029.
19. Green H. *The Company Town: The Industrial Edens and Satanic Mills That Shaped the American Economy*. New York: Basic Books, 2010. 264 p.
20. Развитие моногородов России : монография / под ред. И.Н. Ильиной. М.: Финансовый университет, 2013. 168 с.
21. Концептуальные подходы к разработке стратегии развития монопрофильного города / Е.Г. Анимца, В.С. Бочко, Э.В. Пешина, П.Е. Анимца; под науч. ред. А.И. Татаркина, М.В. Фёдорова ; Уральский государственный экономический университет, Институт экономики УрО РАН. Екатеринбург : Изд-во УрГЭУ, 2010. 81 с.
22. Chaudhary N., Potter J. Evaluation of the local employment impacts of enterprise zones: A critique. *Urban Studies*, 2019, vol. 56 (10), pp. 2112–2159. DOI: 10.1177/0042098018787738.

Сведения об авторах

Гузель Римовна Баймурзина – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Башкирский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (450000, Российская Федерация, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. 50-летия Октября, д. 20/1; e-mail: guzrim@mail.ru)

Елена Владимировна Кабашова – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Башкирский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (450000, Российская Федерация, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. 50-летия Октября, д. 20/1; e-mail: e_kabashova@bk.ru)

Baimurzina G.R., Kabashova E.V.

Features of Socio-Economic Development of Modern Single-Industry Towns in the Republic of Bashkortostan

Abstract. Study and monitoring of the current condition of Russian single-industry towns are among the most relevant issues of the state's socio-economic policy: especially within the implementation of national priority projects and the strategy of the spatial development. The purpose of the article is to define specifics of the socio-economic development of single-industry towns in the Republic of Bashkortostan on the basis of complex analysis of empirical data using sociological set of instruments. To achieve this goal, we conducted the analysis of the current state of social and labor sphere, sociological and statistical indicators of population's living standards. We also studied demographic processes and trends of the Republic's single-industry towns. The research of six single-industry towns (Blagoveshchensk, Uchaly, Neftekamsk, Belebey, Beloretsk, Kumertau) allowed us to define features of each territory and to rank them according to the level of the socio-economic welfare. The results differed from characteristics (categories) given in the latest list of Russian single-industry towns provided by the Ministry of Economic Development of the Russian Federation. According to updated data, only Neftekamsk could be called a town with the stable socio-economic situation. Blagoveshchensk, Uchaly, Belebey are at the risk of the socio-economic situation worsening. Beloretsk and Kumertau are among towns with the most difficult socio-economic conditions. Towns with high business potential were identified (Belebey, Beloretsk, Blagoveshchensk). However, this potential is usually implemented in the informal sector of the economy, which significantly worsens population's social well-being. Business potential of other towns (Uchaly, Neftekamsk, Kumertau) is very low. In Uchaly and Kumertau, there are almost no employment alternatives: it defines citizens' heavy dependence on the town-forming enterprise. At the same time, municipal authorities do not have an opportunity to change the socio-economic situation in towns. Usage of sociological instruments in the course of the research allowed us to reveal internal factors and features of single-industry towns' development, which are manifested in the population's life attitudes and social well-being, but they are not reflected by statistical indicators. Developed methodology might be used for complex studies of other Russian single-industry towns and the search for efficient strategy of their modernization.

Key words: single-industry town, town-forming enterprise, socio-economic development, living standards, employment, demography.

Information about the Authors

Guzel' Rimovna Baimurzina – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Bashkir Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (20/1, 50-letiya Oktyabrya Street, Ufa, Republic of Bashkortostan, 450000, Russian Federation; e-mail: guzrim@mail.ru)

Elena Vladimirovna Kabashova – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Bashkir Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (20/1, 50-letiya Oktyabrya Street, Ufa, Republic of Bashkortostan, 450000, Russian Federation; e-mail: e_kabashova@bk.ru)

Статья поступила 31.10.2019.

Налоговое администрирование в системе лесопользования и его влияние на бюджеты северных территорий*

Виталий Николаевич

ЛАЖЕНЦЕВ

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера
Коми НЦ УрО РАН

Сыктывкар, Российская Федерация, 167982, ул. Коммунистическая, д. 26

E-mail: vnlazhentsev@iespn.komisc.ru

Светлана Ивановна

ЧУЖМАРОВА

Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина

Сыктывкар, Российская Федерация, 167001, ул. Старовского, д. 55

E-mail: swetlana_ch@bk.ru

ORCID: 0000-0001-9747-1041; ResearcherID: G-8214-2018

Андрей Иванович

ЧУЖМАРОВ

Коми республиканская академия государственной службы и управления

Сыктывкар, Российская Федерация, 167982, ул. Коммунистическая, д. 11

E-mail: Andry_ch@bk.ru

ORCID: 0000-0002-0096-8850; ResearcherID: G-8222-2018

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Республики Коми, проект № 18-410-110005.

Для цитирования: Лаженцев В.Н., Чужмарова С.И., Чужмаров А.И. Налоговое администрирование в системе лесопользования и его влияние на бюджеты северных территорий // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 1. С. 125–143. DOI: 10.15838/esc.2020.1.67.7

For citation: Lazhentsev V.N., Chuzhmarova S.I., Chuzhmarov A.I. Tax Administration in the Forest Management System and its Influence on the Budgets of Northern Territories. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2020, vol.13, no. 1, pp. 125–143. DOI: 10.15838/esc.2020.1.67.7

Аннотация. Тематика настоящей статьи связана с необходимостью устранения несоответствия между теорией налогообложения в части налогового администрирования лесопользования и рациональным использованием лесных ресурсов. Целью данной статьи является представление результатов исследования вопросов налогового администрирования в системе лесопользования и его влияния на бюджеты северных территорий. Научная новизна исследования состоит в развитии теории налогового администрирования лесопользования и определении его влияния на бюджеты северных территорий: уточнены понятия «налоговое администрирование лесопользования» и «налоговый потенциал лесопользования»; обоснована необходимость выделения особой роли налогового администрирования лесопользования в программах развития лесного сектора; предложена классификация фискальных платежей за лесопользование; определены критерии и показатели оценки результативности налогового администрирования лесопользования. Теоретическая и практическая значимость проведенного исследования заключается в фиксации актуальных в настоящее время проблем налогового администрирования лесопользования, взаимосвязанных с управлением лесами в северных регионах России; группировке контрольных мероприятий налоговых органов в лесном секторе, позволяющей системно выявлять нарушения налогового законодательства; анализе и оценке результативности налогового администрирования лесопользования и его влияния на бюджеты северных территорий России (на примере Республики Коми); анализе отечественной и зарубежной практики (США, Великобритания, Финляндия) налогового администрирования с использованием информационных технологий; систематизации блоков проблем налогового администрирования в сфере лесопользования в северных регионах России (географический, инфраструктурный, социально-экономический, организационный, информационно-технологический); разработке направлений совершенствования налогового администрирования лесопользования в северных территориях, основанного на внедрении информационных технологий, государственного и общественного контроля лесопользования и сервисного обслуживания налогоплательщиков. Методика исследования базируется на теориях налогообложения, экономики природопользования и региональной экономики. Для выполнения поставленной цели исследования использованы методы динамического и статического анализа результативности налогового администрирования лесопользования, что позволило выявить актуальные проблемы.

Ключевые слова: налоговое администрирование, налоговые и неналоговые платежи, налог на прибыль организаций, налог на добавленную стоимость, бюджет, лесопользование, северные регионы, информационные технологии.

Введение

Применяемая в России модель налогового администрирования [1, 2] нередко становится объектом справедливой критики. В настоящее время налоговое администрирование в системе лесопользования осуществляется на основе общих положений Налогового кодекса РФ. Однако в указанном документе не отражены специфические особенности этого вида деятельности, учитываемых при налогообложении. Кроме того, Лесным кодексом РФ установлен ряд неналоговых платежей, администрирование которых вне компетенции налоговых органов. Недостаточная проработанность нормативно-правовой базы, низкий уровень налоговой

культуры обуславливают применение различных схем уклонения от уплаты налогов и тем самым препятствуют наполняемости бюджета в полном объеме.

Опираясь на фактологический материал, собранный в ходе проведенного исследования, представленный анализ актуальных ныне проблем налогового администрирования лесопользования, взаимосвязанных с проблемами управления лесами, влияющих на бюджеты северных территорий, мы попытались ввести в русло существующих теорий налогообложения под углом зрения необходимости совершенствования налоговой политики.

Ключевой целью данной статьи является представление результатов исследования вопросов налогового администрирования в системе лесопользования и его влияния на бюджеты северных территорий. **Задачами** являются: определение теоретико-методологической основы исследования; установление недостатков управления лесопользованием — как фактора недополучения налоговых доходов бюджета; анализ стратегических документов развития лесного сектора и отражения налогов как одного из результатов успешной их реализации; анализ фискальных платежей при использовании лесов, их классификация; систематизация контрольных мероприятий налоговых органов в лесном секторе; анализ отечественной и зарубежной практики налогового администрирования лесопользования с использованием информационных технологий, определение направлений совершенствования.

Научная новизна исследования состоит в развитии теории налогового администрирования лесопользования и определении его влияния на бюджеты северных территорий: *уточнены* понятия «налоговое администрирование лесопользования» и «налоговый потенциал лесопользования»; *обоснована* необходимость выделения особой роли налогового администрирования лесопользования в программах развития лесного сектора; *разработана* классификация фискальных платежей за лесопользование; *предложены* критерии и показатели оценки результативности налогового администрирования лесопользования и его влияния на бюджеты северных территорий; *предложена* группировка контрольных мероприятий налоговых органов для анализа деятельности организаций лесного сектора, позволяющая системно выявлять нарушения налогового законодательства; *систематизированы* блоки проблем налогового администрирования в сфере лесопользования в северных регионах России (географический, инфраструктурный, социально-экономический, организационный, информационно-технологический); *разработаны* направления совершенствования налогового администрирования лесопользования.

Теоретическая и практическая значимость проведенного исследования заключается в фиксации актуальных в настоящее время проблем

налогового администрирования лесопользования, взаимосвязанных с управлением лесопользованием в северных регионах России — как объективной основы налогообложения и формирования бюджетов; систематизации контрольных мероприятий налоговых органов в лесном секторе; анализе и оценке результативности налогового администрирования лесопользования и его влияния на бюджеты северных территорий России (на примере Республики Коми); разработке направлений совершенствования налогового администрирования лесопользования в северных территориях, основанных на внедрении информационных технологий, государственного и общественного контроля лесопользования и сервисного обслуживания налогоплательщиков.

Методы исследования: исследование базируется на теориях налогообложения, экономики природопользования и региональной экономики. Для выполнения поставленной цели исследования использованы методы динамического и статического анализа результативности налогового администрирования лесопользования.

Постановка проблемы

Итоги анализа теории и практики налогового администрирования в системе лесопользования показывают усиление тенденций дисбаланса в управлении лесопользованием и налоговом администрировании, отразившемся на бюджетах северных территорий России.

Проведенное исследование позволило установить организационно-финансовые проблемы, обусловленные отсутствием в стране единой системы управления лесами, включающей взаимосвязанные элементы управления, а именно управление лесопользованием, и администрирования налоговых и неналоговых платежей за пользование лесными ресурсами, которые отразились на недополучении доходов бюджета, необходимых для финансирования общественных благ в северных территориях.

Аналитики отмечают, что «лесная промышленность, по сути, сама начала истреблять леса России, делая это бесконтрольно. Это связано с идеей пользования лесом, а также с идеей саморегуляции рыночной экономики. ... Необходимо изменить отношение к этому сектору, чтобы уйти от идеи о том, что лес можно лишь использовать в целях получения прибыли.

Власти должны осознать глобальное и стратегически важное значение лесных ресурсов для развития России и лесного сектора экономики для того, чтобы возродить его, сделать лучше, прогрессивнее и развитее.»¹, в том числе как источника доходов бюджета, необходимых для финансирования общественных благ. Следует отметить, что в биоресурсной экономике коммерциализация за счет производства биологической продукции и оказания экосистемных услуг становится все более значимой (и для бизнеса — как источник прибыли, и для бюджета — как налоговый доход), регламентированной и нацеленной на модернизацию лесопользования [3, 4].

Потери лесных ресурсов, бесконтрольное лесопользование отражаются на недополучении доходов бюджета. Что касается пересмотра основных теоретических положений в части управления лесопользованием, взаимосвязанного с налоговым администрированием лесопользования, по нашему мнению, здесь (в дополнение к общей социально-экономической оценке лесов) могут оказаться полезными те суждения, которые сделаны на основе анализа конкретных ситуаций.

Один из примеров такого анализа [5] позволяет сделать следующие теоретические предположения:

- управление лесопользованием, взаимосвязанное с налоговым администрированием, включает весь комплекс мероприятий по охране, использованию и воспроизводству биологических ресурсов, влияющих на налоговую базу территорий;

- капитализация биологических ресурсов охватывает не только материальные активы (как основу налогообложения), но и экологическую функцию лесов (поэтому при формировании налоговой политики необходим учет экологического потенциала налогов);

- переход на восстановительную модель сохранения природного капитала лесов (обуславливающий трансформацию экономического потенциала в налоговый потенциал) возможен лишь в границах относительно больших по

площади таежных территорий (не менее 10 тыс. кв. км), на которых хозяйственная деятельность (облагаемая налогами) может быть организована на геосистемной основе;

- территориальная размерность лесохозяйственной деятельности (налогоплательщиков) предполагает наличие соответствующего распорядительного центра по управлению лесами (каким в прошлом — до 2006 года² — являлся лесхоз), информационное взаимодействие которого с налоговыми органами может позволить повысить результативность налогового администрирования лесопользования.

Следует отметить, что ранее в Республике Коми налоговое администрирование и управление лесопользованием были территориально и информационно связаны. Так, территориально лесхозы были равнозначны лесоэкономическим районам, организованным на принципах цикличности воспроизводства лесов с учетом конфигурации расселения населения, и служили своеобразным стандартом таежной жизнедеятельности территорий, на которых налоговый контроль, осуществляемый территориальными налоговыми органами, способствовал росту собираемости налогов, а уровень жизни населения и финансирования общественных благ привлекал трудоспособное население (в настоящее время миграция обусловила сокращение налогоплательщиков более чем на треть). Совершенствование взаимосвязанных налогового администрирования и управления лесопользованием (с учетом опыта деятельности лесхозов и подчиненных им лесничеств и других низовых структур управления лесами) является необходимым, в том числе ради создания препятствия хищническому истреблению лесов³ и уклонению от уплаты налогов. Такая система управления позволила бы в настоящее время повысить результативность налогового админи-

² В 2006 г. принят ныне действующий Лесной кодекс РФ. Эксперты считают, что после вступления его в силу была разрушена существовавшая до этого система органов лесного хозяйства и государственной лесной охраны. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>.

³ По оценкам Всемирного фонда дикой природы Россия ежегодно теряет около 1 млрд. долларов из-за нелегальной вырубке леса [6]. Когда принимался Лесной кодекс (URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/кц>), прозвучало предупреждение, что «быстрая либерализация лесопользования может привести к росту воровства леса и числа других нарушений законодательства» [7, с. 44].

¹ Лесной сектор экономики России // Сайт Автор24. URL: https://spravochnick.ru/ekonomika/struktura_sektorov_ekonomiki/lesnoy_sektor_ekonomiki_rossii/ (дата обращения: 24 декабря 2019 г.).

стрирования лесопользования в части контроля налогоплательщиков и увеличения налогового потенциала северных территорий.

Следует принять во внимание также подтвержденные расчетами теоретические тезисы о том, что учет истощения природных (в том числе лесных) ресурсов кардинально меняет оценку результатов экономического развития большинства регионов России [8] и их налогово-бюджетной обеспеченности, а совмещенная оценка истощения природного капитала и товарности лесных ресурсов по наиболее ценным лесным участкам (фрагментам) дает возможность установить величину недополучаемого дохода конкретным регионом или муниципальным образованием [9], в том числе в виде налогов и неналоговых платежей с лесопользователей.

Попытки приложить теорию к практике сразу же оказываются неудачными, поскольку сама существующая ныне практика не совместима с основами рационального лесопользования. Практика характеризуется неудовлетворительно, особенно в части учета, оценки и капитализации лесных ресурсов — как основы налогообложения, а также их охраны за счет средств бюджета. Кроме того, наблюдается чрезмерная дробность организационных форм лесозаготовок, позволяющая успешно отчитываться по «объему» малого бизнеса (применяющего льготные специальные налоговые режимы), но нарушающая нормы и правила лесопользования, приводящая к потерям бюджета. Нет увязки интересов предпринимателей (налогоплательщиков) и местного населения (получателя общественных благ за счет налоговых доходов бюджета), а также нет территориального планирования, нацеленного на воспроизводство лесов (рост налогового потенциала лесопользования) и их социально-экологических функций.

Теоретико-методологическая основа исследования

Нами установлено, что в трудах отечественных и зарубежных ученых представлены отдельные вопросы платности лесопользования и управления лесами [10], трактования понятия лесной ренты — как дохода, полученного при лесопользовании, уменьшенного на расходы по заготовке и транспортировке древесины, с учетом ряда факторов, влияющих на про-

цессы, происходящие при лесопользовании. Так, в Финляндии экономическая организация и управление лесным хозяйством базируется на принципе соизмерения затрат и результата, получаемого от лесопользования. [11]. В составе лесной ренты, возможно, следовало бы учесть и земельную ренту, так как от качества земли зависит и качество леса — бонитет, уровень которого влияет на цену заготавливаемой древесины и, соответственно, на цену налогооблагаемого дохода. Отсутствие четкого понятийного аппарата в нормативных документах о налогообложении, сложность определения величины лесной ренты как основы налогообложения, взаимосвязанных с вопросами государственного контроля, отразились на действующей системе налогового администрирования лесопользования.

В научной экономической литературе нет единого трактования понятия «налоговое администрирование». Нами установлена схожесть трактовок отечественных и зарубежных экономистов: налоговое администрирование — повседневная деятельность налоговых органов и их должностных лиц, обеспечивающих своевременную уплату налогов и сборов [12, с. 35]; практическая деятельность уполномоченных органов, прежде всего налоговых, по обеспечению сбора обязательных платежей в бюджетную систему государства [13-16].

При этом четкого определения понятия «налоговое администрирование лесопользования» в научных публикациях не представлено. В рамках проведенного исследования нами предлагается следующее определение. Налоговое администрирование лесопользования — это часть системы управления налогообложением лесопользования в стране, включающая разработку актов законодательства о налогах и сборах, учитывающих особенности деятельности налогоплательщиков лесного сектора экономики, методического обеспечения налогообложения, осуществление контроля уполномоченными органами за их исполнением, направленная на формирование доходов бюджета.

Любое государство должно быть заинтересовано в развитии экономики, росте налоговых доходов бюджета, увеличении налогового потенциала. В экономической литературе налоговый потенциал трактуется примерно одинаково: у Chernick H. — способность власти

трансформировать результаты экономической деятельности, которые локализованы в определенных границах, в расходы общественного сектора [17]; у Вагго S.M. — способность территории получать налоговые доходы из собственных источников, независимо от уровня фискальных усилий при заданных условиях налогообложения [18]. Мы предлагаем следующее определение: налоговый потенциал лесопользования — это трансформация результатов экономической деятельности лесопользователей территории в налоговые доходы бюджетов разных уровней, необходимые для финансирования общественных благ, при заданных условиях налогообложения.

Результаты исследования

В качестве исходных позиций исследования определены следующие:

- управление налоговой системой в области лесопользования должно быть взаимосвязано с управлением лесами, соответствующим принципам устойчивости, которые, в свою очередь, определяются многофункциональным предназначением лесов и их ценностью как общественного блага;

- развитие налогового администрирования как части управления налогообложением предполагает усиление контроля за соблюдением налогового законодательства, а также организационное, методическое и аналитическое обеспечение контрольной деятельности именно в направлении ее усиления с учетом сложившейся критической ситуации в использовании и охране лесов России⁴;

- внедрение новых информационных технологий в области налогового администрирования целесообразно соподчинить в первую очередь с задачами совершенствования учета и комплексной оценки лесных ресурсов — как

⁴ Несоблюдение норм лесопользования особенно характерно для отдаленных, труднодоступных территорий, где государственный контроль затруднен, а потому применение теневых схем «черных рубок» и уклонения от налогообложения стали как бы нормой бесхозяйственного поведения. Местное население лишается естественной основы своей жизнедеятельности. В последние годы такая «характерность» наблюдается и в местах, прилегающих к большим городам. Сосновые боры, расположенные в 50–70 км от Сыктывкара, вырубаются беспощадно. В расположенных вокруг него Сыктывкарском и Сыктывдинском лесничествах ежегодно вырубается по 650–700 тыс. куб. м древесины (8–9% от общего объема рубок по республике).

налоговой базы, во вторую — с формированием налогового потенциала лесного сектора экономики и налоговых доходов бюджета северных территорий.

Результаты исследования зафиксированы в части отражения налоговых доходов бюджета как результативности реализации программ развития лесного сектора, оценке результативности налогового администрирования лесопользования, в решении проблем осуществления контрольных мероприятий налоговых органов и налогового администрирования в сфере лесопользования в северных регионах России с использованием информационных технологий.

Анализ и пояснение полученных результатов

Отражение налогов в стратегических документах о развитии лесного сектора

Проведенный нами анализ содержания ряда документов, включая Стратегию развития лесного комплекса Российской Федерации до 2030 года (далее — Стратегия), Государственную программу «Развитие лесного хозяйства» на 2013–2020 гг., Лесной план Республики Коми и др., позволил установить, что рост налоговых доходов бюджета фиксируется как один из ожидаемых результатов их (Стратегии, Государственной программы, Плана) успешной реализации.

В результате реализации Стратегии развития лесного комплекса Российской Федерации до 2030 г. (утверждена 20.09.2018 г.) ожидается рост налоговых поступлений в бюджеты бюджетной системы Российской Федерации в 2 раза (с 91 до 189 млрд. руб.), а также прирост добавленной стоимости, увеличение вклада лесного комплекса в ВВП с 0,5 до 1%, рост численности персонала в лесном комплексе с 500 до 820 тыс. чел. Движение в сторону экономических методов устойчивого управления лесами, применение которых отражается на налоговых доходах бюджета, прослеживается и в государственной программе «Развитие лесного хозяйства» на 2013–2020 гг.

Субъектами Российской Федерации также утверждаются программные документы развития лесного сектора с отражением в них налогов и неналоговых доходов от использования лесов. Так, Лесным планом Республики Коми предусмотрена общая сумма дохода от использования лесов в 2020–2029 гг. — 27986 млн. руб., в том числе в федеральный бюджет поступит

20 250 млн. руб. (72 % от всех доходов), в бюджет Республики Коми – 7735 млн. руб. (28 %) [19].

Предполагаемая общероссийская динамика показателей развития лесного комплекса представляет для нас интерес в части соотношения лесозаготовки и налоговых доходов бюджета: площадь вырубленных лесов (сплошные рубки) возрастет на 20%, производство продукции лесного комплекса на единицу площади эксплуатационных лесов, добавленная стоимость, создаваемая лесным комплексом, а также налоговые поступления от предприятий лесного комплекса и плата в бюджетную систему за использование лесов увеличатся до 50%⁵. Однако Стратегия почти не затрагивает вопросы лесовосстановления, обуславливающего рост экономического и налогового потенциала. Между тем здесь наблюдается проблемная ситуация, особенно в части искусственного восстановления лесов. Например, в 2016 г. вырублено 1153 тыс. га, а восстановлено – 995, в том числе искусственными посадками – 179. Если принять во внимание выбытие лесных площадей из-за пожаров, а также наличие значительных по размерам пройденных рубками, но не восстановленных участков, то было бы целесообразно восстановление лесов предусмотреть в темпах, опережающих показатель площади намечаемой рубки, что повлияло бы на рост налоговых доходов бюджета в последующие периоды.

Видна и положительная тенденция, что достигается (если судить по текущей ситуации в лесном секторе), главным образом, за счет увеличения коэффициентов индексации ставок платы (неналоговый платеж) за единицу объема лесных ресурсов (в 2018 г. – 2,17; в 2020 г. – 2,62) и ставок платы за единицу площади лесного участка (в 2018 г. – 1,57; в 2020 г. – 2,26)⁶. Это, безусловно, является положительным процессом, если принять во внимание необходимость капитализации лесных ресурсов в соответствии с их возрастающим общественным значением и доходы бюджета от лесопользования.

⁵ По данным Стратегии развития лесного комплекса Российской Федерации до 2030 года, утвержденной Распоряжением Правительства Российской Федерации 20.09.2018 г. № 1989-р.

⁶ Коэффициенты индексации ставок платы за единицу объема лесных ресурсов и ставок платы за единицу площади лесного участка. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156323/

По нашему мнению, в Стратегии развития лесного комплекса Российской Федерации, Государственной программе развития лесного хозяйства, Лесном плане Республики Коми и других субъектов Российской Федерации следовало бы выделить особо роль налогового администрирования лесопользования. Поскольку контрольные мероприятия налоговых органов выявляют использование недобросовестными налогоплательщиками различных схем уклонения от налогообложения. Чаще всего они основаны на мошенничестве по налогу на добавленную стоимость, налогу на прибыль организаций, упрощенной системе налогообложения – одному из видов специальных налоговых режимов. И это, как правило, происходит в сфере теневой экономики. Согласно методике расчета, предложенной Д.Ю. Федотовым, уровень теневой экономики в Республике Коми в 2013 г. составил 47,5%, Сахалинской области – 74,7% [20, с. 144-145].

Таким образом, в стратегических документах о развитии лесного сектора рост налоговых доходов отражается как результат их реализации. Однако низкая достоверность сведений о лесных ресурсах и их использовании является одной из проблем, сдерживающих развитие лесного сектора как объективной основы налогообложения и формирования налоговых и неналоговых доходов бюджета. Поэтому в указанных документах, по нашему мнению, выделение особой роли налогового администрирования лесопользования является необходимым.

Оценка результативности налогового администрирования лесопользования

Нами установлено, что действующая система фискальных платежей с лесопользователей, включающая налоговые и неналоговые платежи, рассредоточена по различным предметам и объектам обложения, мало связанным с экологическими функциями леса, администрируется различными уполномоченными органами, включая налоговые органы, комитеты лесов, министерства природных ресурсов субъектов Российской Федерации.

Исследование нормативно-правовой базы позволило составить *классификацию фискальных платежей за лесопользование*, включающую:

– налоги и сборы общей системы налогообложения (налог на прибыль организаций, налог на добавленную стоимость (НДС), сборы за

пользование объектами животного мира, налог на имущество организаций, транспортный налог, земельный налог, налог на доходы физических лиц (НДФЛ)), а также налоги, предусмотренные специальными налоговыми режимами (упрощенная система налогообложения); страховые взносы в ПФ РФ, ФСС РФ, ФОМС;

– неналоговые сборы, предусмотренные Лесным кодексом РФ в виде конкретных платежей (по договору аренды лесных участков; по договору купли-продажи лесных насаждений; за использование лесов, расположенных на землях лесного фонда; за использование лесов, расположенных на землях иных категорий, находящихся в федеральной собственности; за использование лесов, расположенных на землях иных категорий, находящихся в собственности субъектов РФ; за использование лесов, расположенных на землях, находящихся в муниципальной собственности).

Для оценки результативности налогового администрирования лесопользования и его влияния на бюджеты северных территорий (на примере Республики Коми) нами определены следующие критерии: рост налогов (федеральных, региональных и местных и налогов по специальным налоговым режимам), рост неналоговых платежей в бюджет, сокращение налоговой задолженности. Состав и анализ дина-

мических и статических показателей приведен в *таблицах 1–5*.

О налоговых платежах

Данные отражают набор налогов, которые платят государству предприятия лесного сектора экономики. Виден прирост данного вида платежей в бюджет Российской Федерации (в 2018 г. по сравнению с 2015 г. – 80%), хотя их доля в общей сумме налогов незначительна (в 2018 г. по РФ – 0,1%).

Заметим, что общая налоговая нагрузка (отношение налогов с учетом фискальной нагрузки по страховым взносам к ВВП) в лесном секторе экономики страны незначительна и составила 16,8%; для сравнения: в секторе добычи полезных ископаемых – 45,1%, по всем видам экономической деятельности – 14,3%.

В Республике Коми поступления налогов от лесоводства и лесозаготовок в 2018 г. по сравнению с 2015 г. сократились на 22% (*табл. 2*). Удельный вес налогов лесного сектора республики, специализация которой – природопользование, низкий – 0,13% в 2018 г. При этом объем рубок леса не сократился. В какой-то мере это связано и с нелегальным лесопользованием, и ростом налоговых вычетов. Так, превышение вычетов по НДС над суммой начисленного налога привело к формированию отрицательного показателя – 193 млн. руб.

Таблица 1. Динамика поступлений налогов и сборов в консолидированный бюджет Российской Федерации по виду экономической деятельности «Лесоводство и лесозаготовки» в 2015–2018 гг., млн. руб.

Показатели	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	Уд. вес, %	2018 г. в % к 2015 г.
Поступило платежей в консолидированный бюджет РФ, всего, в том числе:	11697	14585	15797	21007	100	180
Федеральные налоги и сборы, всего, из них:	8520	11383	12025	15999	76	188
- налог на прибыль организаций	1897	2410	2673	4184	20	221
- налог на доходы физических лиц	5689	6633	6537	7748	37	136
- налог на добавленную стоимость	913	2309	2776	4029	19	441
- налоги и сборы за пользование природными ресурсами	22	30	39	38	0	173
Региональные налоги, всего, из них:	1211	959	861	1169	6	97
- налог на имущество организаций	632	576	511	790	4	125
- транспортный налог	578	382	349	379	2	66
Местные налоги и сборы	289	235	404	700	3	242
Налоги, предусмотренные специальными налоговыми режимами	1677	2008	2508	3139	15	187
Источник: составлено авторами по данным статистической налоговой отчетности ФНС России. URL: http://www.nalog.ru (дата обращения: 14.06.2019 г.).						

Таблица 2. Динамика поступлений налогов и сборов в консолидированный бюджет РФ по Республике Коми по виду экономической деятельности «Лесоводство и лесозаготовки» в 2015–2018 гг., млн. руб.

Показатели	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	Уд. вес, %	2018 г. в % к 2015 г.
Поступило платежей в консолидированный бюджет РФ, всего, в том числе:	387	515	507	303	100	78
Федеральные налоги и сборы, всего, из них:	325	444	424	183	60	56
- налог на прибыль организаций	81	124	210	144	48	178
- налог на доходы физических лиц	155	160	188	233	77	150
- налог на добавленную стоимость	89	160	25	- 193	-	-
- налоги и сборы за пользование природными ресурсами	0	0	1	0	-	-
Региональные налоги, всего, из них:	22	25	23	42	14	191
- налог на имущество организаций	11	15	13	32	11	291
- транспортный налог	12	11	10	10	3	83
Местные налоги и сборы	2	2	3	3	1	150
Налоги, предусмотренные специальными налоговыми режимами	38	43	57	75	25	197

Источник: составлено авторами по данным статистической налоговой отчетности ФНС России. URL: <http://www.nalog.ru> (дата обращения 14.06.2019 г.)

О неналоговых платежах

Неналоговые платежи за лесопользование гораздо больше налоговых и весьма детально нами «расписаны» по видам и объектам обложения (табл. 3). В 2018 г. общая сумма неналоговых платежей в Республике Коми соста-

вила 2263 млн. руб. (прирост по сравнению с 2015 году – 68%), из них платежи в федеральный бюджет – 1602 млн. руб. (прирост – 63%), в республиканский бюджет – 661 млн. руб. (прирост – 81%). Обратим внимание и на структурные позиции: в сумме общих плате-

Таблица 3. Динамика поступлений платы за использование лесов в бюджетную систему Российской Федерации по Республике Коми в 2015–2018 гг., млн. руб.

Неналоговые поступления в бюджет	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	Уд. вес, %	2018 г. в % к 2015 г.
Федеральный бюджет, всего, в том числе:	980	1083	1141	1602	71	163
Плата за использование лесов в части минимального размера платы по договору купли-продажи лесных насаждений	70	75	104	146	7	209
Плата за использование лесов в части минимального размера арендной платы	890	987	1008	1421	63	160
Денежные взыскания (штрафы) за нарушение лесного законодательства на лесных участках	9	14	23	30	1	333
Денежные взыскания (штрафы) за нарушение законодательства РФ о пожарной безопасности	1	1	2	1	0	100
Прочие поступления от денежных взысканий (штрафов) и иных сумм в возмещение ущерба	10	5	3	4	0	40
Бюджеты субъекта РФ, всего, в том числе:	366	451	507	661	29	181
Плата за использование лесов в части превышающей минимальный размер платы по договору купли-продажи	166	202	267	331	15	199
Плата за использование лесов в части превышающей минимальный размер арендной платы	184	226	221	309	13	168
Плата за использование лесов в части платы по договору купли-продажи лесных насаждений для собственных нужд	14	15	16	17	1	121

Окончание таблицы 3

Неналоговые поступления в бюджет	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	Уд. вес, %	2018 г. в % к 2015 г.
Плата за предоставление государственными органами субъектов РФ, казенными учреждениями субъектов РФ сведений, документов, содержащихся в государственных реестрах (регистрах), ведение которых осуществляется данными государственными органами, учреждениями	0	1	2	1	0	-
Прочие поступления от денежных взысканий (штрафов) и иных сумм в возмещение ущерба, зачисляемые в бюджеты субъектов РФ	1	6	0	2	0	200
Денежные взыскания (штрафы) за нарушение законодательства РФ о пожарной безопасности	1	1	2	1	0	100
Итого	1345	1533	1648	2263	100	168
Источник: составлено авторами по данным Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Коми. URL: http://mpr.rkomi.ru/ (дата обращения 15.10.2019 г.).						

жей преобладает плата за использование лесов в части минимального размера арендной платы (поступающая в федеральный бюджет) — лесные платежи за заготовку древесины — 63% и плата за использование лесов в части, превышающей минимальный размер арендной платы (поступающая в бюджет субъекта РФ), — 14%.

Специалисты лесного сектора, органов государственного и муниципального управления договариваются по поводу выбора — «аренды» или «купли—продажи». В отношениях с крупными лесозаготовителями предпочитается «аренда»; с малым и средним предпринимательством — «купля—продажа». Реализация государственных интересов и интересов местных сообществ в данном случае заключается в том, чтобы указанные два вида лесопользования были взаимоувязаны. В значительной мере это достигается договорами субподряда крупного арендатора с предприятиями малого бизнеса, действующими на одних и тех же площадях. Технологическая схема освоения и воспроизводства лесных ресурсов становится как бы общей, а лесные платежи всех участников «освоения лесов» должны определенным образом соотноситься с данной схемой.

По нашему мнению, контроль за исполнением норм и правил лесных неналоговых платежей должен быть таким же, как и за налогами, то есть проводиться в рамках налогового администрирования. Он становится все более актуальным в связи с усложнением указанной схемы взаимодействия и существенным ростом самих платежей и высоким уровнем налоговой задолженности лесопользователей.

О налоговой задолженности

Следующий предмет анализа — налоговая задолженность лесопользователей, часть которой добровольно или принудительно погашается, а часть становится нереальной к взысканию (табл. 4).

При снижении налоговой задолженности лесного сектора в бюджетную систему Российской Федерации на 22% ее величина остается высокой — 4315млн. руб., это примерно 20% от всех лесных налогов. Наибольший удельный вес задолженности в лесном секторе Российской Федерации по федеральным налогам: НДС — 32% и по налогу на прибыль организаций — 14%. Большие суммы задолженности и по региональным (прирост — 62%) и налогам по специальным налоговым режимам (прирост — 68%).

В Республике Коми при снижении налоговой задолженности лесного сектора на 38% ее сумма в 2018 г. составила 58 млн. руб. — это 19% от всех лесных налогов (табл. 5).

Наибольший удельный вес задолженности в лесном секторе Республики Коми по НДС — 43% (сокращение — 22%) и налогам по специальным налоговым режимам — 24% (увеличение в 4,7 раза). Проведенный нами анализ задолженности, установленной налоговыми органами, демонстрирует схожие тенденции в целом по стране и в субъекте Российской Федерации. В структуре налоговой задолженности лесопользователей преобладает недоимка, по видам налогов — задолженность по НДС.

Проведенный анализ позволил установить, что при значительных лесных ресурсах в России, в том числе и в Республике Коми, налого-

Таблица 4. Динамика задолженности по налогам, сборам, страховым взносам, пеням и иным санкциям по виду экономической деятельности «Лесоводство и лесозаготовки» в бюджетную систему Российской Федерации в 2015–2018 гг., млн. руб.

Показатели	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	Уд. вес, %	2018 г. в % к 2015 г.
Задолженность всего, в том числе:	5512	5942	4623	4315	100	78
- недоимка	3428	3326	3372	1715	40	50
- задолженность по пеням и налоговым санкциям.	2084	2313	1250	886	21	43
Задолженность по федеральным налогам, сборам, пеням и штрафным санкциям, всего, из них:	2353	2919	2524	2363	55	100
- по налогу на прибыль организаций	278	302	307	595	14	214
- налогу на добавленную стоимость	1741	2239	1738	1392	32	80
- платежам за пользование природными ресурсами	1	0	3	1	0	100
- остальным федеральным налогам и сборам	333	378	476	375	9	113
Задолженность по региональным налогам, всего, из них:	317	201	92	515	12	162
- по налогу на имущество организаций	106	125	44	386	9	364
- транспортному налогу с организаций	76	75	47	127	3	167
Задолженность по местным налогам и сборам, всего, из них:	105	79	64	87	2	83
- по земельному налогу с организаций	66	77	61	81	2	123
Задолженность по налогам по специальным налоговым режимам	126	127	175	212	5	168

Источник: составлено авторами по данным статистической налоговой отчетности ФНС России. URL: <http://www.nalog.ru> (дата обращения 14.06.2019 г.).

Таблица 5. Динамика задолженности по налогам, сборам, страховым взносам, пеням и иным санкциям по виду экономической деятельности «Лесоводство и лесозаготовки» в бюджетную систему Российской Федерации по Республике Коми в 2015–2018 гг., млн. руб.

Показатели	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	Уд. вес, %	2018 г. в % к 2015 г.
Задолженность всего, в том числе:	93	212	74	58	100	62
- недоимка	41	144	44	30	52	73
- задолженность по пеням и налоговым санкциям.	52	68	29	13	22	25
Задолженность по федеральным налогам, сборам, пеням и штрафным санкциям, всего, из них:	49	139	56	30	51	63
- по налогу на прибыль организаций	15	41	8	2	3	13
- налогу на добавленную стоимость	32	96	45	25	43	78
- платежам за пользование природными ресурсами	0	0	0	0	0	0
- остальным федеральным налогам и сборам	2	2	3	3	5	150
Задолженность по региональным налогам, всего, из них:	4	2	2	6	10	150
- по налогу на имущество организаций	1	0	1	2	3	200
- транспортному налогу с организаций	2	2	0	4	7	200
Задолженность по местным налогам и сборам, всего, из них:	0	0	0	0	0	-
- по земельному налогу с организаций	0	0	0	0	0	-
Задолженность по налогам по специальным налоговым режимам	3	3	4	14	24	467

Источник: составлено авторами по данным статистической налоговой отчетности ФНС России. URL: <http://www.nalog.ru> (дата обращения 14.06.2019 г.).

вое администрирование лесопользования не оказывает существенного влияния на формирование доходов бюджета, а именно: низкий удельный вес налоговых доходов бюджета с лесопользования (0,1%); при росте налоговых доходов бюджета с лесопользования в целом по стране, в Республике Коми наблюдается их снижение; в то же время в условиях действующей нормативно-правовой базы величина лесных неналоговых платежей (администрирование которых не входит в компетенцию налоговых органов) в Республике Коми более чем в семь раз превышает налоговые платежи; при этом сохраняется высокий уровень налоговой задолженности лесного сектора (около 20% от всех лесных налогов).

Сокращение задолженности лесного сектора, положительная динамика налоговых и неналоговых платежей в бюджетную систему Российской Федерации, по нашему мнению, во многом являются результатом налогового администрирования и контрольных мероприятий налоговых органов.

Контрольные мероприятия налоговых органов

Проведенное нами исследование позволило сгруппировать контрольные мероприятия налоговых органов в сфере лесопользования следующим образом:

- сбор доказательств существования и деятельности недобросовестных налогоплательщиков – фирм-однодневок, технических компаний;
- анализ показателей различных форм отчетности, содержащих информацию, прямо или косвенно влияющую на налоговую базу, налоговые обязательства организаций – контрагентов – участников схемы⁷;
- запросы налоговых органов в контролирующие органы, а также использование сведений, имеющихся в налоговом органе;
- запросы налоговых органов в банки об операциях на счетах налогоплательщика;

⁷ В результате контрольно-аналитических действий налоговые органы устанавливают, что у контрагентов лесозаготовительной организации отсутствуют должное материально-техническое оснащение и управленческий персонал, который бы обладал определенными профессиональными компетенциями. Такие контрагенты являются, как правило, фирмами-однодневками, созданными с целью минимизации налогов и обналичивания денег.

- анализ движения денежных средств по расчетным счетам организаций, осуществляющих заготовку древесины, а также анализ показателей книги покупок, которая применяется при расчетах НДС;

- поиск и установление налогоплательщика, реально осуществляющего лесозаготовку, вывозку и переработку древесины, то есть действительного получателя денежных средств;

- сбор документов, исследование и обобщение информации, носящей косвенный характер для целей налогообложения⁸;

- допрос и опрос свидетелей, непосредственно связанных с процессом лесозаготовок;

- направление поручений об истребовании и требований о предоставлении документов (информации) организациям (контрагентам, органам власти, бюджетным организациям, банкам) и физическим лицам⁹;

- формирование сведений о деятельности организаций, входящих в группу взаимосвязанных (взаимозависимых) лиц, выявление формального документооборота недобросовестных налогоплательщиков.

Мы полагаем, что использование данной группировки видов налогового контроля в анализе деятельности организаций лесного сектора экономики позволяет более системно выявлять нарушения налогового законодательства. Для примера нами был проведен анализ проверки со стороны налоговой инспекции деятельности некой компании, условно названной

⁸ Одним из таких мероприятий является запрос налоговым органом в Министерство природных ресурсов субъекта РФ, территориальные комитеты лесов о предоставлении: проекта лесов, документов, подтверждающих разрешение на вырубку леса, договоров аренды лесов, договоров купли-продажи леса, отчета об использовании леса, других документов (например, инструктажа по технике безопасности сотрудников, являющихся операторами лесозаготовительной техники – харвестера и форвардера.

⁹ Так, лишь по одному из множества материалов налоговых проверок налогоплательщиков лесного сектора было получено и проанализировано документов более чем от 60 коммерческих организаций и индивидуальных предпринимателей, территориального отделения ПАО «Сбербанк», Министерства промышленности, природных ресурсов, энергетики и транспорта субъекта РФ, пяти государственных учреждений – лесничеств. Проведено более 40 допросов операторов специализированной лесозаготовительной техники, лесничих, сотрудников организации и контрагентов.

«Лесозаготовка». Эта компания заключила договоры с тремя организациями (наименования тоже условные): Лесоуслуги, Торговля лесоматериалами, Грузоперевозка. Их работы и услуги: лесозаготовка, рубки ухода в молодняках, перевозка, погрузка, разгрузка и перевалка лесопродукции, предоставление в аренду спецтехники; реализация горюче-смазочных материалов и запасных частей.

Схема «минимизации налогов» указанной компании и ее контрагентов показана на *рисунке*. Нами установлено, что результат применения такого рода схемы – потери бюджета: максимально возможный налоговый вычет по НДС – 99% и полное «избавление» от налога на прибыль организаций, транспортного налога, НДФЛ и страховых взносов.

Поскольку пример «договорных» нарушений норм и правил уплаты налогов взят из анализа деятельности лесозаготовителей Республики Коми, то мы сочли целесообразным дополнить группировку контрольных мероприятий систематизацией трудностей налогового администрирования в северных условиях.

Систематизация трудностей налогового администрирования лесопользования в северных территориях

Получилось *пять основных блоков проблем налогового администрирования в сфере лесопользования в северных регионах России*.

Географический: отдаленность и труднодоступность северных территорий, обуславливающие сложность установления фактического использования конкретного транспортного средства, специализированной лесозаготовительной техники, их принадлежности и местонахождения, выполнения определенных видов работ и услуг, связанных с лесозаготовкой.

Инфраструктурный: недостаточная развитость инфраструктуры в отдаленных северных территориях (отсутствие автомобильных дорог и мостов, сотовой связи, сети Интернет) в совокупности со значительным сокращением численности лесничих, контролирующих огромные территории лесного сектора.

Социально-экономический: недооценка потенциала местного населения в сфере общественного контроля лесопользования, игнорирование его интересов при предоставлении лесных участков в аренду, обуславливающие рост теневого бизнеса в лесном секторе.

Организационный: в настоящее время арендная система лесных участков на длительный период (до 50 лет) приводит к уменьшению налогооблагаемой базы, в частности, естественный рост лесных насаждений зачастую не принимается в расчет недобросовестными налогоплательщиками. Кроме того, существуют проблема недостаточной адаптированности информационных ресурсов налоговых органов и бюрократические методы работы других органов власти, приводящие к увеличению сроков налоговых проверок, затруднению процесса выявления нарушений со стороны недобросовестных налогоплательщиков.

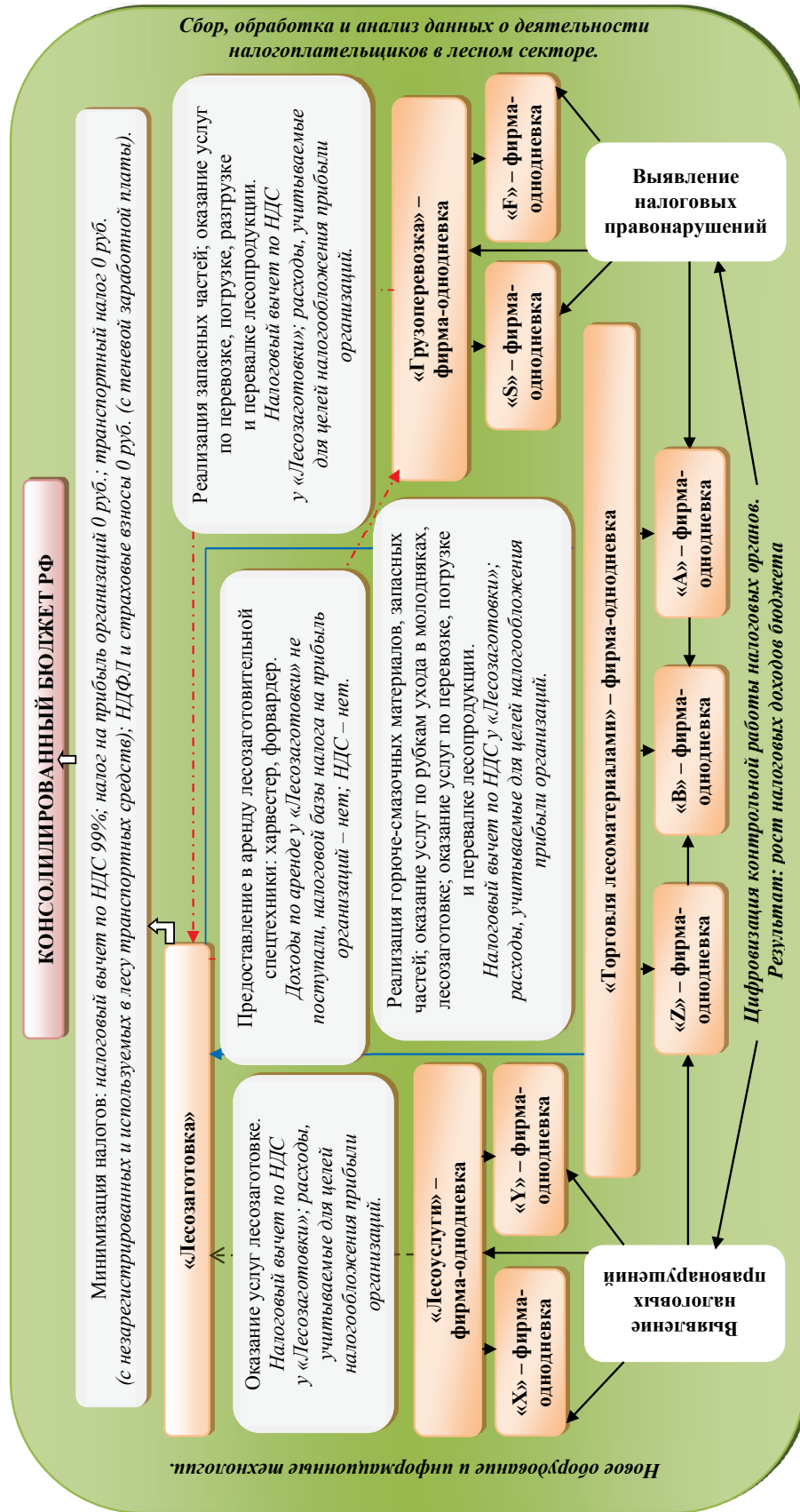
Информационно-технологический: недостаточное использование возможностей цифровизации в контрольной работе налоговых органов в сфере лесопользования. Значительный объем контрольной работы налоговых инспекторов, ограниченные сроки налоговых проверок, недостаточность внимания и другие факторы оказывают влияние на результативность налогового контроля. Не всегда своевременно осуществляются запросы документов налогоплательщиков, необходимых для уточнения информации о правильности формирования налоговой базы, правомерности налоговых вычетов, обоснованности расходов, что в дальнейшем может быть подтверждено только при выездной налоговой проверке.

Необходимость поиска решений сгруппированных нами проблем налогового администрирования лесопользования в северных условиях требует анализа лучших практик использования информационных технологий и возможности их применения.

Анализ отечественной и зарубежной практики налогового администрирования с использованием информационных технологий

Мировым банком представлены сведения по 159 государствам – членам Организации Объединенных Наций – о внедрении цифровых технологий для налогового администрирования [21]. Например, в Великобритании налоговые органы (HMRC) на основе информационных технологий постепенно приближают время налогового контроля к реальному времени осуществления операций. В 2015 г. там внедрена программа Making tax easier: the end of the tax return, но уже через три года она была заменена новой программой (Making tax Digital).

Схема «минимизации налогов» с участием взаимосвязанных (взаимозависимых) лиц, выявленная налоговыми органами в лесном секторе РФ

Источник: составлено авторами по данным, полученным в ходе проведенного исследования.

Так, быстро совершенствуются технологии контроля [22]. Например, в новой программе учтена необходимость предоставления доступа к цифровому налоговому счету субъектам малого и среднего бизнеса для онлайн взаимодействия с налоговыми органами. Кроме того, в 2020 г. налогоплательщики Великобритании смогут в любое время суток осуществить регистрацию в налоговом органе, оплатить налоги, представить налоговую декларацию, при необходимости уточнить (обновить) информацию о себе [23].

Налоговое управление США (IRS) в 2013 г. возместило более пяти млрд. долларов по налоговым декларациям, впоследствии установленным как мошеннические. В 2016 г. новые элементы IT-технологий США позволили IRS предотвратить налоговые мошенничества на 4,1 млрд. долл. США, в штате Юта установлена попытка мошенничества при декларировании налога на прибыль, возможный ущерб составил бы 11 млн. долл. При этом затраты государства на внедрение нового программного обеспечения и модифицированных методов налогового контроля, применяемых для анализа доходов, полученных мошенническим путем, составили менее 20 тыс. долларов [24].

В Финляндии принята Стратегия налогового администрирования 2019–2024 [25]. Услуги финской налоговой администрации интегрированы с внешними бизнес-платформами. Там внедрена информационная система налогового администрирования MyTax. Налогоплательщикам предоставлена возможность входа в систему с помощью персональных банковских онлайн-кодов, а также мобильного сертификата или идентификатора Katso. В системе MyTax налогоплательщики могут запросить налоговую карту, оплатить налоги, подать налоговую декларацию (личную или корпоративную), получить и уточнить необходимую информацию (личные данные, налоговые обязательства) [26]. Сбор информации об операциях налогоплательщика максимально приближен к реальному времени, налог взимается одновременно с событием, облагаемым налогом.

Лучшие практики налогового администрирования в лесном секторе России также связаны с внедрением новых информационных технологий, например программных комплексов

ЕГАИС Лес и АИС НДС–3. Они (технологии) позволяют эффективно осуществить контрольные мероприятия, провести анализ взаимосвязей контрагентов, проследить деловую цепочку от происхождения древесины до продажи конечному потребителю, выявить налоговые правонарушения, провести доначисления налогов и сборов.

В настоящее время уже возможно увидеть положительные результаты цифровизации налогового администрирования лесопользования. Так, более доказательной стала база судопроизводства по уголовным делам в сфере налогообложения. В 2018 г. переданы материалы в суд по факту уклонения от уплаты налогов организации ООО «ЛокчимЛесПром» в особо крупном размере – на сумму 160 млн. рублей¹⁰.

Направления совершенствования налогового администрирования лесопользования

Проведенное исследование позволило определить следующие направления совершенствования налогового администрирования лесопользования, взаимосвязанные с управлением лесами, в условиях цифровизации экономики.

1. Развитие информационных технологий. В 2018 г. ФНС России приступила к финальному этапу проекта, направленного на внедрение автоматизированной системы налогового администрирования уже третьего поколения, а именно АИС «Налог-3». В информационной системе (АИС «Налог-3») администрируются индивидуальные предприниматели и все физические лица. В 2019 г. планируется завершение внедрения процессов налогового администрирования юридических лиц, т.е. самого объемного (информационной системы ФНС России) блока [27].

2. Формирование и структурирование базы больших данных в области налогообложения, включая сбор и обработку информации о состоянии и структуре лесов (видовая и товарная) как объективной основы налогообложения, деятельности налогоплательщиков в области лесопользования, чрезвычайных ситуациях (лесных пожарах, затоплениях и др.).

¹⁰ Жительница Коми уклонилась от уплаты 160 млн. рублей налога // БНК Информационное агентство. URL: <https://www.bnkomi.ru/data/news/86527/> (дата обращения 11.09.2019 г.)

3. Повышение компетенций сотрудников налоговых органов в сфере информационных технологий: подготовка высококвалифицированных экономистов для налоговых органов, IT-специалистов.

4. Совершенствование интернет-сервисов налоговых органов, что позволит: повысить уровень информированности налогоплательщиков и комфортности взаимодействия с налоговыми органами; осуществлять электронное взаимодействие с другими органами власти и государственными учреждениями; результативно использовать возможности цифровых технологий в налоговом администрировании лесопользования; проявлять должную осмотрительность и оценивать добросовестность налогоплательщиков при выборе контрагентов с позиций прозрачности бизнеса и др.

5. Использование информационных технологий для участия граждан в контроле налоговой базы. В мировой практике активно используется краудсорсинг сбора данных [28, с. 270]. Эта область краудсорсинга возникла как механизм получения информации от граждан для формирования более полной и цельной картины, представлений о жизни сообщества [29]. Информация, полученная от граждан на основе информационных технологий посредством различных инструментов (текстовые сообщения, социальные медиа, программы в смартфонах, веб-сайты) может быть использована для составления и актуализации ряда карт, таких как карта лесных пожаров, карта незаконной вырубки лесов, карта выбросов загрязняющих веществ в окружающую среду в лесном секторе и др.) Это позволит сократить незаконные вырубки лесов, выявлять и привлекать к финансовой ответственности виновных лиц за совершение противоправных действий в лесном секторе и др.

Кроме того, цифровизация налогового администрирования лесопользования, обеспечивающая полноту собираемости налогов и информационное взаимодействие органов власти, позволит органам местного самоуправления предоставлять экономическое обоснование направления части природной ренты лесозаготовителей и недропользователей на финансирование строительства и поддержания дорог местного назначения и природоохранных мероприятий в лесном секторе, что снизит финансовую нагрузку на местные бюджеты.

Полемика по поводу результатов

Научные рекомендации по совершенствованию налогового администрирования, взаимосвязанные с рационализацией лесопользования в регионах, заинтересованных в росте налоговых доходов, не имеют своего адресата; формально основная часть управленческих функций в соответствии с Лесным кодексом передана субъектам РФ, но экономика лесопользования и налоговое администрирование лесопользования остались за рамками их полномочий. Получается, что проблематика совершенствования общественных отношений в сфере лесопользования и его налогового администрирования в связи с территориальным развитием уже давно изучается, широко представлена в трудах отечественных и зарубежных исследователей, но она по-прежнему остается «бесконечно актуальной» и по существу трудно разрешимой.

Преодолению указанной трудности может способствовать рационализация того звена управления лесохозяйственной деятельности, которое конструктивно связывает общественные и частные интересы, а именно налогообложения и налогового администрирования. То есть необходимо формирование новой системы налогового администрирования, основанной на взаимосвязи управления лесопользованием и администрирования налоговых и неналоговых платежей за пользование лесными ресурсами, успешное функционирование которой позволит увеличить доходы бюджета, необходимые для финансирования общественных благ в северных территориях России.

Заключение

Изучение нами практического опыта налогового администрирования в системе лесопользования и его влияния на бюджеты северных территорий с учетом проблематики управления лесами раскрыло некоторые недостатки, отразившиеся на недополучении налоговых и неналоговых доходов.

Проведенное исследование позволило определить направления совершенствования налогового администрирования лесопользования в северных регионах России, взаимосвязанные с системой управления лесами, основанные на результатах анализа фискальных платежей за лесопользование и практики налогового администрирования с использованием информационных технологий, фиксации в части оценки

результативности реализации программ развития лесного сектора, изменений налоговых доходов бюджета, использовании отечественного и зарубежного опыта налогового администрирования.

Но при этом требуется выполнить три условия:

1) систематизировать налоговый контроль лесопользования, в том числе с применением

предложенных группировок контрольных мероприятий и условий их проведения;

2) ввести в систему налогового контроля неналоговые лесные платежи;

3) лесные платежи привести в соответствие с требованиями комплексного управления лесами с учетом геосистемной организации их воспроизводства и сохранения экологических функций.

Литература

1. Ильин В.А., Поварова А.И. Недостатки налогового администрирования крупного бизнеса и их влияние на региональные бюджеты // Экономика региона. 2017. Т. 13. Вып. 1. С. 25–37. DOI 10.17059/2017–1–3
2. Поварова А.И. Неэффективное администрирование НДС как угроза экономической безопасности России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2013. № 2. С. 126–140.
3. Ценность лесов. Плата за экосистемные услуги в условиях «зеленой» экономики. Женева: ООН, 2014. 94 с. Режим доступа: URL:http://www.unece.org/fileadmin/DAM/timber/publications/SP-34small_R.pdf (пер. с англ. Geneva Timber and Forest Study Paper 34. URL: <http://www.unece.org/fileadmin/DAM/timber/publications/SP-34Xsmall.pdf>)
4. Дмитриева Т.Е. Экологизация биоресурсной экономики северного региона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 4. С. 160–172. DOI: 10.15838/esc.2018.4.58.10
5. Модернизация биоресурсной экономики северного региона / колл. авт. Сыктывкар: ООО «Коми республиканская типография», 2018. 212 с.
6. Федичкина Е.А., Ланкин А.С. Анализ экспорта древесной продукции с Дальнего Востока России в 2015 г. Всемирный фонд дикой природы (WWF). Владивосток: Апельсин, 2016. 50 с.
7. Чайковская Л.А. Оценка влияния системы установления и процедур сбора платежей за пользование лесными ресурсами и лесных податей на уровень лесных доходов // Экономический анализ: теория и практика. 2007. №20 (101). С. 42–54.
8. Коробицын Б.А. Методический подход к учету истощения природных ресурсов, изменения состояния окружающей среды и человеческого капитала в валовом региональном продукте // Экономика региона. 2015. №3. С. 77–88. DOI: 10.17059/2015-3-7
9. Носков В.А., Шишелов М.А. Подходы к оценке природного капитала лесов и перспективы модернизации лесопользования в контексте «зеленой» экономики // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т.11. № 6. С. 41–56. DOI: 10.15838.esc.2018.6.60.3
10. Ивлев В.А. Экономический механизм управления лесными ресурсами региона. Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2003. 292 с.
11. Петров В.Н., Каткова Т.Е., Карвинен С. Тенденции развития лесной экономики в России и Финляндии // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 3. С. 140–157. DOI: 10.15838/esc.2019.3.63.9
12. Гончаренко Л.И. Налоговое администрирование коммерческих банков России: монография. М.: Цифровичок, 2009. 168 с.
13. Dong W. Several measures to perfect tax administration by law. *Communications in Computer and Information Science*, 2011, no. 210 CCIS (PART 3), pp. 227–231.
14. Aberbach J.D., Christensen T. The challenges of modernizing tax administration: Putting customers first in coercive public organizations. *Public Policy and Administration*, 2007, no. 22 (2). pp. 155–182.
15. Hansford A., Hasseldine J. Best practice in tax administration. *Public Money and Management*, 2002, no. 22 (1), pp. 5–6.
16. Besfamille M., Siritto C.P. Modernization of tax administrations and optimal fiscal policies. *Journal of Public Economic Theory*, 2009, no. 11 (6).

17. Chernick H. Fiscal Capacity in New York: the City versus the Region. *National Tax Journal*, 1988, vol. 51, no. 3, pp. 531–532.
18. Barro S.M. State Fiscal Capacity Measures: A Theoretical Critique. *Measuring Fiscal Capacity*, ed. Reeves H.S. Boston: Oelgeschlager, Gunn & Hain, Publishers, Inc., 1986, 60 p.
19. Лесной план Республики Коми. Вологда: Минприроды РК; Филиал ФГБУ «Рослесинфорг» «Северлеспроект», 2019. 315 с.
20. Федотов Д.Ю. Сравнительный анализ налоговой нагрузки и масштабов теневой экономики в российских регионах // *Инновационное развитие экономики*. 2016. Часть 1. № 3 (33). С. 142–148.
21. Обзор и оглавление Доклада о мировом развитии «Цифровые дивиденды». DOI: 10.1596/978-1-4648-0671-1.A. URL: https://data.gov.ru/sites/default/files/documents/vsemirnyy_bank_2016_god.pdf
22. *HM Revenue & Customs Making tax digital*. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/making-tax-digital>
23. *Rethinking tax services: the changing role of tax service providers in SME tax compliance*. Paris, OECD Publishing. 2016, p. 40.
24. *Now states are using tech to spot tax fraud*. URL: <https://statetechmagazine.com/article/2017/03/how-states-are-using-tech-spot-tax-fraud/>
25. Tax Administration Strategy 2019–2024. URL: <https://www.vero.fi/en/About-us/finnish-tax-administration/strategy/>
26. *Finnish Tax Administration*. URL: <https://www.vero.fi/en/About-us/finnish-tax-administration/>
27. Проект итогового доклада ФНС России за 2018 год (опубликован 12.02.2019). URL: https://www.nalog.ru/rn11/about_fts/og/
28. Новек Бет Симон. Умные граждане – умное государство: Экспертные технологии и будущее государственного управления. М.: Олимп-Бизнес, 2016. 512 с.
29. Geoffrey Barbier et al., Maximizing Benefits from Crowdsourced Data, *Computational and Mathematical Organization Theory* 18, no. 3 (September 2012): 2-23. URL: <http://www.public.asu.edu/~hgao16/papers/CMOT.pdf>

Сведения об авторах

Виталий Николаевич Лаженцев – доктор географических наук, член-корреспондент РАН, профессор, главный научный сотрудник, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН (167982, Российская Федерация, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: vnlazhentsev@iespn.komisc.ru)

Светлана Ивановна Чужмарова – доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой, Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина (167001, Российская Федерация, г. Сыктывкар, ул. Старовского, д. 55; e-mail: swetlana_ch@bk.ru). ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9747-1041> . ResearcherID: G-8214-2018

Андрей Иванович Чужмаров – кандидат экономических наук, проректор по образовательной и научной деятельности, Коми республиканская академия государственной службы и управления (167982, Российская Федерация, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 11; e-mail: Andry_ch@bk.ru). ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0096-8850> . ResearcherID: G-8222-2018

Lazhentsev V.N., Chuzhmarova S.I., Chuzhmarov A.I.

Tax Administration in the Forest Management System and its Influence on the Budgets of Northern Territories

Abstract. The subject of the paper is related to the need to eliminate the discrepancy between the theory of taxation in terms of forest management tax administration and forest resources rational use. The purpose of the paper is to present the results of the research on tax administration in the forest management system and its influence on the budgets of the Northern territories. Scientific novelty of the research consists of the development of the theory of tax administration in forest management and the determination of its impact on the budgets of the Northern territories: the concepts of “tax administration in forest management” and “tax potential of forest management” are specified; the necessity of highlighting the special role of tax administration in forest management in the forestry sector development programs is substantiated; the classification of fiscal payments in forest management is proposed; the criteria and indicators for assessing the effectiveness of tax administration in forest management are defined. Theoretical and practical significance of the research lies in the fixing of urgent current problems of tax administration in forest management, interrelated with the management of forests in the Northern regions; the grouping of tax authorities’ control measures in the forest sector, which makes it possible to identify tax law violations systematically; the analysis and evaluation of the effectiveness of tax administration in forest management and its influence on the budgets of Russian Northern territories (the case of the Republic of Komi); the analysis of domestic and foreign practices (USA, UK, Finland) of tax administration through information technologies; the systematization of problem areas of tax administration in the field of forest management in the Northern regions of Russia (geographical, infrastructure, socio-economic, organizational, information technology); the development of ways of improving tax administration of the forest usage in the Northern territories, based on the introduction of information technologies, state and public control over forest usage, and support services for taxpayers. The research methodology is based on the theories of taxation, environmental economics, and regional economics. To achieve the goal of the study, the methods of dynamic and static analysis of the effectiveness of tax administration in forest management were used. It allowed us to identify urgent problems.

Key words: tax administration, tax and non-tax payments, corporate income tax, value added tax, budget, forest management, Northern regions, information technologies.

Information about the Authors

Vitalii Nikolaevich Lazhentsev – Doctor of Sciences (Geography), RAS Corresponding Member, Professor, Leading Researcher, Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North of Komi RC the Ural Branch of RAS (26, Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar, 167982, Russian Federation; e-mail: vnlazhentsev@iespn.komisc.ru)

Svetlana Ivanovna Chuzhmarova – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Head of Department, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (55, Starovskogo Street, Syktyvkar, 167001, Russian Federation; e-mail: swetlana_ch@bk.ru)

Andrei Ivanovich Chuzhmarov – Doctor of Sciences (Economics), Vice-Rector for Education and Research, The Komi Republican Academy of State Service and Administration (11, Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar, 167982, Russian Federation; e-mail: Andry_ch@bk.ru)

Статья поступила 16.10.2019.

DOI: 10.15838/esc.2020.1.67.8

УДК 330.322.16, ББК 65.04

© Потравный И.М., Яшалова Н.Н., Бороухин Д.С., Толстоухова М.П.

Использование возобновляемых источников энергии в Арктике: роль государственно-частного партнерства

Иван Михайлович

ПОТРАВНЫЙ

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова
Москва, Российская Федерация, 117997, Стремянный пер., д. 36
E-mail: ecoaudit@bk.ru
ORCID: 0000-0001-8771-6324

Наталья Николаевна

ЯШАЛОВА

Череповецкий государственный университет
Череповец, Вологодская обл., Российская Федерация, 162600, пр. Советский, д. 10
E-mail: atalij2005@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7279-3140; ResearcherID: N-7529-2016

Дмитрий Сергеевич

БОРОУХИН

Череповецкий государственный университет
Череповец, Вологодская обл., Российская Федерация, 162600, пр. Советский, д. 10
E-mail: dsbor@mail.ru
ORCID: 0000-0001-9435-9986; ResearcherID: 3217692

Мариясена Петровна

ТОЛСТОУХОВА

Министерство по развитию Арктики и делам народов Севера Республики Саха
(Якутия)
Якутск, Российская Федерация, 677000, ул. Чернышевского, д. 14
E-mail: mariyasenap@gmail.com
ORCID: 0000-0002-1864-9153; ResearcherID: 3220027

Для цитирования: Использование возобновляемых источников энергии в Арктике: роль государственно-частного партнерства / И.М. Потравный, Н.Н. Яшалова, Д.С. Бороухин, М.П. Толстоухова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 1. С. 144–159. DOI: 10.15838/esc.2020.1.67.8

For citation: Potravnyi I.M., Yashalova N.N., Boroukhin D.S., Tolstoukhova M.P. The Usage of Renewable Energy Sources in the Arctic: The Role of Public-Private Partnership. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2020, vol. 13, no. 1, pp. 144–159. DOI: 10.15838/esc.2020.1.67.8

Аннотация. Устойчивое развитие арктических регионов Российской Федерации требует надежного энергообеспечения, что является возможным за счет поиска новых экологически чистых источников энергии. Российская Арктика обладает большим потенциалом возобновляемых источников энергии (ВИЭ) и имеет необходимые предпосылки для их ускоренного развития. В этих условиях переход к возобновляемым источникам энергии позволяет не только обеспечить регион требуемыми энергетическими ресурсами, дополнить и частично заместить использование дорогостоящего привозного топлива, но и минимизировать вред окружающей среде, а также сохранить природные ресурсы для будущих поколений. В статье систематизированы проблемы и представлены перспективы использования возобновляемых источников энергии в энергетической системе арктических регионов Российской Федерации, на основе контент-анализа обобщен успешный опыт их применения в Российской Арктике и обозначены задачи для их продвижения на этих территориях. Также обозначены преимущества и недостатки использования возобновляемых источников энергии в экономике арктических регионов. Выявлено, что одна из наиболее острых проблем дальнейшего освоения потенциала ВИЭ связана с привлечением финансирования в проекты по «зеленой» энергетике. Для её решения в статье предлагается активизировать взаимодействие государства и бизнеса через развитие государственно-частного партнерства. Представлена специфика государственно-частного партнерства в сфере нетрадиционной энергетики и аргументирована важность его применения для арктических регионов Российской Федерации. Научная новизна исследования состоит в развитии теоретических положений, направленных на взаимодействие органов власти, бизнес-структур и современного общества в решении энергетических вопросов в Российской Арктике с целью устойчивого развития её территорий. Практическая значимость исследования заключается в разработке направлений использования механизма государственно-частного партнерства для решения приоритетных задач использования возобновляемых источников энергии в арктическом регионе.

Ключевые слова: устойчивое развитие, региональная экономика, арктический регион, северные территории, возобновляемые источники энергии (ВИЭ), альтернативная энергетика, финансирование, государственно-частное партнерство.

Введение

Стратегия развития Российской Арктики¹ преследует решение таких приоритетных задач, как увеличение её вклада в экономическое развитие Российской Федерации в целом, ускорение экономического роста расположенных в её пределах регионов и муниципалитетов, повышение и поддержание качества жизни людей на уровне не ниже среднероссийского. Приоритетной задачей развития Арктики является также защита уязвимой природы Севера, снижение нагрузки на окружающую среду при реализации инвестиционных проектов, сохранение традиционной культуры и образа жизни коренных народов. Решение поставленных задач тесно связано с развитием энергетики, надежным обеспечением производства и населения

энергией с учетом экологических требований в контексте управления изменениями климата. В принятой ООН в 2015 г. Повестке дня в области устойчивого развития до 2030 года² одна из 17 обозначенных целей связана с обеспечением общества чистой энергией по доступной цене. Ученые разных стран активно обсуждают проблемы становления «зеленой» экономики, которая также тесно связана с вопросами использования возобновляемых источников энергии, снижением выбросов парниковых газов [1–4].

Энергетическая стратегия России (2009 г.)³ предусматривает развитие автономных систем генерации на основе возобновляемых источников энергии. Учитывая, что зоны децентрали-

¹ Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_142561/

² Повестка дня в области устойчивого развития. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/about/development-agenda/>

³ Энергетическая стратегия России на период до 2030 года: утв. Распор. Правительства РФ от 13.11.2009 № 1715-п. URL: <https://minenergo.gov.ru/node/1026>

зованного электроснабжения в стране сосредоточены на Крайнем Севере, Дальнем Востоке, Сибири, можно утверждать, что развитие объектов возобновляемой энергетики особенно актуально для этих территорий. Энергетическая система субъектов Российской Федерации в Арктической зоне⁴, площадь которой составляет около 3 млн. кв. км (18% территории страны) и на которой проживает более 2,5 млн. человек, базируется в основном на привозном топливе: нефтепродуктах, угле, сжиженном газе, а также на ядерном топливе, перерабатываемом на атомных электростанциях. С учетом климатических условий объемы требуемого топлива весьма значительны, а инфраструктура для обеспечения им ограничена по естественным причинам (удаленность, распространение вечной мерзлоты, дефицит кадров для обслуживания и т.п.). В связи с этим важной экономической и социальной задачей является надежное энергообеспечение удаленных населенных пунктов в Арктической зоне. К примеру, в арктических районах Республики Саха (Якутия) в настоящее время более 150 тыс. человек проживает в населенных пунктах, энергообеспечение которых осуществляется посредством дизельных электростанций, которые в значительной мере физически и морально устарели, электричество подается с долговременными перебоями. При этом цена такого электричества для потребителей превышает средний тариф в 15 раз. Таким образом, внедрение возобновляемых источников энергии в Российской Арктике приобретает с каждым днем все большую актуальность. Одним из перспективных механизмов финансирования инвестиционных проектов по возобновляемой энергетике является государственно-частное партнерство (ГЧП).

Цель настоящей статьи — обоснование возможности применения инструментария государственно-частного партнерства для освоения потенциала возобновляемых источников энергии в энергетических системах арктических регионов. Иными словами, мы анализируем две взаимосвязанные проблемы — удовлетворение энергетических потребностей социально-эко-

номических систем Арктической зоны РФ и экологизацию энергетики. При этом акцент делается на использовании энергетических ресурсов самой зоны, что выступит триггером ее рационального освоения и развития. Научная новизна работы связана, во-первых, с обобщением разрозненной информации относительно фактического использования ВИЭ в Арктической зоне РФ, что дает ценное свидетельство в пользу эффективности возобновляемых энергетических ресурсов для обеспечения нужд населения и экономики данной части страны, а во-вторых, с концептуализацией использования механизмов ГЧП для устойчивого развития энергетических систем арктических регионов с использованием ВИЭ, в рамках экологизации хозяйственных систем и с учетом интересов коренного населения.

Возобновляемые источники энергии в арктических регионах: теоретический обзор

Мировой и отечественный опыт свидетельствует о том, что продвижение «зеленой» энергетики является одним из приоритетов современной экономики. При этом стоит разделить понятия «зеленая энергетика» и «возобновляемая энергетика», хотя они в значительной мере пересекаются. Первое понятие относится ко всем видам деятельности, связанной с производством, передачей, распределением и потреблением энергии, которые используют те или иные инструменты экологизации. Второе понятие является более узким и относится к использованию возобновляемых источников энергии. В научной литературе последних лет тема возобновляемой энергетики становится все более актуальной. Так, Б.В. Лукутин, О.А. Суржикова, Е.Б. Шандарова [5] предлагают решать проблемы энергообеспечения на основе развития возобновляемой энергетики, особое внимание уделяя локальной электроэнергетике с использованием ВИЭ. Заслуживает внимания монография под редакцией В.В. Елистратова, Н.В. Кобышевой, Г.И. Сидоренко [6], в которой ученые, помимо изучения технологий возобновляемой энергетики, оценивают климатический ресурсный потенциал ВИЭ в различных районах Российской Федерации. Энергетические, экономические и экологические характеристики различных ВИЭ обобщены А.Б. Алхасовым [7].

⁴ О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 02.05.2014 г. № 296. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/41d4d8e8206d56fc949d.pdf>

Ввиду того, что большой потенциал возобновляемых энергоресурсов (связанные с действием солнечной радиации, ветра, геотермальных полей и т.п.) в Российской Федерации сосредоточен в Арктике, большинство ученых, занимающихся тематикой ВИЭ, в своих научных трудах делают серьёзный акцент на изучении этой территории. В настоящее время традиционные энергетические системы Российской Арктики используют в своем производственном процессе добытые ресурсы угля, нефти, природного газа, водные ресурсы и атомную энергию [8].

В частности, О.С. Попель и др. в работе [9] дают характеристику Арктической зоны Российской Федерации с точки зрения энергопотребления и обосновывают применение солнечной энергии в этом регионе.

Энергетическую безопасность децентрализованных территорий с изолированной генерацией подробно изучает В.Р. Киушкина [10] на примере территорий арктических регионов и рекомендует для снижения рисков экономического, экологического и социального характера формировать автономные системы электроснабжения на этих территориях с использованием возобновляемых источников энергии. В работе А.Л. Элякова приводится объективное обоснование использования ВИЭ в энергетической системе арктических регионов и утверждается, что влияние энергетической системы на окружающую среду и её потребителей в большей мере зависит от вида используемых энергетических ресурсов [11].

Высокие расходы традиционной энергетики в рассматриваемой части страны, финансируемые из федерального бюджета в виде бюджетных дотаций и субсидий на северный завоз топлива в арктические регионы, тепловые станции, работающие на привозном мазуте и угле с устаревшими технологиями производства электроэнергии и тепла, ухудшающие экологическую обстановку и здоровье населения, повышают привлекательность энергии, вырабатываемой ВИЭ, и обеспечивают замещение углеводородного топлива (в виде дизельного и газоконденсатного топлива, нефти, природного и сжиженного газа, а также каменного угля) другими видами энергии.

Проведенные Кольским научным центром Российской академии наук исследования по-

казали, что использование ВИЭ в настоящее время очень актуально для арктических регионов. Так, например, в работе А.А. Гасниковой отмечается, что для арктических регионов развитие нетрадиционной энергетики имеет особенное значение. Это обусловлено такими причинами, как: наличие множества малых децентрализованных потребителей энергии; низкая транспортная доступность и связанная с ней проблема топливоснабжения; большая продолжительность отопительного периода [12]. Автор отмечает, что нетрадиционная энергетика в регионах Севера основана на использовании местных ресурсов (энергии ветров, энергии малых рек, солнечной энергии), поэтому их вовлечение в региональную энергетическую систему позволит решить проблемы завоза топлива в населенные пункты арктических регионов и повысит энергетическую безопасность арктических территорий. Технические аспекты использования ВИЭ в арктических регионах подробно отражены в исследованиях Центра физико-технических проблем энергетики Севера Кольского научного центра РАН [13, 14].

По мнению О.Б. Дубинского, изучающего перспективы использования возобновляемых источников энергии в Арктической зоне Российской Федерации [15], предложения для оптимизации развития ВИЭ в этих регионах страны должны включать в себя принятые на законодательном уровне инициативы: установление фиксированного тарифа для генерирующих объектов на основе ВИЭ на период их окупаемости; предоставление налоговых льгот для энергоустановок ВИЭ на период окупаемости; разработку и реализацию программ по государственному софинансированию проектов развития ВИЭ.

Возможности применения ВИЭ на арктических территориях обсуждают не только российские, но и зарубежные ученые. В частности, ученые из Университета штата Аляски в Фербенксе (*University of Alaska Fairbanks*) Э. Уитни, У.Э. Шнабель, С. Аггарвал и др. [16], изучая условия для жизни человека в изолированных общинах в арктических и субарктических регионах Аляски, предлагают механизм для оценки влияния производства ВИЭ на продовольственную, энергетическую и водную безопасность этих территорий.

Группа исследователей из Китая под руководством Г. Чжо [17] в ходе решения проблемы непрерывного энергоснабжения беспилотных и автоматических систем наблюдения в полярных регионах попутно пришла к выводу, что энергетическая система на основе возобновляемых источников энергии является идеальным решением для достижения экологически чистого и надежного энергоснабжения в полярных регионах.

В совместном комплексном исследовании группы китайских и пакистанских ученых под руководством С.Ф. Рафика [18] трансконтинентальное объединение энергосистем и развитие чистой энергетики для обеспечения устойчивости являются основными задачами, которые необходимо решать с помощью платформы глобального энергетического объединения. Исследователи обеспокоены истощением запасов ископаемого топлива и изучают возможности возобновляемой энергетики в арктической и экваториальной зонах, а также способы производства и доставки чистой энергии по всему миру в пределах имеющихся генерирующих мощностей.

Группа ученых из Дании, Нидерландов, Канады под руководством Л. Мортенсен [19] рассматривает возможности перехода от ископаемого топлива к возобновляемым источникам энергии в четырех арктических районах: Аляска, Канадская Арктика, Гренландия и Российская Арктика. Эти исследователи обозначили проблемы, связанные с доступом к ископаемому топливу и его поставками в арктические поселения, подчеркнули важность глобальной повестки дня по борьбе с изменениями климата и предложили сконцентрировать усилия по стимулированию внедрения ВИЭ на таких ключевых факторах, как экономика и технологическая инфраструктура.

Таким образом, в ходе исследований по изучению перспектив применения ВИЭ в арктических зонах большинство ученых приходят к выводу, что строительство новых энергетических объектов требует существенных капитальных вложений, экономическая эффективность которых весьма сомнительна. К тому же на некоторых территориях возведение традиционной энергетической инфраструктуры является невозможным ввиду их природных особенностей (прежде всего,

сложность строительства в условиях вечной мерзлоты). В связи с этим наиболее эффективным решением для обеспечения потребителей энергоресурсами могут стать возобновляемые источники энергии.

Все изученные работы позволяют также сделать вывод, что главными достоинствами возобновляемых источников энергии по сравнению с невозобновляемыми, активно используемыми в традиционной энергетике, являются их сравнительная экологичность и неограниченность во времени. К числу недостатков можно отнести неперманентность присутствия (например, ветровой ресурс будет доступен для эксплуатации только при действии ветра определенной силы и направления) и дороговизну технологического освоения (требуются значительные инвестиции в разработку инструментов извлечения энергии из этого источника). В этой связи применение экологически чистых источников энергии наиболее перспективно в районах, располагающих их повышенным потенциалом и в то же время испытывающих недостаток в обычных традиционных топливных ресурсах.

Анализ применения возобновляемых источников энергии в Российской Арктике

В современной ситуации энергетика выступает основой для экономического роста государства, т.к. способствует развитию отраслей народного хозяйства. Состояние энергетического сектора экономики определяет характер и темпы развития научно-технической революции. В глобальной энергетике происходят существенные сдвиги в сторону развития возобновляемых источников энергии и технологий их использования. Именно в этой сфере наблюдается опережающий технологический прогресс в развитых странах мира. Возобновляемая энергетика включает в себя широкий перечень первичных источников энергии, имеющих свою специфику и особенности. Классификация основных видов ВИЭ представлена в *таблице 1*.

Следует отметить, что в Российской Федерации в 90-е гг. XX столетия широкого использования ВИЭ на северных территориях страны не наблюдалось ввиду высокой стоимости производимой таким путем электро- и тепловой энергии. В современный период развития российской экономики, когда ужесточается экологическое законодательство, реализуется

Таблица 1. Классификация возобновляемых источников энергии

Источники возобновляемой энергии	Примеры
Традиционные	Гидравлическая энергия, преобразуемая в используемую электрическую энергию (большой частью крупными гидроэлектростанциями мощностью 30 МВт) Энергия, получаемая из биомассы, используемая для получения тепловой энергии традиционными способами (сжигание древесины, торфа и других видов топлива) Геотермальная энергия
Возобновляемые	Солнечная энергия Ветровая энергия Энергия морских волн Энергия течений Энергия приливов морей и океанов Гидравлическая энергия, преобразуемая в электрическую энергию малыми и микро-гидроэлектростанциями Энергия биомассы, не используемая для получения тепловой энергии традиционными методами Низкопотенциальная тепловая энергия

государственная поддержка развития альтернативной энергетики, происходит процесс существенного уравнивания стоимости производимой электро- и тепловой энергии и постепенно формируются предпосылки к тому, что эта тенденция ценообразования на рынке ВИЭ сохранится и в будущем. Основными причинами использования ВИЭ на арктических территориях следует считать истощение природных ресурсов, возможную перспективу кризисных явлений в региональной энергетической системе, отрицательное влияние систем традиционной энергетики на окружающую среду, риски воз-

никновения экологической катастрофы. Характеристика традиционной и возобновляемой энергетики представлена в *таблице 2*, с помощью которой можно получить представление о достоинствах и недостатках этих видов энергетики.

Развитие системы энергетики арктических регионов многие десятилетия происходило за счет освоения гидроэнергетических ресурсов, использования привозного топлива (мазут, уголь, дизельное топливо и др.). При этом следует отметить, что доставка подобного топлива в арктические районы, как правило, зависит от

Таблица 2. Основные отличия традиционной и возобновляемой энергетики

Характеристика	Традиционная энергетика	Возобновляемая энергетика
Исчерпаемость используемых энергоресурсов	Используемые ресурсы являются исчерпаемыми и невозобновляемыми	Используемые ресурсы являются неисчерпаемыми и восстанавливаемыми
Ограниченность использования	Используется в зависимости от условий территории	Используется в зависимости от наличия ВИЭ и проявления соответствующего феномена в конкретном локусе и в конкретное время
Себестоимость производства энергии	Относительно высокая	Относительно низкая
Транспортная составляющая в структуре расходов на производство энергии	Высокая	Низкая
Способность бесперебойного обеспечения энергией населенных пунктов арктических регионов	Низкая	Высокая
Влияние энергетических объектов на окружающую среду	Относительно высокое	Относительно низкое
Потенциальная мощность производимой энергии	Очень высокая	Низкая
Зависимость от климатических условий	Низкая	Высокая
Надежность объектов энергосистемы	Высокая	Средняя
Нормативно-правовое регулирование деятельности энергосистем	Полное	Частичное
Возможность государственно-частного партнерства при реализации проектов	Ограниченная	Высокая
Источник: составлено авторами.		

навигационного периода на протяжении Северного морского пути, возможности речного сообщения, а также наличия дорог-зимников, что отражается на себестоимости получаемой электрической и тепловой энергии.

Как отмечается в проекте Стратегии социально-экономического развития Арктической зоны Республики Саха (Якутия) до 2030 года⁵, климатические особенности этой территории требуют повышенной надежности и работоспособности инженерных систем для жизнедеятельности населенных пунктов. Сложность организации жизнеобеспечения населения обусловлена обширностью территории, удаленностью населенных пунктов, низкой плотностью населения. В среднем отопительный период в Российской Арктике продолжается свыше 9 месяцев в году, а в отдельных населенных пунктах – круглогодично.

Следует отметить, что арктические районы относятся к зоне децентрализованного электроснабжения на базе источников электроэнергии

малой мощности, преимущественно дизельных электростанций (95% в структуре выработки электрической энергии), что значительно повышает стоимость кВт·ч электроэнергии. В настоящее время, к примеру, в арктических районах Якутии функционируют 170 дизельных и 16 солнечных электростанций с суммарной мощностью 308 МВт. Суммарный объем отпуска электроэнергии составляет 334 млн. кВт·ч в год или 80% от всего объема в целом по АО «Сахаэнерго» (табл. 3). При этом электроснабжение п. Черский Нижнеколымского района и ряда населенных пунктов Оймяконского района осуществляется Чукотской и Магаданской энергосистемами соответственно.

Износ дизельных генераторов в энергохозяйствах данных улусов (районов) колеблется от 43% в Анабарском до 85% в Момском. Износ зданий составляет от 20% в Эвено-Бытантайском улусе до 76% в Среднеколымском. Более 60% себестоимости электроэнергии, вырабатываемой в арктических районах Республики Саха

Таблица 3. Состояние локальной энергетики в арктической зоне Республики Саха (Якутия), 2019 г.

Арктические районы	Количество ДЭС	Количество СЭС	Электрическая мощность, кВт	В т.ч. СЭС	Полезный отпуск энергии, тыс. кВт·ч
Итого:	170	16	308 128	1 240	334 000
Анабарская группа	5	1	9 855	40	18 200
Анабарский	2	0	4 295	0	8 800
Оленекский	3	1	5 560	40	9 400
Приленская группа	13	0	34 930	0	41 400
Булунский	9	0	26 325	0	29 000
Жиганский	4	0	8 605	0	12 400
Янская группа	32	6	48 835	0	53 700
Усть-Янский	9	0	24 750	0	21 400
Верхоянский	20	5	20 460	1 110	28 200
Эвено-Бытантайский	3	1	3 625	10	4 100
Индибирская группа	16	1	22 623	20	28 000
Аллайховский	5	0	9 387	0	8 900
Абыйский	7	1	7 471	20	9 300
Момский	4	0	5 765	0	9 800
Колымская группа	19	0	37 821	0	50 250
Нижнеколымский	4	0	12 052	0	14 200
Среднеколымский	10	0	11 244	0	17 000
Верхнеколымский	5	0	14 525	0	19 050

Примечание: ДЭС – дизельные электростанции, СЭС – солнечные электростанции.
Источник: Программа оптимизации локальной энергетики Республики Саха (Якутия) на 2016–2025 годы.

⁵ Стратегия социально-экономического развития Арктической зоны Республики Саха (Якутия) до 2030 года (проект) / Центр стратегических исследований при главе Республики Саха (Якутия). URL: <http://src-sakha.ru/previews/strategiya-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-arkticheskoy-zonyi-respubliki-saha-yakutiya-do-2030-goda/>

(Якутия), приходится на топливо, доставляемое водным и автомобильным транспортом. Срок доставки составляет в среднем до 2 лет, количество перевалок на различные виды транспорта достигает 5–6 раз. Экономия от использования солнечных электростанций составляет порядка 450 т дизельного топлива в год. Значительная часть данного объёма дизельного топлива образовалась за счёт выхода на полную мощность самой крупной на Дальнем Востоке солнечной электростанции мощностью 1 МВт в п. Батагай Верхоянского района.

В 2018 г. в п. Тикси введен в эксплуатацию ветропарк, представляющий собой технологический комплекс, где объединены ветроэнергетические установки, дизель-генераторы и система аккумулирования электроэнергии. В составе ветропарка 3 ветроустановки суммарной мощностью 900 кВт. Экономия дизельного топлива составит почти 500 т в год. Для развития и эксплуатации возобновляемых источников энергии предлагается использовать поселок Тикси как испытательный полигон (технопарк) в области возобновляемых источников энергии, энергоресурсосбережения, в т.ч. для исследования совместной работы ветровых установок, солнечных электростанций и мини-ГЭС для тепло- и электроснабжения Арктической зоны РФ⁶.

В настоящее время на рассматриваемой территории реализуются проекты по строительству ветровых, солнечных, геотермальных электростанций, а также котельных установок с применением биотоплива. В *таблице 4* на основе анализа новостных Интернет-ресурсов представлены проекты по возобновляемой энергетике в арктических регионах страны.

Среди других направлений развития возобновляемой энергетики можно назвать проект по производству пеллет и переводу котельных на биотопливо. Организация таких производств по выпуску биотоплива (пеллеты, брикеты) и модернизации котельных для частичного их перевода на биотопливо в арктических районах будет способствовать защите природной среды и благоустройству населенных пунктов путем переработки древесных отходов (плавняк, щепа, строительный мусор), оптимизации за-

трат на потребление дорогостоящего привозного топлива. Кроме того, реализация проектов по производству биотоплива – пеллет – будет способствовать развитию малого и среднего предпринимательства и замещению части невозможных топливно-энергетических ресурсов местными источниками энергии.

Таким образом, регионы Арктической зоны РФ уже используют энергетические установки, направленные на эксплуатацию местных возобновляемых энергоресурсов, что способствует снижению остроты ежегодной проблемы «северного завоза» топлива, уменьшению стоимости выработки электроэнергии, повышению надежности энергоснабжения местных потребителей и улучшению качества жизни населения. Использование ВИЭ в арктических регионах страны вовсе не означает, что на их территории можно целиком отказаться от традиционных мощностей. Наоборот, мощности возобновляемой энергетики необходимо дублировать мощностями традиционной энергетики, чтобы в эпизоде падения (прекращения) выработки энергии от возобновляемого источника можно было мгновенно переключиться на энергоснабжение от резервного источника [12].

Исходя из этого, можно сформулировать ряд задач по развитию возобновляемой энергетики в Арктической зоне Российской Федерации, среди которых отражение в региональных программах мероприятий по вовлечению возобновляемых источников энергии в энергобаланс этих территорий, увеличение доли возобновляемых источников энергии в энергетическом балансе региона, экономия дорогостоящего дизельного топлива.

Преимущества и недостатки использования нетрадиционной возобновляемой энергетики в арктических регионах

Очевидно, что на внедрение возобновляемых источников энергии в арктических условиях влияют различные условия. Во-первых, это климатический фактор, к которому следует отнести сезонную и погодную зависимость эффективности ВИЭ. К климатическому исполнению оборудования должны предъявляться строгие требования, чтобы, к примеру, не происходило налипание снежного покрова на солнечные панели. Также необходимо учитывать наличие вечной мерзлоты и её таяния из-за

⁶ <http://www.rushydro.ru/press/news/107013.html>

Таблица 4. Примеры действующих и создаваемых ВИЭ в Российской Арктике

Вид ВИЭ	Пилотные проекты	Мощность	Регион
	Страусиная ферма «Северное сияние» (с 2011 г.) – до 50% электроэнергии из ВИЭ	5 кВт	Мурманская область
	Предприятие «Green House» по изготовлению деревянных окон и дверей (с 2015 г.) – до 20% электроэнергии из ВИЭ	500 кВт	
	Освещение рыболовно-туристического комплекса о. Мудьюг (с 2014 г.)	1,5 кВт	Архангельская область
	Пилотный проект «Полярис», реализуемый по международной программе <i>Kolarctic</i> , с 4-мя ветроэлектрическими установками (с 2016 г.)	200 кВт	Ненецкий автономный округ
	Анадырская ветряная электростанция на мысе Обсервации Анадырского района, включающая 10 ветрогенераторов (с 2002 г.)	2,5 МВт	Чукотский автономный округ
	Экспериментальная ветроэнергетическая станция в г. Лабитнанги (с 2014 г.)	250 кВт	Ямало-Ненецкий автономный округ
	Ветроэлектрический парк «Заполярный», состоящий из 6 ветрогенераторов (с 1993 по 2014 г.)	1,5 МВт	Республика Коми
	Установка ветрогенератора на железнодорожной станции «Центральная» (с 2013 г.)	6 кВт	
	Строительство экспериментальной ветроэнергетической станции «Быков мыс» в п. Тикси	1,9 МВт	Республика Саха (Якутия)
Энергия солнца	Страусиная ферма «Северное сияние» – проект поликристаллической солнечной панели с повышенной эффективностью (с 2013 г.)	Н/д	Мурманская область
	Проект ветросолнечной установки для электроснабжения офиса молодежной экологической организации «Этас» (с 2015 г.)	1,6 кВт	Архангельская область
	Ветросолнечная установка для электроснабжения жилого дома на мысе Желания в национальном парке «Русская Арктика» (с 2015 г.)	8 кВт	
	Установка солнечных фотоэлектрических панелей для энергоснабжения маяков: в проливе Югорский Шар и на побережье Карского моря (мысы Хабарова, Белый Югорский, Яраселя, Соколий и др.), на о. Вайгач (мыс Гомсасала)	Н/д	Ненецкий автономный округ
	Ветросолнечные генераторы на газовых промыслах, эксплуатируемых компанией «Газпром добыча Ямбург». Установлено более 200 систем управления на 15 месторождениях и продуктопроводах в районе Нового Уренгоя, Уренгоя, Надыма, Тарко-Сале и в других местах (с 2004 г.)	Н/д	Ямало-Ненецкий автономный округ
	Солнечные электростанции в п. Батамай (с 2011 г.), с. Дулгалах и с. Куду-Кюэль (с 2013 г.), с. Куберганя, с. Эйик, п. Джаргалах, с. Тойон-Ары (с 2014 г.), п. Батагай, п. Бетенкес, с. Юнкюр, с. Столбы, с. Улуу, с. Верхняя Амга, с. Дельгей, с. Иннях (с 2015 г.)	Суммарно около 1,4 МВт	
Энергия биоресурсов	Котельные, работающие на биотопливе (древесных отходах): п. Куропта (с 1969 г.); с. Лувеньга (с 2012 г.)	1,75–3 Гкал/ч	Мурманская область
	Проект Архангельского ЦБК по эксплуатации 3 биотопливных паровых котлов; проект компании ЗАО «Лесозавод 25» по эксплуатации ТЭЦ, работающих на древесных отходах	Суммарно около 210 МВт	Архангельская область
	ПАО «Бионет» запустило в г. Онега завод по производству торрефицированных топливных гранул из гидролизного лигнина (с 2015 г.)	Н/д	
	404 котельные, работающие на биотопливе	Суммарно около 930 МВт	
	Проект по установке котлов на Сыктывкарской ТЭЦ, работающих на отходах древесного производства Сыктывкарского лесопильного завода (с 2020 г.)	240 МВт	Республика Коми
Энергия малых и средних рек	Эксплуатация 60 колхозных и совхозных малых ГЭС (с 50-х гг. XX в.)	6,5–107 кВт	Архангельская область
	Проекты АО «Норд Гидро» по строительству и реконструкции малых ГЭС на базе водных источников энергии: малая ГЭС «Ляскеля», малая ГЭС «Рюмякоски», малая ГЭС «Калпиокоски» (с 2011 г.)	0,63–4,8 МВт	Республика Карелия
	Проект АО «Норд Гидро», финансируемый банком «БРИКС», по строительству Белопорожских ГЭС (ГЭС-1 и ГЭС-2) на р. Кемь в Республике Карелия	49,8 МВт	

Источник: составлено авторами.

возможного потепления климата в Арктической зоне, что, соответственно, потребует строительства дорогостоящего фундамента и привлечения для его возведения специальной техники. Во-вторых, логистический фактор, который включает в себя сезонную зависимость доставки оборудования, площадь территории, наличие строительной спецтехники. В-третьих, немаловажным условием активного продвижения ВИЭ в Российской Арктике является наличие высококвалифицированных проектировщиков ВИЭ и персонала, обученного для эксплуатации соответствующего оборудования. Это потребует подготовки соответствующих кадров в российских вузах. Успешный опыт такой подготовки в отдельных университетах имеется.

Современный период развития в стране возобновляемой энергетики характеризуется её слабой развитостью в арктических регионах. Однако значимость ВИЭ в Арктике возрастает именно в настоящее время, когда сырьевая модель экономики обеспечивает дополнительную нагрузку на окружающую среду. Очевидно, что, для того чтобы число проектов в сфере ВИЭ в Арктической зоне Российской Федерации с каждым годом возрастало, необходимы благоприятный инвестиционный климат, эффективная нормативно-правовая база, а также высокий уровень государственной поддержки. Характеристика современного состояния «зеленой» энергетики на основе анализа её преимуществ и недостатков (табл. 5) позволяет наметить определенные действия для увеличе-

ния доли возобновляемой энергетики в энергобалансе арктических субъектов Российской Федерации.

Представленный анализ позволяет создать основу для дальнейшего развития возобновляемой энергетики в Российской Арктике и определить базовый комплекс действий по применению «зеленых» технологий в её регионах. Особо важно обратить внимание на следующее обстоятельство. Формирование «зеленой» энергетики, в т.ч. основанной на использовании ВИЭ, является не только попыткой диверсификации энергоресурсов, но и инструментом экологизации энергетической отрасли на данной территории. Однако подобные меры не смогут препятствовать масштабным природным изменениям в Арктике, вызываемым глобальными изменениями климата, которые, в свою очередь, являются следствием особенностей функционирования международной хозяйственной системы. Если так, то попытки экологизации деятельности человека в Арктической зоне РФ обязательно натолкнутся на важное препятствие в виде трансформации природной среды. Последнее означает качественное изменение ресурсов ВИЭ. В частности, сокращение ледникового покрова в Северном Ледовитом океане повысит ширину «открытого моря» и длительность сезона, в течение которого можно использовать соответствующие ресурсы (например, действие волн). Однако при этом потребуются перестройка технологий, которые используются для выработки такого рода

Таблица 5. Преимущества и недостатки применения возобновляемых источников энергии в Российской Арктике

Преимущества	Недостатки
<ul style="list-style-type: none"> – Относительная неисчерпаемость энергоресурсов. – Отсутствие зависимости от транспортных издержек на завоз топлива в населенные пункты арктических регионов. – Относительно низкая себестоимость производимой электро- и тепловой энергии. – Снижение негативного влияния на окружающую среду. – Использование совместно с традиционными источниками энергии. – Уменьшение тарифов на электро- и тепловую энергию. – Привлекательность использования для малых потребителей (в небольших населенных пунктах, малых хозяйствах). 	<ul style="list-style-type: none"> – Зависимость от природных, климатических и погодных условий конкретной местности. – Относительно малая потенциальная мощность производимой энергии. – Высокие первоначальные затраты на строительство и монтаж энергообъектов и период окупаемости проекта. – Отсутствие отечественного оборудования и зависимость от импортных комплектующих. – Невозможность поддержки бесперебойной работы энергообъектов без наличия резервных источников энергоснабжения. – «Пробелы» в нормативно-правовом регулировании деятельности объектов энергетики, отсутствие налоговых преференций и льгот участникам рынка нетрадиционной энергетики.
Источник: составлено авторами.	

энергии. Под вопросом оказывается использование ветра, т.к. при трансформации климата скорость и направление преобладающих ветров также могут измениться. Подобного рода риски обязательно должны учитываться инициативами по региональному и локальному развитию возобновляемой энергетики. Иными словами, стоит осознавать, что ее развитие ставит население и хозяйственные системы Арктической зоны РФ в еще большую зависимость от действия глобального экологического фактора.

Развитие возобновляемой энергетики в Арктической зоне Российской Федерации должно осуществляться постепенно и планомерно. В настоящее время нормативно-правовая база в сфере ВИЭ постоянно обновляется, практически ежегодно издаются новые законы, принимаются новые постановления, ориентированные на меры поддержки возобновляемых источников энергии.

Государственно-частное партнерство в реализации проектов возобновляемой энергетики в Российской Арктике

В настоящее время одним из основных инструментов для привлечения инвестиционных ресурсов в инфраструктурные проекты является государственно-частное партнерство. Однако, как отмечалось на заседании Совета по Арктике и Антарктике при Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации (Якутск, 2019 г.)⁷, общий объем привлекаемых частных инвестиций пока невелик – всего 1%, в то время как во многих развитых странах мира этот показатель доходит до 20%. В этих условиях следует стимулировать частные вложения в инфраструктуру, в объекты, связанные с использованием возобновляемых источников энергии, развивать механизм частного и государственного взаимодействия в Арктике.

Для правового и экономического регулирования в данной сфере необходимо разработать и принять изменения в законодательстве, направленные на развитие новых форм государственно-частного партнерства (ГЧП), например инфраструктурной ипотеки⁸, что позволит государству приобретать построенные инве-

сторами объекты за счет частных кредитов, которые будут погашаться частями в процессе эксплуатации объекта из бюджетов различных уровней. В настоящее время обсуждается возможность реализации по схеме инфраструктурной ипотеки таких арктических проектов, как строительство Северного широтного хода и развитие Мурманского транспортного узла. Такой подход, безусловно, следует распространить на строительство объектов энергетической инфраструктуры по производству и использованию возобновляемых источников энергии.

Следует отметить, что начиная с 2015 г. применяются специальные инвестиционные контракты (СПИК)⁹, которые стимулируют привлечение инвестиций в создание, модернизацию производства, гарантируя предоставление инвесторам отраслевых льгот и преференций, а также создание стабильных условий ведения бизнеса. На наш взгляд, целесообразно распространить механизм СПИК не только на создание промышленных производств, но и на строительство энергетической инфраструктуры. Для этих целей следует использовать и механизмы проектного управления [20].

Важным направлением поддержки создания новых технологий, которые нужны для работы в Арктике, в том числе на основе использования возобновляемых источников энергии, является создание Фонда развития арктических технологий. Данный фонд будет целевым образом поддерживать необходимые для Арктики технологические, инфраструктурные, энергетические проекты, в том числе на начальном этапе – в стадии НИОКР.

Проведенный нами анализ наличия потенциала возобновляемых источников энергии и опыта их использования в энергетических системах Арктической зоны Российской Федерации показал, что в большинстве субъектов ресурсы возобновляемых источников энергии имеются в достаточном количестве и их использование является условием для экономного и эффективного расходования энергоресурсов и минимизации вредного воздействия объектов на окружающую среду.

⁷ <https://www.sakhatimes.ru/gov/news/il-tumen/v-yakutske-sostoyalos-zasedanie-soveta-po-arktike-i-antarktike-pri-sovete-federatsii-rf/>

⁸ <https://porarctic.ru/blog/2019/04/08/arktiku-pomozhet-razvivat-infrastrukturnaya-ipoteka/>

⁹ Специальные инвестиционные контракты (СПИК). Фонд развития промышленности. URL: <https://frprf.ru/gospodderzhka/o-spetsialnykh-investitsionnykh-kontraktakh-dlya-otdelnykh-otrasley-promyshlennosti/>

В то же время в большей части регионов Российской Арктики в настоящее время реализовано относительно малое количество проектов в сфере возобновляемых источников энергии, несмотря на их значительный потенциал. Одной из основных причин этого, по нашему мнению, является отсутствие свободных источников финансирования у субъектов хозяйствования. Поэтому для реализации проектов по строительству и эксплуатации возобновляемых источников энергии в Арктической зоне страны целесообразно использовать механизм государственно-частного партнерства, который предполагает юридически оформленное соглашение между органами государственной власти и бизнесом о строительстве и эксплуатации данных объектов.

Особенностью такого механизма в сфере возобновляемых источников энергии, на наш взгляд, является тот факт, что соглашение между государственными органами власти арктического региона и бизнесом предполагает:

- объединение частных и государственных источников финансирования проекта;
- распределение рисков при реализации проекта;
- привлечение в экономику дополнительных частных инвестиций;
- обеспечение доступности для потребителей и повышение качества предоставляемых услуг по производству и передаче электрической и тепловой энергии объектами возобновляемой энергетики;
- создание новых рабочих мест за счет строительства и эксплуатации объектов нетрадиционной энергетики;
- взаимовыгодное сотрудничество органов государственной власти и бизнеса в процессе реализации проектов по строительству и использованию объектов возобновляемой энергетики в Российской Арктике;
- использование бизнесом инновационных методов, иницируемых и применяемых государственным сектором, в процессе реализации инвестиционных проектов по развитию возобновляемых источников энергии в арктическом регионе;
- совместную реализацию проектов строительства и эксплуатации объектов возобновляемой энергетики, необходимых арктическому региону.

Еще одним важным преимуществом ГЧП является сам факт государственного внимания к данному проекту. С одной стороны, это подчеркивает значимость последнего (ведь одно из препятствий для широкого использования ВИЭ – узость видения представителей бизнеса, считающих соответствующие проекты маргинальными). С другой стороны, ГЧП выступает в качестве своего рода гарантии для бизнеса, что также важно для обеспечения готовности последнего участвовать в реализации технологически и экологически инновационных проектов. Более того, участие государства обеспечит внимание и поддержку как муниципальных органов, так и местного населения.

По данным Аналитического центра «Росинфра» (платформа поддержки инфраструктурных проектов), механизм ГЧП в форме концессионного соглашения будет использоваться для реализации проекта реконструкции Анадырского ветропарка в Чукотском автономном округе. На реализацию данного проекта будут привлечены 143,3 млн. руб. частных средств, возврат инвестиций частного партнера будет осуществляться за счет платы потребителей за пользование объектом, сроки реализации проекта – 20 лет (до 2039 г.). Участниками данного проекта являются Чукотский автономный округ и ООО «Стройинвестэнергия»¹⁰. Обязательства публичного партнера являются обеспечение концессионера необходимыми условиями для проведения работ по реконструкции объекта концессионного соглашения и сроки их выполнения, содействие в разработке проектной документации в соответствии с требованиями законодательства Российской Федерации. Таким образом, будут обеспечены реконструкция и эксплуатация ветроэлектростанции мощностью 2,5 МВт.

Источниками софинансирования проектов в сфере возобновляемой энергетики в рамках ГЧП могут выступать средства федерального бюджета, средства бюджетов субъектов Российской Федерации, средства местных бюджетов и средства частных инвесторов. При этом использование такого механизма в сфере исполь-

¹⁰ Платформа поддержки инфраструктурных проектов. URL: <https://rosinfra.ru/project/short-view/rekonstrukcia-vetroelektrostantsii-s-dispetcerskim-punktom-v-anadyrskom-rajone-na-myse-observacii-v-cukotskom-autonomnom-okruge>

зования возобновляемых источников энергии позволит успешно реализовать инвестиционные проекты по строительству и эксплуатации объектов возобновляемой энергетики, повысит качество услуг, предоставляемых в сфере энергетики для потребителей региона, увеличит бюджетные потоки в бюджеты различных уровней (через бюджетно-налоговый механизм), обеспечит занятость населения, улучшит экологическую ситуацию на территории региона, снизит издержки на транспортировку топлива в населенные пункты Российской Арктики. Поэтому механизм привлечения частных средств с федеральной поддержкой в виде субсидирования тарифов позволит осуществить модернизацию применяемых дизельных электростанций с частичным замещением дизельной генерации на солнечную, ветровую энергетику.

Наряду с ГЧП для финансовой поддержки малого и среднего бизнеса, поддержки проектов локации, которые призваны увеличивать производимую в Арктике добавленную стоимость, предлагается льготное финансирование таких проектов, а также использование механизма субсидирования процентных ставок по кредитам, который позволит привлекать средства по ставке не более 5% годовых.

Новым направлением ГЧП и привлечения инвестиций на реализацию экологически и социально значимых проектов является заключение соглашений о социально-экономическом развитии территорий между органами государственного управления, добывающей компанией и коренными малочисленными народами Севера при реализации проектов промышленного освоения Арктики. Такой подход базируется на проведении этнологической экспертизы проектов в Республике Саха (Якутия) и применяется с 2011 г. Его суть состоит в том, что потенциальные убытки коренным малочисленным народам Севера от воздействия хозяйственной и иной деятельности на традиционные промыслы определяются в рамках подобной этнологической экспертизы и компенсируются добывающей компанией [21, 22]. В Республике Саха (Якутия) созданы необходимые правовые условия для проведения этнологической экспертизы и компенсации убытков коренным народам при реализации проектов по добыче и разведке полезных ископаемых [23]. Формой таких компенсаций могут быть как прямые выплаты мест-

ным жителям в зоне влияния проекта по добыче полезных ископаемых, так и финансовая поддержка мероприятий по развитию социальной, транспортной, энергетической инфраструктуры. К примеру, в Булунском улусе Республики Саха (Якутия) рассматривается проект по газификации угля за счет привлечения части средств в рамках компенсационных соглашений [24]. Такой подход является по сути реализацией концепции получения и использования выгод в Арктике и взаимодействия заинтересованных сторон при развитии территории [25].

Заключение

В последнее десятилетие возобновляемая энергетика в арктических регионах демонстрирует постепенный рост мощности, в Арктической зоне Российской Федерации разрабатываются специальные программы и меры государственной поддержки с целью ускоренного освоения экологически «чистых» источников энергии. Развитие арктических территорий должно происходить с учетом экологических требований и интересов защиты среды обитания и традиционного уклада жизни коренных малочисленных народов Севера.

В условиях ограниченности бюджетного финансирования одним из источников привлечения средств на реализацию инвестиционных проектов по использованию возобновляемых источников энергии в энергетических системах арктических регионов предлагается создать механизм государственно-частного партнерства, включающий в себя: применение методов проектного финансирования, использование специальных инвестиционных контрактов (СПИК) для объектов энергетической инфраструктуры, которые будут стимулировать привлечение инвестиций в создание и модернизацию производства, гарантировать предоставление инвесторам льгот и преференций, создавать стабильные условия ведения бизнеса.

В качестве одного из новых источников финансирования инвестиционных проектов по использованию возобновляемых источников энергии в энергетических системах арктических регионов предлагается задействовать часть средств, выплачиваемых добывающими компаниями коренным малочисленным народам Севера в рамках проведения этнологической экспертизы проектов на территориях традиционного природопользования.

Литература

1. Daly H. Some overlaps between the first and second thirty years of ecological economics. *Ecological Economics*, 2019, vol. 162, pp. 108–120.
2. Nogueira C. Contradictions in the concept of sustainable development: An analysis in social, economic, and political contexts. *Environmental Development*, 2019, vol. 30, pp. 129–135.
3. Mauerhofer V. Legal Institutions and Ecological Economics: Their Common Contribution for Achieving a Sustainable Development. *Ecological Economics*, 2019, vol. 156, pp. 350–359.
4. Бобылев С.Н. Устойчивое развитие: парадигма для будущего // *Мировая экономика и международные отношения*. 2017. Т. 61. № 3. С. 107–113.
5. Лукутин Б.В., Суржикова О.А., Шандарова Е.Б. Возобновляемая энергетика в децентрализованном электроснабжении: монография. М.: Энергоатомиздат, 2008. 231 с.
6. Климатические факторы возобновляемых источников энергии: монография / В.В. Елистратов, Е.М. Акентьева, Н.В. Кобышева Г.И. Сидоренко, В.В. Стадник; под ред. В.В. Елистратова, Н.В. Кобышевой, Г.И. Сидоренко. СПб., 2010. URL:<http://elib.spbstu.ru/dl/2/3472.pdf>
7. Алхасов А.Б. Возобновляемая энергетика: монография. М.: Физматлит, 2012. 256 с.
8. Велькин В.И. Методология расчета комплексных систем ВИЭ для использования на автономных объектах: монография. Екатеринбург: УрФУ, 2015. 226 с.
9. Использование возобновляемых источников энергии для энергоснабжения потребителей в Арктической зоне Российской Федерации / О.С. Попель, С.В. Киселева, М.О. Моргунова, Т.С. Габдерахманова, А.Б. Тарасенко // *Арктика: экология и экономика*. 2015. № 1. С. 64–69.
10. Киушкина В.Р. Эффекты вовлечения ВИЭ в мониторинг состояния энергетической безопасности северных и арктических зон РФ // *Энергетическая политика*. 2018. № 4. С. 109–117.
11. Эляков А.Л. Перспективы развития возобновляемых источников энергии для сохранения экосистемы Арктической зоны России // *Экономика и предпринимательство*. 2017. № 5-2 (82). С. 1061–1064.
12. Гасникова А.А. Роль традиционной и альтернативной энергетики в регионах Севера // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2013. № 5. С. 77–88.
13. Минин В.А. Оценка перспектив использования энергии ветра для теплоснабжения потребителей Севера // *Теплоэнергетика*. 2009. № 11. С. 34–40.
14. Бежан А.В., Минин В.А. Оценка эффективности системы теплоснабжения на основе котельной и ветроустановки в условиях Севера // *Теплоэнергетика*. 2017. № 3. С. 51–59.
15. Дубинский О.Б. Перспективы развития возобновляемых источников энергии в Арктической зоне России // *Экономика природопользования*. 2018. № 3. С. 38–45.
16. Whitney E., Schnabel WE., Aggarwal S. et al. MicroFEWs: A Food–Energy–Water Systems Approach to Renewable Energy Decisions in Islanded Microgrid Communities in Rural Alaska. *Environmental Engineering Science*, 2019, vol. 36 (7), pp. 843–849.
17. Zuo G., Dou Y., Chang X., Chen Y. Design and Application of a Standalone Hybrid Wind-Solar System for Automatic Observation Systems Used in the Polar Region. *Applied Sciences-Basel*, 2018, vol. 8 (12), p. 2376.
18. Rafique S.F., Shen P., Wang Z. et al. Global power grid interconnection for sustainable growth: concept, project and research direction. *IET Generation, Transmission & Distribution*, 2018, vol. 12 (13), pp. 3114–3123.
19. Mortensen L., Hansen A.M., Shestakov A. How three key factors are driving and challenging implementation of renewable energy systems in remote Arctic communities. *Polar Geography*, 2017, vol. 40 (3), pp. 163–185.
20. Проектный подход в управлении экологически ориентированным развитием экономики / И.М. Потравный, Н.Н. Яшалова, В.В. Гассий, К.Й. Чавез Феррейра // *Экономика региона*. 2019. Т. 15. № 3. С. 806–821.
21. Gassiy V., Potravny I. The Compensation for Losses to Indigenous Peoples Due to the Arctic Industrial Development in Benefit Sharing Paradigm. *Resources*, 2019, no. 8(2), p. 71.
22. Nosov S.I., Bondarev B.E., Gladkov A.A., Gassiy V. Land Resources Evaluation for Damage Compensation to Indigenous Peoples in the Arctic (Case-Study of Anabar Region in Yakutia). *Resources*, 2019, no. 8 (3), p. 143.
23. Slepsov A., Petrova A. Ethnological Expertise in Yakutia: The Local Experience of Assessing the Impact of Industrial Activities on the Northern Indigenous Peoples. *Resources*, 2019, no. 8 (3), p. 123.

24. Обоснование и механизм реализации проекта газификации угля в российской Арктике / Н. Даваахуу, И.М. Потравный, В.Г. Милославский, И.И. Уткин // Уголь. 2019. № 9. С. 88–93.
25. Petrov A.N., Tysiachniouk M.S. Benefit Sharing in the Arctic: A Systematic View. *Resources*, 2019, no. 8 (3), p. 155.

Сведения об авторах

Иван Михайлович Потравный – доктор экономических наук, профессор, профессор базовой кафедры, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова (117997, Российская Федерация, г. Москва, Стремянный пер., д. 36; e-mail: esocaudit@bk.ru)

Наталья Николаевна Яшалова – доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой, Череповецкий государственный университет (162600, Российская Федерация, г. Череповец, пр. Советский, д. 10; e-mail: atalij2005@mail.ru)

Дмитрий Сергеевич Бороухин – кандидат экономических наук, доцент кафедры, Череповецкий государственный университет (162600, Российская Федерация, г. Череповец, пр. Советский, д. 10; e-mail: dsbor@mail.ru)

Мариясена Петровна Толстоухова – ведущий специалист Департамента стратегического планирования и проектного управления, Министерство по развитию Арктики и делам народов Севера Республики Саха (Якутия) (677000, Российская Федерация, г. Якутск, ул. Чернышевского, д. 14; e-mail: mariyasenap@gmail.com)

Potravnii I.M., Yashalova N.N., Boroukhin D.S., Tolstoukhova M.P.

The Usage of Renewable Energy Sources in the Arctic: The Role of Public-Private Partnership

Abstract. Sustainable development of the Arctic regions of the Russian Federation requires reliable energy supply, which is possible to achieve through searching for new environmentally clean energy sources. The Russian part of the Arctic possesses a great potential of renewable energy sources (RES), and it has required prerequisites for their accelerated development. In these conditions, the transition to renewable energy sources allows not only the provision of required energy resources to the region, supplement and partial substitution of the usage of expensive imported fuel, but the minimization of environmental damage and the preservation of natural resources for future generations. In this article, problems and prospects of the renewable energy usage in the energy system of the Arctic regions of the Russian Federation are systemized and presented. On the basis of the content analysis, the successful experience of their application in the Russian part of the Arctic is summarized, and the tasks of their promotion on these territories are shown. Besides, pros and cons of the renewable energy sources usage in the economy of the Arctic regions are defined. It is revealed that one of the most acute problems of the further development of the RES potential is related to the attraction of funding for “green” energy projects. To solve this problem, we propose the activation of cooperation between the state and business through the development of public-private partnership. We present the specifics of public-private partnership in the field of non-traditional energy and justify the importance of its application for the Arctic regions of the Russian Federation. The scientific novelty of the research is the development of theoretical provisions aimed at the cooperation between government authorities, business structures, and modern society in solving energy issues of the Russian Arctic with the goal of the sustainable development of its territories. The practical relevance of the study is the development of conditions for applying the public-private partnership mechanism to the solution of the priority objectives related to the usage of renewable energy sources in the Arctic region.

Key words: sustainable development, regional economy, the Arctic region, Northern territories, renewable energy sources (RES), alternative energy, funding, public-private partnership.

Information about the Authors

Ivan Mikhailovich Potravnyi – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Professor of Basic Department, Plekhanov Russian University of Economics (36, Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russia; e-mail: ecoaudit@bk.ru)

Natal'ya Nikolaevna Yashalova – Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, Head of Department, Cherepovets State University (10, Sovetskii Ave., Cherepovets, the Vologda Oblast, 162600, the Russian Federation; e-mail: atalij2005@mail.ru)

Dmitrii Sergeevich Boroukhin – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor of Department, Cherepovets State University (10, Sovetskii Ave., Cherepovets, the Vologda Oblast, 162600, the Russian Federation; e-mail: dsbor@mail.ru)

Mariyasena Petrovna Tolstoukhova – Chief Specialist of Department of Strategic Planning and Project Management, The Ministry of the Arctic Development and Northern People' Affairs of the Republic of Sakha (Yakutia) (14, Chernyshevskogo Street, Yakutsk, 677000, the Russian Federation; e-mail: mariyasenap@gmail.com)

Статья поступила 19.11.2019.

Влияние повышения пенсионного возраста на экономику и настроения населения Мурманской области*

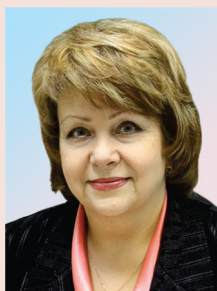
**Сергей Владимирович
БАРАНОВ**

Кольский научный центр РАН
Апатиты, Мурманская обл., Российская Федерация, 184209, ул. Ферсмана, д. 24а
E-mail: bars.vl@gmail.com
ORCID: 0000-0002-1960-6120

**Татьяна Петровна
СКУФЬИНА**

Кольский научный центр РАН
Апатиты, Мурманская обл., Российская Федерация, 184209, ул. Ферсмана, д. 24а
E-mail: skufina@gmail.com
ORCID: 0000-0001-7382-3110; ResearcherID: T-6770-2017

**Ирина Александровна
ГУЩИНА**

Кольский научный центр РАН
Апатиты, Мурманская обл., Российская Федерация, 184209, ул. Ферсмана, д. 24а
E-mail: guschina@iep.kolasc.net.ru
ORCID: 0000-0002-2664-9145

* Публикация включает результаты выполнения работ, поддержанных грантом РФФИ № 19-010-00022 (постановка проблемы исследования, опросы населения Мурманской области и их описание); государственного задания ФГБУН ФИЦ Кольский научный центр № 0226-2019-0027 (в части рассмотрения современных проблем управления; специфики исследования экономики Мурманской области).

Для цитирования: Баранов С.В., Скуфьина Т.П., Гущина И.А. Влияние повышения пенсионного возраста на экономику и настроения населения Мурманской области // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 1. С. 160–173. DOI: 10.15838/esc.2020.1.67.9

For citation: Baranov S.V., Skufina T.P., Gushchina I.A. The Impact of the Retirement Age Increase on the Economy and Attitudes of the Population of the Murmansk Oblast. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2020, vol. 13, no. 1, pp. 160–173. DOI: 10.15838/esc.2020.1.67.9

Аннотация. Статья посвящена содержательному анализу влияния повышения пенсионного возраста на экономику Мурманской области и настроения ее жителей. Пенсионная система, включающая протекционизм для населения Севера, оказывает существенное влияние на экономику, социальную жизнедеятельность, миграцию населения. Поэтому оценка влияния изменения пенсионного возраста на социальные и экономические процессы на северных и арктических территориях особенно актуальна. Решены три задачи: 1. Составлен прогноз численности трудоспособного населения Мурманской области, учитывающий изменение возраста выхода на пенсию. Показано, что увеличение пенсионного возраста приостановит устойчивую тенденцию уменьшения численности трудоспособного населения региона, но не сломает тенденцию. Сопоставление с результатами прогноза по России в целом показало, что это качественно отличает ситуацию в регионе от общероссийской ситуации. 2. Рассмотрены особенности производства ВРП Мурманской области на основе экономико-статистического моделирования. Установлено, что при сложившейся структуре экономики незначительное сокращение скорости уменьшения численности трудоспособного населения не окажет существенного влияния на производство ВРП. 3. Выявлены настроения населения Мурманской области на основе анкетирования, проведенного по репрезентативной общерегиональной выборке Мурманской области в 2019 году. Установлено крайне болезненное восприятие населением повышения пенсионного возраста; наличие устойчивого мнения, что изменение пенсионного возраста не отвечает интересам населения Севера и Арктики. Диагностирован негативный эффект увеличения возраста выхода на пенсию – изменение миграционных настроений наиболее значимой группы населения Мурманской области (с позиций перспектив регионального производства) – молодежи (18–29 лет) и среднего возраста (30–49 лет). Так, значительная часть представителей этих возрастных групп уже точно решили не проживать в Мурманской области, связывая свое решение с фактором увеличения пенсионного возраста. Таким образом, положительный эффект – уменьшение скорости снижения численности трудоспособного населения Мурманской области, вызванное увеличением возраста выхода на пенсию, – будет компенсирован негативным эффектом – увеличением скорости миграционных потерь региона.

Ключевые слова: повышение пенсионного возраста, Арктика, Мурманская область, ВРП, численность трудоспособного населения, моделирование, анкетирование, настроения жителей.

Введение

Рассмотрение необходимой трансформации пенсионных систем развитых и развивающихся стран находится в центре внимания мировой науки. Это определено тем, что при внешнем разнообразии экономические и взаимосвязанные демографические процессы различных стран приводят к единому следствию – сокращению доли населения в трудоспособном возрасте (процесс различается только по масштабам и скорости старения населения) [1, 2, 3, 4, 5]. Повышенная социальная уязвимость – это реальность пожилого населения. Феномен «успешного старения» населения развитых стран, создаваемый пенсионной системой, затушевывается объективной экономической реальностью. Так, общепринятая точка зрения предполагает, что старение населения приведет к дальнейшему увеличению капиталоемкости

при падении нормы прибыли на капитал и увеличении заработной платы [1, 2, 5, 6].

Базисная проблема старения населения решается непопулярными мерами: повышением пенсионных отчислений, сокращением пенсионных выплат, увеличением пенсионного возраста [1, 2, 3, 6, 7, 8]. Обобщение результатов исследований показывает, что предпочтительным вариантом для экономики и социальной сферы является поднятие пенсионного возраста [9, 10]. Многочисленные отечественные исследования подтверждают этот вывод [4, 11, 12, 13, 14]. Так, исследования авторов [14] показывают, что устойчивая тенденция падения численности трудоспособного населения в России скорректирована увеличением пенсионного возраста. Исследования специфики производства ВВП России также подтверждают тезис о положи-

тельном влиянии сдвига численности трудоспособного населения на экономический рост [4]. Отметим множество работ, указывающих на универсальность рецепта повышения пенсионного возраста для поддержания благосостояния населения и обеспечения устойчивости пенсионной системы, независимо от типа пенсионной системы и рождаемости [15, 16].

Как свидетельствуют мировые исследования, повышение пенсионного возраста основано не только на потребностях, но и на внутренних демографических резервах — росте продолжительности здоровой жизни [17, 18]. Эта же тенденция объективно характерна и для России: согласно реальным данным и демографическому прогнозу ожидается дальнейшее увеличение продолжительности жизни россиян [19, 20]. Обозначенная тенденция четко прослеживается и для жителей Российской Арктики, что во многом обусловлено развитием социальной инфраструктуры с тенденцией приближения показателей-индикаторов региональной и муниципальной статистики арктических территорий к общероссийским [14, 21].

Однако территориальная «привязка» к проблеме старения населения имеет иной аспект для крайне разнообразных регионов России — это оценка влияния изменения пенсионного возраста на региональные процессы. Многочисленные исследования влияния макроэкономических движений на региональное развитие показывают, что эта реакция может быть очень специфичной [22, 23, 24]. Также ряд исследователей наглядно демонстрирует значительные экономические и социальные риски недоучета региональных особенностей в практике управления [25, 26, 27, 28].

Пенсионная система, включающая протекционизм для населения северных территорий, в том числе в части возраста выхода на пенсию, оказывает существенное влияние на экономику, социальную жизнедеятельность, миграцию населения. Поэтому оценка влияния изменения пенсионного возраста на социальные и экономические процессы на северных и арктических территориях особенно актуальна.

В основе нашего исследования лежит проверка гипотезы, что увеличение пенсионного

возраста является фактором, способным изменить состояние трудовых ресурсов, поведение населения, существенно повлиять на процессы экономического развития регионов Арктики.

Цель работы: рассмотреть влияние повышения пенсионного возраста на экономику и настроения жителей арктического региона — Мурманской области.

Задачи: 1) составить долгосрочный прогноз численности трудоспособного населения Мурманской области, учитывающий изменение возраста выхода на пенсию; 2) рассмотреть особенности производства ВРП Мурманской области; 3) выяснить настроения населения Мурманской области, вызванные увеличением возраста выхода на пенсию.

Отметим, что до сих пор отсутствуют подобного рода оценки, что определяет не только фундаментальную новизну, проявляемую в установленных взаимосвязях и тенденциях развития Мурманской области, вызванных сдвигом возраста выхода на пенсию, но и очевидную новизну научно-практического характера, обусловленную новыми стратегическими задачами развития Российской Арктики.

Прогноз численности трудоспособного населения для Мурманской области с учетом изменения возраста выхода на пенсию

Мурманская область демонстрирует достаточно высокие темпы старения населения, что соответствует ситуации в целом по Северо-Западному федеральному округу (*табл. 1*). Анализ естественного движения населения (*табл. 2*), миграционных процессов (*табл. 3*) показывает, что в Мурманской области это обусловлено двумя факторами: мощным миграционным оттоком населения и низкой рождаемостью.

Используя данные официального демографического прогноза до 2036 года, данные Росстата о половозрастной структуре населения Мурманской области, схему повышения пенсионного возраста, мы составили долгосрочный прогноз численности трудоспособного населения области, учитывающий увеличение возраста выхода на пенсию. На *рисунке 1* представлены прогнозные данные в абсолютных значениях и данные в относительных значениях, приведенные к 2000 году.

Таблица 1. Возрастной состав населения по регионам Северо-Западного федерального округа (оценка на конец года, в % от общей численности населения)

Территория	Моложе трудоспособного возраста						В трудоспособном возрасте						Старше трудоспособного возраста					
	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Северо-Западный федеральный округ	15	15	16	16	17	17	61	60	59	58	57	57	24	25	25	26	26	27
Республика Карелия	17	17	17	18	18	18	59	58	57	56	55	55	24	25	25	26	27	27
Республика Коми	19	19	19	20	20	20	62	61	60	59	58	57	19	20	20	21	22	23
Архангельская область	17	18	18	19	19	19	59	58	57	56	55	55	23	24	25	25	26	26
в том числе:																		
Ненецкий авт. округ	23	24	24	24	25	25	61	60	60	59	58	57	15	16	16	17	18	18
Архангельская область без авт. округа	17	18	18	18	19	19	59	58	57	56	55	54	23	24	25	26	26	27
Вологодская область	17	18	18	19	19	19	59	58	57	56	55	54	24	24	25	25	26	27
Калининградская область	16	16	17	17	17	18	61	60	59	58	58	57	23	24	24	25	25	25
Ленинградская область	14	14	14	15	15	15	60	60	59	58	57	57	26	26	27	27	28	28
Мурманская область	17	17	18	18	18	19	64	63	62	61	60	59	20	20	21	21	22	22
Новгородская область	16	16	17	17	17	18	57	56	55	54	54	53	27	28	28	29	29	30
Псковская область	15	15	16	16	16	16	58	57	56	55	54	54	27	28	28	29	29	30
г. Санкт-Петербург	13	13	14	14	15	15	61	61	60	59	58	58	26	26	26	26	27	27
Справочно Россия	17	17	18	18	18	19	60	59	58	57	57	56	23	24	24	25	25	25

Источник: Регионы Северо-Западного федерального округа. Социально-экономические показатели. 2018: стат. сб. / Комистат. Сыктывкар, 2018. 189 с.

Таблица 2. Число родившихся и умерших по регионам Северо-Западного федерального округа, на 1000 человек населения

Территория	Число родившихся на 1 000 человек населения						Число умерших на 1 000 человек населения					
	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Северо-Западный федеральный округ	12,2	12,2	12,3	12,5	12,4	11,1	13,8	13,4	13,3	13,4	13,2	12,8
Республика Карелия	12,6	11,9	12,3	12,2	12,0	10,3	15,4	14,6	14,6	15,3	14,8	14,6
Республика Коми	14,0	14,2	14,2	13,7	13,1	11,5	12,2	12,0	12,2	12,4	12,4	11,8
Архангельская область	12,8	12,8	12,6	12,4	12,0	10,7	13,6	13,3	13,3	13,5	13,5	13,0
в том числе:												
Ненецкий авт. округ	17,3	16,4	16,8	17,6	18,5	15,2	10,2	10,7	8,9	9,2	8,9	8,6
Архангельская область без авт. округа	12,6	12,7	12,5	12,2	11,8	10,5	13,8	13,4	13,4	13,6	13,7	13,2
Вологодская область	14,0	13,8	13,6	13,7	13,3	11,4	15,1	15,0	14,8	14,8	15,0	14,4
Калининградская область	12,4	12,4	12,6	12,7	12,4	11,0	13,2	13,1	13,3	13,2	12,5	12,5
Ленинградская область	9,0	8,8	9,1	9,0	9,2	8,3	14,7	14,4	14,5	14,0	14,0	13,3
Мурманская область	11,8	11,9	11,7	11,9	11,2	10,3	11,3	11,0	11,4	11,6	11,5	11,1
Новгородская область	12,1	11,8	12,0	11,9	11,7	10,3	17,9	17,8	17,4	17,5	17,5	17,1
Псковская область	11,1	11,0	10,9	11,0	11,1	9,5	19,6	18,6	18,4	18,2	17,9	17,4
г. Санкт-Петербург	12,6	12,6	13,0	13,6	13,8	12,5	12,4	11,9	11,7	11,9	11,7	11,4
Справочно Россия	13,3	13,2	13,3	13,3	12,9	11,5	13,3	13,0	13,1	13,0	12,9	12,4

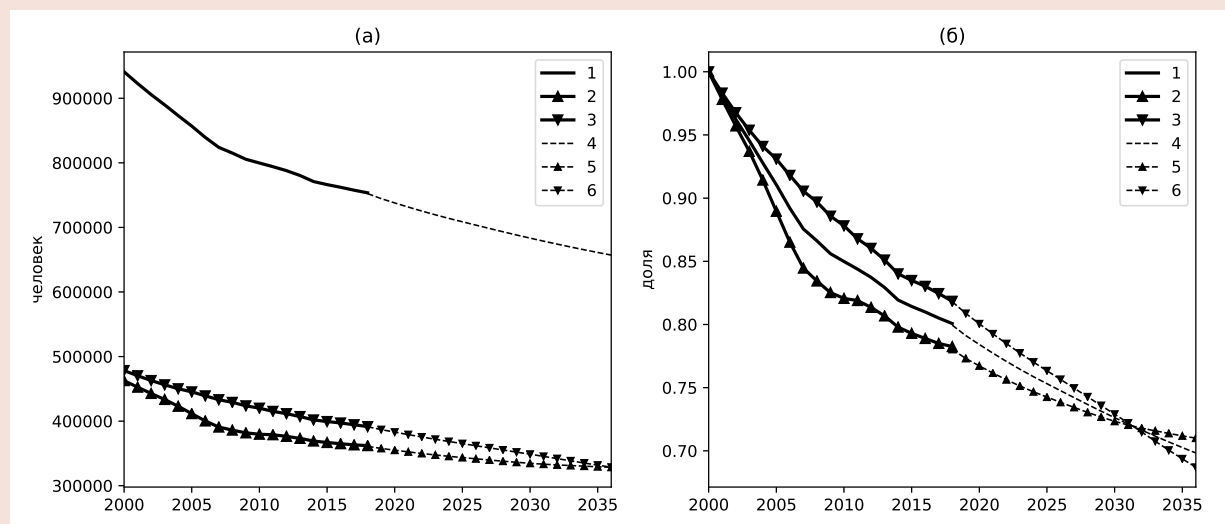
Источник: Регионы Северо-Западного федерального округа. Социально-экономические показатели. 2018: стат. сб. / Комистат. Сыктывкар, 2018. 189 с.

Таблица 3. Коэффициенты миграционного прироста (убыли) по регионам Северо-Западного федерального округа, на 1000 человек населения

Территория	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Северо-Западный федеральный округ	5,8	7,2	4,1	1,6	4,1	5,5
Республика Карелия	-1,5	-1,3	-0,7	-1,2	-1,6	-3,1
Республика Коми	-12,2	-12,0	-10,7	-10,1	-8,1	-11,2
Архангельская область	-8,5	-8,2	-6,5	-6,8	-5,6	-6,9
в том числе: Ненецкий авт. округ	1,2	-0,3	0,1	2,3	-7,3	-5,3
Архангельская область без авт. округа	-8,8	-8,5	-6,8	-7,2	-5,6	-7,0
Вологодская область	-0,9	-1,1	-0,7	-1,7	-1,5	-3,1
Калининградская область	9,2	9,4	6,7	8,2	10,1	9,9
Ленинградская область	15,6	12,9	12,0	6,8	12,1	17,1
Мурманская область	-10,1	-12,9	-6,5	-5,7	-5,7	-4,6
Новгородская область	-0,4	0,5	-0,6	0,7	0,6	-3,1
Псковская область	0,4	0,1	-0,8	-0,1	0,3	-0,9
г. Санкт-Петербург	14,8	19,7	10,2	4,9	8,5	12,1
Справочно Россия	2,1	2,1	1,9	1,7	1,8	1,4

Источник: Регионы Северо-Западного федерального округа. Социально-экономические показатели. 2018: стат. сб. / Комистат. Сыктывкар, 2018. 189 с.

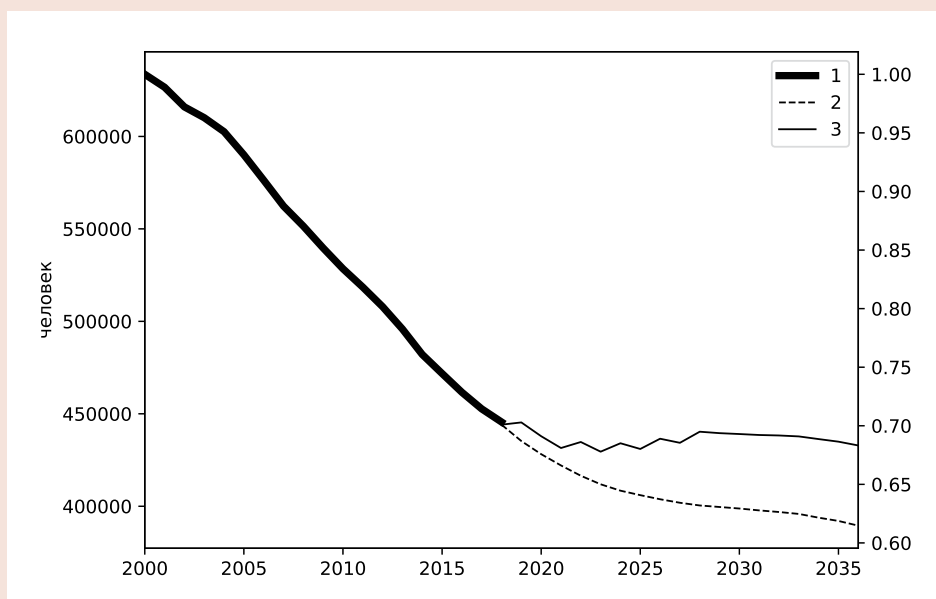
Рис. 1. Динамика численности населения Мурманской области за 2000–2036 гг. в абсолютных значениях, человек (а) и значениях относительно уровня 2000 г. (б)

1 – фактические данные по всему населению за 2000–2018 гг.; 2 – фактические данные по мужчинам за 2000–2018 гг.; 3 – фактические данные по женщинам за 2000–2018 гг.; 4 – прогнозные значения за 2019–2036 гг.; 5 – прогнозные значения по мужчинам за 2019–2036 гг.; 6 – прогнозные значения по женщинам за 2019–2036 гг.

Источник: расчеты авторов по данным Федеральной службы государственной статистики.

Рис. 2. Динамика численности трудоспособного населения за 2000–2036 гг. по Мурманской области, чел.

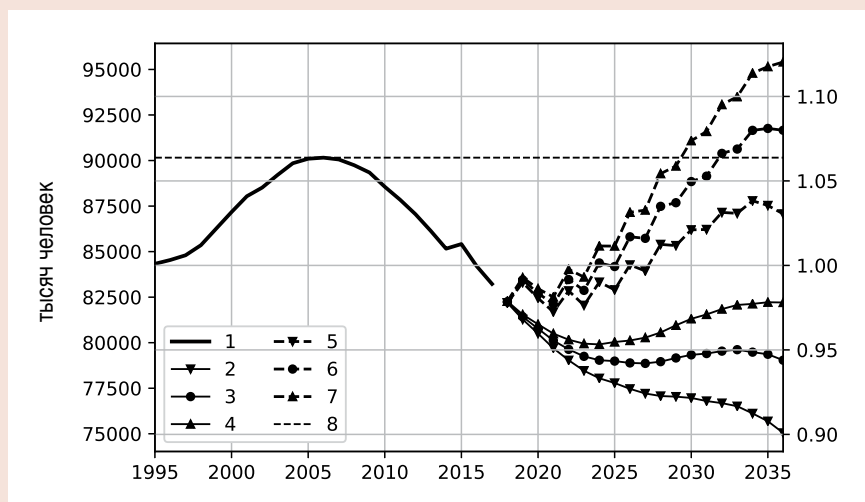
1 – фактические данные за 2000–2018 гг.; 2 – прогнозные значения за 2019–2036 гг. по старой схеме выхода на пенсию; 3 – прогнозные значения за 2019–2036 гг. по новой схеме выхода на пенсию

Источник: расчеты авторов по данным Федеральной службы государственной статистики.

Обращает на себя внимание спад численности трудоспособного населения в Мурманской области, наблюдаемый с 2000 года (рис. 2). При сохранении трудоспособного возраста для женщин – 16–50 лет и мужчин – 16–55 лет (для жителей Севера, без пенсионной реформы) прогнозируется дальнейший спад численности трудоспособного населения в среднем на 0,73 % в год, который к 2036 году достигнет 14 % относительно уровня 2018 г. (в Мурманской области останется 389 502 чел. трудоспособного населения). При новой схеме выхода на пенсию прогнозируется снижение темпов падения численности трудоспособного населения в среднем до 0,14 % в год. С 2027 г. спад практически прекратится и к 2036 г. численность трудоспособного населения сократится на 4,4 % относительно уровня 2018 г. (в Мурманской области останется 432 878 чел. трудоспособного населения).

В своих предшествующих исследованиях мы составили трехвариантный прогноз численности трудоспособного населения Российской Федерации в целом на период 2018–2036 годов, учитывающий увеличение пенсионного возраста [12]. Прогноз показал, что спад численности трудоспособного населения в стране наблюдается с 2006 г. (максимальное значение – 90157,93 тыс. чел). При сохранении трудоспособного возраста на прежнем уровне (без пенсионной реформы) во всех вариантах прогнозируется дальнейший спад численности трудоспособного населения России (рис. 3). Увеличение пенсионного возраста изменило тенденцию спада – численность трудоспособного населения в стране увеличится: значение 2006 г. при высоком варианте прогноза будет достигнуто к 2029 г., при среднем варианте – к 2032 г., при низком варианте – значение 2006 г. достигнуто не будет.

Рис. 3. Динамика численности трудоспособного населения России за 1995–2036 годы*, тыс. чел.

1 – фактические данные за 1995–2017 гг. Прогнозные значения за 2018–2036 гг. по старой схеме выхода на пенсию (женщины – 16–54 года, мужчины 16–59 лет): низкий (2), средний (3), высокий (4) варианты прогноза. Прогнозные значения за 2018–2036 гг. по новой схеме выхода на пенсию: низкий (5), средний (6), высокий (7) варианты прогноза. 8 – максимум численности трудоспособного населения, наблюдавшийся в 2006 г.

* На правой оси отложены значения показателя относительно уровня 1995 г.

Источник: расчеты авторов по данным Федеральной службы государственной статистики [12].

Таким образом, динамика численности трудоспособного населения Мурманской области существенно отличается от общероссийской динамики. В Мурманской области увеличение пенсионного возраста не сможет обеспечить рост значений этого показателя.

Особенности производства ВРП Мурманской области. Пенсионная реформа в части увеличения возраста выхода на пенсию непосредственно регулирует численность трудоспособного населения. Поэтому для выявления воздействия повышения пенсионного возраста на производство ВРП необходимо найти связь между этими показателями.

На рисунке 4 приведена динамика значений общепризнанных факторов-показателей, которые определяют производство ВРП при моделировании традиционным инструментарием исследования производственных региональных процессов – регрессионных моделей и производственных функций (индексы физического объема ВРП, инвестиций в основной капитал, индекс трудоспособного населения) за 1998–2016 гг. относительно 1997 г. [29, 30, 31, 32].

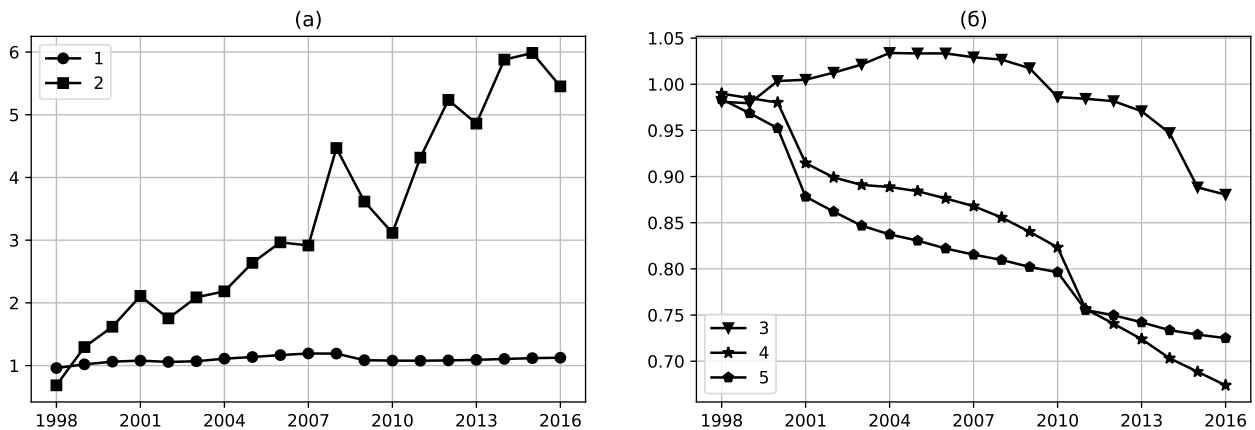
Связь ВРП, инвестиций и численности трудоспособного населения будем рассматривать в виде производственной функции:

$$Y = AK^pL^q, \quad p + q = 1, \quad (1)$$

где Y – ВВП; K – инвестиции в основной капитал; L – численность трудоспособного населения; $A = \exp(a)$ – нейтральный технический прогресс; p – коэффициент эластичности по труду (численность трудоспособного населения); q – коэффициент эластичности по капиталу (инвестиции в основной капитал).

Оценивание параметров модели (1) методом наименьших квадратов показывает, что модель не соответствует исходным данным: коэффициент детерминации $R^2 = 0,50$ (рис. 5). Данный вывод соответствует полученным ранее результатам, которые базировались на детальном исследовании производственных процессов Мурманской области в контексте «общесеверной» и общероссийской ситуации и учитывали как основные фонды и численность занятых в экономике Мурманской области, так и инвестиции в основной капитал [4, 29].

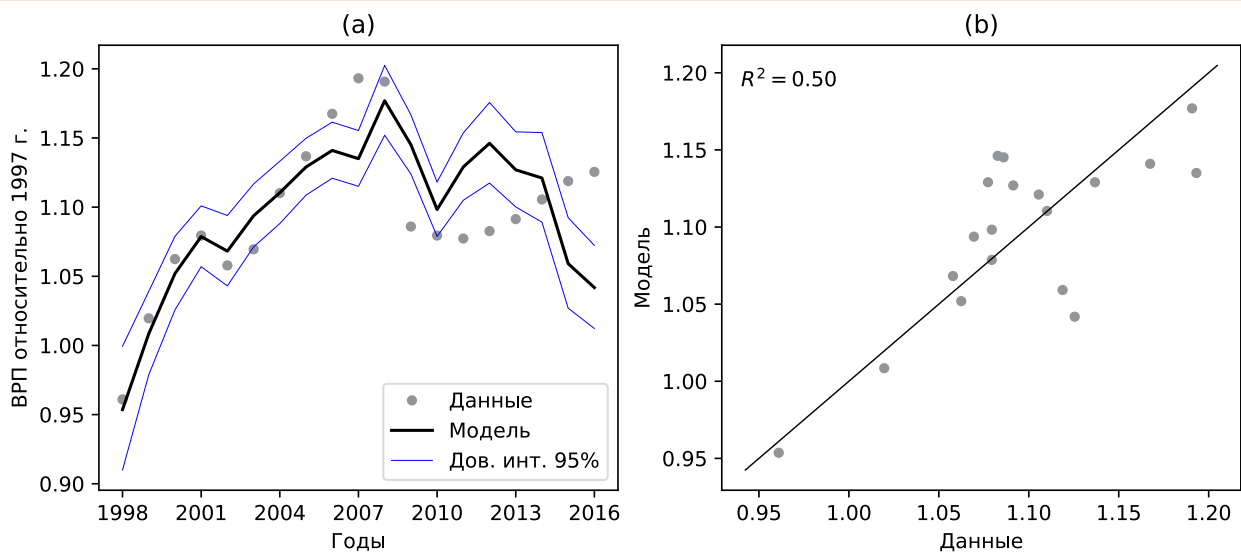
Рис. 4. Динамика значений базисных производственных показателей региона для Мурманской области за 1998–2016 гг. относительно значений 1997 г.

(а) 1 – индекс физического объема ВРП в сопоставимых ценах; 2 – индекс физического объема инвестиций в основной капитал в сопоставимых ценах; (б) 3 – среднегодовая численность занятых в экономике; 4 – численность трудоспособного населения относительно 1997 г.; 5 – численность населения относительно 1997 г.

Источник: расчеты авторов по данным Федеральной службы государственной статистики.

Рис. 5. Оценивание параметров модели (1) для Мурманской области

(а) – динамика фактических и модельных значений индекса физического объема ВРП; (б) – степень соответствия фактических модельных значений индекса физического объема ВРП (коэффициент детерминации $R^2 = 0,50$)

Таким образом, для Мурманской области не прослеживается четкая связь между ВРП и инвестициями в основной капитал, численностью занятых в экономике. Аналогичный вывод

справедлив и для численности трудоспособного населения. Это отличает ситуацию в Мурманской области от общероссийской и ситуации в большинстве регионов Севера [29].

Выявленная специфика определила парадоксальную ситуацию: *шестикратный рост физического объема инвестиций в основной капитал Мурманской области, наблюдавшийся с 1997 по 2017 г., не обеспечил значимого прироста физического объема ВРП региона (максимальное значение в 2007 г. составляло 1,2 раза)* (см. рис. 4).

Полагаем, причины выявленной специфики следует искать во внутренней структуре экономики Мурманской области. Так, наши предварительные исследования свидетельствуют, что отсутствие роста при многократных инвестиционных вливаниях во многом обусловлено добывающим характером экономики региона старопромышленного типа. Поясним. Наибольшая доля в формировании ВРП Мурманской области традиционно принадлежит виду экономической деятельности «Добыча полезных ископаемых». Ухудшение состояния минерально-сырьевой базы региона приводит к необходимости повышения расходов на разработку более бедных руд, со сложными условиями залегания и т.д. Это требует все более высоких инвестиционных вложений, которые фактически только замещают вырабатываемые источники полезных ископаемых, не создавая дополнительные источники роста. Проблема усилена устаревшими основными средствами производства. Однако это только частично объясняет выявленный эффект, требуя углубленных дополнительных изысканий, которые выходят за рамки предмета исследования, представленного в настоящей статье.

Возвращаясь к задаче поиска экономического эффекта от увеличения пенсионного возраста для экономики Мурманской области, можно отметить следующее. При сложившейся структуре экономики области незначительные колебания численности трудоспособного населения, вызванные увеличением пенсионного возраста, не окажут существенного влияния на производство ВРП.

Настроения населения Мурманской области, вызванные увеличением возраста выхода на пенсию

Эмпирической базой для исследования настроений населения Мурманской области служат данные анкетирования, проведенного нами по репрезентативной общерегиональной выборке Мурманской области в 2019 году (с уче-

том квот по полу, возрасту, образованию и территориальному районированию Росстата) в населенных пунктах Ковдор, Мончегорск, Апатиты, Кировск, Мурманск, Снежногорск, Полярный, Кола, Ловозеро, Оленегорск, Полярные Зори, Кандалакша, Умба (количество респондентов – 1291 человек). Ошибка выборки составляет не более 4 %. Данные приведены в процентах от числа опрошенных. Отметим, что в этой статье мы приводим только незначительную часть масштабного трехлетнего исследования (2019–2021), финансируемого РФФИ, проект № 19-010-00022, в экспедиционной части направленного на исследование специфики отражения пенсионной реформы в сознании населения регионов Арктики.

Обратимся сначала к рассмотрению отношения населения Мурманской области к увеличению возраста выхода на пенсию (*табл. 4*). Ответы получены ожидаемые в той части, которая касается отрицательного отношения населения (87,1 % опрошенных). Ни в одной стране мира люди не поддерживают увеличение возраста выхода на пенсию. Однако обращает на себя внимание именно резко отрицательное отношение, которое продемонстрировали 64,6 % опрошенных. 22,5 % опрошенных склоняются к «скорее отрицательному» восприятию и только 4,1 % – к «скорее положительному» при статистически незначимом определении «целиком положительного» отношения к увеличению пенсионного возраста (0,8 %). Социальную заостренность и особую болезненность вопроса повышения возраста выхода на пенсию косвенно подтверждает то, что затруднились с ответом только 8 % опрошенных. Болезненность восприятия объясняется тем, что северные льготы включают меньший возраст выхода на пенсию. Популярной поведенческой стратегией населения региона, причем относительно нестарых людей, при наступлении пенсионного возраста являлся переезд в климатически благоприятные районы. Таким образом, изменение пенсионного возраста заставило население существенно корректировать свои планы. Как следует отметить, с позиций интересов государства переезд пенсионеров с северных территорий является положительным трендом миграции, что связано с повышенными издержками содержания социальной инфраструктуры на Севере.

Таблица 4. Распределение вариантов ответов жителей Мурманской области на вопрос «Как Вы относитесь к законодательному увеличению возраста выхода на пенсию по старости?», в % от совокупности опрошенных

Варианты ответов	Регион в целом (всего)	Мужчины	Женщины
Целиком положительно	0,8	1,3	0,3
Скорее положительно	4,1	5,0	3,2
Скорее отрицательно	22,5	20,9	24,1
Резко отрицательно	64,6	67,1	62,2
Затрудняюсь ответить	8,0	5,8	10,2

Источник: данные опросов, проведенных авторами.

Более 70 % опрошенных жителей Мурманской области считают, что изменение возраста выхода на пенсию не отвечает интересам населения Севера и Арктики (табл. 5). Так, по мнению 46,3 % опрошенных, увеличение пенсионного возраста определенно не отвечает интересам населения Севера и Арктики; 24,7 % респондентов склоняются к тому, что это скорее не отвечает интересам северян, чем отвечает. Только чуть более 14 % населения видят положительное влияние изменения пенсионного возраста для населения Севера и Арктики (из них только 6,2 % дали ответ «определенно да»). Сложные и неоднозначные эффекты влияния

увеличения пенсионного возраста на интересы населения Севера и Арктики обусловили то, что 14,9 % опрошенных затруднились с ответом.

Обращают на себя внимание изменения миграционных настроений жителей Мурманской области, которые сами жители связывают с фактором увеличения пенсионного возраста (табл. 6). Так, на вопрос об изменении планов проживания в Мурманской области в связи с увеличением пенсионного возраста положительно ответило более 33 % опрошенных, из них 7,5 % ответили, что их планы «точно изменились, уже подыскали другое место жительства и работу».

Таблица 5. Распределение вариантов ответов жителей Мурманской области на вопрос «Как Вы считаете, отвечает ли изменение пенсионного возраста интересам населения Севера и Арктики?», в % от совокупности опрошенных

Варианты ответов	Регион в целом (всего)	Мужчины	Женщины
Определенно да	6,2	7,9	4,6
Скорее да, чем нет	7,9	8,2	7,6
Скорее нет, чем да	24,7	23,7	25,6
Определенно нет	46,3	45,8	46,8
Затрудняюсь ответить	14,9	14,4	15,4

Источник: данные опросов, проведенных авторами.

Таблица 6. Распределение вариантов ответов жителей Мурманской области на вопрос «Изменились ли Ваши планы в отношении дальнейшего проживания в Мурманской области в связи с увеличением пенсионного возраста?», в % от совокупности опрошенных

Варианты ответов	Регион в целом (всего)	Мужчины	Женщины
Нет, не изменились, буду жить и работать здесь	51,5	53,0	50,1
Скорее изменились, думаю о переезде в более комфортные климатические условия	25,6	22,5	28,5
Точно изменились, уже подыскал(а) другое место жительства и работу	7,5	8,5	6,5
Затрудняюсь ответить	15,4	15,9	14,9

Источник: данные опросов, проведенные авторами.

Таблица 7. Распределение вариантов ответов жителей Мурманской области на вопрос «Изменились ли Ваши планы в отношении дальнейшего проживания в Мурманской области в связи с увеличением пенсионного возраста?» с учетом пола и возраста, в % от совокупности опрошенных

Варианты ответов	Мужчины, лет				Женщины, лет			
	18–29	30–49	50–64	65+	18–29	30–49	50–64	65+
Нет, не изменились, буду жить и работать здесь	46,6	50,7	54,9	71,0	41,8	40,0	58,0	67,0
Скорее изменились, думаю о переезде в более комфортные климатические условия	21,2	27,8	18,8	9,7	30,6	40,8	20,2	12,5
Точно изменились, уже подыскал(а) другое место жительства и работу	15,3	9,5	4,9	0,0	11,2	6,5	5,2	4,5
Затрудняюсь ответить	16,9	12,0	21,5	19,4	16,3	12,7	16,6	16,1

Источник: данные опросов, проведенных авторами.

Наиболее тревожным фактом является то, что задумались о переезде в более комфортные климатические условия и уже изменили планы дальнейшего проживания в Мурманской области такие группы населения, как молодежь (18–29 лет) и население среднего возраста (30–39 лет) (табл. 7).

Среди молодежи точно изменили планы, подыскивали другое место жительства и работы 13,3 % опрошенных (из них 15,3 % – мужчины, 11,2 % – женщины); среди населения среднего возраста – 8 % опрошенных (из них 9,5 % – мужчины, 6,5 % – женщины). Среди молодежи «задумались» о переезде и «скорее изменили» планы дальнейшего проживания в Мурманской области 25,9 % (из них 21,2 % – мужчины, 30,6 % – женщины); среди населения среднего возраста – 34,3 % опрошенных (из них 27,8 % – мужчины, 40,8 % – женщины). Столь значительная ориентация населения на миграцию в другие регионы создает значительные риски для устойчивости экономики Мурманской области уже в ближайшем будущем.

Заключение

Гипотеза исследования о том, что увеличение пенсионного возраста является фактором, способным изменить состояние трудовых ресурсов, поведение населения, существенно изменить процессы экономического развития арктического региона – Мурманской области, подтверждена.

Так, составленный долгосрочный прогноз численности трудоспособного населения Мурманской области свидетельствует, что изменение пенсионного возраста приостановит устойчивую тенденцию уменьшения численности трудоспособного населения региона. Однако, подчеркнем, уменьшение численности трудоспособного

населения Мурманской области продолжится. То есть увеличение пенсионного возраста не сломает нисходящий тренд численности населения трудоспособного возраста. Это качественное отличие от общероссийской ситуации. Так, составленный нами трехвариантный прогноз численности трудоспособного населения для России в целом указывает, что увеличение пенсионного возраста качественно изменило устойчивую тенденцию сокращения численности трудоспособного населения, которая увеличится по двум вариантам прогноза. Только наименее благоприятный прогноз демонстрирует нисходящий тренд, сходный с трендом в Мурманской области.

Исследование производства ВРП Мурманской области выявило, что *при сложившейся структуре экономики области незначительное уменьшение скорости сокращения численности трудоспособного населения, вызванное увеличением пенсионного возраста, не окажет существенного влияния на производство ВРП.*

Опросы жителей Мурманской области указали на крайне болезненное восприятие ими повышения пенсионного возраста. Напомним, резко отрицательно к увеличению возраста выхода на пенсию относится 64,6 % населения, а скорее отрицательно – 22,5 %. При этом в обществе присутствует устойчивое мнение, что изменение пенсионного возраста не отвечает интересам населения Севера и Арктики. Подавляющее большинство жителей региона, определившихся с ответом, считают, что увеличение в нем численности населения трудоспособного возраста (за счет повышения возраста выхода на пенсию) негативно повлияет на экономическую ситуацию. Это соответствует выводам по результатам исследования производства ВРП региона.

Таким образом, трансформировать положительный эффект от замедления скорости уменьшения численности трудоспособного населения Мурманской области в заметный экономический результат можно только при изменении структуры производства ВРП. Однако налицо негативный эффект изменения возраста выхода на пенсию – изменение миграционных настроений наиболее экономически активной и значимой группы населения области (с позиций перспектив регионального производства) – молодежи (18–29 лет) и среднего возраста (30–49 лет). Так, значительная часть представителей этих возрастных групп уже точно решили не проживать в

Мурманской области, причем связывают свое решение с фактором увеличения пенсионного возраста.

Таким образом, есть основания считать, что положительный эффект – сдвиг численности трудоспособного населения Мурманской области, вызванный увеличением возраста выхода на пенсию, – будет компенсирован негативным эффектом – увеличением скорости миграционных потерь региона. Сложные составные эффекты уменьшения численности населения дают основания предполагать комплекс прямых и косвенных потерь для экономики региона, расчет которых представляет собой отдельную проблему исследования.

Литература

1. Harper S. Economic and social implications of aging societies. *Science*, 2014, vol. 346 (6209), pp. 587–591.
2. Vogel E., Ludwig A., Börsch-Supan A. Aging and pension reform: extending the retirement age and human capital formation. *Journal of Pension Economics & Finance*, 2017, vol. 16 (1), pp. 81–107.
3. Tyrowicz J., Makarski K., Bielecki M. Reforming retirement age in DB and DC pension systems in an aging OLG economy with heterogenous agents. *IZA Journal of Labor Policy*, 2016, vol. 5 (1), p. 8.
4. Skufina T., Baranov S., Samarina V., Korchak E. Increasing GDP production in the Russian Federation and raising the retirement age: is there a connection? *AD ALTA: Journal of interdisciplinary research*, vol. 9 (1), Special Issue VI, 2019, pp. 69–72.
5. Bloom D.E. et al. Macroeconomic implications of population ageing and selected policy responses. *The Lancet*, 2015, vol. 385 (9968), pp. 649–657.
6. Catalano M., Pezzolla E. The effects of education and aging in an OLG model: long-run growth in France, Germany and Italy. *Empirica*, 2016, vol. 43 (4), pp. 757–800.
7. Trofimova N. A. Use of select mortality tables for forecasting the number of recipients of different types of Pensions. *Studies on Russian Economic Development*, 2010, vol. 21 (2), pp. 197–203.
8. Holzmann R. An optimistic perspective on population ageing and old-age financial protection. *Malaysian Journal of Economic Studies*, 2017, vol. 50 (2), pp. 107–137.
9. Holzmann R. Global pension systems and their reform: worldwide drivers, trends and challenges. *International Social Security Review*, 2013, vol. 66 (2), pp. 1–29.
10. Peng X., Mai Y. *Population Ageing, Retirement Age Extension and Economic Growth in China: A Dynamic General Equilibrium Analysis*. Centre of Policy Studies and the Impact Project, 2013. 33 p.
11. Chistova E.V. Possibilities for increasing the retirement age in Russia in response to population ageing. *Montenegrin Journal of Economics*, 2016, vol. 12 (3), pp. 127–138.
12. Баранов С.В., Скуфьина Т.П. Влияние повышения пенсионного возраста на производство валового внутреннего продукта в России // *Инновации*. 2018. № 9. С. 38–44.
13. Синявская О.В. Российская пенсионная система в контексте демографических вызовов и ограничений // *Экономический журнал ВШЭ*. 2017. № 4 (21). С. 562–591.
14. Скуфьина Т.П., Баранов С.В. Феномен неравномерности социально-экономического развития городов и районов Мурманской области: специфика, тенденции, прогноз, регулирование // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2017. Т. 10. № 5. С. 66–82. DOI: 10.15838/esc.2017.5.53.5
15. Bielecki M. et al. Decreasing fertility vs increasing longevity: Raising the retirement age in the context of ageing processes. *Economic Modelling*, 2016, vol. 52, pp. 125–143.

16. Wang H., Koo B., O'Hare C. Retirement planning in the light of changing demographics. *Economic Modelling*, 2016, vol. 52, pp. 749–763.
17. Puur A., Leppik L., Klesment M. Changes in pension take-up and retirement in the context of increasing the pension age: the case of Estonia in the 2000s. *Post-Communist Economies*, 2015, vol. 27 (4), pp. 497–516.
18. Барсуков В.Н. От демографического дивиденда к старению населения: мировые тенденции системного перехода // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 4. С. 167–182. DOI: 10.15838/esc.2019.4.64.11
19. Кудрин А., Гурвич Е. Старение населения и угроза бюджетного кризиса // Вопросы экономики. 2012. № 3. С. 52–79.
20. Рамонов А. В. Ожидаемая продолжительность здоровой жизни как интегральная оценка здоровья россиян // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2011. Т. 15. № 4. С. 497–518.
21. Торопушина Е.Е. Оценка уровня развития социальной инфраструктуры в регионах Севера и Арктики // ЭКО. 2016. № 6 (504). С. 99–108.
22. Suorajarvi L., Poelzer G.A., Ejdemo T., Klyuchnikova E., Korchak E. Social sustainability in northern mining communities: A study of the European North and Northwest Russia. *Resources Policy*, 2016, vol. 47, pp. 61–68.
23. Шабунова А.А. Демографическая политика: региональный аспект // Экономика региона. 2016. № 8. С. 59.
24. Минакир П.А., Краснопольский Б.Х. Экономические механизмы внедрения новых технологий рационального использования арктических ресурсов // Регионалистика. 2018. Т. 5. № 5. С. 12–24.
25. Ильин В.А., Поварова А.И. Консолидированное налогообложение и его последствия для региональных бюджетов // Экономика региона. 2019. Т. 15. № 1. С. 70–83.
26. Окрепилов В.В., Гагулина Н.Л. Оценка качества институциональных преобразований в экономике региона // Экономика и управление. 2018. № 12 (158). С. 6–12.
27. Ускова Т.В. Проблемы эффективности государственного управления // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2016. № 1 (50). С. 11–23.
28. Самарина В.П. Показатели реакции регионов Центрального федерального округа на изменение внешних условий // Региональная экономика: теория и практика. 2012. № 14. С. 2–10.
29. Baranov S., Skufina T., Samarina V. Regional environment for gross domestic product formation (the case of Russia Northern Regions). *Advanced Science Letters*, 2018, vol. 24 (9), pp. 6335–6338. DOI: <https://doi.org/10.1166/asl.2018.13047>
30. Kroese D.P., Chan. J.C.C. *Statistical Modeling and Computation*. Springer, 2014. 400 p. DOI: 10.1007/978-1-4614-8775-3
31. Ioan C.A., Ioan G. A generalization of a class of production functions. *Applied Economics Letters*, 2011, vol. 18, pp. 1777–1784.
32. Blaug M. *Economic Theory in Retrospect*. 5th edition. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. Pp. 544–546.

Сведения об авторах

Сергей Владимирович Баранов — кандидат физико-математических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Кольский научный центр РАН (184209, Российская Федерация, Мурманская обл., г. Апатиты, ул. Ферсмана, д. 24а; e-mail: bars.vl@gmail.com)

Татьяна Петровна Скуфина — доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, зав. отделом, Кольский научный центр РАН (184209, Российская Федерация, Мурманская обл., г. Апатиты, ул. Ферсмана, д. 24а; e-mail: skufina@gmail.com)

Ирина Александровна Гущина — кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Кольский научный центр РАН (184209, Российская Федерация, Мурманская обл., г. Апатиты, ул. Ферсмана, д. 24а; e-mail: guschina@iep.kolasc.net.ru)

Baranov S.V., Skuf'ina T.P., Gushchina I.A.

The Impact of the Retirement Age Increase on the Economy and Attitudes of the Population of the Murmansk Oblast

Abstract. The article is devoted to a meaningful analysis of the impact of the retirement age increase on the economy of the Murmansk Oblast and the attitude of its residents. The pension system, which includes protectionism for the population of the North, has a significant impact on the economy, social life, and migration of the population. Therefore, the assessment of the impact of the retirement age changes on social and economic processes is particularly relevant for the Northern and Arctic territories. Three objectives were achieved: 1. Considering the change of the retirement age, the forecast for the number of able-bodied population of the Murmansk Oblast was made. It is shown that the increase of the retirement age will halt the steady decline of able-bodied population in the region, but it will not break the trend. Comparison with the results of the forecast for Russia as a whole showed that it qualitatively distinguishes the situation in the region from the national situation. 2. The features of GRP production in the Murmansk region, based on economic and statistical modeling, are reviewed. It is established that, with the current structure of the economy, a slight reduction of the decrease rate of the able-bodied population number will not have a significant impact on the production of GRP. 3. On the basis of the survey, conducted according to a representative regional sample of the Murmansk Oblast in 2019, attitudes of the Murmansk's population were revealed. There is a very painful perception of the retirement age increase by the population; there is a persistent opinion that change of the retirement age does not meet the interests of the population of the North and the Arctic. A negative effect of the retirement age increase was diagnosed: a change of migration attitudes among the most significant group of the Murmansk Oblast's population (from the perspectives of regional production) – people of young (18–29 years old) and middle (30–49 years old) ages. For example, a significant number of members of these age groups have already decided to leave the Murmansk Oblast. They link their decision to the factor of the retirement age increase. Thus, the positive effect – a decrease of the rate of the able-bodied population decline in the Murmansk region, caused by the retirement age increase – will be offset by a negative effect – the growth of the rate of migration losses in the region.

Key words: retirement age increase, Arctic, Murmansk Oblast, GRP, number of able-bodied population, modelling, survey, people's attitudes.

Information about the Authors

Sergei Vladimirovich Baranov – Candidate of Sciences (Physico-Mathematical), Associate Professor, Leading Researcher, Kola Science Center of RAS (24a, Fersmana Street, Apatity, the Murmansk Oblast, 184209, the Russian Federation; e-mail: bars.vl@gmail.com)

Tat'yana Petrovna Skuf'ina – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Leading Researcher, Head of Department, Kola Science Center of RAS (24a, Fersmana Street, Apatity, the Murmansk Oblast, 184209, the Russian Federation; e-mail: skufina@gmail.com)

Irina Aleksandrovna Gushchina – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Leading Researcher, Kola Science Center of RAS (24a, Fersmana Street, Apatity, the Murmansk Oblast, 184209, the Russian Federation; e-mail: gushchina@iep.kolasc.net.ru)

Статья поступила 11.09.2019.

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

DOI: 10.15838/esc.2020.1.67.10

УДК 331.104; 331.108; 331.552, ББК 65.495

© Ярашева А.В., Александрова О.А., Медведева Е.И.,
Аликперова Н.В., Крошилин С.В.

Проблемы и перспективы кадрового обеспечения московского здравоохранения

**Азиза Викторовна
ЯРАШЕВА**

НИИ организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента
здравоохранения г. Москвы
Москва, Российская Федерация, 115088, ул. Шарикоподшипниковская, д. 9
Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН
Москва, Российская Федерация, 117218, г. Нахимовский пр., д. 32
E-mail: baktriana@rambler.ru
ORCID: 0000-0002-6041-7700; ResearcherID: A-9976-2017

**Ольга Аркадьевна
АЛЕКСАНДРОВА**

НИИ организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента
здравоохранения г. Москвы
Москва, Российская Федерация, 115088, ул. Шарикоподшипниковская, д. 9
Финансовый университет при Правительстве РФ
Москва, Российская Федерация, 125167, Ленинградский пр-т, д.49
E-mail: a762rab@mail.ru
ORCID: 0000-0002-9243-9242; ResearcherID: B-1306-2017

**Елена Ильинична
МЕДВЕДЕВА**

Государственный социально-гуманитарный университет
Коломна, Московская область, Российская Федерация, 140411, ул. Зеленая,
д. 30, кор. 1
Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН
Москва, Российская Федерация, 117218, Нахимовский пр., д. 32
E-mail: e_lenam@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4200-1047

Для цитирования: Проблемы и перспективы кадрового обеспечения московского здравоохранения / А.В. Ярашева, О.А. Александрова, Е.И. Медведева, Н.В. Аликперова, С.В. Крошилин // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 1. С. 174–190. DOI: 10.15838/esc.2020.1.67.10

For citation: Yarasheva A.V., Aleksandrova O.A., Medvedeva E.I., Alikperova N.V., Kroshilin S.V. Problems and Prospects of Personnel Support of the Moscow Healthcare System. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2020, vol. 13, no. 1, pp. 174–190. DOI: 10.15838/esc.2020.1.67.10

**Наталья Валерьевна
АЛИКПЕРОВА**

Финансовый университет при Правительстве РФ
Москва, Российская Федерация, 125167, Ленинградский пр-т, д.49
НИИ организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента
здравоохранения г. Москвы
Москва, Российская Федерация, 115088, ул. Шарикоподшипниковская, д. 9
E-mail: natalie_danilina@mail.ru
ORCID: 0000-0002-5028-078X; ResearcherID: S-1899-2018

**Сергей Викторович
КРОШИЛИН**

Государственный социально-гуманитарный университет
Коломна, Московская область, Российская Федерация, 140411, ул. Зеленая, д. 30,
кор. 1
Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН
Москва, Российская Федерация, 117218, Нахимовский пр., д. 32
E-mail: krosh_sergey@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблем кадрового обеспечения столичного здравоохранения. Изучение данного вопроса связано: с одной стороны, с анализом статистических данных по штатному составу медицинского персонала организаций, позволяющим строить (на основе теоретической модели) прогноз наличия/дефицита кадров (по различным показателям); с другой стороны, с анализом мотивационных факторов, влияющих как на приход в профессию и длительную успешную карьеру специалиста, так и на процессы «выгорания» и уход из профессии. Представлены результаты осуществленного в 2019 г. научного проекта по изучению проблем качества кадрового состава системы здравоохранения города Москвы в условиях реализации действующего столичного стандарта оказания медицинской помощи. Применение статистического, математического и социологического методов исследования позволило выявить не только характерные особенности имеющихся трудовых ресурсов, но и перспективы кадровой обеспеченности учреждений московского здравоохранения. Прогноз развития кадрового потенциала медицинских организаций Москвы построен на основе статистических данных за последние 5 лет (2014–2018). Показаны перспективы изменения возрастной и гендерной структуры сотрудников (врачей и среднего медицинского персонала), а также численности врачей наиболее востребованных в столице специальностей. На основе социологических опросов выявлена степень удовлетворенности медработников (в зависимости от стажа) условиями своей работы (размером заработной платы в больницах и в поликлиниках и ее соответствием вложенному труду). Определены основные виды нагрузки врачей и среднего медицинского персонала, выступающие мотивационными факторами, влияющими на качество оказания медицинской помощи населению. На основе экспертных мнений показаны материальные и нематериальные факторы, определяющие увеличение кадрового потенциала московского здравоохранения.

Ключевые слова: здравоохранение, кадровое обеспечение, условия труда, мотивация, прогноз кадровых потребностей, Москва.

Введение

Одной из важнейших составляющих повышения качества оказываемых населению медицинских услуг выступает кадровая обеспеченность медицинских организаций. Отсюда — потребность в своевременном и точном прогнозе кадровых потребностей городской системы здравоохранения. Однако надежность такого прогноза зависит не только от имеющегося в наличии корпуса медицинских работников разного профиля и плановых показателей подготовки тех или иных специалистов, но и от того, насколько заняты сегодня в учреждениях здравоохранения врачи, средний и младший медицинский персонал удовлетворены своей работой, готовы сохранять преданность выбранной профессии.

Степень разработанности проблемы

В силу того что кадровый корпус медицинских работников является одним из важнейших структурных элементов системы здравоохранения, его изучению уделяется внимание не только в рамках академической и отраслевой науки, но и на уровне международных организаций — ВОЗ, Всемирного банка, ОЭСР и т.д. В частности, Доклад ВОЗ, полностью посвященный трудовым ресурсам здравоохранения (2006), не только зафиксировал проблему нехватки «надлежащего числа работников здравоохранения в надлежащих местах» и раскрыл причины дефицита и дисбалансов (плохое планирование, связанное, в том числе, с неумением собирать необходимые для принятия управленческих решений релевантные и актуальные данные; недостаточное инвестирование в медицинское образование, систему повышения квалификации и переподготовки кадров; неудовлетворительные условия труда и низкая зарплата, отсутствие карьерных перспектив и т.п.) [1], но и дал старт разработке ряда документов ВОЗ. Одним из них стала Глобальная стратегия по кадровым ресурсам здравоохранения, адресованная преимущественно органам управления и планирования, но также и учреждениям профобразования, работодателям, профсоюзам и др. [2]. Обозначив кадровые проблемы, с которыми сталкиваются страны с разным уровнем доходов, Стратегия указала на универсальный для всех стран «комплексный пакет мер» по обеспечению «достойной занятости» — необходимого условия для оптимального рас-

пределения медработников по территориям и секторам (государственному/частному) и повышения эффективности их работы: гарантии занятости; адекватные помещения и инструменты для работы; допустимая нагрузка; надбавки за работу в трудных условиях; возможности профессионального развития; четкие траектории карьерного роста; социальная поддержка в форме дотаций на приобретение жилья, гранты на образование и т.д. Странам с низким и средним уровнем доходов, кроме того, рекомендуется укреплять потенциал медицинских вузов и колледжей и повышать качество образования посредством аккредитации учебных заведений и сертификации дипломов, но, прежде всего, вложениями в преподавательский состав («приоритетную область для инвестиций»), призванными обеспечить необходимую численность и компетентность педагогов. Странам с высокими доходами рекомендуется усилить меры, направленные на развитие компетенций медработников, помощь в трудоустройстве выпускникам, а также вовлечение в сектор здравоохранения для выполнения функций, не требующих длительного срока обучения, работников, высвобождаемых из других отраслей.

Следует отметить и принятые в предшествующий утверждению Глобальной стратегии период Резолюции ВОЗ, касающиеся увеличения масштабов подготовки работников здравоохранения (2009); укрепления сестринского и акушерского дела (2006), кадров первичной медико-санитарной помощи (2009) и др. Статистические показатели кадрового обеспечения здравоохранения и анализ основных тенденций в области подготовки и движения кадров находят свое отражение в материалах, издаваемых ОЭСР [3], докладах региональных отделений ВОЗ [4].

С учетом проблем планирования кадровых потребностей и оптимальной расстановки имеющихся медработников в менее экономически благополучных странах под эгидой ВОЗ вышло Руководство по мониторингу и оценке кадровых ресурсов здравоохранения [5], предлагающее организационный механизм и аналитический инструментальный для сбора и анализа данных о медицинских кадрах, в том числе с учетом успешного опыта ряда стран. Авторский подход основан на концеп-

ции «продолжительности трудовой деятельности», рассматривающей трудовые ресурсы в контексте подготовки, привлечения и удержания, что предполагает мониторинг как динамики рынка труда для каждой стадии, так и перспектив медработников. И если на первом этапе главная задача структур управления — подготовка достаточного числа знающих и мотивированных работников и их оптимальная расстановка, для чего требуется эффективное планирование, бюджетирование и управление процессом создания мощных образовательных учреждений и совершенствования механизмов найма, то на этапе активной трудовой деятельности усилия должны направляться на обеспечение наличия, компетентности (в том числе коммуникационной) и продуктивности работников, что требует оценки медицинских кадров на разных рабочих местах в контексте национального рынка труда.

Стоит отметить специальный раздел Рекомендаций, посвященный качественным методам исследований. В силу того что изучение кадров здравоохранения — достаточно новая область исследований, не имеющая основательного теоретического фундамента, многочисленные количественные исследования носят преимущественно описательный характер. Отсюда — целесообразность применения качественных методов, позволяющих лучше разобраться в условиях труда и мотивах поведения медработников, совершенствовать методы оценки их деятельности. Возможности качественных методов иллюстрируются многочисленными исследованиями роли профессиональной идентичности, мотивации и т.п. в стратегиях «выживания», используемых медицинскими работниками в условиях реформы здравоохранения [6, 7, 8]; влияния профессиональной незащищенности на отношение к пациентам и качество клинической помощи [9]; препятствий привлечению и удержанию медсестер [10] и возможностей возложения на них более широких функций [11]; природы совместительства у медработников [12] и влияния финансовых и нефинансовых стимулов на модели поведения врачей, занятых одновременно в государственном и частном секторах [13, 14]; особенностей вторичной занятости, обуславливающей в качестве основной работы занятость в госучреждении [15] и др.

Следует упомянуть изданное также под эгидой ВОЗ пособие по оценке ключевых факторов стратегического планирования кадровых ресурсов (2009) [16]. Авторы подчеркивают, что указанная в Докладе ВОЗ 2006 года цель кадровой политики в здравоохранении — «подготовить нужных работников нужной квалификации, поставить их в нужное место и дать нужное задание» и при этом гибко реагировать на чрезвычайные ситуации, решать текущие проблемы и прогнозировать завтрашние вызовы — не может быть достигнута с помощью одинаковых для всех стран шаблонов. В связи с этим предлагаются подходы к разработке и использованию инструментария, позволяющего адекватно оценивать ситуацию и выбирать оптимальные решения для улучшения кадровой обеспеченности здравоохранения в конкретных условиях. Кроме того, на основе ряда исследований, например [17], показано, что выработка кадровой политики, способной преодолеть «кризис людских ресурсов», требует учета «сквозных проблем», касающихся востребованности профессии медика, связанных с ней рисков, мотивации, совместительства и т.д.

Российские авторы исследуют кадровые проблемы здравоохранения, анализируя динамику изменений в численности и составе медработников в международном контексте [18], изучая факторы, детерминирующие движение медицинских кадров и качество их работы [19], проблемы формирования корпуса управленцев [20] и кадрового резерва [21] и т.д.

Информационно-методическая база исследования

В статье представлены результаты, полученные в ходе выполнения в 2019 г. проекта «Развитие кадрового потенциала столичного здравоохранения» с использованием социологического (количественного и качественного), статистического и математического методов. Из собранных в рамках опроса работников подведомственных городу учреждений здравоохранения (детских и взрослых поликлиник и больниц) анкет (551 ед.) был сформирован массив, согласующийся по контрольным признакам с официальной статистикой Департамента здравоохранения Москвы (ДЗМ). Серия глубинных структурированных интервью (N=15) была проведена с руководителями подведомственных ДЗМ клиник и амбулаторных учреждений,

руководством медицинских вузов и колледжей, а также учреждений ДПО.

Прогноз развития кадрового потенциала столичного здравоохранения строился на основе статистических данных за последние 5 лет (2014–2018), в течение которых кадровая политика претерпела наиболее существенные изменения; горизонт прогнозирования: 2020, 2025 и 2030 годы. Оценка баланса трудовых ресурсов проводилась на основе сопоставления численности медицинских работников с различными показателями формы №30 «Сведения о медицинской организации» (в редакции приказа Росстата от 03.08.2018 № 483). Для построения прогнозной модели и самого прогноза использовались формализованные методы прогнозирования (методы экстраполяции, скользящей средней, экспоненциального сглаживания, наименьших квадратов), а также метод индивидуальных экспертных оценок [22]. На первом этапе рассчитывались половозрастные показатели для категорий «врачи» и «средний медицинский персонал» (далее – СМП). Затем был построен прогноз дефицита кадровых ресурсов для категорий «врачи», «СМП» и «младший медицинский персонал» (далее – ММП). Прогноз укомплектованности медперсоналом (в процентах) рассчитывался для этих же категорий медработников по формуле

$$U_{\text{фл}} = \text{ЧД}_{(\text{занятых})} / \text{ЧД}_{(\text{штатных})} \times 100, \quad (1)$$

где $U_{\text{фл}}$ – показатель укомплектованности врачами (физическими лицами);

$\text{ЧД}_{(\text{занятых})}$ – число должностей в целом по организации (занятых);

$\text{ЧД}_{(\text{штатных})}$ – число должностей в целом по организации (штатных).

В свою очередь прогноз дефицита по должностям (в людях) и относительного дефицита по должностям (в процентах) для тех же трех категорий медработников рассчитывался по формулам:

$$D_{\text{д}} = \text{ЧД}_{(\text{штатных})} - \text{ЧД}_{(\text{занятых})}, \quad (2)$$

где $D_{\text{д}}$ – показатель дефицита по должностям;

$\text{ЧД}_{(\text{занятых})}$ – число должностей в целом по организации (занятых);

$\text{ЧД}_{(\text{штатных})}$ – число должностей в целом по организации (штатных).

$$OD_{\text{д}} = D_{\text{д}} / \text{ЧД}_{(\text{штатных})}, \quad (3)$$

где $OD_{\text{д}}$ – показатель относительного дефицита по должностям;

$D_{\text{д}}$ – показатель дефицита по должностям;

$\text{ЧД}_{(\text{штатных})}$ – число должностей в целом по организации (штатных).

Результаты исследования

Прогноз, рассчитанный на основе разработанной прогнозной модели, говорит о следующих перспективах.

Долевые показатели по возрастным группам указывают на тенденцию «омоложения» врачей: к 2030 году врачи в возрасте до 45 лет составят 2/3 общей численности; врачи предпенсионного и пенсионного возраста – соответственно 8,3 и 6,7% (рис. 1).

По сравнению с врачами в категории «СМП» возрастная структура изменится незначительно. Тенденции к «омоложению» не наблюдается, доля когорты «46–50 лет» увеличится на 7%, также незначительно возрастет когорта «51–55 лет», доля пенсионеров и предпенсионеров составит, соответственно, 4,8 и 7,1% (рис. 2).

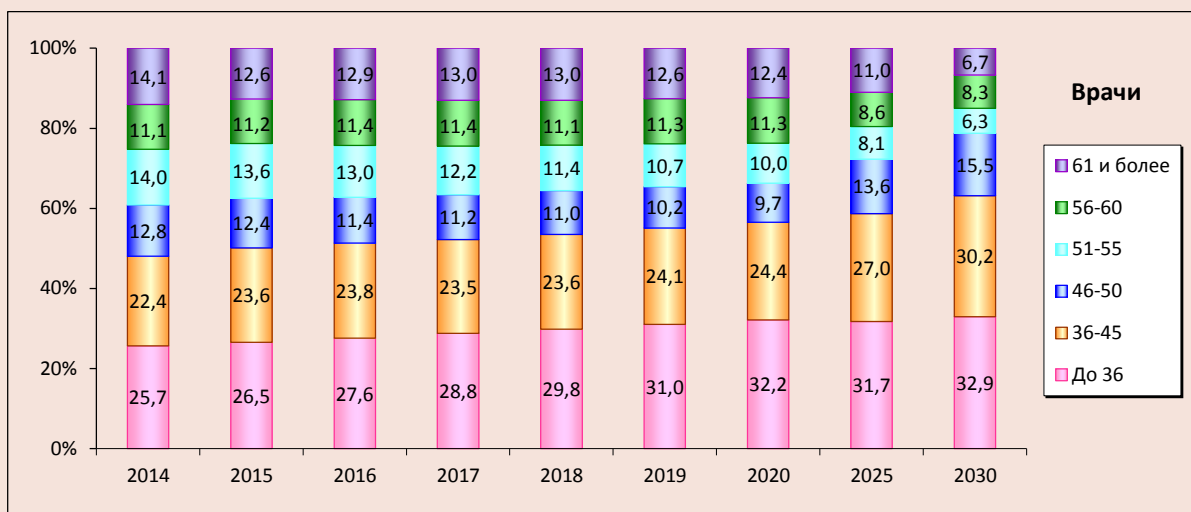
Что касается гендерного состава медработников, то он остается неизменным: среди врачей сохраняется соотношение 30% мужчин к 70% женщин; мужчин среди СМП еще меньше – порядка 10%.

Прогнозные показатели численности физических лиц основных работников на занятых должностях в кратко- (2020 г.), средне- (2025 г.) и долгосрочной перспективе (2030 г.) указывают на тенденцию к уменьшению численности всех категорий медработников, хотя и в разной степени: менее всего в долгосрочной перспективе изменится количество врачей; в то же время численность ММП при сохранении нынешних тенденций сократится в 8 раз относительно показателей 2014 года и в 1,2 раза – относительно показателей 2018 года (табл. 1).

Для более детального анализа были выделены 44 должности (специальности) врачей, 22 – СМП и 2 – ММП, выбор которых определялся возможностями статистического анализа и прогноза¹. Затем массив данных, касающихся

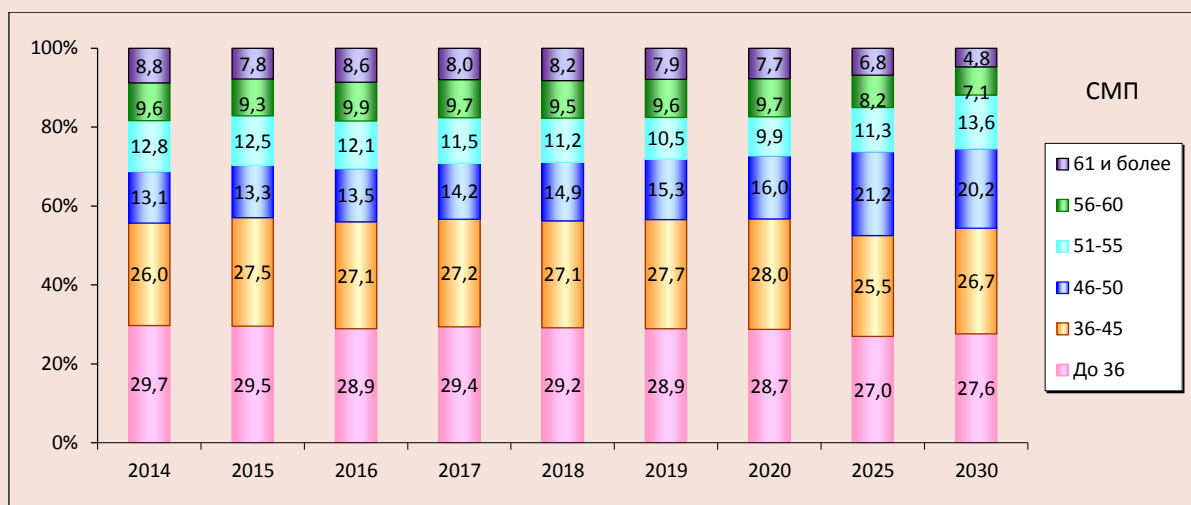
¹ Для некоторых должностей (специальностей) отсутствие данных за ряд лет не позволяло построить временные ряды.

Рис. 1. Прогноз возрастной структуры врачей, %

Источник: составлено авторами на основе результатов научного проекта «Развитие кадрового потенциала столичного здравоохранения», 2019 г.

Рис. 2. Прогноз возрастной структуры СМП, %

Источник: составлено авторами на основе результатов научного проекта «Развитие кадрового потенциала столичного здравоохранения», 2019 г.

Таблица 1. Прогноз численности физических лиц основных работников на занятых должностях, чел.

Категория	2014	2016	2018	2020	2025	2030
Врачи	48289	43777	45689	43144	42624	41203
Средний медперсонал	88832	79173	71320	61148	59984	57828
Младший медперсонал	25760	18451	3570	2830	3520	3130

Источник: составлено авторами на основе результатов научного проекта «Развитие кадрового потенциала столичного здравоохранения», 2019 г.

врачей, был разделен на 4 группы (по 11 должностей/специальностей в каждой) исходя из степени востребованности той или иной специальности в кратко-, средне- и долгосрочной перспективе. На рис. 3 и 4 представлен прогноз первой (самых востребованных специальностей) и четвертой (самых не востребованных) групп.

Согласно прогнозу, самыми востребованными окажутся врачи общей практики (семейные врачи), численность которых к 2030 г. при сохранении нынешних тенденций практически утроится; далее по степени будущей востребованности идут педиатры и анестезиологи-реаниматологи, численность которых возрастет в 1,4 раза (см. рис. 3).

При сохранении нынешних тенденций численно минимально востребованными окажутся хирурги (пластические и торакальные), а также подростковые психиатры (см. рис. 4).

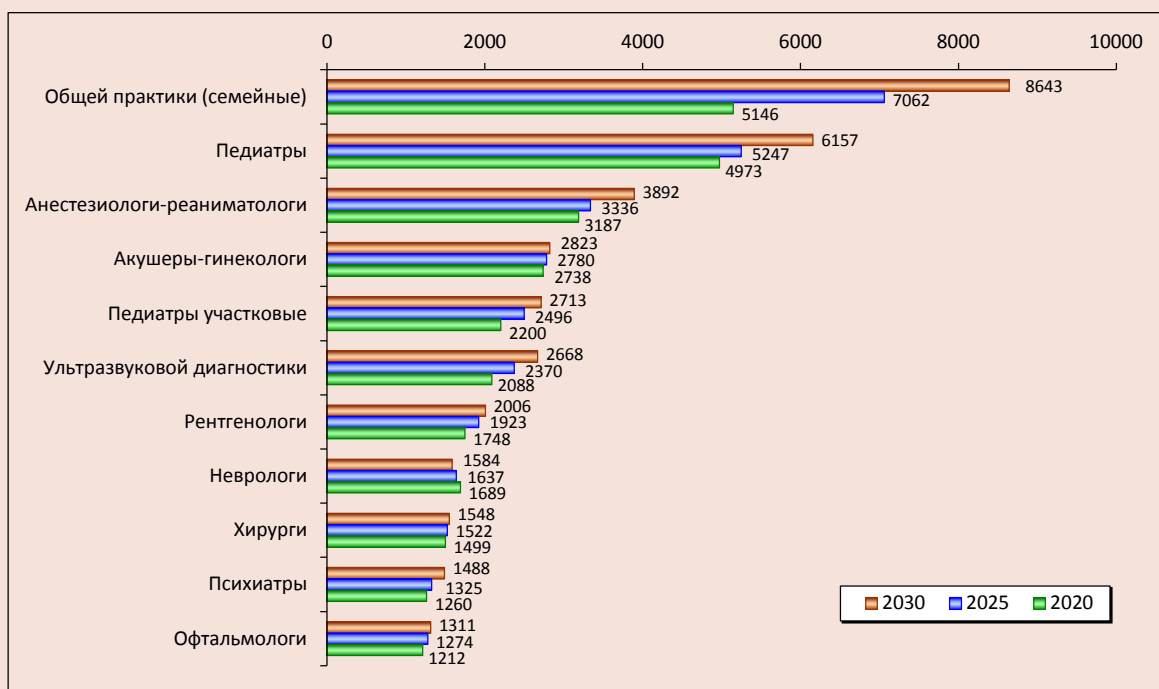
Средний медперсонал был разделен аналогичным образом на 2 группы (по 11 должностей/специальностей в каждой). В результате самыми востребованными, несмотря на, в це-

лом, снижение их численности, окажутся медицинские сестры. Далее в первой тройке по востребованности идут фельдшеры, а также палатные (постовые) сестры (рис. 5).

Прогноз в отношении второй группы специальностей СМП показал значительное снижение потребности в диетических и медицинских сестрах (фельдшер скорой помощи), а также в среднем медперсонале, работающем с зубными врачами. Что касается ММП, то здесь сохраняется тенденция к сокращению численности как санитаров, так и младших медсестер – соответственно в 2 и 1,3 раза.

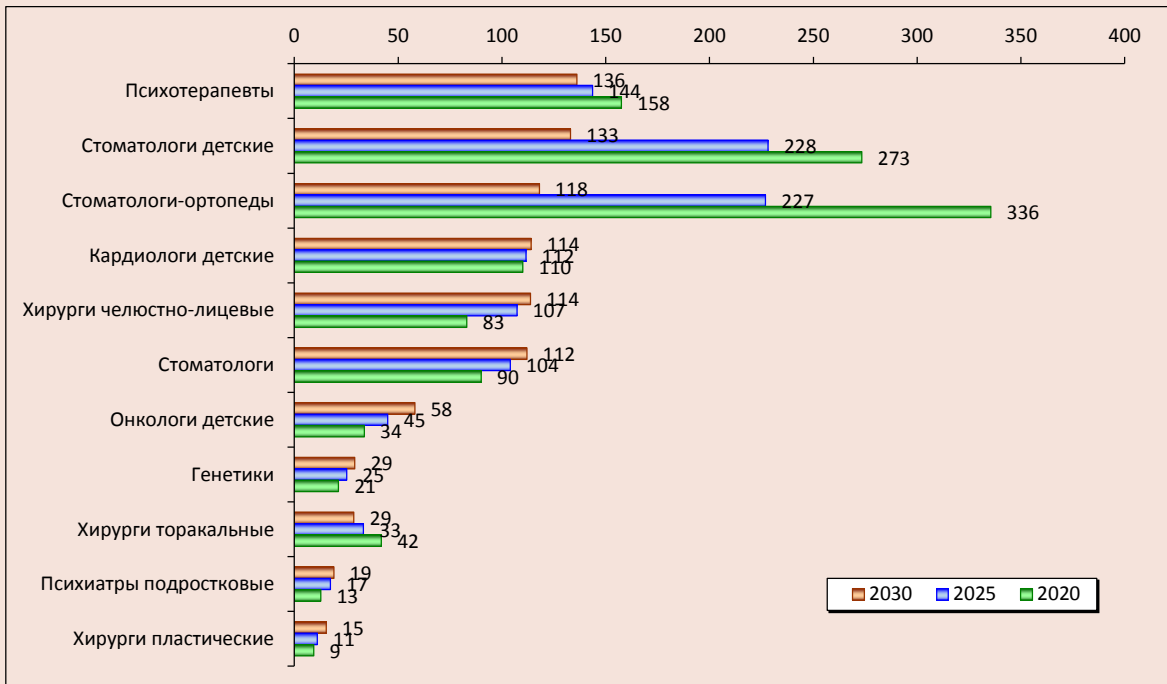
Расчет показателей укомплектованности штатов (в физических лицах) в краткосрочной перспективе – позитивный: у врачей показатель возрастет до 79,6%, у СМП сохранится в пределах 78%, у ММП достигнет 67%. Для более детального анализа весь массив данных по врачам был разделен на 4 группы, сформированные по степени укомплектованности врачами (физическими лицами) той или иной специальности в кратко-, средне- и долгосрочной перспективах. В результате менее всего уком-

Рис. 3. Прогноз численности врачей наиболее востребованных специальностей, чел.

Источник: составлено авторами на основе результатов научного проекта «Развитие кадрового потенциала столичного здравоохранения», 2019 г.

Рис. 4. Прогноз численности врачей наименее востребованных специальностей, чел.

Источник: составлено авторами на основе результатов научного проекта «Развитие кадрового потенциала столичного здравоохранения», 2019 г.

Рис. 5. Прогноз численности СМП наиболее востребованных специальностей, чел.

Источник: составлено авторами на основе результатов научного проекта «Развитие кадрового потенциала столичного здравоохранения», 2019 г.

плектованными в краткосрочной перспективе оказываются позиции пластических хирургов (28,0%); психотерапевтов (30,8%) и подростковых психиатров (60%). Гораздо лучше ситуация с укомплектованностью штатов в краткосрочной перспективе в четвертой группе: кардиологи (92,3%), офтальмологи (93,1%), эндокринологи (94,7%) и особенно участковые педиатры (почти 100%).

Что касается прогнозируемого дефицита кадров, то в долгосрочной перспективе при сохранении нынешних тенденций дефицит врачей в целом останется практически неизменным (13,8%), дефицит СМП вырастет незначительно (до 15,6%), а ММП — довольно заметно (до 32,1%). При разделении массива данных по врачам на 4 группы, сформированные по убыванию степени дефицита врачей той или иной специальности в кратко-, средне- и долгосрочной перспективах, обнаружилось, что в первой группе в долгосрочной перспективе, при сохранении нынешних тенденций, довольно заметно вырастет дефицит психотерапевтов (72,7%), пластических хирургов (72,6%) и детских психиатров (55,5%). Гораздо лучше ситуация в четвертой группе: при сохранении нынешних тенденций дефицит акушеров-гинекологов составит в долгосрочной перспективе 3,4%, челюстно-лицевых и торакальных хирургов — 2,7%.

В группе СМП в тройку наиболее дефицитных в долгосрочной перспективе входит средний медперсонал, работающий с зубными врачами (38,0%), с участковыми педиатрами (21,3%), а также массажисты (20,0%). Во второй группе СМП (массив данных по СМП был разделен по тому же принципу, что и врачи, на 2 группы) дефицит в долгосрочной перспективе не предвидится среди операционных сестер, фельдшеров и фельдшеров скорой помощи (соответственно 6,4, 4,1 и 2,5%). Что касается ММП, то дефицит младших медсестер останется практически неизменным (16%), дефицит же санитаров заметно возрастет (49,3%).

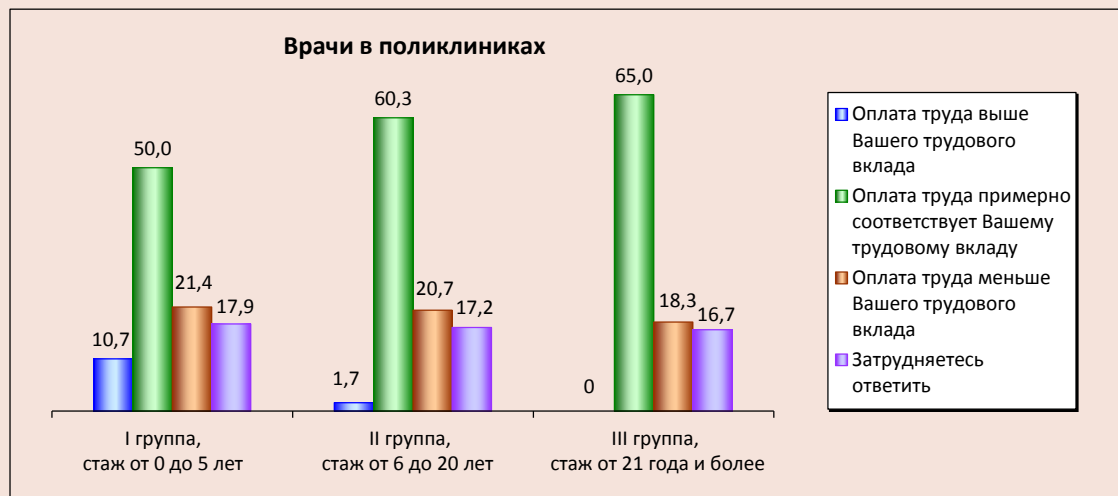
Таким образом, прогноз говорит о том, что в долгосрочной перспективе государственные учреждения столичного здравоохранения могут столкнуться с определенными кадровыми дисбалансами. В такой ситуации важно разобраться с тем, как себя чувствуют работающие в них

врачи, поскольку от этого зависит как характер движения кадров (перемещения между государственным и частным секторами, между амбулаторными учреждениями и стационарами; верность профессии в целом), так и качество оказываемой медицинской помощи.

В ходе исследования была изучена степень удовлетворенности медработников, занятых в медицинских организациях, подведомственных ДЗМ, условиями своего труда, а также определены факторы, затрудняющие, по мнению московских медиков, оказание качественной медицинской помощи.

Согласно результатам опроса, уровень удовлетворенности размером заработной платы у работающих в больницах и в поликлиниках заметно отличается: если в поликлиниках доля недовольных заработной платой составила 12,0% у врачей и 18,4% у медсестер, то в больницах — почти треть (31,6% врачей и 37,7% медсестер). Судя по всему, это связано с представлениями последних о разнице в степени ответственности и трудовых усилиях у специалистов одного профиля, работающих в стационаре и в первичном звене. Так, более трети работников больниц (35,5% врачей и 38,2% медсестер, из них треть — начинающие работать специалисты со стажем от 0 до 5 лет) считают, что оплата труда меньше их трудового вклада. В поликлиниках такой вариант ответа выбрали 19,6% врачей и 25,0% медсестер (что, впрочем, тоже не мало). У врачей заметное положительное влияние оказывает стаж — чем он больше, тем существеннее доля тех, кто полагает, что получаемое ими материальное вознаграждение соответствует трудовому вкладу: в больницах так думают 46,9% врачей со стажем работы от 6 до 20 лет и 59,3% с более чем 20-летним стажем; в поликлиниках эта тенденция еще более выражена (рис. 6). У медсестер связь со стажем, напротив, негативная. В стационарах 22,2% медсестер с небольшим стажем не удовлетворены соотношением своего трудового вклада и денежного вознаграждения (справедливым его считают 44% респондентов из этой группы). С увеличением стажа доля недовольных удваивается: среди медсестер со стажем от 6 до 20 лет таких 44,2%, с более чем 20-летним стажем — 37,2%. В поликлиниках ситуация практически аналогичная.

Рис. 6. Влияние стажа работы на представления врачей в поликлиниках о соответствии трудового вклада и материального вознаграждения, %

Источник: составлено авторами на основе результатов научного проекта «Развитие кадрового потенциала столичного здравоохранения», 2019 г.

Ощущение несоответствия денежного вознаграждения трудовому вкладу связано с тем, что, согласно результатам исследования, большинство работников столичных больниц и поликлиник серьезно загружены и очень устают на основной работе, причем врачи первичного звена – в большей степени, нежели их коллеги в стационарах (табл. 2).

Судя по данным, представленным на рис. 7, существенную долю дополнительной нагрузки у молодых врачей (стаж до 5 лет), работающих в стационарах, составляет работа с медицинской и иной документацией. Нагрузка на более опытных врачей в стационарах (с 6–20-летним стажем) растет за счет необходимости еще и выполнения функций недостающего или отсутствующего персонала и помощи более молодым коллегам. Врачи с более чем 20-летним стажем,

также отмечая серьезность нагрузки, связанной с работой с медицинской и иной документацией и необходимостью работать за других, в меньшей степени ощущают нагрузку, связанную непосредственно с лечением пациентов. Можно предположить, что разная оценка объема той или иной нагрузки обусловлена различиями в профессиональных навыках и опыте: вряд ли молодые специалисты загружены лечебной работой существенно больше, нежели их старшие коллеги, скорее, более серьезными усилиями они компенсируют отсутствие опыта. То же, по-видимому, касается и работы с документацией – с опытом скорость заполнения отчетной документации возрастает (хотя нельзя исключать и переключивания части «бумажной» работы на молодых специалистов более опытными врачами).

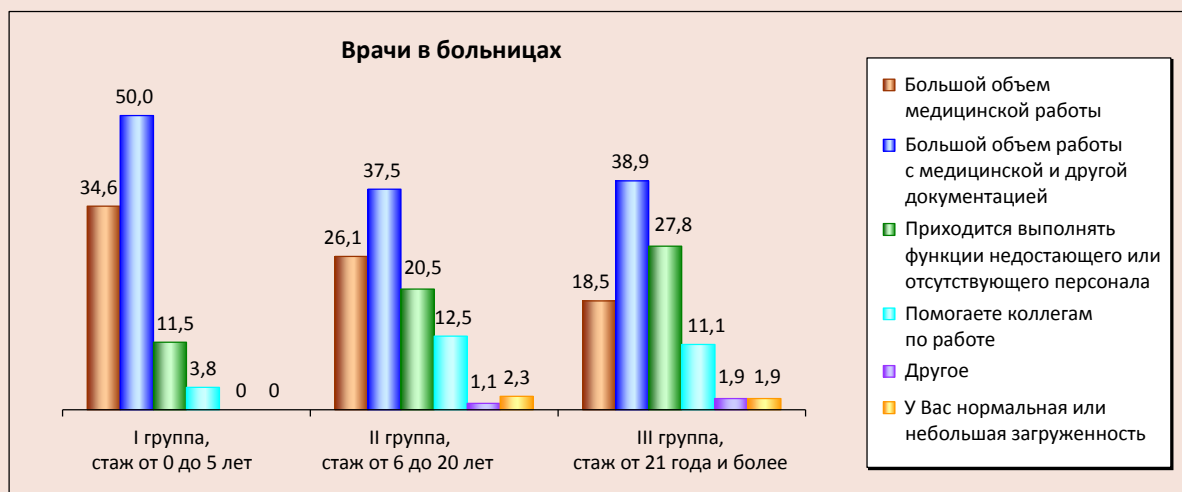
Таблица 2. Распределение ответов медработников на вопрос «Как Вы оцениваете свою загруженность, интенсивность труда на основной работе?», %

Персонал		Довольно загружены, очень устаете	Нормально загружены, работаете в меру своих сил	Итого
Больницы	Врачи	63,7	36,3	100
	Медсестры	75,5	24,5	100
Поликлиники	Врачи	71,2	28,8	100
	Медсестры	72,4	27,6	100

Источник: составлено авторами на основе результатов научного проекта «Развитие кадрового потенциала столичного здравоохранения», 2019 г.

Рис. 7. Основные виды нагрузки врачей в больницах, %

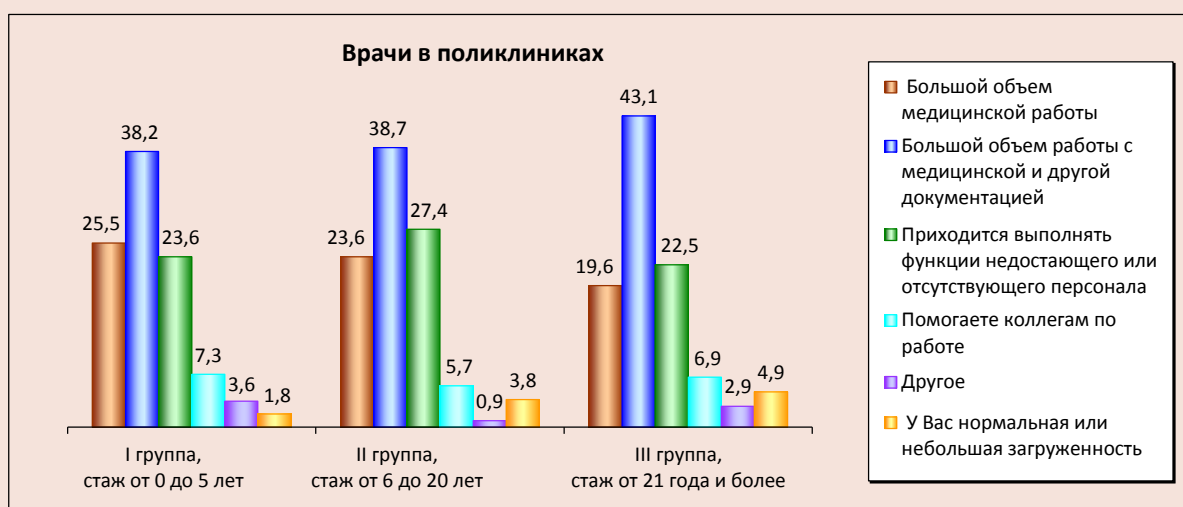

Источник: составлено авторами на основе результатов научного проекта «Развитие кадрового потенциала столичного здравоохранения», 2019 г.

В отличие от больниц, в поликлиниках функции недостающего или отсутствующего персонала почти в одинаковой мере приходится выполнять врачам с самым разным стажем работы (во всех группах отмечены каждым четвертым респондентом). Сильнее же всего врачи жалуются на большой объем работы с документацией (рис. 8).

Что касается работающих в стационарах медсестер, то у них, вне зависимости от стажа, основная нагрузка связана с большим объемом чисто медицинской работы (рис. 9). Каждая четвертая или пятая медсестра (в зависимости от стажа) указала на нагрузку, связанную с заполнением больших объемов медицинской и иной документации, а также с выполнением

Рис. 8. Основные виды нагрузки врачей в поликлиниках, %

Источник: составлено авторами на основе результатов научного проекта «Развитие кадрового потенциала столичного здравоохранения», 2019 г.

Рис. 9. Основные виды нагрузки медсестер в больницах, %

Источник: составлено авторами на основе результатов научного проекта «Развитие кадрового потенциала столичного здравоохранения», 2019 г.

функций недостающего или отсутствующего персонала. Стоит отметить, что среди СМП молодые работники чаще помогают коллегам по работе, нежели более опытные.

В поликлиниках же основная нагрузка у медсестер связана с работой с документацией (рис. 10). Более опытные специалисты ощуща-

ют эту нагрузку в меньшей степени, однако с опытом растет нагрузка, связанная с выполнением функций недостающего или отсутствующего персонала.

Рост нагрузки, связанной в том числе с резким расширением регламентации и отчетности, подтвердили и опрошенные нами эксперты:

Рис. 10. Основные виды нагрузки медсестер в поликлиниках, %

Источник: составлено авторами на основе результатов научного проекта «Развитие кадрового потенциала столичного здравоохранения», 2019 г.

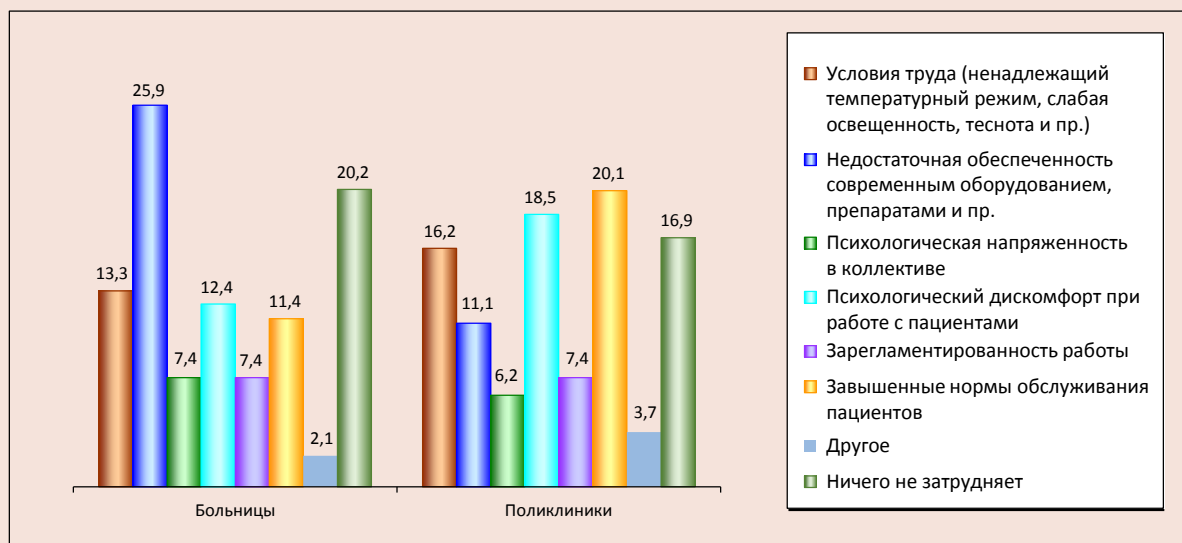
«Нагрузка, которая приходится сейчас на врачей и медсестер, совсем не та, что 10 лет назад. Не каждый готов это выдержать. И иногда это заставляет уходить в частные клиники, где нагрузка не такая высокая, как в государственных»; «Зарегламентированность работы — высокая, соблюсти все регламенты одновременно невозможно — просто потому, что невозможно все вспомнить в тот момент, когда нужно. У человека, постоянно принимающего пациентов, нет времени сидеть в правовых базах, да у него и образование не то ...».

Перегрузки усиливают риск быстрого профессионального выгорания, профилактикой которого, как подчеркивают эксперты, служит как раз «равномерное распределение нагрузки». Но, как выясняется, причины материального характера вынуждают заметную часть медработников искать возможности для дополнительного заработка. Именно на такую причину совместительства указали более трети работников городских стационаров. Судя по результатам опроса, врачи, работающие в больницах, гораздо чаще работают по совместительству или имеют другую подработку, нежели врачи, занятые в поликлиниках. Аналогичные тенденции обнаруживаются в отношении медицинских сестер.

Судя по диаграммам, представленным на рис. 11, помимо повышенной рабочей нагрузки работу медперсонала больниц затрудняет в первую очередь недостаточное обеспечение стационаров современным оборудованием, препаратами и материалами; с заметным отрывом от него идут такие факторы как завышенные нормы обслуживания пациентов и психологический дискомфорт от общения с последними. Для врачей и медсестер в поликлиниках факторами, затрудняющими работу, выступают прежде всего завышенные нормы обслуживания пациентов, проблемы коммуникаций с пациентами, а также недостаточно комфортные условия труда (теснота и т.д.).

В свою очередь, наши эксперты также обращали внимание на негативное влияние на трудовую мотивацию, которое оказывают недостаток оборудования и материалов («Если оборудование старое и у тебя все время проблемы то с расходниками, то с бланками, под тобой каждый раз падает стул, то это воспринимается как «меня не слышат и не уважают»); проблемы коммуникаций с пациентами («Жалуются на то, что при входе в процедурный кабинет попросили надеть бахилы, или на то, что попросили вести себя потише. Стало правилом, что

Рис. 11. Факторы, затрудняющие качественное выполнение работы медперсоналом поликлиник и больниц, %

Источник: составлено авторами на основе результатов научного проекта «Развитие кадрового потенциала столичного здравоохранения», 2019 г.

медработника можно обругать, стукнуть, и за это ничего не будет. Это очень способствует тому, что люди уходят из профессии — риск того, что ты будешь неправильно оценен, назван вредителем, давит на медработников, которые знают, что они правы, но общественное мнение не дает им чувствовать себя спокойно»; «Человек должен получать удовлетворение от работы, если он старался и качественно оказал медицинскую помощь. Кроме нормальной заработной платы он должен чувствовать, что больные ему благодарны, что к нему относятся с уважением — потому что он, действительно, работает в тяжелых условиях. Эмоционально очень тяжело работать в ситуации, когда тебя подозревают, что ты — враг. Это очень сильно способствует эмоциональному выгоранию».

Профилактикой конфликтов с пациентами должна служить психологическая помощь: *«Должен быть баланс отрицательных и положительных эмоций. Медработники должны учиться восстанавливать свои эмоциональные силы: доктор не плохой — он устал. Не зря в других странах с медперсоналом работают психологи. У нас этого нет»; «Любой, даже самый высокопрофессиональный врач, будучи избит на приеме пациентом, просто уйдет. Медиков надо учить контролировать ситуацию — это определенный профессиональный риск, и надо самим стараться сводить такие ситуации к минимуму».*

Анализ результатов исследования позволяет указать еще на ряд инструментов материального и нематериального характера, позволяющих закрепить необходимые медицинские кадры и повысить качество их работы:

1. Повышение фиксированной части заработной платы (оклада). Статистика говорит о том, что эта часть оплаты труда медработников изменилась незначительно, а с учетом инфляции — практически не изменилась. Очевидно, что работникам спокойнее рассчитывать на полагающийся им оклад, нежели на такую непостоянную компоненту заработка, как премия. Так, на то, что для комфортной работы необходимо повышение базового оклада, указали 58,8 % медработников, работающих в больницах (чуть более трети указали на стимулирующие выплаты), и 65,5% поликлинических работников (стимулирующие выплаты отмечены четвертью респондентов из этой группы).

2. Выплата стимулирующих надбавок, важность которых отмечена более чем половиной респондентов, а также экспертами («Зарплата должна быть дифференцированной. Если между базовой и максимально высокой зарплатой разница небольшая, то это не будет являться мотивирующим фактором»), должна быть четко регламентирована — с тем, чтобы каждый понимал, за что он получает премию и что можно сделать, чтобы ее повысить без ущерба для основной деятельности.

3. Обеспечение адекватных условий труда:

- врачи должны лечить, а не заниматься иной деятельностью (планировать закупки медицинского инвентаря, лекарств и т.п. и, тем более, заниматься поиском поставщиков и непосредственно закупкой);

- необходимо увеличение количества времени, отводимого на прием пациента — в противном случае врач не может получить удовлетворения от собственной работы, не говоря уже о результате (на это указывают и зарубежные исследования [23]);

- адекватное планирование рабочего времени медработников — недопущение/ограничение переработок;

- создание возможностей для полноценного отдыха (иногда действенным методом профилактики профессионального выгорания может стать отправка в приказном порядке во внеплановый отпуск в санаторий или профилакторий);

- планирование «индивидуальной карты профессионального развития сотрудника»: с момента трудоустройства и до выхода на пенсию медработник должен иметь представление о возможных траекториях профессионального и карьерного роста, в том числе о сроках, в которые могут быть достигнуты те или иные этапы карьеры.

* * *

Таким образом, исследование показало, что в будущем даже в Москве с ее разнообразными возможностями подведомственные городу медицинские организации могут столкнуться с рядом кадровых дефицитов и дисбалансов. И хотя они не критичны, тем не менее подобный прогноз заставляет более внимательно взглянуть на то, как сегодня себя чувствуют столичные медицинские работники,

с тем чтобы, по возможности, скорректировать обнаруженные проблемы. Полученные в ходе исследования данные соответствуют выводам многочисленных специалистов, как ученых, так и практиков, о том, что в результате оптимизации и при необходимости достижения показателей по зарплате, соответствующих т.н. «майским указам» (2012 года), уровень нагрузки медработников существенно вырос. Между

тем, чрезмерная интенсивность труда, даже при увеличении материального вознаграждения, приводит к сокращению физических, интеллектуальных и психоэмоциональных ресурсов медицинского персонала, провоцирует хронические заболевания и эмоциональное выгорание. Это, в свою очередь, отражается на качестве медицинских услуг, а также на текучести кадров, включая уход из профессии.

Литература

1. *The world health report 2006: working together for health*. URL: https://www.who.int/whr/2006/whr06_en.pdf?ua=1
2. *Global strategy on human resources for health: Workforce 2030*. URL: https://www.who.int/hrh/resources/global_strategy_workforce2030_14_print.pdf?ua=1
3. *Health at a Glance 2017: OECD Indicators*. URL: <https://www.health.gov.il/publicationsfiles/healthataglance2017.pdf>
4. Organization and financing of public health services in Europe. Ed. by Bernd Rechel, Elke Jakubowski, Martin McKee, Ellen Nolte. URL: http://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0011/370946/public-health-services.pdf?ua=1
5. Handbook on monitoring and evaluation of human resources for health, with special applications for low- and middle-income countries. Ed. By Mario R. Dal Poz Neeru Gupta Estelle Quain Agnes L.B. Soucat. URL: <https://www.who.int/workforcealliance/knowledge/toolkit/25.pdf?ua=1>
6. Helderma J.-K. The crisis as catalyst for reframing health care policies in the European Union. *Health Economics, Policy and Law*, 2015, no. 10 (1), pp. 45–59.
7. Simou E., Koutsogeorgou E. Effects of the economic crisis on health and healthcare in Greece in the literature from 2009 to 2013: A systematic review. *Health Policy*, 2014, no. 115 (2-3), pp. 111–119.
8. Kyaddondo D, Whyte SR. Working in a decentralized system: a threat to health workers' respect and survival in Uganda. *International Journal of Health Planning and Management*, 2003, no. 18(4), pp. 329–342.
9. Jewkes R, Abrahams N, Mvo Z. Why do nurses abuse patients? Reflections from South African obstetric services. *Social Sciences and Medicine*, 1998, no. 47 (11), pp. 1781–1795.
10. Brewer CS, Zayas LE, Kahn LS, Sienkiewicz MJ. Nursing recruitment and retention in New York State: a qualitative workforce needs assessment. *Policy, Politics and Nursing Practice*, 2006, no. 7 (1), pp. 54–63.
11. Richardson G. et al. Economic Evaluation of a Nursing-Led Intermediate Care Unit. *International Journal of Technology Assessment in Health Care*. 2001, no. 17 (3), pp. 442–450.
12. Jumpa M, Jan S, Mills A. The role of regulation in influencing income-generating activities among public sector doctors in Peru. *Human Resources for Health*, 2007.
13. Gruen R, Anwar R, Begum T et al. Dual job holding practitioners in Bangladesh: an exploration. *Social Science and Medicine*, 2002, no. 54 (2), pp. 267–279.
14. Filc D., Davidovitch N. Rethinking the private-public mix in health care: Analysis of health reforms in Israel during the last three decades. *Journal of Health Services Research and Policy*, 2016, no. 21 (4), pp. 249–256.
15. Ferrinho P, Van Lerberghe W, Julien MR et al. How and why public sector doctors engage in private practice in Portuguese-speaking African countries. *Health Policy and Planning*, 1998, no. 13 (3), pp. 332–338.
16. Bossert Th. Et al. Assessing financing, education, management and policy context for strategic planning of human resources for health. URL: https://www.who.int/hrh/tools/assessing_financing.pdf
17. *Human resources for health: Overcoming the Crisis*. URL: https://www.who.int/hrh/documents/JLi_hrh_report.pdf
18. Улумбекова Г.Э. Здравоохранение России. Что надо делать. 2-е изд. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2015. 704 с.
19. Ярашева А.В. Исследование кадрового потенциала московского здравоохранения // *Московская медицина*. 2019. № 3.

20. Управленческие кадры в московском здравоохранении: поиск ответов на актуальные вопросы / О.А. Александрова, Е.И. Аксенова, А.В. Ярашева, Н.В. Аликперова, Ю.С. Ненахова // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2019. № 5.
21. Александрова О.А., Комолова О.А. Формирование кадрового резерва руководителей столичных медучреждений в условиях реформы здравоохранения. Часть 1: Кадровый состав руководства медучреждений и проблемы его формирования в преддверии реформы здравоохранения // Труд и социальные отношения. 2019. Т. XXX. № 2 (152). С. 5–18.
22. Новикова Н.В., Поздеева О.Г. Прогнозирование национальной экономики: учебно-методическое пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2007.
23. Brooks C. Working with healthcare professionals. In: Walshe K. and Smith, J. (Eds.) Healthcare Management. Maidenhead: Open University Press, 2006.

Сведения об авторах

Азиза Викторовна Ярашева – д.э.н., профессор, профессор РАН, ведущий аналитик, НИИ организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения г. Москвы (115088, Российская Федерация, г. Москва, ул. Шарикоподшипниковская, д. 9), зав. лабораторией, Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН (117218, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр., д. 32; e-mail: baktriana@rambler.ru)

Ольга Аркадьевна Александрова – д.э.н., аналитик, НИИ организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения г. Москвы (115088, Российская Федерация, г. Москва, ул. Шарикоподшипниковская, д. 9), профессор департамента, Финансовый университет при Правительстве РФ (125167, Российская Федерация, г. Москва, Ленинградский пр-т, д.49; e-mail: a762rab@mail.ru)

Елена Ильинична Медведева – д.э.н., доцент, заведующий кафедрой, профессор кафедры, Государственный социально-гуманитарный университет (140411, Российская Федерация, Московская область, г. Коломна, ул. Зеленая, д. 30 кор. 1), ведущий научный сотрудник, Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН (117218, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр., д. 32; e-mail: e_lenam@mail.ru)

Наталья Валерьевна Аликперова – к.э.н., доцент департамента, Финансовый университет при Правительстве РФ (125167, Российская Федерация, г. Москва, Ленинградский пр-т, д. 49), аналитик, НИИ организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения г. Москвы (115088, Российская Федерация, г. Москва, ул. Шарикоподшипниковская, д. 9; e-mail: natalie_danilina@mail.ru)

Сергей Викторович Крошилин – к.т.н., доцент, проректор, Государственный социально-гуманитарный университет (140411, Российская Федерация, Московская область, г. Коломна, ул. Зеленая, д. 30 кор. 1), старший научный сотрудник, Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН (117218, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр., д. 32; e-mail: krosh_sergey@mail.ru)

Yarasheva A.V., Aleksandrova O.A., Medvedeva E.I.,
Alikperova N.V., Kroshilin S.V.

Problems and Prospects of Personnel Support of the Moscow Healthcare System

Abstract. The article is devoted to the study of the problem of personnel support in the capital's healthcare. Its research is connected, on the one hand, with the analysis of statistical data on the medical personnel staff in organizations, which allows building (on the basis of theoretical model) the prognosis of availability/absence of staff (according to different indicators). On the other hand, it is connected with the analysis of

motivational factors affecting entrance into the profession, long successful professional career, processes of “burnout” and retirement from the profession. In the article, we present the results of the scientific project, conducted in 2019, on studying problems of the quality of the staff in the Moscow’s system of healthcare within the implementation of the current capital standard of providing medical assistance. The usage of statistical, mathematical, and sociological research methods allowed us to identify not only the characteristic features of the available labor resources, but also the prospects of personnel support of Moscow healthcare institutions. The forecast for the development of the personnel potential of Moscow’s medical organizations is based on statistical data for the last 5 years (2014–2018). The prospects of changing of the age and gender structure of employees (doctors and nursing staff), the number of doctors of the most popular specialties in the capital are shown. On the basis of sociological surveys, we reveal the level of satisfaction of medical employees (depending on working experience) with working conditions (salaries in hospitals and clinics and its correspondence with the work performed). We also define main types of doctors and nursing staff’s workload, which act as motivational factors affecting the quality of medical assistance. On the basis of expert opinions, we show material and non-material factors that determine the increase of the personnel potential of the Moscow’s healthcare system.

Key words: healthcare, personnel support, working conditions, motivations, prospects of personnel needs, Moscow.

Information about the Authors

Aziza Viktorovna Yarasheva – Doctor of Sciences (Economics), Professor, RAS Professor, Leading Analyst, Research Institute Healthcare Organization and Medical Management of MHD (9, Sharikopodshipnikovskaya Street, Moscow, 115088, the Russian Federation), Head of the Laboratory, Institute of Socio-Economic Studies of Population of RAS (32, Nakhimovskii Ave., Moscow, 117218, the Russian Federation; e-mail: baktriana@rambler.ru)

Ol’ga Arkad’evna Aleksandrova – Doctor of Sciences (Economics), Analyst, Research Institute Healthcare Organization and Medical Management of MHD (9, Sharikopodshipnikovskaya Street, Moscow, 115088, the Russian Federation), Professor of the Department, Financial University under the Government of the Russian Federation (49, Leningradskii Ave., Moscow, 125167, the Russian Federation; e-mail: a762rab@mail.ru)

Elena Il’nichna Medvedeva – Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, Professor of Department, State Social and Humanitarian University (Build.1, 30, Zelenaya Street, Kolomna, Moscow Oblast, 140411, the Russian Federation), Leading Researcher, Institute of Socio-Economic Studies of Population of RAS (32, Nakhimovskii Ave., Moscow, 117218, the Russian Federation; e-mail: e_lenam@mail.ru)

Natal’ya Valer’evna Alikperova – Candidate of Sciences (Economics), Analyst, Research Institute Healthcare Organization and Medical Management of MHD (9, Sharikopodshipnikovskaya Street, Moscow, 115088, the Russian Federation), Senior Lecturer, Financial University under the Government of the Russian Federation (49, Leningradskii Ave., Moscow, 125167, the Russian Federation ; e-mail: natalie_danilina@mail.ru)

Sergei Viktorovich Kroshilin – Candidate of Sciences (Engineering), Associate Professor of Department, State Social and Humanitarian University (Build.1, 30, Zelenaya Street, Kolomna, Moscow Oblast, 140411, the Russian Federation), Senior Researcher, Institute of Socio-Economic Studies of Population of RAS (32, Nakhimovskii Ave., Moscow, 117218, the Russian Federation; e-mail: krosh_sergey@mail.ru)

Статья поступила 30.09.2019.

Коллективные действия и социальный капитал: импликация концепций*

Татьяна Анатольевна

ГУЖАВИНА

Вологодский научный центр Российской академии наук
160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а

E-mail: tanja_gta@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0636-7690; ResearcherID: R-4871-2017

Аннотация. Коллективные действия по своей сути представляют собой основу социального взаимодействия. Коллективное действие трактуется как некая система организованных индивидуальных, входящих в группы, имеющие определенную степень организации. Особенностью коллективных действий является тот факт, что в них той или иной форме вовлечены практически все люди. Одним из первых социологов, начавших исследование коллективных действий, стал М. Вебер. Именно он обозначил коллективное действие как социальное. При изучении потребительского поведения экономисты также обратили внимание на коллективные действия людей (Э. Остром). Итогом стали концепция социального действия в социологии, теория коллективного действия в экономике. В дальнейшем круг исследователей и изучаемых проблем в контексте коллективного действия только расширялся. К экономистам и социологам присоединились психологи, политологи, антропологи, биологи и др. Теория коллективного действия позволяет объяснить достаточно широкий круг явлений из области социальной жизни. С данной концепцией тесно связана теория социального капитала, возникающая на стыке экономической и социальной науки. Социальный капитал представляет собой фактор, обуславливающий интенсивность, результативность и массовость коллективных действий. Однако и сам социальный капитал формируется под воздействием коллективных действий. В зарубежной науке проблематика коллективных действий и социального капитала рассматриваются как взаимосвязанные.

* Работа подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект «Коллективные действия и социальный капитал в российском обществе» № 20-011-00326 А.

Для цитирования: Гужавина Т.А. Коллективные действия и социальный капитал: импликация концепций // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 1. С. 191–203. DOI: 10.15838/esc.2020.1.67.11

For citation: Guzhavina T.A. Collective Actions and Social Capital: Implication of Concepts. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2020, vol. 13, no.1, pp. 191–203. DOI: 10.15838/esc.2020.1.67.11

В отечественной социальной науке этот союз еще должен состояться. Теория социального капитала имеет зонтичный эффект, позволяющий осуществить поиск возможностей теоретической и методологической интеграции компонентов социального капитала и форм коллективных действий. Цель данной статьи: на основе обзора основных направлений исследований социального капитала и коллективных действий в научной литературе показать наиболее перспективные точки их соприкосновения для изучения социальной реальности в российских условиях. В качестве таковых обозначены исследование субъектов коллективных действий, трансформация их целей, обогащение репертуара за счет возникновения новых практик и использования виртуального пространства. Важным аспектом выступает среда реализации коллективных действий, формирующая их целевую направленность. Импликация концепций социального капитала и коллективных действий должна позволить выявить аспекты взаимовлияния между ними.

Ключевые слова: коллективные действия, субъекты коллективных действий, репертуар коллективных действий, социальный капитал, типы социального капитала, социальная реальность.

Постановка проблемы

Коллективные действия являются разнообразностью социальных действий и представляют собой значимый феномен социальной жизни. Они образуют основу сообществ людей, включены в повседневную жизнь любого человека. Коллективные действия весьма разнообразны и охватывают практически все сферы человеческой жизнедеятельности. Среди них общественные движения, электоральное поведение, членство в группах по интересам, управление общим имуществом, взаимодействие при отстаивании коллективных интересов, противоборство, поклонение кумирам и т.д. Несмотря на достаточно давний интерес к этому социальному явлению, проблема коллективных действий продолжает оставаться актуальной. В силу того что теории коллективного действия (collective action theory) объясняют широкий круг явлений, связанных с достижением общественных (коллективных) благ (public goods), они занимают важное место в социальных и гуманитарных науках. В последние десятилетия наблюдается как распространение самих коллективных действий, так и рост интереса к их исследованию, что во многом связано с изменениями, порожденными глобализацией социума, расширением зоны постиндустриализма, нивелированием большинства существующих между народами различий, что порождает идентичные практики. Коллективные действия охватывают все более разнообразные сферы социума, а развитие цифровых информационно-коммуникативных систем облегчает взаимодействие акторов, позволяет расширять

число участников. В социологической традиции коллективное действие определяют как «совместные действия (или бездействие) людей, преследующих общие интересы» [1]. В современной трактовке коллективные действия трактуются как система организованных индивидуумов, входящих в определенной степени организованные группы [2].

При этом репертуар действий может быть весьма разнообразным. Наиболее заметны открытые действия прямого характера, такие как массовые митинги, шествия, забастовки, пикеты, флешмобы [3]. С возникновением новых коммуникационных возможностей получают распространение и не прямые действия в виде петиций и обращений, открытых писем, интервью и видеообращений, рассылки информации, обмена новостями, используются виртуальные дискуссионные площадки и т.п. Рост числа коллективных действий в последнее десятилетие может служить как свидетельством роста не решаемых правительствами и элитами социальных проблем, так и показателем роста субъектности индивидов в самых разных по уровню развития, культурным традициям и историческому наследию обществах. Примером может служить тот факт, что только в нашей стране за период 2017–2018 гг. было зафиксировано более двух с половиной тысяч коллективных действий с использованием способов прямого действия. Большая их часть реализовывалась в форме протестных акций, направленных на привлечение внимания к социально-экономическим, экологическим, трудовым и другим

проблемам, волнующим российских граждан¹. Международные события последних лет также свидетельствуют о высоком уровне коллективных действий. Достаточно вспомнить движение «желтых жилетов» во Франции² или события в Чили³. ООН отмечает рост протестных движений по всему миру⁴.

Исследование коллективных действий возможно на основе различных концептуальных оснований. Чаще всего используются теории коллективного действия, относительной депривации, рационального выбора, мобилизации ресурсов, новых социальных движений. При этом концепция социального капитала оказалась менее востребованной. Цель данной статьи — показать эвристические возможности синтеза концепций социального капитала и коллективных действий для объяснения собственно самого явления коллективного действия.

Социальный капитал: основы концепции

К концу XX столетия в области социальных наук сформировалось мощное научное направление, обозначенное популярной и удачной метафорой «социальный капитал». Данный концепт, трактуемый в контексте социальных связей, влияющих на личные взаимодействия, успешно используется для объяснения множества явлений. Существует значительное количество публикаций, доказывающих, что социальный капитал имеет значение для понимания существующих на групповом и индивидуальном уровне различий, а также, что политические решения должны приниматься с учетом их воздействия на социальный капитал сообществ. Тем не менее, несмотря на значительное количество исследований, однозначной трактов-

ки социального капитала не сложилось. Более того, существует мнение, согласно которому излишне оптимистично считать, что вообще возможно создать единую концепцию социального капитала, способную объяснить процессы в таких разнообразных областях социума, как экономика, политика, социальная сфера [4]. Правильнее было бы считать, что социальный капитал — это понятие, способное объединить, с одной стороны, разрозненные, с другой — взаимосвязанные научные исследования, способное к формированию междисциплинарных исследований.

Первые упоминания о социальном капитале в работах Л. Ханнифан, Д. Джейкобса носили скорее метафорический характер. Принципиальный вклад в формирование концепции, внесенный Дж. Коулманом, Р. Патнемом и П. Бурдые, позволяет считать данных исследователей классиками концепции. Дж. Коулман и Р. Патнем сделали акцент на ценностях и сетях, П. Бурдые обратил внимание на проблемы неравенства и социальной справедливости.

Сама концепция появилась благодаря сравнительному исследованию регионов. Р. Патнем и Дж. Хеллиуэлл на основе сравнительного анализа экономических показателей регионов смогли выявить различия в их развитии [5]. Главным итогом исследования стал вывод о наличии в районах Северной Италии тесной взаимосвязи между властными структурами и структурами гражданского общества. Позднее Р. Патнем рассмотрел ситуацию и в американском обществе, где отметил снижение запасов социального капитала [6]. Ослабление социальных связей, считает ученый, ведет к тому, что американцы все менее склонны принимать участие в деятельности различных общественных объединений, снижается их избирательная активность, сокращается число членов профсоюзов, слабее становятся соседские связи, разрушается система образования и т.п. Он пришел к выводу, что потери социального капитала могут негативно повлиять на возможность процветания американского сообщества.

Патнем использовал концепцию социального капитала, чтобы пролить дальнейший свет на это различие в выполнении гражданских обязанностей. Он утверждал, что «социальный капитал относится к свойствам социальной организации, таким, например, как доверие, нор-

¹ Рост протестной активности в России: результаты всероссийского мониторинга 2017–2018 гг./ Центр экономических и политических реформ. URL: <http://cepr.ru/wp-content/uploads/2018/11/pdf> (дата обращения: 10 августа 2019 г.).

² «Желтые жилеты» поддержали протестующих в Чили // <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7049801> (дата обращения: 28.10.2019).

³ Почти 900 тысяч чилийцев пришли на акцию протеста в Сантьяго // <https://rg.ru/2019/10/26/pochti-900-tysiach-chelovek-prishli-na-akciiu-protesta-v-stolice-chili.html> (дата обращения: 26.10.2019).

⁴ В ООН отметили рост протестных движений по всему миру. https://ria.ru/20191025/1560222133.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews (дата обращения: 26.10.2019).

мы, сети взаимоотношений, которые могут повысить эффективность общества посредством облегчения координированных действий» [6]. Поскольку социальный капитал способствует коллективным действиям, укрепляет нормы, необходимые для взаимодействия, обеспечивает возможности для получения и распространения информации, в том числе о репутации членов сети, Патнем характеризует его как воплощение положительных результатов предыдущих совместных действий, а также как модель для будущего сотрудничества. Итак, Патнем определил сети взаимоотношений, нормы и доверие как базовые составляющие социального капитала. По его мнению, суть теории социального капитала заключается в признании ценности сетей взаимоотношений и влияния контактов на результативность взаимодействия между индивидами и группами.

Вклад Р. Патнема в концепцию связан и с началом его структурного анализа. На основе выявленных функций он выделил разные типы капитала. Первый тип, бриджинговый или перекрывающий, ориентирован на объединение людей, на создание ими широких связей, выходящих за пределы группы. Второй тип, бондинговый или ограничивающий, ориентирован на создание прочных групповых связей, ориентированных на укрепление идентичности, однородности объединения. Выделение этих типов имеет важное смысловое значение, поскольку каждый тип порождает совершенно разные внешние эффекты. В первом случае формируются сети, объединяющие разных людей, и эффекты скорее будут положительными, а во втором – объединяющие людей схожих. Эффекты здесь будут менее существенны и выше риски возникновения отрицательных последствий [6]. Подобное различие в типах было замечено и другими исследователями. В частности, М. Гранновтер выявил сильные и слабые связи, считая последние наиболее результативными, например, для поиска работы, поскольку они делают более доступной необходимую информацию [7]. Слабые связи создают условия для эффективного обмена информацией и облегчают возможность осуществления коллективных действий. Существует и иное видение структуры социального капитала. Ф. Пичлер и К. Уоллес предложили выделить формальный, неформальный и семейный его типы [8].

В их трактовке формальный социальный капитал основан на обобщенном доверии и участии в НКО, неформальный возникает из связей с родными, друзьями, коллегами. И, наконец, семейный тип означает сильную ориентацию на семью и получение помощи от нее.

Социальный капитал у П. Бурдьё предстает как одна из форм совокупного капитала [9]. Он выделял его наряду с экономическим капиталом, который считал основным, но понимал как совокупность ресурсов, реальных или потенциальных. По мнению П. Бурдьё, данная форма капитала может существовать только в «практическом состоянии», в форме обмена, что способствует его поддержанию. Социальный капитал может быть замечен на уровне отдельных агентов, но проявляет себя только во взаимодействии, на уровне связей. Но он становится наиболее заметен, «когда различные индивиды получают слишком неравные прибыли при практически равном капитале (экономическом или культурном)» [9, с. 66]. П. Бурдьё признавал значение связей отдельного индивида («объем его социального капитала»), представленных числом знакомств, которые можно в дальнейшем использовать. Индивидуальный социальный капитал в такой форме требует инвестиций, выражаемых в поддержке контактов [9, с. 67]. Целью поддержки, считает П. Бурдьё, становится преобразование случайных контактов, возникающих в среде знакомых, родственников, коллег по работе, в такие социальные взаимоотношения, которые прямо могут быть использованы в ближайшее или будущее время. «Эти отношения могут непосредственно задействоваться в кратко- или долгосрочном периодах времени, когда происходит трансформация случайных связей (например, в случае отношений на рабочем месте, отношений соседства или даже родства) в связи, которые одновременно и обязательны, и избирательны и предполагают длительные обязательства, ощущаемые на субъективном уровне (например, чувства благодарности, уважения, дружбы и т.д.) или гарантированные институционально (права)» [9, с. 67]. Исследуя социальный капитал, П. Бурдьё выходит на проблематику социального неравенства, которое ее и формирует, и закрепляет. Н. Лин также выделил два социальных механизма, сохраняющих неравенство при распределении социального капитала. Первый

из них связан с неравным доступом к ценным общественным ресурсам (деньгам, влиянию, информации), что обусловлено разными позициями в социально-экономических иерархиях. Второй же основан на социально-психологической тенденции к формированию круга контактов с теми, кто имеет схожие характеристики (пол, образование, ценности, установки, социально-экономическое положение). В совокупности эти механизмы поддерживают имеющиеся неравенства [10].

Дж. Коулман использовал иной подход к трактовке социального капитала, который можно охарактеризовать как ресурсный. Для него социальный капитал – это «...совокупность ресурсов, свойственных семейным взаимоотношениям и общинной социальной организации, которые могут быть полезны для познавательного или социального развития детей или молодых людей. Эти ресурсы различны для разных людей и могут составлять важное преимущество для детей и подростков в развитии их человеческого капитала» [11]. В ресурс социальный капитал превращает наличие в нем доверия как ожидания взаимности. В свою очередь это создает для индивида перспективы включения в более широкие сети взаимодействий, в основании которых лежат общие ценности. Ресурсом, в частности, является «верность слову», «уровень доверительности». Это позволяет также трактовать социальный капитал как общественное благо, доступное всем, кто входит в соответствующую структуру, а не только тем, кто предпринимает действия для реализации своего капитала [11]. Он своего рода «побочный продукт» человеческой активности. Концепцию социального капитала Дж. Коулман применил и для исследования механизмов сотрудничества, особенно при поиске возможности выбора стратегии кооперации вместо конкуренции [12].

Концепция социального капитала активно используется для различных исследований. Широко представлен в ней региональный контекст. Так, С. Панебьянко использовал ее для изучения немецких регионов [13]. Л. Блюм и Д. Зак показали влияние паттернов социального капитала на темпы и характер экономического роста в Западной Германии [14]. Дж. Каллуа и Б. Шмитт [15], анализируя данные по

сельским районам Франции, опирались на концепцию социального капитала. Й. Дзялек [16] дал описание пространственных структур выявленного социального капитала в Польше. На европейском материале (данные Всемирного исследования ценностей) С. Нэк и П. Кифер, Р. Ла Порта проанализировали взаимосвязь между доверием и темпами экономического роста ряда стран, выявив взаимосвязь между данными показателями [17; 18]. Проблематика социального капитала продолжает расширяться и тематически, и географически. Так, проводятся комплексные исследования социального капитала в американском обществе, в Британии [19; 20]. Есть и другие аналогичные исследования странового характера [21]. Уделено внимание проблемам взаимосвязи социального капитала и других его видов, влияния на решение экономических и экологических проблем [22; 23; 24].

Преимущества социального капитала достаточно хорошо проанализированы на микро-, мезо- и макроуровне. Так, микроуровню данного феномена были посвящены труды С. Мура, С. Даниела и др. Социальный капитал на микроуровне рассматривается ими как качество или свойство индивида [25]. Мезоуровень социального капитала ученые определяют как социальный капитал организации или группы или общности [26]. Ряд исследователей обозначают его как «корпоративный социальный капитал», трактуя корпорацию расширительно [27]. Роль и значение социального капитала для устойчивого развития общества в целом рассматривается на макроуровне. Так, например, Г. Лоури интерпретирует социальный капитал в контексте рыночных отношений, обращая внимание на его инвестиционные составляющие [28]. Экономическую ценность социального капитала для развития общества отмечает Ф. Фукуяма [29].

Признание того факта, что социальный капитал облегчает решение проблем коллективных действий, стало сегодня устоявшейся позицией. Это связано с тем, что данное понятие имеет своим фундаментом идею, что социальные отношения и социальные нормы могут предоставить доступ к ценным ресурсам, способным улучшить благосостояние людей, семьи, сообществ или даже регионов или стран [30; 31].

Так, например, в сфере политики граждане, опираясь на обобщенное доверие и другие гражданские установки, объединяются в социальные и политические группы, что дает им возможность спланировать для реализации гражданских инициатив. Исследования показали, что эффекты социального капитала, безусловно, порождают социальные выгоды для индивидов. Тем самым была установлена прямая связь между определенными аспектами социального капитала и крупномасштабными результатами социального развития. Прежде всего, это касается экономического роста [32, 33; 34], снижения уровня преступности [35], роста ответственности власти перед обществом [36]. Э. Остром, будучи одной из создателей теории коллективных действий, утверждает, что «социальный капитал — это общее знание, понимание, нормы, правила и ожидания относительно форм взаимодействия, которые группы индивидов приносят в повторяющуюся деятельность» [37].

Коллективные действия: теоретический анализ

Исследовательский интерес к изучению коллективных действий имеет глубокие корни в истории науки. Поскольку человеческое общество всегда предполагало коллективное поведение и коллективные действия, то упоминания о них, попытки описания и анализа мы можем найти в трудах мыслителей различных исторических эпох. Однако собственно научный подход к изучению феномена коллективного действия следует искать в истории экономических и политических исследований периода становления индустриализма. В классических теориях можно найти немало интересных суждений относительно природы коллективных действий. Многие исследователи этого периода пытались объяснить, как структурные изменения порождали паттерны коллективных действий, как их формированию способствовали индустриализация и развитие торговли, урбанизация и концентрация населения, изменения в политической системе и в системе законодательства, новые и старые идеологические течения и т.п. Подобные попытки можно обнаружить в трудах исследователей поведения «экономического человека», направляемого «невидимой рукой рынка» на достиже-

ние личного и общественного блага (А. Смит, И. Бентам, Дж. Милль, К. Маркс, Т. Веблен и др.). Отличительной особенностью взглядов данных мыслителей является понимание ими коллективных действий как продукта структурных изменений, происходящих в определенной институциональной среде. Именно институты выступают в качестве коллективного субъекта, действия которого носят рациональный характер. Институциональный подход в дальнейшем стал основой парадигмы коллективных действий.

Не случайно, что в число современных исследователей коллективных действий одним из первых вошел экономист, представитель неинституционалистского направления М. Олсон [38]. Он выявил и охарактеризовал связи между коллективными действиями и материальными благами, а также связал возможность/невозможность коллективного действия с характером получаемого в его результате блага. Как выяснилось, имеет значение тип блага, по поводу которого совершается коллективное действие. Им же была обозначена проблема «безбилетника», получающего общедоступные блага, но уклоняющегося от участия в коллективных действиях. М. Олсон считает важным условием обеспечения коллективного блага имеющееся у индивида представление об этом благе. При этом воздействие конкретного индивида на представление о данном благе в границах большой группы малозначимо для общегруппового представления, тогда как возможность влияния зависит от личного вклада или издержек индивида при создании блага. По мнению М. Олсона, вклад индивида должен поощряться и размер поощрения должен быть связан с размером вклада.

Исследование проблемы продолжила Э. Остром (нобелевский лауреат), стремясь определить и качества благ, и институциональные образования, которые сопровождают пользование данными благами. Э. Остром выделила ряд факторов, способствующих, по ее мнению, возможности коллективного действия. Она отнесла к ним «...число участников, тип получаемого блага, гетерогенность участников, необходимость коммуникации „лицом к лицу“, форму производственной функции, наличие информации о прошлых действиях, способ связи

между индивидами и возможность индивидуального выхода» [39]. Её значительный вклад в теорию коллективных действий связан с обоснованием значения правил и норм для данного вида социального действия [40]. В дополнение к правилам и нормам была установлена и роль нематериальных стимулов для коллективных действий. Так, К.Д. Опп в исследовании [41] на основании эмпирических данных показал значение для участников коллективных действий такого фактора, как сопричастность к группе.

Дальнейшее развитие теории коллективных действий связано с включением в их объяснение категории идентичности, ставшей значимой переменной в теории. Это дало возможность выявлять то, как актер идентифицирует себя с группой [42]. Важный аспект теории представляет и тезис о приобретении актерами в процессе участия субъектности. Эффект дает себя знать в осознании права голоса, в требованиях учета интересов при принятии решений [43]. В качестве условия коллективных действий исследователи фиксируют необходимость свободы и институциональных возможностей для начала действий данной категории [44].

Постепенно сформировались достаточно устойчивые концепции, позволяющие анализировать как существовавшие, так и возникающие коллективные действия. Мощный толчок развитию теории дали социальные процессы, имевшие место в 80–90-е годы прошлого столетия. Для этого времени характерна институционализация многих общественных движений, приобретение ими четких организационных форм, что выразилось в создании множества некоммерческих организаций, ставших основой гражданского общества и получивших возможность инициировать коллективные действия. Значительный вклад в развитие парадигмы коллективного действия внесли Дж. Мак-Картти и М. Залд. Они трактуют коллективные действия как «совокупность мнений и представлений людей, в которых выражено стремление к изменению социальных институтов или социальной структуры общества» [45]. Они же предлагают термин «контрдвижение», понимая его как «совокупность мнений и убеждений, имеющих противоположную движению направленность».

При исследовании организационных форм социальных действий ученые отмечают их сетевой характер. Было замечено, что подавляющая часть участников коллективных действий имели различные социальные связи с другими участниками, что способствовало их вовлечению [46].

Серьезный вклад в исследование форм коллективных действий внес Ч. Тилли, обогативший теорию категорией «репертуар коллективного действия» [1]. Под репертуаром он понимает различные способы совершения коллективных действий, относя к ним шествия, собрания, митинги, пикеты, забастовки, обращения, петиции и т.п. Репертуар складывается под влиянием институционального и культурного контекста, накопленного опыта, традиций и исторических обстоятельств места и времени развертывания событий и т.п. Изучение репертуара действий полезно и актуально, поскольку по мере развития общества, переживания им таких катаклизмов, как революции, войны, по мере изменения форм правления во все большем количестве стран и расширения в них демократических тенденций, формирования структур гражданского общества возникали и новые паттерны коллективных действий. А вслед за этим углублялось и научное познание данного феномена, формировались новые концептуальные подходы, свидетельствующие о том, что социальная активность имеет различную природу.

Коллективные действия и социальный капитал

Теории коллективного действия и социального капитала выступают сегодня неотъемлемыми частями объяснений человеческого поведения и применяются к широкому кругу различных явлений. Концепция коллективных действий объясняет социальные движения, акции протеста, электоральное поведение, членство в группах интересов. Она продуктивна при анализе волонтерства и политических акций в отсутствие заинтересованной группы или координаторов, востребована при понимании принадлежности к широкому кругу онлайн-организаций вне формальных процедур и стимулов «членства», а также при объяснении личных, добровольно вносимых для общего пользования информационных «благ» посредством соз-

дания веб-контента и т.п. Одним из фокусов ее развития стало обсуждение «проблемы коллективного действия», возникающей в связи с искушением иждивенчества, которое может воспрепятствовать взаимовыгодным коллективным усилиям.

Современная теория социального капитала говорит о причинах сотрудничества и его избегания в ситуациях коллективных действий. С опорой на данную концепцию анализируются самые различные аспекты социальной жизни. Исследователи уделяют внимание проблемам устойчивого развития, взаимосвязи социального капитала и других его видов, значимости регионального и локального социального капитала как фактора выживания в ситуации экономических структурных кризисов, решения экологических проблем. Разнообразие изучаемых вопросов свидетельствует о наличии значительного эвристического потенциала концепций, что привело к формированию идеи о необходимости синтеза двух концепций, о чем одной из первых высказалась Э. Остром [37].

В зарубежной литературе наблюдается определенная кооперация концепций коллективного действия и социального капитала, что позволило расширить и разнообразить репертуар изучаемых вопросов. Достаточно много публикаций посвящено экономическому подходу к рассмотрению взаимосвязи социального капитала и коллективных действий. Коллективные действия рассматриваются в рамках теории институциональных изменений [47], неоинституциональный подход используется при изучении стратегий коллективных действий [48], исследуются коллективные действия в связи с кооперацией [49]. В основном же рассматриваются проблемы управления окружающей средой (экологическая экономика) [50]. Чаще всего исследования построены на примерах практик взаимодействия в развивающихся странах [21]. Социальный капитал характеризуют как условие для коллективных действий [51, 52], изучается его роль в преодолении барьеров к коллективным действиям среди бедных слоев населения [24]. Экологическая сфера также представляет собой область пересечения социального капитала и коллективных действий, тем более что данная проблема приобретает все более гло-

бальный характер [53]. Тематика коллективных действий широко представлена в психологической науке, изучающей самые различные их аспекты [54, 55].

Привлекает внимание исследователей возможность создания и укрепления социального капитала через коллективные действия в области здравоохранения. Примером может служить анализ ситуации с распространением ВИЧ-инфекции [56].

Ученые отмечают продуктивность соединения двух концепций для исследования политической сферы жизни общества. Политологи рассматривают коллективные действия прежде всего в связи с вопросами функционирования гражданского общества. Идет поиск новых форматов коллективных действий в политической сфере в условиях глобализации и урбанизации [57].

Концепция социального капитала сегодня активно используются в изучении различных сторон жизни российского общества. Отечественные исследователи социального капитала Л. Полищук и Р. Меняшев дают обстоятельный анализ данного феномена и его влияния на экономическое развитие [58]. Исследуется его влияние на социальные отношения [59], формирование границ и сфер ответственности территориальных сообществ [60, 61], взаимодействие в сетевых структурах [62, 63] и т.д. Ученые уделяют немало внимания и изучению различных форм коллективных действий [64, 65].

Но при этом явно недооценены объяснительные возможности концепции в анализе практик коллективных действий в российских условиях. Одна из немногих публикаций российских исследователей представляет собой попытку сравнить имеющийся западноевропейский и российский опыт коллективных действий и увязать его с социальным капиталом, показать влияние исторического и культурного контекста [66]. Статья представляет собой попытку осмысления исторического опыта коллективных действий, возникшего в различном культурно-историческом контексте, и не содержит исследовательских данных, позволяющих судить о взаимовлиянии коллективных действий и социального капитала в современных условиях.

Выводы

Исследование коллективных действий во взаимосвязи с социальным капиталом их участников представляется полем, требующим самого пристального внимания. Исследовательские задачи, которые встают перед учеными в данном контексте, могут охватывать целый ряд направлений.

Во-первых, наблюдается изменение собственно субъектов коллективных действий. Проявляется это в целом ряде фактов. Изменяется социальная база движений. На смену рабочему классу, функционирующему в производственной сфере, во многих случаях приходит «новый», средний класс, существующий в непромышленной сфере. Активистами становятся такие слои и группы, которые занимают специфическое место в социальной структуре общества (студенты, пенсионеры, представители профессиональных сообществ). Возникновение онлайн-организаций, действующих вне формальных процедур, отсутствие в них «членства» ведет к тому, что они становятся порой весьма размытыми по своим границам. Далеко не всегда возможно выявление субъекта как такового в силу фактического отсутствия заинтересованной группы.

Во-вторых, происходят изменения целей социальных движений, выступающих субъектами коллективных действий. В фокусе их интересов все чаще оказываются вопросы идентичности, автономии, солидарности и т.п., причем основанием их формулирования становятся объективные научные данные (экологические движения).

В-третьих, необходимо изучение коллективных действий в различных сферах жизнедеятельности (трудовой, общественной, культурной, политической, экологической и т.д.) и факторов, влияющих на их возникновение и определяющих вектор развития, а также наличия барьеров при вовлечении в действия, в их координации и достижении результатов.

В-четвертых, расширяется и видоизменяется репертуар коллективных действий. Традиционные формы публичных действий дополняются новыми, возникающими благодаря возможностям, предоставляемым виртуальными каналами взаимодействия. Во многом это связано с ослаблением использования жестких организационных форм взаимодействия, основанных на иерархии отношений, с заменой их более гибкими, ориентированными на горизонтальные связи.

В-пятых, предстоит выяснить, как взаимосвязаны коллективные действия и социальный капитал их субъектов, какое влияние они оказывают на формирование социального капитала и как тот, в свою очередь, способствует повышению их результативности и преодолению барьеров, препятствующих их функционированию.

Учитывая тот факт, что коллективные действия присущи любой сфере человеческой жизнедеятельности, можно утверждать, что именно концепция социального капитала позволяет осуществить комплексный междисциплинарный подход к исследованию самых актуальных проблем, возникающих в сетях человеческих отношений в границах повседневного взаимодействия.

Литература

1. Tilly C. From Mobilization to Revolution. MA: Addison, 1978. 349 p.
2. Medina L.F. A Unified Theory of Collective Action and Social Change, Analytical Perspectives on Politics. Ann Arbor : University of Michigan Press, 2007. 271 p.
3. Earl J., Kimport, K. Digitally Enabled Social Change. Cambridge and London : The MIT Press, 2011. 257 p.
4. Афанасьев Д.В. К исследованию роли социального капитала регионов в условиях социально-экономического кризиса // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. № 4(40). С. 88–108.
5. Putnam R. Helliwell J. Economic Growth and Social Capital in Italy. *Eastern Economic Journal*, 1995, no. 21 (3), pp. 295–307.
6. Putnam R. *Bowling Alone: the collapse and revival of American community*. New York: Simon & Schuster, 2000. 544 p.

- 7 Granovetter V.S. The Strength of Weak Ties. *The American Journal of Sociology*, 1973, vol. 78, no. 6, pp. 1360–1380.
- 8 Pichler F., Wallace C. Patterns of Formal and Informal Social Capital in Europe. *European Sociological Review*, 2007, vol. 23, no. 4, pp. 423–435.
- 9 Бурдые П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 5. С. 60–74. URL: www.ecsoc.msses.ru (дата обращения: 12.07.2019).
- 10 Lin N. Social Capital: a theory of social structure and action. Cambridge, 2001. 270 p.
- 11 Coleman J. The Foundations of Social Theory. Cambridge, MA: Belknap of Harvard UP, 1993.
- 12 Coleman J. Social Capital in the Creation of Human Capital. *American Journal of Sociology*, 1988–89, vol. 94, pp. 95–120.
- 13 Panebianco S. The impact of social capital on regional economic development. *ACSP-AESOP Congress*. Germany: Universität Kassel, 2013, pp. 8–12.
- 14 Blume L., Sack D. Patterns of social capital in West German regions. *European Urban and Regional Studies*, 2008, no. 15, pp. 229–248.
- 15 Callois J.M., Schmitt B. The role of social capital components on local economic growth: Local cohesion and openness in French rural areas. *Review of Agricultural and Environmental Studies*, 2009, no. 90 (3), pp. 257–286.
- 16 Dzialek J. Is social capital useful for explaining economic development in polish regions? *Geografiska Annaler: Series B. Human Geograph*, 2014, vol. 96, no. 2, pp. 177–193.
- 17 Knack S., Keefer P. Does social capital have an economic pay-off? A cross country investigation. *Quarterly Journal of Economics*, 1997, no. 112.4, pp. 1251–1288.
- 18 La Porta R., Lopez-de-Silanes F., Schleifer A., Vishny R.W. Trust in Large Organizations. *American Economic Review*. 1997, vol. 87, pp. 333–338.
- 19 Jones B.J. Social Capital in American life, 2017. 147 p.
- 20 Hall P. Social Capital in Britain. *British Journal of Political Science*, 1999, June, 29(03), pp. 417–461.
- 21 Ding W., Jimoh S.O., Hou Y., Hou X., Zhang W. Influence of livelihood capitals on livelihood strategies of herdsmen in inner Mongolia, China. *Sustainability (Switzerland)*, 2018, vol. 10 (9), pp. 1–17.
- 22 Czaller L. Increasing social returns to human capital: evidence from Hungarian regions *Regional Studies*, 2017. vol. 51(3), pp. 467–477.
- 23 Di Caro P. Testing and explaining economic resilience with an application to Italian regions. *Papers in Regional Science*, 2017, vol. 96 (1), pp. 93–113.
- 24 Petzold, J. Social adaptability in ecotones: Sea-level rise and climate change adaptation in flushing and the isles of scilly, UK(2018). *Island Studies Journal*, 2018, no. 13 (1), pp. 101–118.
- 25 Moore S., Daniel M., Paquet C., Dube L., Gauvin L. Association of individual network social capital with abdominal adiposity, overweight and obesity. *Journal of Public Health*, vol. 31, no. 1, pp. 175–183.
- 26 Penning J.M., Lee K. Social Capital of Organization: Conceptualization, Level of Analysis, and Performance Implication. Ed. by R.ThAJ. Leenders. S.M. Gabbay. USA: Kluwer Academic Publishers, 1998. Pp. 1–49.
- 27 Leenders R.ThAJ., Gabbay S.M., Fiegenbaum A. Corporate Social Capital and the Strategic Management Paradigm: A Contingency View on Organizational Performance. Research Report, University of Groningen, Research Institute SOM. Groningen, 2001. P. 1–38.
- 28 Loury G. A dynamic theory of racial income differences. Discussion Papers 255. Northwestern University, 1976. 95 p.
- 29 Фукуяма Ф. Великий разрыв: пер. с англ. / под общ. ред. А.В. Александровой. М.: Издательство АСТ: Ермак, 2004. 474 с.
- 30 Fafchamps M., Minten B. Property rights in flea market economy. *Economic development and cultural change*, 2001, vol. 49, no. 2, pp. 229–267.
- 31 Bowles S., Gintis H. Social Capital and Community Governance. *Economic Journal*, 2002, vol. 112 (483), pp. 419–436.
- 32 Knack S., Keefer P. Does social capital have an economic pay-off? A cross country investigation. *Quarterly Journal of Economics*, 1997, no. 112.4, pp. 1251–1288.

33. Dasgupta P., Serageldin I. Social capital: a multifaceted perspective. Washington, DC: World Bank, 2000.
34. Fedderke J.W., De Kadt R.H.J., Luiz J. Economic Growth and Social Capital // *Theory and Society*. 1999. № 28. P. 709-745.
35. Wilson W.J. *The Truly Disadvantaged: the Inner City, the Underclass and Public Policy*. Chicago: University of Chicago Press, 1987. 320 p.
36. Putnam, R.D. *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy* / R.D. Putnam, R. Leonardi, R.Y. Nanetti. Princeton: Princeton University Press, 1993.
37. Ostrom, E. Social capital: Fad or a fundamental concept? In: Dasgupta, P., Serageldin, I. (Eds.), *Social Capital, a Multifaceted Perspective*. The World Bank, Washington, DC, 2000. 176 p.
38. Olson M. *The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups*. Cambridge: Harvard University Press, 1965. 175 p.
39. Ostrom E. *Collective Action Theory*. *Oxford Handbook of Comparative Politics*, 2009. P. 186–208.
40. Ostrom E. *Governing the Commons: The Evolution of Institutions for Collective Action*. New York: Cambridge University Press, 1990. 280 p.
41. Opp K-D. Collective identity, rationality and collective political action. *Rationality and Society*, 2012, no. 24 (1), pp. 73–105.
42. Jenkins R. *Social Identity*. Abingdon: Routledge, 2004. 256 p.
43. Ranciere J. *Disagreement: Politics and Philosophy*, translated by J. Rose. Minneapolis, MN.: University of Minnesota Press, 1999. 168 p.
44. Fishbein M., Ajzen I. *Belief, attitude, intention and behaviour*. Reading, MA : Addison-Wesley, 1975. 578 p.
45. McCarthy J., Zald M. Resource mobilization and social movements: a partial theory. *American Journal of Sociology*, 1977, vol. 82, pp.1212–1241.
46. Wahlstrom M., Wennerhag M. Alone in the crowd: Lone protesters in Western European demonstrations. *International Sociology*. 2014, vol. 29 (6), pp. 565–583.
47. Ido A. The effect of social capital on collective action in community forest management in Cambodia. *International Journal of the Commons*, 2019, no. 13 (1), pp. 777–803.
48. Jicha K., Thompson G., Fulkerson G., May J. Individual Participation in Collective Action in the Context of a Caribbean Island State: Testing the Effects of Multiple Dimensions of Social Capital. *Rural Sociology*, 2011, no. 76 (2), pp. 229–256.
49. Van Laerhoven F. Governing Community Forests and the Challenge of Solving Two-level Collective Action Dilemmas – A Large-N Perspective. *Global Environmental Change* 20, 2010. Pp. 539–546.
50. Di Caro P. Testing and explaining economic resilience with an application to Italian regions. *Papers in Regional Science*, 2017, no. 96 (1), pp. 93–113.
51. Ramos-Pinto P. Social Capital as a Capacity for Collective Action. *Assessing Social Capital: Concept, Policy and Practice*. Cambridge Scholars Publishing in association with GSE Research, 2012. Pp. 53–69.
52. Young-Yong K. Effects of Social Capital on Collective Action for Community Development. *Social Behavior and Personality: an international journal*, 2018, vol. 46, no. 6, pp. 1011–1028.
53. Adger N.W. Social capital? Collective action and adaptation to climate change. *Economic Geography*, 2003, vol.79, no. 4, pp. 387–404.
54. Simon B., Klandermans B. Politicized collective identity: a social psychological analysis. *American Psychologist*, 2001, vol. 56, pp. 319–331.
55. Duncan L.E. The psychology of collective action / *The Oxford handbook of personality and social psychology*. Eds K. Deaux, M. Snyder. N.Y., 2012. Pp. 781–803.
56. Gibbs A., Campbell C., Akintola, O., Colvin C. Social contexts and building social capital for collective action: Three case studies of volunteers in the context of HIV and AIDS in South Africa. *Journal of Community & Applied Social Psychology*, 2014, vol. 25 (2), pp. 110–122.
57. Boixi C. and Posner D. Social Capital: Explaining Its Origins and Effects on Government Performance. *British Journal of Political Science*, 1998, vol. 28, issue 04, pp. 686–694.
58. Полищук Л., Меняшев Р. Экономическое значение социального капитала // *Вопросы экономики*. 2011. № 12. С. 46–65.

59. Немировский, В.Г., Немировская А.В. Социальная структура и социальный капитал населения Красноярского края: монография / Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2011. 159 с.
60. Габидинова Г.С. Содержание и структура социального капитала территории // Экономический журнал. 2013. № 3. С. 118–125.
61. Курбатова М.В., Левин С.Н., Каган Е.С. Структура социального капитала как фактор институционального развития региона // Общественные науки и современность. 2010. № 6. С. 37–51.
62. Рзаева С.В., Решетникова С.А. Социальная сеть как основа социального капитала: содержание и подходы к изучению // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2014. № 1 (8). С. 113–122.
63. Колпина Л.В., Вангородская С.А. Барьеры формирования социального капитала сетей общения в региональном сообществе (по материалам фокус-групп) // Научные ведомости. Серия: Философия. Социология. Право. 2013. № 23 (166). Вып. 26. С. 60–70.
64. Соколов А. В. Коллективные действия: подходы к пониманию и особенности организации (библиографический обзор зарубежной литературы) // Знание. Понимание. Умение. 2018. № 2. С. 113–122.
65. Селезнев П.А. Протестные движения в современной России // Вестник Казанского технологического университета. 2010. № 3. С. 334–338.
66. Буданов М.А. Влияние социального капитала на эффективность коллективного действия: традиции и перспективы // Вестн. Моск. ун-та. Серия 21: Управление (государство и общество). 2005. № 4. С. 111–125.

Сведения об авторе

Татьяна Анатольевна Гужавина — кандидат философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: tanja_gta@mail.ru)

Guzhavina T.A.

Collective Actions and Social Capital: Implication of Concepts

Abstract. Collective actions are the basis of social interaction. Collective action is defined as the system of organized individuals, who are included in groups, which have a certain degree of organization. The peculiarity of collective activities is the fact that almost all people are involved in them, in one form or another. One of the first sociologists, who started the study of collective activities, was M. Weber. It was him who designated a collective action as a social one. While studying consumer behavior, economists also paid attention to collective activities of people (E. Ostrom). The result was the emergence of the social action concept in Sociology and the theory of collective action in Economics. Later, the number of researchers and studied problems in the context of a collective action expanded. Economists and sociologists were joined by psychologists, political scientists, anthropologists, biologists, and others. The theory of collective action allows us to explain a wide range of social life phenomena. This concept is closely related to the theory of social capital, which emerged at the intersection of economic and social sciences. Social capital is a factor that determines the intensity, effectiveness, and mass scale of collective actions. However, social capital itself is formed under the influence of collective actions. In foreign science, the problems of collective action and social capital are considered interrelated. In domestic social science, it is yet to be achieved. The theory of social capital has the umbrella effect, which allows searching for opportunities of theoretical and methodological integration of social capital components and forms of collective actions. The purpose of this article is to show, on the basis of the overview of the main research areas of social capital and collective actions in scientific literature, the most promising points of their contact for studying social reality in Russia. It includes the research of subjects of collective actions,

transformation of their goals, the enrichment of the repertoire due to the emergence of new practices and the usage of virtual space. The important aspect is the environment for the implementation of collective actions, which forms their target orientation. The implication of concepts of social capital and collective action should allow us to identify aspects of mutual influence between them.

Key words: collective actions, subjects of collective actions, repertoire of collective actions, social capital, types of social capital, social reality.

Information about the Authors

Tat'yana Anatol'evna Guzhavina – Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Leading Researcher, The Vologda Research Center of RAS (56a, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: tanja_gta@mail.ru)

Статья поступила 09.01.2020.

DOI: 10.15838/esc.2020.1.67.12

УДК 331.5.024.54, ББК 65.240

© Чистова Е.В., Тырсин А.Н.

Выявление взаимосвязи между здоровьем и занятостью женщин пенсионного возраста*

**Елена Витальевна
ЧИСТОВА**

Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук
Екатеринбург, Российская Федерация, 620014, ул. Московская, д. 29, оф. 523
E-mail: elvitvas@ya.ru
ORCID: 0000-0002-0446-1555; ResearcherID: Q-5620-2016

**Александр Николаевич
ТЫРСИН**

Уральский федеральный университет им. первого Президента России
Б.Н. Ельцина
Екатеринбург, Российская Федерация, 620002, ул. Мира, д. 19
E-mail: a.n.tyrsin@urfu.ru
ORCID: 0000-0002-2660-1221; ResearcherID: T-5975-2017

Аннотация. В последнее время в России активно разрабатывается и реализуется государственная политика в области стимулирования занятости лиц старшего поколения. Цель статьи – выявление взаимосвязи между занятостью пенсионеров и их здоровьем (на примере женщин пенсионного возраста в наиболее активной возрастной группе), что позволит обосновать более эффективную политику в этой области. Представленное в статье исследование направлено на проверку двух гипотез, выдвинутых на основании анализа теоретических моделей и социологических обследований населения. Первая заключается в том, что трудовая деятельность пенсионеров способствует сохранению их здоровья, вторая – в том, что продолжают работать те пенсионеры, кому позволяет его здоровье. Сформирована схема зависимости между занятостью пенси-

* Исследование выполнено при поддержке гранта Президента (№МК-1494.2019.6 «Достойный уровень пенсий в России: резервы и пути достижения, модели оптимизации обеспечения и алгоритмы решения»).

Для цитирования: Чистова Е.В., Тырсин А.Н. Выявление взаимосвязи между здоровьем и занятостью женщин пенсионного возраста // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 1. С. 204–216. DOI: 10.15838/esc.2020.1.67.12

For citation: Chistova E.V., Tyrsin A.N. Identification of Interconnection between Health and Employment of Retirement Age Women. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2020, vol. 13, no. 1, pp. 204–216. DOI: 10.15838/esc.2020.1.67.12

онеров, их здоровьем и другими факторами, которая легла в основу построения регрессионных моделей. В качестве критерия проверки поставленных гипотез исследования построены две многомерные линейные регрессионные модели, оценивающие статистические зависимости между занятостью, состоянием здоровья пенсионеров и другими переменными. На основе расчета определителя корреляционной матрицы было исключено наличие линейной зависимости между объясняющими переменными в регрессионных моделях. Исследование проводилось на примере женщин 55–59 лет по статистическим данным Федеральной службы государственной статистики, Федеральной службы по надзору в сфере природопользования и Федерального казначейства. Результаты регрессионного анализа подтвердили только первую гипотезу, вторая гипотеза была отклонена. Доля работающих женщин в возрасте 55–59 лет статистически значимо связана с коэффициентом смертности женщин соответствующего возраста. В свою очередь, статистически значимыми факторами, влияющими на занятость женщин 55–59 лет, оказались экономический рост, напряженность на рынке труда и уровень пенсионного обеспечения.

Ключевые слова: пенсионеры, занятость, здоровье, регрессионный анализ.

Введение

В России происходит постепенное старение населения, по оценке Росстата¹, к 2036 г. каждый третий житель будет в возрасте старше трудоспособного². В перспективе российская экономика, ее отрасли и регионы страны могут испытывать дефицит одного из основных факторов производства – рабочей силы [1]. Уже в 2018 г. численность занятых в экономике, приходящихся на одного пенсионера, составляла 1,7 человека³, а в перспективе нагрузка на работающее население будет усиливаться. В качестве инструмента смягчения дефицита рабочей силы многие исследователи [2–4] рассматривают трудовую активность пенсионеров. Использование потенциала пожилых людей – это не только дополнительные трудовые ресурсы для экономики, но и в первую очередь возможность для самореализации самих пожилых людей [5]. Продолжение трудовой деятельности позволяет пенсионеру сохранить социальные связи и заботиться о своем здоровье [6]. В то же время необходимо учесть качество человеческого капитала лиц пожилого возраста. Исследование Т.М. Малевой и О.В. Синявской [7] показало, что к моменту, когда человек достигает пенсионного возраста, у него обычно есть ряд хрониче-

ческих заболеваний, а нередко – инвалидность. Поэтому вовлечение пожилых в трудовую деятельность и наращивание потенциала активного долголетия, как отмечают исследователи ВШЭ [8], могут столкнуться с весомым ограничением. Состояние здоровья пенсионеров может ограничивать их работоспособность. Активно разрабатываемая и реализуемая в последнее время в России государственная политика в области стимулирования занятости лиц старшего поколения («новая пенсионная формула», «Стратегия действий в отношении граждан пожилого возраста до 2025 года», повышение пенсионного возраста) должна не только создать возможности продления периода трудовой деятельности в старости, но и обеспечить при этом сохранение удовлетворительного состояния здоровья. Исследование взаимосвязей между занятостью пенсионеров и их здоровьем позволит обосновать более эффективную политику в этой области. Поэтому в рамках данного исследования была поставлена цель – выявить эти причинно-следственные связи на примере женщин пенсионного возраста в наиболее активной возрастной группе.

Обзор литературы

Возрастная структура населения является важным фактором социально-экономического развития, что отражается в огромном количестве работ, посвященных экономике старения [9–10]. Как справедливо отметил Ф. Ноутстайн [11], проблема демографического старения населения – это вовсе не проблема, а лишь песимистический взгляд на величайший триумф

¹ Предположительная численность населения Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://gks.ru/compendium/document/13285> (дата обращения: 01.10.2019).

² Мужчины в возрасте 60 лет и старше, женщины в возрасте 55 лет и старше.

³ Занятость и безработица // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://www.gks.ru/labour_force (дата обращения: 13.11.2019).

человечества. Несомненно, рост продолжительности жизни является главным достижением социально-экономического развития, но старение населения несет с собой большие вызовы для социальных институтов, что требует выработки обоснованной политики в этой области.

В последнее время акценты в подходе к повышению качества жизни пожилых людей смещаются от обеспечения различных механизмов социальной защиты к стимулированию развития и использования их потенциала [12]. В рамках этого подхода относительно недавно появились новые термины – люди «третьего возраста» [13] и «четвертого возраста» [14], которые отрицают прошлые представления о старости.

Широкое распространение получила концепция активного долголетия, сформированная в 1990-е гг. и направленная на решение проблемы старения населения [15]. Концепция активного старения смещает фокус обсуждения последствий старения с негативных ожиданий растущего бремени государственных расходов на анализ возможностей использования потенциала пожилых людей [16]. Согласно ВОЗ⁴, активное долголетие – это процесс оптимизации возможностей в плане здоровья, участия и безопасности в целях повышения качества жизни по мере старения людей. Обеспечение активного старения, т.е. оптимизация возможностей для здоровья, участия и безопасности в целях повышения качества жизни по мере старения населения, является важной стратегией роста. Для проведения успешной политики активного старения требуется кардинальное изменение представлений о том, что означает старение как в экономическом, так и в социальном плане [17]. Активное долголетие позволяет людям реализовать свой потенциал физического, социального и психического благополучия на протяжении всей жизни и участвовать в жизни общества в соответствии со своими потребностями, желаниями и возможностями, обеспечивая им надлежащую защиту, безопасность и уход, когда они нуждаются в помощи. Активное старение направлено на увеличение продолжительности и качества здоровой жизни всех людей по мере их старения, включая тех, кто слаб,

немошен и нуждается в уходе. Здесь трудовая и физическая активность пожилых людей рассматривается как основа их здоровья [6].

Как показали данные мониторинга общественного здоровья населения Вологодской области, проводимого ВолНИЦ РАН [18], работающие пенсионеры позитивнее характеризуют собственное здоровье. Результаты количественного исследования, проведенного в 2012 г. в Ивановской области [19], выявили, что большее влияние на субъективную оценку здоровья оказывает не возраст, а наличие высшего образования, текущей занятости, разнообразия в трудовых практиках. Д.М. Рогозин объясняет это тем, что работающие пенсионеры самостоятельно распоряжаются своим временем, включены в различные социальные сети и не зависят от заботы со стороны государства. Аналогичные результаты получены Ю.П. Лежниной по данным исследования ИС РАН «Социальная политика и социальные реформы глазами россиян»⁵. Вовлеченность пенсионеров в трудовой процесс дает им не только дополнительные доходы, но и повышает у них самооценку и улучшает самочувствие.

В то же время исследование О.В. Егоровой⁶, базой которого были данные поликлиник, выявило, что работающие женщины пенсионного возраста имеют более высокий уровень общей и хронической заболеваемости. Комплексное медико-социальное исследование по изучению образа жизни и состояния здоровья работающих женщин пенсионного возраста (на примере Пензенской области) [20] продемонстрировало, что среди работающих женщин старше 60 лет никто не отметил положительного влияния работы на здоровье. Опрос населения⁷, прове-

⁵ Лежнина Ю.П. Российские пенсионеры: уровень жизни, здоровье, занятость // Россия реформирующаяся: ежегодник / отв. ред. М.К. Горшков. Вып. 7. М.: Институт социологии РАН, 2008. С. 178–195.

⁶ Егорова О.В. Образ жизни и состояние здоровья работающих женщин пенсионного возраста : дис. ... кандидата медицинских наук : 14.02.03 [Место защиты: Всероссий. науч.-исслед. ин-т ж.-д. гигиены]. М., 2011. 173 с.

⁷ Влияние трудового и пенсионного поведения населения на обеспечение долгосрочной устойчивости пенсионной системы в Российской Федерации и снижение рисков депривационной бедности среди граждан пожилого возраста: препринт / А.Я. Бурдяк, Е.Е. Гришина, Ю.А. Дормидонтова, Ю.М. Казакова, В.Ю. Ляшок, Е.А. Цацура; РАНХиГС. М.: Дело, 2014. 80 с.

⁴ Active aging: a policy framework. WHO. Geneva, Switzerland, 2002. 59 p.

денный в 2013 г. Институтом социального анализа и прогнозирования РАНХиГС [21], показал, что причинами прекращения работы по достижении пенсионного возраста являются нездоровье и усталость, поскольку именно они определяют возможности пожилого человека трудиться.

Таким образом, в научной литературе сложились две точки зрения относительно здоровья работающих пенсионеров. Первая точка зрения основывается на концепции активного долголетия и предполагает вовлечение пожилых людей в трудовую деятельность, что не только позволит решить проблемы старения населения (дефицит рабочей силы, нагрузка на занятое население и пр.), но и будет способствовать сохранению их здоровья. Вторая же точка зрения учитывает то, что российские пожилые к пенсии подходят с подорванным здоровьем, а продолжение трудовой активности может усугубить их состояние. Чтобы подтвердить или опровергнуть эти противоположные точки зрения, в рамках данного исследования были выявлены причинно-следственные связи между занятостью пенсионеров и их здоровьем.

Подход к исследованию

На основании рассмотренных теоретических моделей и социологических обследований населения были выдвинуты следующие гипотезы исследования:

H_1 : пенсионеры продолжают работать, что сохраняет им хорошее состояние здоровья;

H_2 : продолжают работать те пенсионеры, кому позволяет их здоровье.

Если в гипотезе H_1 удовлетворительное состояние здоровья пенсионеров выступает как следствие их трудовой активности, то в гипотезе H_2 – противоположная ситуация, здесь состояние здоровья является причиной наличия занятости. Как правило, исследования здоровья и трудовой активности пенсионеров проводятся в разрезе стимулов и ограничений⁸. В рамках данной работы для проверки поставленных гипотез были построены регрессионные модели, выявляющие взаимосвязи между переменными.

⁸ Мальцева Е. Слабое здоровье мешает пенсионерам работать // Научно-образовательный портал IQ. URL: <https://iq.hse.ru/news/177667217.html>. (дата обращения: 01.10.2019).

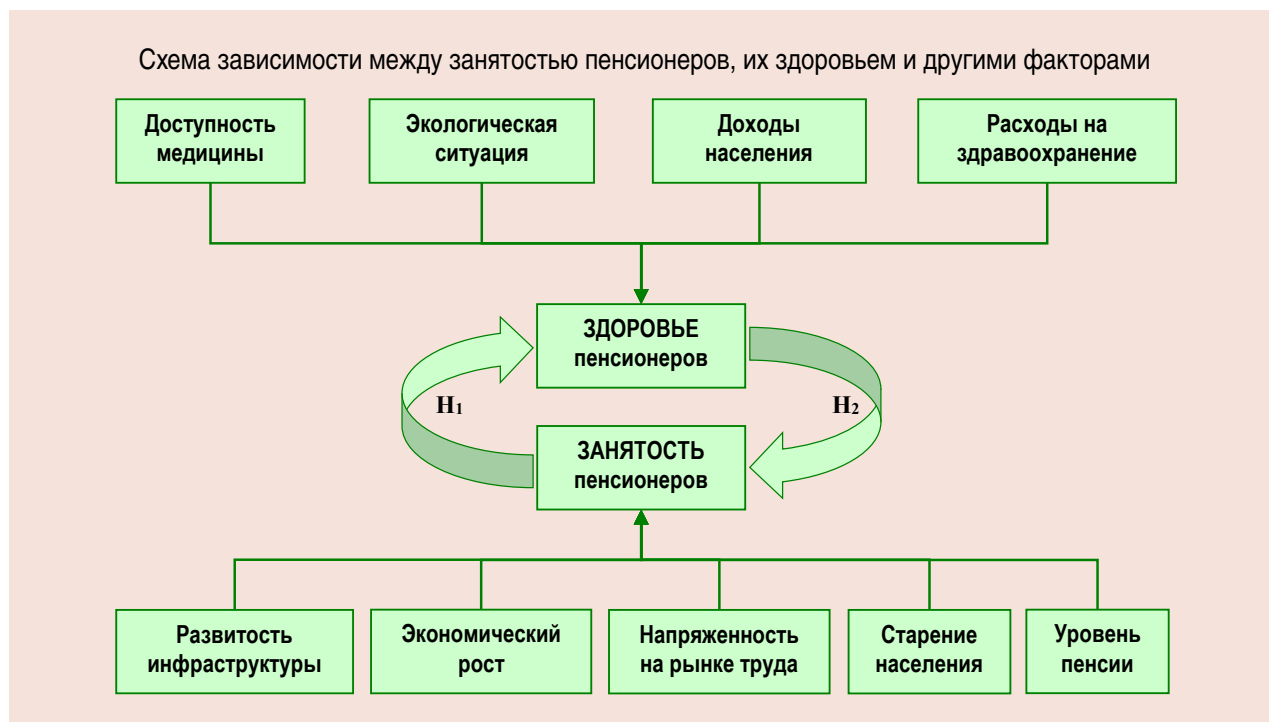
ми. Для этого была сформирована схема причинно-следственных связей между занятостью пенсионеров и их здоровьем, в которой также отображены и другие потенциальные факторы влияния (рисунок).

Первая регрессионная модель построена для проверки гипотезы H_1 и включает зависимую переменную – здоровье пенсионеров, на которое, помимо их занятости, влияют такие факторы (входные переменные), как доступность медицины, экологическая ситуация, доходы населения и государственные расходы на здравоохранение. Данный набор переменных основан на предложенных ВОЗ [22] факторах, влияющих на здоровье: образ жизни, генетика, состояние здравоохранения и окружающей среды. Первый из этих факторов в нашей модели описывается показателями занятости пенсионеров и доходов населения, третий – показателями обеспеченности населения врачами и расходов на здравоохранение, четвертый – показателем экологической ситуации. Вторым фактором не включен в модель, поскольку, как отмечает В.А. Черешнев [22], он актуален для детей до 3–6 лет.

Во вторую модель (гипотеза H_2) вошли зависимая переменная – занятость пенсионеров и объясняющие переменные – внутренние факторы (здоровье пенсионеров и уровень пенсионного обеспечения) и факторы внешней среды (развитость инфраструктуры, экономический рост, напряженность на рынке труда и демографическая ситуация). Согласно многочисленным опросам, именно внутренние факторы оказывают большее влияние на трудовую активность пожилых людей. Выбор внутренних факторов обоснован результатами многочисленных социологических исследований. Как они выявили, вовлечение пенсионеров в трудовую деятельность носит вынужденный характер⁹ [23–24]. Причиной же прекращения работы по достижении пенсионного возраста, как уже отмечалось, является неудовлетвори-

⁹ Влияние трудового и пенсионного поведения населения на обеспечение долгосрочной устойчивости пенсионной системы в Российской Федерации и снижение рисков депривационной бедности среди граждан пожилого возраста: препринт / А.Я. Бурдяк, Е.Е. Гришина, Ю.А. Дормидонтова, Ю.М. Казакова, В.Ю. Ляшок, Е.А. Цапура; РАНХиГС. М.: Дело, 2014. 80 с.

тельное состояние здоровья¹⁰ [21]. Помимо отмеченных факторов, на решение пенсионеров о возможности продолжения трудовой деятельности влияет внешняя среда. Трудовая активность пенсионеров рассматривается как инструмент смягчения дефицита рабочей силы [2–3], поэтому в модель включены такие факторы, как напряженность на рынке труда, экономический рост, демографическая ситуация и развитость инфраструктуры. Первый из этих факторов описывается уровнем безработицы. Как подчеркивается в ряде исследований [25], на рынке труда конкурентоспособность лиц, достигших пенсионного возраста, крайне низка и их шансы на трудоустройство ниже, чем у молодых кандидатов [26], поэтому наличие вакантных рабочих мест формирует потребность в дополнительной рабочей силе. Вторым фактором также отражает формирование заин-

¹⁰ Особенности трудовой занятости российских пенсионеров // Центр изучения пенсионной реформы. URL: <http://rospens.ru/research/analytics/osobennosti-trudovoy-zanyatosti-rossiyskikh-pensionerov.htm> (дата обращения: 15.11.2019); Влияние трудового и пенсионного поведения населения на обеспечение долгосрочной устойчивости пенсионной системы в Российской Федерации и снижение рисков депривационной бедности среди граждан пожилого возраста: препринт / А.Я. Бурдяк, Е.Е. Гришина, Ю.А. Дормидонтова, Ю.М. Казакова, В.Ю. Ляшок, Е.А. Цацуря; РАНХиГС. М.: Дело, 2014. 80 с.

тересованности в трудовом участии пенсионеров — экономический рост, который, как правило, сопровождается ростом антропогенной нагрузки на окружающую среду¹¹ [27]. Третий фактор характеризует уровень демографического старения населения, который естественным образом увеличивает средний возраст занятого в экономике населения. Как отмечают демографы [28], демографическая пирамида экономически активного населения России в целом повторяет демографическую пирамиду страны в возрастном интервале от 15 до 72 лет. В качестве четвертого фактора рассмотрен показатель развитости инфраструктуры (а именно здравоохранения, что особенно важно в пожилом возрасте), поскольку она формирует условия для жизнедеятельности, в т.ч. воспроизводства трудовых ресурсов [29–30].

Логика исследования заключается в следующем. Если объясняющая переменная статистически значимо связана с зависимой переменной, то гипотеза не отклоняется (принимается). В качестве критерия использовалась статистическая значимость коэффициента

¹¹ Экономический рост сопровождается увеличением выбросов в атмосферу загрязняющих веществ // Демоскоп Weekly. 2004. № 173-174. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2004/0173/barom01.php> (дата обращения: 14.11.2019).

перед объясняющей переменной в многомерной линейной регрессионной зависимости. При этом регрессионная модель должна удовлетворять показателям качества.

Данные исследования

Обычно в исследованиях состояния здоровья пожилого населения используют данные социологических обследований, что для построения регрессионных моделей имеет свои ограничения. Во-первых, обследования должны быть регулярными, чтобы обеспечить достаточный массив данных для построения результативной модели. А во-вторых, что более важно, эти данные о состоянии здоровья являются самооценкой индивида, как справедливо отмечают В.Ю. Ляшок и С.Ю. Рошин [31], не имеющей четких критериев выбора ответа. Поэтому базой исследования в этой работе стали статистические данные Федеральной службы государственной статистики, Федеральной службы по надзору в сфере природопользования и Федерального казначейства.

Для оценки состояния здоровья используются показатели смертности. Такой выбор оправдан, во-первых, наличием очевидной тесной корреляционной связи между здоровьем людей в пожилом возрасте и их смертностью. По данным ЦНИИОИЗ Минздрава России¹² за 2017 г., 88,9% случаев смертности в пожилом возрасте происходит по эндогенным причинам, т.е. от болезней, а не от внешних причин. Во-вторых, использование показателей смертности в оценке состояния здоровья населения позволяет нивелировать влияние проблем недоучета и выявляемости латентной заболеваемости. Существующие в медицинской статистике проблемы [32] (от проблем с выявляемостью скрытой латентной заболеваемости населения [33–34] до умышленного искажения информации¹³ [35]) приводят зачастую к тому, что статистические данные противоречивы или закрыты [36]. Поэтому использование показателей смертности широко применяется для оценки состояния здоровья во многих исследованиях, в т.ч. медицинских. К примеру, индекс

¹² Медико-демографические показатели Российской Федерации в 2017 году: стат. справочник / Минздрав России. М., 2018. 264 с.

¹³ ... О приписках в медицине // Демоскоп Weekly. 2015. № 667-668. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0667/gazeta013.php> (дата обращения: 15.11.2018).

достоверности учета (отношение числа умерших к числу первично учтенных случаев злокачественных новообразований) считается одним из наиболее объективных показателей оценки состояния онкологической помощи населению, отражающих уровень недоучета первичных случаев [37]. Тем более что статистическая информация о заболеваемости населения старше трудоспособного возраста разрабатывается Минздравом России лишь с 2010 г. В-третьих, использование различных субъективных мер оценки здоровья имеет свои методологические ограничения [38–42].

Регрессионные модели были построены на примере женщин 55–59 лет, что обусловлено, с одной стороны, методологией исследования. По итогам комплексного наблюдения условий жизни населения¹⁴, средний трудовой стаж после назначения пенсии составляет 6,4 года. С другой стороны, в публикуемой Росстатом статистической информации занятость мужчин в пенсионном возрасте представлена только одной возрастной группой – 60–72 лет, что для целей исследования является достаточно большим временным отрезком.

Для каждой гипотезы была построена своя регрессионная модель и подобран свой набор информативных показателей. Для проверки гипотезы H_1 в качестве зависимой переменной Y взят возрастной коэффициент смертности женщин 55–59 лет, промилле. В качестве входных (объясняющих) переменных использован ряд показателей:

X_1 – доля женщин в возрасте 55–59 лет в общей численности занятых¹⁵, %;

X_2 – численность врачей на 10 000 человек населения;

X_3 – выбросы загрязняющих атмосферу веществ на человека, кг;

X_4 – среднедушевые денежные доходы населения (в ценах 2018 г.), тыс. руб.;

¹⁴ Итоги комплексного наблюдения условий жизни населения // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ18/index.html (дата обращения: 01.10.2019).

¹⁵ Итоги выборочного обследования рабочей силы. 2018: стат. сб. / Росстат. М., 2019.; Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). 2018: стат. сб. / Росстат. М., 2018. 142 с.; Экономическая активность населения России (по результатам выборочных обследований). 2008: стат. сб. / Росстат. М., 2008. 165 с.

X_5 – расходы консолидированного бюджета субъекта Российской Федерации и территориального государственного внебюджетного фонда на здравоохранение (в ценах 2018 г.) на человека, тыс. руб.

Для проверки гипотезы H_2 в качестве зависимой переменной Y рассмотрена доля женщин в возрасте 55–59 лет в общей численности занятых, %. В качестве входных (объясняющих) переменных используются такие показатели, как:

X_1 – ожидаемая продолжительность предстоящей жизни при достижении женщинами 55 лет, лет;

X_2 – численность врачей на 10 000 человек населения;

X_3 – выбросы загрязняющих атмосферу веществ за год на человека, кг;

X_4 – уровень безработицы (по методологии МОТ), %;

X_5 – доля населения в возрасте старше трудоспособного в общей численности населения, %;

X_6 – коэффициент замещения (уровень замещения пенсией утраченного заработка), %.

Расчеты исследования проводились в пакете Statistica.

Результаты исследования

Проверка гипотезы H_1

Для выявления причинно-следственной связи между занятостью женщин 55–59 лет и

их здоровьем был проведен корреляционно-регрессионный анализ. Данные были взяты из справочников Росстата за 2002–2018 гг. В *табл. 1* приведена корреляционная матрица по входным и зависимой переменным для проверки гипотезы H_1 .

Входные переменные оказались мультиколлинеарными¹⁶ – определитель корреляционной матрицы равен 0,0058. После удаления из модели статистически незначимых факторов (X_2 и X_4) была получена регрессионная модель (*табл. 2* и *3*). Мультиколлинеарность по трем оставшимся значимым факторам отсутствует – определитель корреляционной матрицы по входным переменным (X_1 , X_3 и X_5) равен 0,2902.

Дополнительно была рассчитана парная и частная корреляция между входными переменными и зависимой переменной (*табл. 4*).

Результаты, представленные в *табл. 4*, согласуются с результатами регрессионного анализа. Переменные X_2 и X_4 также оказались при фиксации остальных факторов не коррелированными с зависимой переменной Y . Высокая парная корреляция между X_4 и Y была вызвана влиянием других факторов (эффект мультиколлинеарности входных переменных).

Таким образом, получена регрессионная модель для зависимости возрастного коэффициента смертности женщин 55–59 лет от доли женщин в возрасте 55–59 лет в общей числен-

Таблица 1. Корреляционная матрица по входным и зависимой переменным

	X_1	X_2	X_3	X_4	X_5	Y
X_1	1,000	-0,136	-0,430	0,797	0,786	-0,848
X_2	-0,136	1,000	0,362	0,155	0,213	0,143
X_3	-0,430	0,362	1,000	-0,637	-0,483	0,787
X_4	0,797	0,155	-0,637	1,000	0,944	-0,912
X_5	0,786	0,213	-0,483	0,944	1,000	-0,846
Y	-0,848	0,143	0,787	-0,912	-0,846	1,000

Таблица 2. Результаты регрессионного анализа

	Beta	Std.Err. of Beta	B	Std.Err. of B	$t(13)$	p -level
Intercept			13,5647	3,64125	3,72528	0,002544
X_1	-0,41793	0,078887	-0,34714	0,065524	-5,29787	0,000144
X_3	0,466521	0,055641	0,0633	0,007551	8,38455	0,000001
X_5	-0,2925	0,081338	-0,0902	0,025092	-3,59609	0,003256

¹⁶ Магнус Я.Р., Катышев П.К., Пересецкий А.А. Эконометрика. Начальный курс. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Дело, 2004. 576 с.

Таблица 3. Основные статистики регрессионного анализа

Показатель	Значение
Multiple R	0,9846
Multiple R ²	0,9694
Adjusted R ²	0,9623
F(3,13)	137,2551
p	0,0000
Std.Err. of Estimate	0,3658

Таблица 4. Парные и частные коэффициенты корреляции между входными переменными и зависимой переменной

<i>i</i>	1	2	3	4	5
$r_{x_i y}$	-0,848	0,143	0,787	-0,912	-0,846
$r_{x_i y \setminus x_1 \dots x_5}$	-0,744	-0,122	0,789	-0,028	-0,366

ности занятых, удельных выбросов загрязняющих атмосферу веществ и удельных расходов консолидированного бюджета субъекта Российской Федерации и территориального государственного внебюджетного фонда на здравоохранение:

$$\bar{Y}(X) = 13,565 - 0,347X_1 + 0,0633X_3 - 0,0902X_5. \quad (1)$$

Как показывает уравнение (1), с ростом занятости женщин в возрасте 55–59 лет на 1% коэффициент смертности женщин этого же возраста снизится на 0,347 промилле при сохранении на том же уровне выбросов загрязняющих атмосферу веществ и государственных расходов на здравоохранение.

Формально для оценки параметров модели (1) достаточно выполнения условия

$RgX = m + 1 = 4 < n$, т.е. число линейно независимых наблюдений должно быть более 4 (число параметров модели)¹⁷. Однако для обеспечения статистической надежности оценивания модели обычно требуют, чтобы число наблюдений (в данном случае $n = 17$) по крайней мере в 3 раза превосходило число оцениваемых параметров (для модели (1) оно равно 4)¹⁸. Очевидно, что это условие выполняется и выборку можно считать репрезентативной.

Проверка гипотезы H_2

Статистические данные были взяты из справочников Росстата за 2000–2018 гг. Для проверки гипотезы H_2 была построена также корреляционная матрица по входным и зависимой переменным, ее результаты представлены в таблице 5.

Таблица 5. Корреляционная матрица по входным и зависимой переменным

	X_1	X_2	X_3	X_4	X_5	X_6	Y_1
X_1	1,000	0,024	-0,632	-0,835	0,957	0,531	0,704
X_2	0,024	1,000	0,391	-0,111	-0,206	-0,048	0,304
X_3	-0,632	0,391	1,000	0,249	-0,724	-0,861	-0,023
X_4	-0,835	-0,111	0,249	1,000	-0,780	-0,144	-0,902
X_5	0,957	-0,206	-0,724	-0,780	1,000	0,548	0,613
X_6	0,531	-0,048	-0,861	-0,144	0,548	1,000	0,049
Y_1	0,704	0,304	-0,023	-0,902	0,613	0,049	1,000

¹⁷ Айвазян С.А., Мхитарян В.С. Прикладная статистика и основы эконометрики. М.: ЮНИТИ, 1998. 1005 с.

¹⁸ Бородич С.А. Эконометрика. Мн.: Новое знание, 2001. 408 с.

Как показал расчет определителя корреляционной матрицы (он равен 0,00027), входные переменные являются мультиколлинеарными; чтобы это исключить, из модели были удалены статистически незначимые факторы (X_1 , X_2 и X_5). Полученная регрессионная модель представлена в табл. 6 и 7. Мультиколлинеарность по трем оставшимся значимым факторам отсутствует – определитель корреляционной матрицы по входным переменным (X_3 , X_4 и X_6) равен 0,2378.

Результаты расчетов парной и частной корреляции между входными переменными и зависимой переменной представлены в табл. 8.

Результаты, представленные в табл. 8, тоже согласуются с полученными результатами регрессионного анализа. Переменные X_1 , X_2 и X_5 также оказались при фиксации остальных факторов не коррелированными (X_1 , X_2) или слабо коррелированными (X_5) с зависимой переменной Y . Отличия частных коэффициентов корреляции $r_{x_3y \setminus x_1 \dots x_6}$ и $r_{x_6y \setminus x_1 \dots x_5}$ от парных коэффициентов r_{x_3y} и r_{x_6y} , соответственно, были вызваны влиянием других факторов за счет эффекта мультиколлинеарности.

В результате получили регрессионную модель для зависимости доли женщин в возрасте 55–59 лет в общей численности занятых от удельных выбросов загрязняющих атмосферу веществ, уровня безработицы и коэффициента замещения пенсией утраченного заработка:

$$\bar{Y}(\mathbf{X}) = 6,061 + 0,212X_3 - 3,279X_4 + 0,511X_6. \quad (2)$$

Анализ уравнения (2) позволяет сделать вывод: с ростом выбросов загрязняющих атмосферу веществ в расчете на 1 человека на 1 кг доля занятых в экономике женщин в возрасте 55–59 лет возрастает на 0,212% при неизменности других факторов. Такая зависимость соответствует экологической кривой Кузнеца, которая представляет собой перевернутую U-образную кривую и описывает воздействие экономики на окружающую среду. Предполагается, что с ростом благосостояния населения до определенного уровня объем загрязнений растет [43]. Рост уровня безработицы на 1% приведет к снижению занятости среди женщин 55–59 лет на 3,279% при фиксации значений других факторов. Увеличение коэффициента замещения на 1% при неизменных значениях остальных фак-

Таблица 6. Результаты регрессионного анализа

	Beta	Std.Err. of Beta	B	Std.Err. of B	t(15)	p-level
Intercept			6,0613	21,2036	0,2859	0,7789
X_3	0,5491	0,1713	0,2121	0,0662	3,2050	0,0059
X_4	-0,9837	0,0881	-3,2787	0,2935	-11,1709	0,0000
X_6	0,3803	0,1677	0,5114	0,2255	2,2681	0,0385

Таблица 7. Основные статистики регрессионного анализа

Показатель	Значение
Multiple R	0,9450
Multiple R ²	0,8931
Adjusted R ²	0,8717
F(3,15)	41,7754
p	0,0000
Std.Err. of Estimate	1,8418

Таблица 8. Парные и частные коэффициенты корреляции между входными переменными и зависимой переменной

i	1	2	3	4	5	6
r_{x_iy}	0,704	0,304	-0,023	-0,902	0,613	0,049
$r_{x_iy \setminus x_1 \dots x_5}$	-0,040	0,051	0,575	-0,682	0,247	0,446

торов предполагает дополнительный рост занятости на 0,511%. Иными словами, чем выше уровень замещения утраченного дохода, тем больше работающих пенсионеров, стремящихся сохранить свой прежний уровень материального обеспечения.

Оценивание параметров модели (2) проводилось по 19 наблюдениям, поэтому выборка данных является репрезентативной, а оценки параметров обладают достаточной статистической надежностью.

Заключение

Результаты проведенного исследования подтвердили гипотезу H_1 о том, что трудовая активность пенсионеров сохраняет им здоровье. Доля работающих женщин в возрасте 55–59 лет статистически значимо связана с коэффициентом смертности женщин соответствующего возраста. При фиксации остальных факторов увеличение доли работающих женщин на 1% в среднем снижает их смертность на 0,347 промилле, или на 3,79% смертность в среднем за 2002–2018 гг.

В ходе исследования была отклонена H_2 гипотеза о влиянии состояния здоровья на решение женщин 55–59 лет о продолжении трудовой деятельности. Статистически значимыми факторами, влияющими на занятость женщин 55–59 лет, оказались экономический рост (сопро-

вождающийся ростом антропогенной нагрузки на окружающую среду в виде выбросов в атмосферу), напряженность на рынке труда (вызывающая безработицу) и уровень пенсионного обеспечения (уровень замещения пенсией утраченного заработка). Первые два фактора описывают спрос на рабочую силу со стороны рынка труда, третий фактор – финансовую заинтересованность со стороны самих пенсионеров.

Таким образом, полученные результаты исследования свидетельствуют, что возраст активного долголетия длится дольше, чем трудоспособный возраст, поэтому в условиях старения населения (нарастания дефицита рабочей силы и экономической нагрузки на работающее население) пенсионеры являются существенным трудовым резервом, обладающим необходимым опытом и навыками. В то же время вовлечение в экономическую деятельность пенсионеров не должно носить чрезмерный и всеобщий характер, в трудоустройстве пожилых следует учесть их возможности и запросы. Очевидно, что необходима дальнейшая работа по разработке государственных мер в направлении создания условий для активного участия населения старшего поколения в общественных отношениях, что может положительно повлиять на их состояние здоровья.

Литература

1. Коровкин А., Долгова И., Королев И. Дефицит труда в России наступит между 2010 и 2015 годами // Демоскоп. Weekly. 2007. № 277–278. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0277/tema01.php> (дата обращения: 01.10.2019).
2. Иванова М., Балаев А., Гурвич Е. Повышение пенсионного возраста и рынок труда // Вопросы экономики. 2017. № 3. С. 1–18.
3. Korovkin A.G., Dolgova I.N., Korolev I.B. Labor shortage in the Russian economy: A macroeconomic estimate. *Studies on Russian Economic Development*, 2006, vol. 17, no. 4, pp. 365–376. DOI: 10.1134/S1075700706040022.
4. Горлин Ю.М., Ляшок В.Ю., Малева Т.М. Повышение пенсионного возраста: позитивные эффекты и вероятные риски // Экономическая политика. 2018. Т. 13. № 1. С. 148–179. DOI: 10.18288/1994-5124-2018-1-06.
5. Владимиров Д.Г. Старшее поколение как фактор экономического развития // Социологические исследования. 2004. № 4. С. 57–59.
6. Колосницына М.Г., Хоркина Н.А. Государственная политика активного долголетия: о чем свидетельствует мировой опыт // Демографическое обозрение. 2016. № 4. С. 27–46. DOI: 10.17323/demreview.v3i4.3204
7. Малева Т.М., Синявская О.В. Повышение пенсионного возраста: pro et contra // Журнал новой экономической ассоциации. 2010. № 8. С. 117–137.
8. Вишневецкий А.Г., Васин С.А., Рамонов А.В. Возраст выхода на пенсию и продолжительность жизни // Вопросы экономики. 2012. № 9. С. 88–109.

9. Safarova G.L. Demography of aging: Current state and priority-driven research directions. *Advances in Gerontology*, 2011, vol. 1, issue 1, pp. 5–15. DOI: 10.1134/S2079057011010127
10. Bucher S. Ageing of the population in the Russian Federation: The current trends and indicators. *Herald of the Russian Academy of Sciences*, 2016, volume 86, issue 2, pp. 97–104. DOI: 10.1134/S1019331616020027.
11. Notestein F.W. Some Demographic Aspects of Ageing. *Proceedings of the American Philosophical Society*, 1954, no. 98(1), pp. 38–45.
12. Григорьева И.А. Смена парадигмы в понимании старения // Журнал исследований социальной политики. 2018. № 1. С. 5–6.
13. Laslett P. The Emergence of the Third Age. *Ageing & Society*, 1987, vol. 7, no. 2, pp. 133–160. DOI: 10.1017/S0144686X00012538.
14. Gilleard C., Higgs P. Aging without agency: Theorizing the fourth age. *Aging & Mental Health*, 2010, vol. 14 (2), pp. 121–128. DOI: 10.1080/13607860903228762.
15. Walker A. A strategy for active ageing. *International Social Security Review*, 2002, vol. 55, no. 1, pp. 121–139. DOI: 10.1111/1468-246X.00118.
16. Varlamova M., Ermolina A., Sinyavskaya O. Active Ageing Index as an Evidence Base for Developing a Comprehensive Active Ageing Policy in Russia. *Journal of Population Ageing*, 2017, vol. 10, no. 1, pp. 41–71. DOI: 10.1007/s12062-016-9164-0.
17. Walker A., Zaidi A. New Evidence on Active Ageing in Europe. *Intereconomics*, 2016, vol. 51, no. 3, pp. 139–144. DOI: 10.1007/s10272-016-0592-0
18. Короленко А.В., Барсуков В.Н. Состояние здоровья как фактор трудовой активности населения пенсионного возраста // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. № 4 (32). С. 643–657.
19. Рогозин Д. М. Либерализация старения, или труд, знания и здоровье в старшем возрасте // Социологический журнал. 2012. № 4. С. 62–93.
20. Толченова Е.А., Егорова О.В. Роль руководящего состава учреждений здравоохранения в охране здоровья работающих женщин пенсионного возраста // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Медицина. 2009. № 4. С. 705–706.
21. Малева Т.М. Человек в солидарной пенсионной системе // Экономическая политика. 2014. № 2. С. 55–84.
22. Черешнев В.А. Экология. Иммуитет. Здоровье. СПб.: СПбГУП, 2016. 32 с.
23. Черкашина Т.Ю. Работа на пенсии: необходимость или возможность? // ЭКО. 2011. № 4. С. 101–114.
24. Барсуков В.Н. Трудовая активность населения пенсионного возраста как фактор социально-экономического развития территории // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 1 (43). С. 195–213.
25. Богданова А.Е. Трудовые отношения с участием пенсионеров: забота или манипуляция? // Журнал исследований социальной политики. 2016. № 14 (4). С. 535–550.
26. Клепикова Е.А. Возрастная дискриминация при найме: результаты экспериментального исследования // Экономическая политика. 2019. № 14 (2). С. 64–89.
27. Забелина И.А., Клевакина Е.А. Система индикаторов для оценки качества роста региональных экономик // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика. Экология. 2014. № 6 (29). С. 23–32. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu3.2014.6.3>.
28. Васин С., Вишневский А., Денисенко М. Старение работающего населения противодействует модернизационным процессам // Демоскоп Weekly. 2010. № 429–430. URL6 <http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0429/tema07.php> (дата обращения: 15.11.2019).
29. Кривова Д.А. Противоречия развития социальной инфраструктуры в малом городе Среднего Урала // Вопросы управления. 2012. № 2 (19). С. 213–218.
30. Жихаревич Б.С., Логачева Н.М. Социальная инфраструктура и человеческий капитал российских регионов: подход к оценке взаимовлияния // Экономика и управление. 2012. № 3 (77). С. 150–156.
31. Ляшок В.Ю., Рошин С.Ю. Влияние здоровья на предложение труда пожилых // Прикладная эконометрика. 2015. № 40 (4). С. 6–27.
32. Какорина Е.П., Огрызко Е.В. Современное состояние медицинской статистики в Российской Федерации // Врач и информационные технологии. 2012. № 2. С. 47–53.

33. Авилов К.К., Романюха А.А. Математическое моделирование процессов распространения туберкулеза и выявления больных // Автоматика и телемеханика. 2007. Т. 9. С. 145–160.
34. Вейхер А.А. Оценка скрытой заболеваемости методами представительных опросов: необходимость, возможности и ограничения // XV Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: в 4-х книгах; под ред. Е. Г. Ясина М.: НИУ ВШЭ, 2015. Кн. 4. С. 197–205.
35. Крашенинникова Ю.А. Медицинская статистика как способ легитимации распределения ресурсов в российской системе здравоохранения // Вопросы государственного и муниципального управления. 2011. № 4. С. 28–42.
36. Улумбекова Г.Э. Здравоохранение России: 2018–2024 гг. Что надо делать? // ОРГЗДРАВ: Новости. Мнения. Обучение: Вестник ВШОУЗ. 2018. № 1. С. 9–19. DOI: 10.24411/2411-8621-2018-00001.
37. Мерабишвили В.М. Аналитические показатели. Индекс достоверности учета // Вопросы онкологии. 2018. № 3. С. 445–452.
38. Gourbin C, Wunsch G. Health, Illness, and Death. *Demography: Analysis and Synthesis*, vol. 2. Burlington: Academic Press, 2006. pp. 5–12.
39. Idler E.L., Benyamini Y. Self-rated Health and Mortality: A Review of Twenty-seven Community Studies. *Journal of Health and Socia Behavior*, 1997, no. 38 (1), pp. 21–37.
40. Palosuo H. How Good Is «Normal» Health? An Exercise in Russian-Finnish Comparative Survey Methodology. *The Finnish Review of East European Studies*, 2000, No 3–4, pp. 41–70.
41. Andreev E.M., McKee M., Shkolnikov V.M. Health Expectancy in the Russian Federation: A New Perspective on the Health Divide in Europe. *Bulletin of the World Health Organization*, 2003, no. 81, pp. 778–788.
42. Рамонов А.В. Ожидаемая продолжительность здоровой жизни как интегральная оценка здоровья россиян // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2011. Т. 15. № 4. С. 497–518.
43. Шкиперова Г.Т. Экологическая кривая Кузнеца как инструмент исследования регионального развития // Экономический анализ: теория и практика. 2013. № 19 (322). С. 8–16.

Сведения об авторах

Елена Витальевна Чистова – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (620014, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29, оф. 523; e-mail: elvitvas@ya.ru)

Александр Николаевич Тырсин – доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (620002, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19; e-mail: a.n.tyrstin@urfu.ru)

Chistova E.V., Tyrstin A.N.

Identification of Interconnection between Health and Employment of Retirement Age Women

Abstract. Recently, Russia has been actively developing and implementing the state policy of encouraging the employment of people of the older generation. The purpose of the paper is to identify the interconnection between the employment of pensioners and their health (on the example of pension age women in the most active age group), which will allow justifying the more efficient policy in this area. The study is aimed at the test of two hypotheses, put forward due to the analysis of theoretical models and sociological surveys of the population. The first one suggests that retirees' labor activity contributes to the preservation of their health; the second one states that only retirees, whose health allows doing it, continue to work. A diagram of the dependencies between the retirees' employment, their health, and other factors, which formed the basis of the regression models, is generated. As a criterion of testing the hypotheses set in the research, two multivariate linear regression models, which evaluate the statistical dependence between

employment, health status of pensioners, and other variables, were constructed. Based on the calculation of the determinant of the correlation matrix, the existence of linear dependence between explanatory variables in regression models was excluded. The study was conducted on the example of women at the age of 55–59 according to statistical data of Federal State Statistics Service, Federal Service for Supervision in the Sphere of Nature and of the Federal Treasury. The results of the regression analysis confirmed only the first hypothesis, the second one was rejected. The proportion of working women at the age of 55–59 is largely statistically associated with the mortality rate of women of the same age. In turn, economic growth, tensions on the labor market, and the level of pension provision appeared to be statistically significant factors influencing the employment of women at the age of 55–59.

Key words: pensioners, employment, health, regression analysis.

Information about the Authors

Elena Vital'evna Chistova – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Office 523, 29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: elvitvas@ya.ru)

Aleksandr Nikolaevich Tyrsin – Doctor of Sciences (Engineering), Professor, Head of Department, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (19, Mira Street, Yekaterinburg, 620002, Russian Federation; e-mail: a.n.tyrsin@urfu.ru)

Received October 9, 2019.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

DOI: 10.15838/esc.2020.1.67.13

УДК 378.4, ББК 74.58

© Каро-Гонсалес А., Феррейра-Лопес Л.

Университеты в переходный период: модель «6i» для стратегического управления

Антония

КАРО-ГОНСАЛЕС

Университет Деусто

Бильбао, провинция Бискайя, Испания, 48007, Avenida de las Universidades, 24

E-mail: tcarogon@gmail.com

ORCID: 0000-0001-8048-6941; ResearcherID: AAC-9687-2019

Луана

ФЕРРЕЙРА-ЛОПЕС

Университет Деусто

Бильбао, провинция Бискайя, Испания, 48007, Avenida de las Universidades, 24

E-mail: luanadinamarca@gmail.com

ORCID: 0000-0001-6999-0231; ResearcherID: AAE-1844-2019

Аннотация. На основе модели «6i» (Caro-Gonzalez, 2019) может осуществляться управление исследованиями с целью разработки и реализации интегративных институциональных стратегий путем объединения шести измерений, которые начинаются с «i»: «internationalisation» – интернационализация, «interdisciplinarity» – междисциплинарность, «intersectorality» – межсекторальность, «impact» – воздействие, «innovation» – инновации и «inclusion» – инклюзивность. Данная инновационная модель, рассматривающая всё возрастающую значимость университетов как социальных новаторов, предлагает пути повышения их эффективности, базирующиеся на принципах сотрудничества (международного, междисциплинарного и межсекторального) и ценностных обоснованиях деятельности (воздействие, инновации и инклюзивность). При стратегическом подходе эти измерения могут перестраивать многоуровневые сферы деятельности

Для цитирования: Каро-Гонсалес А., Феррейра-Лопес Л. Университеты в переходный период: модель «6i» для стратегического управления // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 1. С. 217–230. DOI: 10.15838/esc.2020.1.67.13

For citation: Caro-Gonzalez A., Ferreira-Lopes L. Universities in Transition: The 6i Model for Strategic Governance and Management. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2020, vol. 13, no. 1, pp. 217–230. DOI: 10.15838/esc.2020.1.67.13

университетов, трансформируя зачастую медленные и несвязанные процессы институциональных изменений, происходящие в них. Модель «bi» была разработана в испанском Университете Деусто (University of Deusto). В статье, на примере этого университета, с использованием качественного подхода критически проанализированы возможности данной комплексной модели предоставить эффективную методику совершенствования системы стратегического управления университетскими исследованиями. Показана работа модели на практике, раскрыты ключевые характеристики ее производительности и главные факторы успеха при решении фундаментальных проблем и преодолении барьеров, с которыми сталкиваются университеты в настоящее время. Проведенное нами исследование демонстрирует, что целостный взгляд на управление исследованиями может способствовать повышению эффективности исследовательской политики, принятию обоснованных решений и более целенаправленной и интегративной реализации исследовательской стратегии. Дальнейшее внедрение модели «bi» и её оценка в других учреждениях и условиях будут способствовать изучению потенциала данной модели как комплексного стратегического проекта, с помощью которого университеты могут задавать приоритеты, управлять деятельностью и определять свою роль в местных, региональных и глобальных экосистемах.

Ключевые слова: исследовательская политика, управление исследованиями, системное мышление, междисциплинарность, научные достижения, социальное воздействие, интернационализация.

1. Введение.

В последние десятилетия высшие учебные заведения реорганизуют свои ресурсы и переосмысливают свою деятельность, с тем чтобы получить необходимую динамику для ответа на новые требования, предъявляемые меняющейся средой и стремительно меняющимися потребностями общества, а также системами науки, техники и инноваций (НТИ) в переходный период. Проведение качественных и результативных исследований стало задачей управления «сложной сетью отношений, институциональных культур и политических программ, которые требуют от нас поиска новых концепций для того, чтобы увидеть, как они воспринимаются различными участниками» [1, с. 141].

Хотя университеты исторически демонстрировали способность адаптироваться к экономической и политической среде [2], в которой они функционируют, по мнению Thoenig и соавторов [3], более чем когда-либо необходим стратегический потенциал, поскольку «в области высшего образования и научных исследований продолжают происходить крупномасштабные изменения». Авторы утверждают, что «организация, неспособная быть стратегической, становится уязвимой и неустойчивой» и что стратегия предоставляет местным научным учреждениям теорию действий, позволяющую им предвидеть общественную динамику и изменения в приоритетах руководящих органов

и, следовательно, в периоды дефицита ресурсов и жесткой конкуренции определять и осуществлять различную политику, ориентированную на достижение результатов, соответствующих ожидаемым требованиям и поставленным задачам [3, с. 319].

В этом направлении некоторые высшие учебные заведения творчески развертывают стратегии управления исследованиями для решения реальных проблем, внедряя междисциплинарные и межсекторальные подходы к исследованиям и инновациям и стирая границы между дисциплинами, отраслями и профессиями.

Тем не менее еще многое предстоит узнать о формирующихся организационных контекстах высших учебных заведений, одной из задач которых является направление исследовательских задач на удовлетворение общественных потребностей, обеспечение общества знаниями, инновациями и результатами исследований. В нынешнем политическом вакууме необходимо понять, как университеты справляются с рядом переменных, включая традиционные картезианские университетские структуры, все еще существующий менталитет, который изолирует исследовательскую работу в попытке защитить ее, высокую конкуренцию за получение грантов и противоречивые критерии, применяемые различными источниками финансирования.

2. Обзор модели «bi».

Модель «bi» [4] представляет собой систему управления университетом, которая объединяет шесть пересекающихся измерений: (1) интернационализацию, (2) междисциплинарность, (3) межсекторальность, (4) инновации, (5) воздействие и (6) инклюзивность, которые, будучи реализованы инновационным и взаимосвязанным образом, способствуют получению позитивных институциональных результатов. Модель, разработанная в Университете Деусто в Бильбао (Испания) и применяемая в нем с 2010 года для управления и продвижения стратегии интернационализации исследований, находится в постоянном развитии и адаптации к меняющимся условиям и потребностям университетской среды.

Используя системную перспективу, модель «bi» предлагает структуру, которая может побудить университеты занять активную, а не реактивную позицию. Она опирается на каналы обратной связи «сверху вниз» и «снизу вверх», что позволяет создавать гибкие вспомогательные структуры и механизмы для максимального повышения её значимости и использования в соответствующем учреждении.

Измерения модели «bi» воплощают три принципа сотрудничества (международный, междисциплинарный и межсекторальный), подкрепленные тремя принципами действий (результативный, инновационный, инклюзивный). При одновременном стратегическом использовании данные элементы могут способствовать развитию многоуровневых сфер деятельности университетов и заменить зачастую разрозненный и медленный процесс институциональных изменений, происходящих в высшем образовании.

Три принципа сотрудничества — международный, междисциплинарный и межсекторальный — основаны на предпосылке о наличии ценности в работе внутри их границ или в рамках традиционных областей деятельности. В оперативном плане граница может быть определена, как «...социокультурное различие, ведущее к разрыву в действии или взаимодействии. Границы одновременно предполагают одинаковость и непрерывность в том смысле, что в пределах разрыва два или более участков взаимодействуют друг с другом определенным образом» [5, с. 133].

Три пересекающихся и основополагающих принципа — инновации, воздействие и инклюзивность являются теми «i»-принципами, которые направляют усилия по сотрудничеству, выступая в качестве компаса, с помощью которого университеты могут управлять своей институциональной деятельностью. Потребность в инновациях обусловлена меняющимися социальными вызовами и необходимостью генерировать реальные результаты исследований и инноваций. Таким образом, творчество и изобретательность через сочетание сотрудничества и конкуренции имеют первостепенное значение для повышения эффективности деятельности университетов.

Взятая в целом, модель «bi» служит для университетов инструментом развития устойчивых внутренних и внешних экосистем по мере их адаптации к современным вызовам (рис. 1). Основанная на особенностях, культуре, возможностях, ресурсах и системе НТИ каждого учреждения, модель:

а) предлагает подходы к исследованию путем формулирования шести «i»-измерений, участвующих в исследовательской системе университета в реализации адаптивной, интегративной и системно-ориентированной институциональной стратегии;

б) формирует различные механизмы оперативного управления исследованиями;

в) разрабатывает инклюзивные цепочки создания стоимости, включающие различные культурные цели, интересы и результаты, предлагая взаимовыгодные взаимодействия и подход, ориентированный на результат;

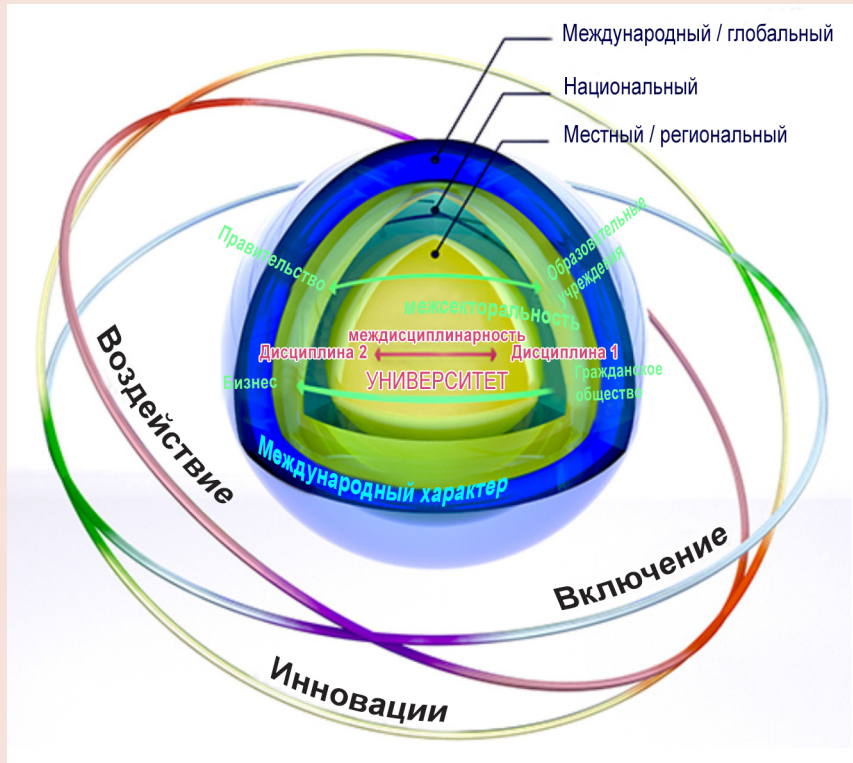
г) обращается к индивидуальному и институциональному фактору с целью преодоления препятствий, мешающих генерированию, использованию и расширению знаний, развитию науки и инноваций;

д) объединяет инициативы «снизу вверх», «сверху вниз» и «посередине» с целью разработки инновационных рабочих процессов и динамики в системах управления университетскими исследованиями;

е) объединяет различные цели, подходы, нормы и логику в бесконечном процессе изменений.

Таким образом, модель «bi» признает надежное образовательное пространство, которое существует вдоль географических, секторальных

Рис. 1. Инфографика модели «би»

и дисциплинарных границ [6–8], что делает международное, межсекторальное и междисциплинарное измерения жизненно важными частями. Модель воплощает в себе перспективные элементы, которые могут быть использованы университетами для успешного управления существующими и новыми контекстами деятельности.

3. Цель исследования.

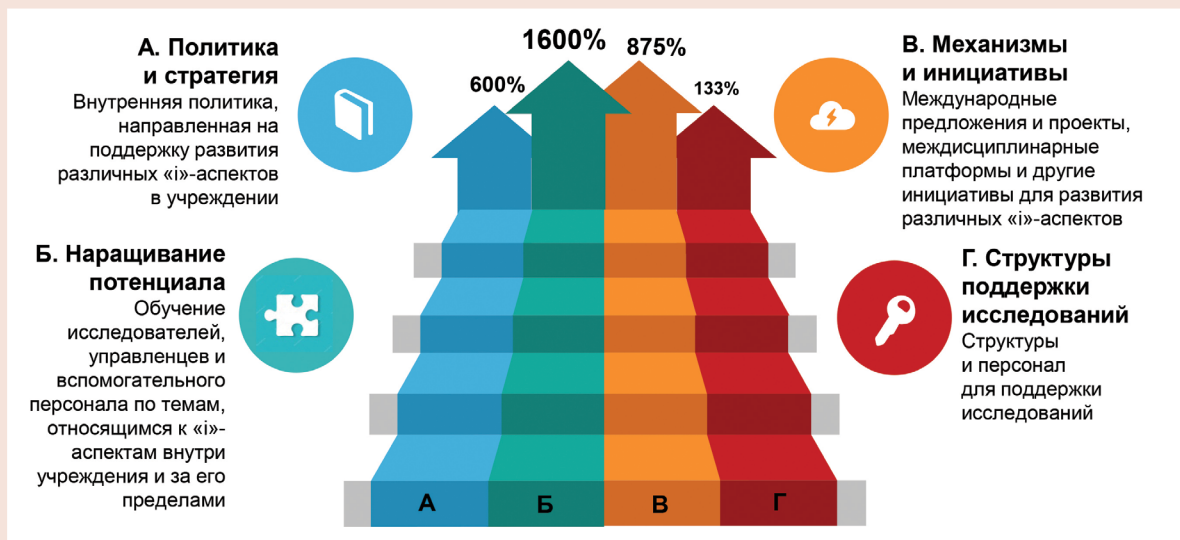
Цель данной статьи — понять, как модель «би» интегрирует традиционно не связанные или даже противоположные элементы (сотрудничество, конкуренция, дисциплинарное, междисциплинарное или мультидисциплинарное исследование) внутри данной исследовательской системы для решения сложных и актуальных социальных проблем. Конкретизируя цель исследования, мы предлагаем изучить, как данная модель работает на практике, в небольшом испанском Университете Деусто, который реализует упомянутую модель для решения следующих четырех задач, определенных лидером стратегии интернационализации исследований в соответствии с институциональными приори-

тетами и потребностями, существовавшими в начале 2010-х годов: 1) высокая конкуренция за международное финансирование исследований; 2) жесткая традиционная академическая организация; 3) борьба за привлечение талантов для проведения передовых исследований; 4) разрыв между научными кругами и обществом и поиск способов применения результатов исследований на пользу обществу. Далее мы остановимся на методологии, принятой в данном исследовании.

4. Методология исследования.

Эта статья является частью более широкого исследовательского проекта, направленного на понимание того, как происходит гибридная и системная организация исследований в университетах в описанных выше современных условиях НТИ. Данная работа основана на предыдущей работе Caro-González [4], где показано, что развитие модели «би» в Университете Деусто шло рука об руку с резким увеличением числа различных ресурсов и показателей университета в течение рассматриваемого периода (2010–2018 гг.) (рис. 2).

Рис. 2. Развитие исследовательской системы Университета Деусто с 2010 по 2018 г.

Источник: Caro-González A. The “6i Research Model”: Evolution of an innovative institutional STI policy framework at the University of Deusto. *Journal for Research and Technology Policy Evaluation*. July 2019, vol. 48, pp. 105-113.

Анализ материальных и количественных показателей в данном исследовании первоначально выявил некоторые закономерности роста, но в настоящее время необходимо провести качественное и более глубокое исследование, чтобы понять, как сочетаются в Университете Деусто различные элементы модели «6i», а также понять её целесообразность и перспективы развития с течением времени.

Мы опирались на два источника информации (табл. 1). Во-первых, мы провели полуструктурированные интервью с людьми, участвующими в развитии модели «6i» в Университете Деусто. Интервью проводились в период с октября 2017 по январь 2019 года и были записаны с разрешения интервьюируемых. Цель

таких интервью состояла в том, чтобы запечатлеть эволюцию модели «6i» с точки зрения тех, кто не только участвовал в этом процессе, но и влиял на его развитие.

Второй инструмент, используемый в данном исследовании, — это интерактивный веб-опросник, разосланный всем научным сотрудникам университета с целью сбора общих представлений от исследователей на разных уровнях. Вопросник был составлен из открытых вопросов, в которых основное внимание уделялось междисциплинарному и межсекторальному сотрудничеству, осуществляемому университетом, и содержал информацию об одном ключевом элементе системы — междисциплинарных исследовательских платформах

Таблица 1. Инструменты, использованные в исследовании

	Интервью	Анкетные опросы
Дата/период	Интервью, проведенные в 2018 и 2019 гг.	Сентябрь 2018 г.
Участники/источник	Всего 7 опрошенных, в том числе: – 3 сотрудника администрации университета, которые отвечали или все еще отвечают за реализацию институциональной стратегии исследований с 2014 года; – 1 ведущий менеджер и разработчик идей для модели «6i»; – 1 бывший технический специалист офиса IRPO, ответственный за междисциплинарную платформу «Старение и благополучие» в решающие годы ее создания; – 2 старших научных сотрудника	Анкеты заполнили 100 исследователей, из которых 49% приняли участие в междисциплинарных исследовательских платформах

Университета Деусто. В опроснике рассматриваются текущее состояние, ограничения и потенциал этих платформ как механизмов укрепления доверия и налаживания международного, междисциплинарного и межсекторального сотрудничества. Список рассылки анкет включал 281 исследователя, было заполнено 100 анкет.

Весь собранный качественный материал (стенограммы интервью и ответы на открытые вопросы анкет) был проанализирован с использованием программного обеспечения Atlas.ti. Тексты классифицированы по каждой из указанных проблем с помощью двух наборов переменных: контекстуальных элементов, состоящих из внутренних (институциональная траектория и организационная культура) и внешних факторов, влияющих на принятие решений (например, местная, региональная или международная политика), и институциональных механизмов, включающих в себя благоприятные условия (механизмы, которые ранее существовали или были созданы учреждением для решения поставленных задач) и функции (различные комбинации: по принципу сотрудничества «сверху вниз», «снизу вверх» и на одном уровне для решения задач).

5. Результаты и обсуждение.

В данной работе мы рассматриваем реализацию и эволюцию модели «bi» — объекта нашего исследования — в рамках исследовательской «подсистемы» Университета Деусто (стратегии интернационализации и структур управления). Чтобы увидеть, как такая модель работает на практике, мы проанализировали, как она развивалась в течение почти десятилетия. Эффективность модели «bi» в Университете Деусто была ранее продемонстрирована Caro-González в работе [4], а случай, изучаемый в настоящей статье, направлен на выявление того, как эти и другие элементы исследовательской системы Университета Деусто взаимосвязаны, в то время как он решает четыре из самых насущных проблем, с которыми сталкиваются университеты в настоящее время.

Как и предполагалось во введении, проблемы, рассматриваемые в нашей работе, были определены лидером стратегии интернационализации исследований, а не проректорами по научной работе и трансферу. Это сделано для того, чтобы изменить и скорректировать цели,

согласованные с приоритетами Университета Деусто и текущими потребностями: (1) поиск международного финансирования, (2) налаживание и укрепление междисциплинарного сотрудничества, (3) создание привлекательной исследовательской среды для повышения качества и (4) обеспечение социального эффекта от исследований и инноваций, помимо научного результата.

В *таблице 2* мы обобщили результаты, которые представлены в данном разделе. Мы представляем и обсуждаем результаты по каждой рассматриваемой проблеме, анализируя контекстуальные элементы (внешние и внутренние переменные) и механизмы (благоприятные условия и функции), которые способствовали реализации, интегрируя элементы модели «bi» (совместные усилия и ценностно-ориентированные принципы) с интернационализацией в качестве начала, ускорения и основного драйвера разработки модели, а также планирования и выполнения конкретных действий.

Во-первых, коснемся проблемы интернационализации исследований: анализ показал, что усилия Университета Деусто в этом направлении начались в 2000-х годах, когда его институциональная миссия подверглась влиянию изменений в международной исследовательской политике по решению серьезных задач.

Именно из Европы исходит стимул для развития инноваций по теме старения населения... Затем тема проникает из Брюсселя в Страну Басков... Таким образом, с одной стороны, было политическое давление, связанное с финансированием этой темы, а с другой стороны, в университете было много групп, работавших над ней.

Хотя для обоснования интернационализации научных исследований часто используются различные методы [9], международное сотрудничество в области научных исследований все больше определяется экономическими и конкурентными мотивами [10, 11], а участие в международных проектах становится важным средством получения финансирования научных исследований. В Испании последствия экономического кризиса привели к сокращению бюджетных средств, выделяемых на науку, технику и образование, что вынудило высшие учебные заведения обращаться к европейским фондам для покрытия расходов на деятельность

Таблица 2. Модель исследования «6i» в системе Университета Деусто

Задача	Контекстуальные элементы		Меры		Соответствующие «i»-аспекты модели
	Внешние переменные	Внутренние переменные	Благоприятствующие условия	Деятельность	
1: получение международного финансирования для выполнения эф-фактивных исследований	<p><i>Международная:</i> новые направления международных научных исследований</p> <p><i>Национальная:</i> сокращение финансирования научных исследований после экономического кризиса; функционирование в качестве частного университета в системе, которая благоприятствует государственным учреждениям</p> <p><i>Региональная:</i> местные гранты, запущенные в соответствии с международной повесткой дня</p>	<p>Культура интернационализации, которая была ранее построена на основе студенческой мобильности</p>	<p>Мобилизация внутренних ресурсов</p> <p>Местное и национальное финансирование, направленное на интернационализацию</p> <p>Наращивание потенциала</p>	<p><i>Сверху вниз:</i> управленческая поддержка и выделение бюджетных средств на интернационализацию</p> <p><i>Посередине:</i> работа IRPO (International Research Projects Office), связывающая европейское финансирование исследований с университетами и создающая потенциал</p> <p><i>Снизу вверх:</i> исследователи, включающие предлагаемое обучение в свои карьерные планы и участвующие в международных проектах</p>	<p><i>Интернационализация</i></p> <p>Междисциплинарность</p>
2: генерация совместной динамики для преодоления «атомизации» в университетских исследованиях	<p><i>Международная:</i> финансовые учреждения, уязвляющие гранты с междисциплинарным сотрудничеством</p>	<p>Нехватка времени / подавательская нагрузка, что препятствует развитию междисциплинарности</p>	<p>Междисциплинарные исследовательские платформы и ключевые группы</p>	<p><i>Сверху вниз:</i> включение в институциональную политику и стратегию</p> <p><i>Посередине:</i> гибкость, нейтралитет, координация, международные исследовательские проекты как пограничные объекты, согласование интересов, доверие</p> <p><i>Снизу вверх:</i> свобода и автономность</p>	<p><i>Междисциплинарность</i></p> <p><i>Интернационализация</i></p> <p>Межсекторальность</p> <p>Воздействие</p>
3: привлечение талантов для повышения эффективности исследований	<p><i>Международная, национальная и региональная:</i> хотя на национальном и региональном уровнях имеются программы привлечения и удержания талантливых специалистов, поддержки по-прежнему недостаточно</p>	<p>Институциональная реорганизация ресурсов</p>	<p>Проект DIRS-COFUND по привлечению талантливых исследователей</p>	<p><i>Сверху вниз:</i> поддержка со стороны проректора</p> <p><i>Посередине:</i> необходимость нахождения общей позиции IRPO и докторантуры для того, чтобы убедить менеджеров и руководителей в необходимости перемещения в него «i»-аспектов, чтобы оно соответствовало требованиям Европейской комиссии</p> <p><i>Снизу вверх:</i> помочь руководителям и коллективам переосмыслить докторскую подготовку и включить в нее «i»-аспекты</p>	<p><i>Междисциплинарность</i></p> <p><i>Интернационализация</i></p> <p>Межсекторальность</p> <p>Воздействие</p>
4: объединение университетских исследований и промышленности	<p><i>Международная, национальная и региональная:</i> запрос общества на предоставление результатов прикладных исследований</p> <p><i>Международная, национальная и региональная:</i> «значимая повестка дня» порождает противоречивые критерии оценки на разных уровнях – рассогласование между курсом и практикой</p>	<p>Иезуитская миссия и традиция Университета Деусто в служении обществу</p> <p>Нежелание представить исследования более доступным языком и работать над тем, что не учитывается в библиометрических оценках</p> <p>Различный ритм работы исследователей и заинтересованных сторон</p>	<p>Включение социального воздействия в стратегический план</p> <p>Ряд инициатив по поддержке социального воздействия</p> <p>Научно-исследовательские проекты, спонсируемые включением в STEAM, карьеры и научные исследования</p>	<p><i>Сверху вниз:</i> включение воздействия в стратегию и финансирование, выделяемое на инициативы по воздействию и наращиванию потенциала</p> <p><i>Посередине:</i> создание потенциала для подготовки ученых к проведению значимых исследований</p> <p><i>Снизу вверх:</i> использование в качестве основы портфолио предыдущей совместной работы с заинтересованными сторонами для постепенного вовлечения ученых в исследование по социальному воздействию</p>	<p>Междисциплинарность</p> <p><i>Интернационализация</i></p> <p>Межсекторальность</p> <p><i>Воздействие</i></p> <p>Инновации</p> <p>Инклюзия</p>

в таких областях. Кроме того, особенности испанской системы финансирования научных исследований представляют собой проблему для Университета Деусто. Как объясняет один из опрошенных: «Серьезный недостаток Университета Деусто заключается в том, что он является частным учреждением в системе, которая была создана для финансирования только государственных университетов. Это все равно, что прийти на вечеринку, на которую тебя не пригласили».

В качестве благоприятных условий функционирования респонденты восприняли мобилизацию внутренних ресурсов, а также работу Управления международных исследовательских проектов по проведению совместных и прикладных исследований.

Думается, что люди смогли объединить свой опыт только потому, что ранее мы провели поиск точек соприкосновения между темами и осуществляли работу по распространению информации между различными исследовательскими группами с целью повышения их осведомленности о важных для Европы темах.

Что касается **второй проблемы**, то в случае Университета Деусто интервью выявили «повстанческий характер» междисциплинарных исследований [12] и показали, что эта тенденция возникла в качестве ответа «снизу вверх» на новые международные исследовательские приоритеты, свидетельствуя о связях между интернационализацией и междисциплинарностью.

С 2010 года междисциплинарность входит в исследовательские программы. В то время Европейская комиссия говорила о создании европейских инновационных партнерств. Первое партнерство было посвящено активному и здоровому долголетию. Это заставило нас задать себе вопрос: «Что мы делаем с точки зрения старения?»... И мы начали составлять первый список дел и размышлять: «Давайте посмотрим, у нас есть психологи, инженеры...». А потом начала появляться карта... но она была раскинута через разные факультеты и научные группы... И тогда мы стали искать способы собрать людей вместе, и это было началом появления междисциплинарных платформ.

Результаты интервью также показали, что в Университете Деусто международные проекты выступали в качестве рамочных (рис. 3). Вокруг

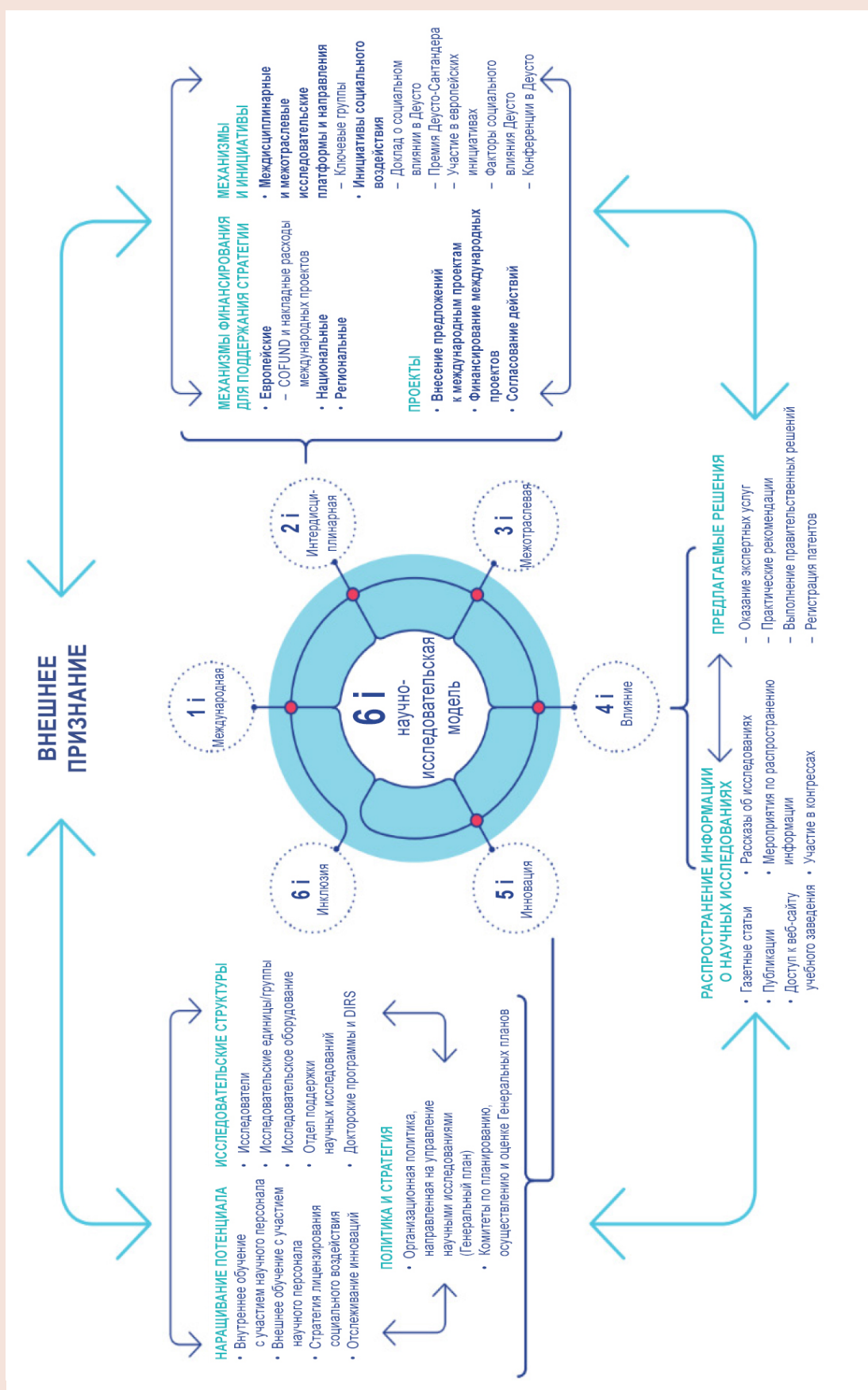
них объединялись различные стороны-участницы, действовавшие в качестве ключевого механизма для построения устойчивого обоснованного сотрудничества.

Мы стали свидетелями того, как университет начал объединять индивидуальные и разрозненные исследования через интернационализацию. Когда мы начали участвовать в европейских исследованиях и проектах, то получили возможность двигаться в сторону других «i»-аспектов, то есть в сторону инноваций, международного финансирования и мультидисциплинарности... Именно участвуя в европейских проектах, мы на практике познакомились с более продвинутыми аспектами и особенно с проблемами... Именно тогда мы поняли, что исследуем не только вещи, которые считаем важными, но и общественные и политические проблемы.

Другими ключевыми функциями по обеспечению устойчивости междисциплинарных исследовательских платформ Университета Деусто являются гибкость и согласование интересов. Это значит, что платформы, интегрирующиеся в организацию, не могут конкурировать с уже существующими структурами, но должна учитываться работа, которая была проделана до их создания (например, сотрудничество с заинтересованными сторонами, предыдущие достижения и т.д.).

Ценность признания прежних достижений и структур, а также наличие нейтрального координатора междисциплинарного сотрудничества (в случае Университета Деусто – это вспомогательный исследовательский персонал) оказались важными элементами посредничества между заинтересованными сторонами: диалог с исследовательскими группами, четкое руководство и, прежде всего, прозрачность, то есть тот факт, что ни у кого из нас, тех, кто координировал платформы, не было темы исследования или каких-либо других подобных интересов. То, что ни один из координаторов не принимал участия в реальных исследованиях, проводимых платформой, сделало нашу задачу «более законной»... Мы не предоставляли никому каких-то особых привилегий и не продвигали собственные исследования. По нашему мнению, это было одним из преимуществ нашей работы.

Рис. 3. Модель «6i» в исследовательской системе Университета Деусто

В то же время данные, собранные с помощью вопросника, свидетельствуют о том, что нехватка времени для проведения исследований по-прежнему остается главным препятствием на пути обеспечения устойчивости междисциплинарности в Университете Деусто. Отвечая на вопрос о том, что может помочь им более активно участвовать в междисциплинарном сотрудничестве, респонденты чаще всего отвечали: «Больше времени» (рис. 4). Тем самым подтверждаются выводы Kwiek [13], согласно которым лучшие исследователи – это те, кто гораздо более ориентирован на исследования и способен тратить долгие рабочие часы на научную работу.

Несмотря на «отсутствие общепризнанных стандартов качества исследовательской практики» [14, с. 595], мнения исследователей сходятся в отношении того, что проведение качественных и результативных исследований является ключевым фактором повышения инновационной активности и, следовательно, экономической конкурентоспособности.

В отношении **третьей проблемы** – привлечения талантливых начинающих исследователей с целью повышения качества исследований – мы выяснили, что ключевым фактором для её решения в Университете Деусто стал проект DIRS-COFUND, финансируемый в рамках программы Horizon 2020 Marie Sklodowska-Curie COFUND. Данный проект позволил набрать солидный корпус высококвалифицированных докторантов из разных стран, начиная с 2016 года (восемь исследователей были наняты в 2016 году, еще восемь – в 2017 году и девятнадцать новых докторантов будут наняты университетом в рамках двух волн набора, которые в ближайшие годы будут запущены в новом связанном проекте – bi DIRS).

Разработка проекта H2020 MSC DIRS-COFUND представляла собой длительный и трудоемкий процесс под руководством проректора по научной работе и трансферу совместно с лидером исследовательской стратегии Университета Деусто, директором Международной исследовательской школы Деусто (DIRS) и

Рис. 4. Ответы респондентов на вопрос «Что могло бы помочь исследователям более активно участвовать в междисциплинарном сотрудничестве?»

директором Управления международных исследовательских проектов (IRPO). Этот процесс кристаллизовал барьеры и внутреннюю напряженность внутри учреждения (например, дисциплинарные и междисциплинарные исследования, международные стандарты отбора и найма, внутренние режимы и национальные критерии, межведомственная координация и т.д.). Ведущая межведомственная команда научилась строить доверительные отношения, согласовывать интересы, требования, процессы и механизмы, взаимодействие которых до этого не было организовано (например, программа Марии Склодовской-Кюри, ожидания преподавателей со степенью доктора, национальное право и т.д.).

Это был довольно сложный процесс, потому что, как и во многих университетах, люди здесь привыкли рассуждать примерно так: «У меня учился магистрант, который хочет получить степень доктора, и внезапно у нас появились новые темы (COFUND), которые привели нас к дальнейшим размышлениям, требовавшим выхода за рамки дисциплин и на международный уровень, а многие не были к этому готовы».

Как объяснял один из респондентов: «Нам нужно было создать промежуточное звено для того, чтобы это произошло, поэтому мы создали внутреннюю конкуренцию за темы, и в этих темах начали появляться четыре «i»-аспекта, следовательно, Университету Деусто нужно было переосмыслить многие из своих процессов».

Таким образом, это заставило нас задуматься о том, что междисциплинарная научная работа нуждается в совместном наблюдении. В качестве координаторов можно привлекать социальных агентов, и это также нужно вывести на международный уровень, особенно если тема связана с европейским проектом.

Это подразумевало работу по наращиванию потенциала для повышения осведомленности старших исследователей о требованиях, предъявляемых к привлечению такого рода талантов. В результате проект DIRS-COFUND получил самую высокую оценку отборочного совета Европейской комиссии и, помимо междисциплинарных исследовательских платформ, стал ключевым механизмом, через который переплетаются различные «i»-аспекты модели «bi».

Наконец, по поводу **четвертой** рассматриваемой нами проблемы (существующий разрыв между академическими кругами и обществом и стремление к достижению реальной общественной значимости результатов исследований, выходящей за рамки научной значимости) можно сказать, что наш анализ выявил нынешнее несоответствие между дискурсом, выдвигаемым так называемой «значимой повесткой дня», и объективными требованиями, выдвигаемыми оценочными органами на различных уровнях. Интервью указывают на то, что, с одной стороны, необходимо проводить межсекторальные междисциплинарные исследования для удовлетворения социальных запросов, тогда как, с другой стороны, оценочные органы по-прежнему применяют показатели, которые придают больше значения работе в рамках индивидуальных дисциплин.

Хотя политический дискурс направлен на сотрудничество и социальное воздействие, но в реальности могут быть расхождения между инициативой людей и существующими правилами. Например, какая-либо инициатива преследует благородную цель, но если в ней могут участвовать только представители групп, аккредитованных Правительством Страны Басков, то другие участники проекта, не являющиеся членами таких групп, должны покинуть его, и это ослабляет работу.

Как поясняют Miettinen и соавторы [15], для урегулирования этого обстоятельства разработаны показатели и внедрены методы качественной оценки, особенно в форме тематических исследований социального воздействия науки с учетом требований политики. Однако при этом высказаны серьезные сомнения относительно возможности успешного учета подобного воздействия с помощью обширных систем показателей и соответствующей информации о конкретных случаях [15, с. 270].

Тем не менее наше исследование показало, что Университет Деусто официально признает, что его усилия направлены на обеспечение деятельности в согласии с обществом. Ценности и принципы, лежащие в основе его внутренней политики, создают инициативы по расширению и повышению ценности эффективных исследований.

6. Заключение.

В эпоху перемен и неопределенности, когда системы НТИ находятся на переходном этапе и на университеты оказывается все большее давление, связанное с необходимостью знакомить общественность с результатами научных исследований, высшим учебным заведениям следует принимать долгосрочные стратегии и стратегическое видение для комплексного решения взаимосвязанных проблем.

Подход системного мышления помог нам раскрыть разнонаправленный характер изменений, происходящих внутри исследовательской системы. Рассмотрев четыре проблемы, мы выяснили следующее: для того чтобы добиться успеха, необходимо сочетание усилий «сверху вниз», «снизу вверх» и «посередине». По словам одного из опрошенных, то, что приходит по инициативе «снизу вверх», также должно быть подкреплено «сверху вниз» и наоборот. Необходимо обеспечить четкую интеграцию... Мы имеем дело с новой концепцией, настолько мощной и даже разрушительной, что она не продержится долго, если не будет согласия между учреждением, людьми и ресурсами.

Полученные результаты также говорят о том, что международная исследовательская программа выступает в качестве движущей силы в рамках анализируемой системы. Вместе с тем они свидетельствуют о роли международных проектов и структур поддержки научных исследований как элементов, объединяющих все вовлеченные стороны (см. рис. 3). Как было показано, гибкость, согласование интересов и координация способствуют устойчивости междисциплинарного сотрудничества, но самым большим препятствием в этом случае является отсутствие времени для проведения исследований. Было установлено, что меры, основанные на значимости и практическом применении результатов научных исследований, препятствуют междисциплинарности и межсекторальности. Кроме того, выявлена конкуренция малых университетов за привлечение талантов.

В то же время другие источники утверждают, что «отсутствие очевидной простой оценки, по которой можно было бы судить о социальном воздействии, не должно препятствовать данной концепции. Вместо этого такая оценка должна стимулировать осмысление учеными и общественностью отношений между научными кругами, журналами и обществом» [16, с. 557].

В заключение мы можем сказать, что проведенный анализ показал, каким образом различные «i»-аспекты модели «bi» тесно переплетены, и выявил переменные и механизмы, которые работают в качестве точек соприкосновения между ними. Мы также видим, что барьеры и вмешательства в какой-либо «i»-аспект оказывают неизбежное воздействие на другие «i»-аспекты. Такое воздействие может привести либо к экспоненциальному увеличению положительных результатов, либо к усугублению проблем и не может применяться только к анализируемому случаю. Вот почему это воздействие следует учитывать как при разработке политики в области исследований, так и при принятии решений в рамках той или иной исследовательской системы.

Модель «bi» содержит перспективные элементы, которые могут быть использованы университетами для успешного управления существующими и новыми аспектами своей деятельности. Несмотря на первоначальное ограниченное применение данной модели в качестве основы исследовательской стратегии в конкретном университете, дальнейшее её внедрение и оценка в других учреждениях (например, университеты, активно занимающиеся научными исследованиями, исследовательские центры), других условиях (например, в региональных системах) и за пределами систем НИОКР, для которых она была первоначально концептуализирована, будут способствовать последующему изучению потенциала модели «bi» как комплексного стратегического проекта, с помощью которого университеты могут управлять своими приоритетами, деятельностью и ролью в местных, региональных и глобальных экосистемах.

Литература

1. Hansson S., Polk M. Assessing the impact of transdisciplinary research: The usefulness of relevance, credibility, and legitimacy for understanding the link between process and impact. *Research Evaluation*, 2018, vol. 27, no. 2, pp. 132–144. Available at: <https://academic.oup.com/rev/article/27/2/132/4855909> (accessed October 29, 2018).

2. Martin B. Are universities and university research under threat? Towards an evolutionary model of university speciation. *Cambridge J Econ*, 2012, vol. 36, no. 3, pp. 543–565. Available at: <http://web.a.ebscohost.com.proxy-oceano.deusto.es/ehost/pdfviewer/pdfviewer?vid=1&sid=e2d60e4d-d2ad-4ac9-8b0c-d2064d9eebc3%40sdc-v-sessmgr03> (accessed December 17, 2018).
3. Thoenig J.-C., Paradeise C. Strategic capacity and organisational capabilities: a challenge for universities. *Minerva*, 2016, no. 54, pp. 293–324. Available at: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1007%2Fs11024-016-9297-6.pdf> (accessed May 27, 2019).
4. Caro-Gonzalez A. The “6i Research Model”: Evolution of an innovative institutional STI policy framework at the University of Deusto. *IEEE J Res Technol Policy Eval*, 2019, no. 48, pp. 105–113.
5. Akkerman S.F., Bakker A. Boundary crossing and boundary objects. *Review of Educational Research*, 2011, no. 81 (2), pp. 132–169. Available at: <http://rer.aera.net> (accessed February 7, 2019).
6. Engeström Y. *Learning by Expanding: an Activity-Theoretical Perspective*. Helsinki: Orienta-Konsultit Oy, 1987.
7. Wenger E. Communities of practice: learning as a social system. *Syst Thinker*, 1998, no. 9 (5), pp. 2–3.
8. Akkerman S.F., Bakker A. Boundary crossing and boundary objects. *Review of Educational Research*, 2011, no. 81 (2), pp. 132–169.
9. Woldegiyorgis A.A., Proctor D., De Wit H. Internationalization of research: key considerations and concerns. *Journal of Studies in International Education*, 2018, no. 22 (2), pp. 161–176. Available at: <https://doi.org/10.1177/1028315318762804> (accessed February 11, 2019).
10. Abramo G., Andrea C.D., Solazzi M. The relationship between scientists’ research performance and the degree of internationalization of their research. *Scientometrics*, 2011, no. 86, pp. 629–643. Available at: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1007%2Fs11192-010-0284-7.pdf> (accessed February 28, 2019).
11. Oleksiyenko A. Global portfolios and strategic international partnerships of a major research university. *Library and Archives Canada=Bibliothèque et Archives Canada*, 2009. Available at: [https://oceano.biblioteca.deusto.es/primo-explore/fulldisplay?docid=TN_proquest304342683&context=PC&vid=deusto&lang=es_ES&search_scope=default_scope&adaptor=primo_central_multiple_fe&tab=default_tab&query=any,contains,Global portfolios and strategic inter](https://oceano.biblioteca.deusto.es/primo-explore/fulldisplay?docid=TN_proquest304342683&context=PC&vid=deusto&lang=es_ES&search_scope=default_scope&adaptor=primo_central_multiple_fe&tab=default_tab&query=any,contains,Global%20portfolios%20and%20strategic%20inter) (accessed May 9, 2019).
12. Burgess M., Garnett V., O’Connor A., Ohlmeyer J. *Interdisciplinarity for Impact – Workshop Report*. Dublin, 2016. Available at: <https://www.tcd.ie/trinitylongroomhub/assets/documents/2018-FinalReport.pdf> (accessed April 1, 2019).
13. Kwiek M. The European research elite: a cross-national study of highly productive academics in 11 countries. *Higher Education*, 2016, vol. 71, no. 3, pp. 379–397. Available at: <http://link.springer.com/10.1007/s10734-015-9910-x> (accessed March 11, 2019).
14. Mårtensson P., Fors U., Wallin S.-B., Zander U., Nilsson G.H. Evaluating research: a multidisciplinary approach to assessing research practice and quality. *Research Policy*, 2016, vol. 45, no. 3, pp. 593–603. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0048733315001845> (accessed November 15, 2018).
15. Miettinen R., Tuunainen J., Esko T. Epistemological, artefactual and interactional–institutional foundations of social impact of academic research. *Minerva*, 2015, vol. 53, no. 3, pp. 257–277. Available at: <http://link.springer.com/10.1007/s11024-015-9278-1> (accessed May 27, 2019).
16. Quantifying the social impact of research and medical journals. *Lancet*, 2014, vol. 384, no. 9943, p. 557. Available at: <https://linkinghub.elsevier.com/retrieve/pii/S0140673614613490> (accessed October 1, 2018).

Сведения об авторах

Антония Каро-Гонсалес – Ph.D., научный сотрудник, руководитель отдела международных исследовательских проектов, Университет Деусто (48007, Испания, провинция Бискайя, г. Бильбао, Avenida de las Universidades, 24; e-mail: tcarogon@gmail.com)

Луана Феррейра-Лопес – Ph.D. соискатель, научный сотрудник, технический специалист в сфере международных проектов, преподаватель, Университет Деусто (48007, Испания, провинция Бискайя, г. Бильбао, Avenida de las Universidades, 24; e-mail: luanadinamarca@gmail.com)

Caro-Gonzalez A., Ferreira-Lopes L.

Universities in Transition: The 6i Model for Strategic Governance and Management

Abstract. The 6i Model (Caro-Gonzalez, 2019) offers an archetype for research management to devise and implement integrative institutional strategies by combining six dimensions that start with ‘i’: internationalisation, interdisciplinarity, intersectorality, impact, innovation and inclusion. This innovative model focuses on the expanding critical role of universities as social innovators and proposes ways to shape performance through principles of collaboration (international, interdisciplinary, and intersectoral) and values-based rationales for action (impact, innovation, and inclusion). When adopted strategically, these dimensions can reconfigure universities’ multi-level fields of action, transforming their often slow and disconnected institutional changing processes. By analysing the case of the University of Deusto, Spain, and using a qualitative approach, this paper aims to critically examine whether this comprehensive model can be a powerful improvement methodology for the strategic governance and management system of university research. The research unveils the way the model performs in practice and unfolds its key performance features and critical success factors while addressing the fundamental challenges and barriers faced by universities nowadays. The research carried out suggests that a holistic view of research management can better inform research policy, support decision-making, and generate more focused and integrative implementation of the research strategy. Based on this research strategy framework at a specific university, further implementations and assessments of the model in other institutions and settings will contribute to further explore the potential of the 6i model as a comprehensive strategic design with which universities can steer their priorities, activities and role within local, regional and global ecosystems.

Keywords: research policy, research management, systems thinking, interdisciplinarity, research excellence, social impact, internationalisation.

Information about the Authors

Antonia Caro-Gonzalez – PhD, Researcher, Head of Department of International Research Projects Department, the University of Deusto (24, Avenida de las Universidades, Bilbao, the province of Biscay, 48007, Spain; e-mail: tcarogon@gmail.com)

Luana Ferreira-Lopes – PhD Candidate, Researcher, Technical Specialist in the Field of International Projects, Lecturer, the University of Deusto (24, Avenida de las Universidades, Bilbao, the province of Biscay, 48007, Spain; e-mail: luanadinamarca@gmail.com)

Статья поступила 13.11.2019.

Особенности государственного регулирования (институциональная основа) развития сельского хозяйства и сельских территорий Венгрии

**Кристиан
КЕСТХЕЛИ**

Университет им. Сент-Иштвана
Гёдёллё, Венгрия, 2100, ул. Патер К., д. 1
E-mail: keszthelyi.krisztian@gtk.szie.hu
ORCID: 0000-0002-2195-8934

Аннотация. Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы осветить последствия развития сельских районов, в частности основную роль системы субсидий. Определяющей частью развития сельского хозяйства и сельских территорий являются соответствующие эффективные системы субсидирования. Основное внимание в исследовании уделяется функциональным характеристикам и влиянию Новой венгерской программы развития сельских территорий, являющимся основными компонентами докторской диссертации автора. Политические цели и направления могут быть разнообразными, они определяются мировоззрением лидеров, их образом мышления, идеологией, взглядом на пространственные структуры. В то же время развитие обусловлено особенностями территориальной системы [1, 2]. После 1990 года в странах Центральной и Восточной Европы произошла смена модели, централизованное, ориентированное на государство национальное управление было заменено демократическим государственным управлением. Отношения между центральными и местными органами власти должны были быть поставлены на новый фундамент, то же самое необходимо было сделать в отношении выполнения задач государства и местных органов власти [3]. На момент вступления в ЕС в 2004 году и даже до этого Венгрия имела право на получение средств в рамках программ подготовки стран к вступлению в ЕС, таких как ISPA, SAPARD, PHARE [4, 5, 6]. В статье показана решающая роль системы помощи сельскому хозяйству и сельским территориям в их развитии. Ключевым эле-

Для цитирования: Кестхели К. Особенности государственного регулирования (институциональная основа) развития сельского хозяйства и сельских территорий Венгрии // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 1. С. 231–243. DOI: 10.15838/esc.2020.1.67.14

For citation: Keszthelyi K. The Features of State Regulation of Agricultural and Rural Development of Territories in Hungary. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2020, vol. 13, no. 1, pp. 231–243. DOI: 10.15838/esc.2020.1.67.14

ментом при этом является эффективное функционирование соответствующих систем помощи. Основное внимание в исследовании уделяется функциональным особенностям Новой венгерской программы развития сельских территорий (New Hungary Rural Development Programme – NHRDP) и ее результатам.

Ключевые слова: поддержка сельского хозяйства, развитие сельских территорий, экономическое развитие.

Введение

Европейский сельскохозяйственный консультационный и гарантийный фонд (EAGGF) был единственным фондом финансирования Общей сельскохозяйственной политики. В 2006 году он был разделен на две части: EAGF – Европейский сельскохозяйственный гарантийный фонд и EAFRD – Европейский сельскохозяйственный фонд развития сельских территорий [7, 8, 9]. Многие развитые европейские страны, особенно восточные регионы, в том числе и Венгрия, сталкиваются с серьезными проблемами в связи со старением общества и сокращением численности населения [10]. На решение этих двух проблем уходит более трети бюджета Европейского союза [11]; [12].

На развитие сельских территорий значительное влияние может оказать их доступ к имеющимся средствам и возможностям для их применения [13, 14], а также создание соответствующей тендерной системы и специфика ее функционирования.

Анализ тендерных систем, оценка их воздействия

Термин «оценка воздействия» означает анализ какого-либо «вмешательства», «мер» или «программы». Этот анализ, учитывающий все обстоятельства, может быть описательным в общих чертах, представляя участников и результаты выполнения программы. В более узком смысле термин «оценка воздействия» используется как метод выявления и измерения воздействия, создаваемого программами, поэтому его основная цель заключается в доказательстве причинно-следственных связей.

В ходе проведения различных оценок термин «программа» обычно используется для обозначения комплекса мероприятий (планов действий, мер и т.д.), что порождает некое изменение в участниках, то есть оказывает некое воздействие. Оценка воздействия используется для измерения именно этих изменений. Измерение воздействий означает количествен-

ную оценку произошедших изменений, поэтому при проведении исследования обычно используются статистические и эконометрические методы. Одной из важнейших функций эконометрических моделей является прогнозирование экономических переменных. Прогноз временных рядов обычно пытается оценить и спрогнозировать значение переменной на основе ее собственного значения в прошлом. Эконометрический прогноз устанавливает регрессионную модель, основанную на связи между одной или несколькими результирующими переменными и некоторыми объясняющими переменными. Можно утверждать, что наиболее интересным элементом анализа временных рядов является прогноз. Он имеет две формы, одна из которых – «ex post» (ретроспективная оценка), т.е. оценки проводятся за период наблюдения и существуют фактические наблюдения временных рядов. Другой – «ex ante» (проспективная оценка), т.е. оценки делаются за период вне периода наблюдения [15]. Таким образом, мы можем различать последующие (ex post) и предшествующие (ex ante) оценки воздействия.

Основной принцип прогноза заключается в том, что, зная природу исследуемого явления, человек стремится найти правило, управляющее этим явлением, и предполагается, что это правило будет неизменным и вне периода наблюдения [16]. При подготовке прогнозов мы всегда должны иметь в виду, что мы хотим предвидеть не только формальные закономерности (например, форму линии тренда), но и реальные закономерности, стоящие за ними.

Оценка воздействия обычно сосредоточивается на вопросе о том, действительно ли та или иная мера или программа государственной политики оказывают воздействие, предусмотренное лицом, принимающим решение. С самого начала важно дать понять, что с некоторыми участниками воздействие никогда не может

быть определено. Есть надежда, однако, что среднее воздействие можно измерить, т.к. в идеальной ситуации оно может быть измерено очень точно. Достоверность и надежность результатов оценки воздействия зависит от характеристик программы (метода отбора участников), количества и качества имеющихся данных (включая сбор данных в рамках программы), а также от выбранного метода анализа. Основная трудность заключается в том, что распределение средств сообществ или государств-членов между участниками рынка обычно происходит в системах торгов. Суть тендерных систем заключается в том, что они каким-то образом ранжируют представленные или подлежащие дальнейшей разработке планы развития.

Причина ранжирования заключается в том, что средства на цели развития ограничены и доступны в течение определенного срока (связанного с периодом действия программы или еще более ограниченного), поэтому каждую идею развития финансировать невозможно, и было бы даже нецелесообразно делать это с социальной точки зрения, поскольку неограниченная поддержка привела бы к значительному росту цен на рынках ресурсов.

Необходимость ранжирования обосновывается также следующим:

1. Проекты можно сравнивать только на основе продуманной системы количественных показателей.

2. Основные принципы, используемые в тендерных системах, могут быть обеспечены только таким образом.

3. Возможности обработки – рассмотрение заявок на поддержку – ограничены, в рамках любой системы спрос на определенные человеческие ресурсы значительно возрастает, что приводит к значительным затратам. Поэтому могут быть применимы только скоринговые системы со строгими ограничениями по объему и содержанию, сравнивающие проектные идеи на основе адекватных критериев.

В свете вышеизложенного можно сделать вывод о том, что такие системы оценки могут адекватно служить интересам соответствующего сообщества, которое поддерживает идеи развития, приносящие наибольшую пользу, в отличие от проектов, приносящих меньшую пользу.

Общественная выгода

В этом случае выгода означает социальную выгоду, а не выгоду, полученную оператором рынка. Измерение выгоды сталкивается с многочисленными препятствиями. Хотя на макроуровне вместо ВВП, т.е. добавленной стоимости, существуют показатели, учитывающие и другие социальные выгоды, однако на микроуровне – при оценке конкретных проектов – эта задача является многотрудной [17].

Оценка каждого проекта должна проводиться таким образом, чтобы системы подсчета баллов поддерживали проекты, дающие шанс на получение наибольшей социальной выгоды, т.е. цель состоит в поиске наилучших решений – другими словами, наилучшей практики.

В этой связи необходимо проводить различие между социальной и частной выгодой. В случае поддержки рыночных операторов, при отсутствии реальной частной прибыли, социальная выгода также не может быть реализована, поскольку рыночные операторы не будут альтруистически реализовывать план развития, который экономически не является устойчивым. Социальная выгода, однако, служит доказательством обоснованности всей программы с точки зрения налогоплательщиков. Идеи без социальной выгоды или только с социальными издержками не могут быть поддержаны в долгосрочной перспективе.

При рассмотрении социальной выгоды также могут возникать проблемы: например, как оценить каждую выгоду; можно ли поддержать инвестиции для создания рабочих мест, которые наносят ущерб окружающей среде, или, наоборот, можно ли поддержать идею разработки прецизионной системы, которая привела бы к сокращению числа работников, но уменьшила бы количество сбрасываемых химических веществ.

Материал и методы

С самого начала исследований нами была изучена как венгерская, так и зарубежная научная литература, лишь незначительная часть которой приводится в настоящей статье.

В ходе дополнительного исследования была собрана информация касательно международной практики написания заявок на сельскохозяйственные тендеры.

Во время внутренних и зарубежных командировок мы анализировали работу сельскохозяйственных и сельских предприятий по развитию систем проведения торгов. За время своей деятельности по написанию тендерных заявок мы познакомились с сотнями предприятий и подготовили почти 500 тендерных заявок. Имеющийся у нас специальный профессиональный пятнадцатилетний опыт служит хорошей базой для обоснования выводов данного исследования.

Полученные результаты

Далее мы излагаем свои выводы, в которых систематизируются и обобщаются практический опыт и знания, собранные на основе обработанной литературы.

Риски некорректной оценки

Если система поддерживает ранее упомянутую цель, т.е. не самые лучшие решения, то необходимо учитывать следующие риски:

- поддержанная идея развития не будет реализована, например, из-за отсутствия собственного финансового вклада, таким образом, имеющиеся средства будут заморожены на значительное время, а это значит, что социальной выгоды, увеличения добавленной стоимости не последует или последует позже;
- финансирование сообществом проектов, не отвечающих основным принципам, станет невозможным, вместо этого они должны будут финансироваться за счет налоговых поступлений от государств-членов;
- несмотря на то что поддержанный проект предполагает увеличение добавленной стоимости на уровне оператора рынка, на местном или региональном уровне реализация проекта приведет к обратному результату, например к сокращению используемой рабочей силы;
- поддержанный проект не будет шагом вперед ни на уровне предприятия, ни на местном уровне, он лишь будет способствовать сохранению устаревшей бизнес-модели, вместо того чтобы быть достаточно инновационным;
- тендерные системы будут поддерживать только те проекты, которые недостаточно проработаны; только после предоставления поддержки будет выявлено, что затраты намного выше или что данный проект действительно не вписывается в долгосрочный подход оператора рынка;

- подготовка и рассмотрение заявок повлекут за собой значительные финансовые и временные затраты как для операторов рынка, так и для государственных субъектов. В случае если проекты поддерживаются, но не реализуются, операторы рынка теряют деньги, потраченные на подготовку, отвлекают средства от нормальной повседневной работы. Вместе с тем государственные хозяйствующие субъекты теряют время, затрачиваемое на такие заявки, т.е. потребность во времени на рассмотрение остальных заявок и управление проектами значительно возрастает, что приводит к дополнительным расходам на уровне оператора рынка.

Интерпретация критериев оценки

Для большей ясности ниже приводится обзор скоринговых систем, используемых в Новой венгерской программе развития сельских территорий (NHRDP – New Hungary Rural Development Programme) и Программе развития сельских территорий (RDP – Rural Development Programme), а также классификация критериев оценки. При рассмотрении системы оценки, связанной с инвестициями в садоводство, можно констатировать, что существенной разницы между двумя периодами программирования не было. Перечислим критерии оценки.

1. Профессиональные критерии. Это такие критерии, которые предусматриваются специальностью, т.е. предполагается, что операторы рынка, отвечающие этим критериям, могут служить моделью в рамках специальности. В системе NHRDP к этой группе относится членство в организациях производителей и участие в управлении агроэкологией. В то время как первое направлено на то, чтобы уравнивать профессиональные представительные органы, и имеет незначительную переговорную силу на сельскохозяйственном рынке, второе может означать, что в управлении экологией могут участвовать только операторы, отвечающие более высоким требованиям охраны окружающей среды. Последний критерий системы RDP был дополнен участием в признанных венгерских схемах обеспечения качества.

2. Энергетические и экологические критерии. Эта группа включает в себя энергетические критерии, которые уже фигурируют в системе NHRDP и приобретают еще большее значение

в системе RDP. Они характеризуют реализованные проекты. Налогоплательщики считают, что такие планы развития, в которых не учитываются экологические проблемы, не должны финансироваться из общественных ресурсов. В то время как в системе NHRDP баллы начисляются только за использование возобновляемых источников энергии, в системе RDP этот критерий был дополнительно уточнен, т.е. помимо использования возобновляемых источников энергии в качестве критериев оценки появились экономия воды или сточных вод, снижение загрязнения воздуха или уменьшение объема производимых отходов. Кроме того, в системе RDP снижение удельного энергопотребления также было отмечено тремя баллами в зависимости от процента экономии энергии. Никакие другие критерии, связанные с проектами, не рассматривались ни в системе RDP, ни в системе NHRDP.

3. Критерии клиента. Они включают в себя критерии, характеризующие клиентов. Заявители обычно задают параметры, которые не могут быть изменены до подачи заявки. К этой группе критериев относится оценка по месту реализации, которая, по существу, сводится к тому, что идеи развития, реализуемые в экономически отсталых населенных пунктах, должны иметь преимущество. Другой критерий в этой категории существенно отличался в течение двух периодов программирования: в то время как в первом периоде работники или клиенты, находящиеся в неблагоприятном положении, получали вознаграждение, во втором периоде SME статус оценивался со значительно большим весом.

4. Создание и сохранение рабочих мест. В то время как в системе NHRDP клиент мог, хотя и теряя при этом некоторые баллы, уменьшить число своих сотрудников, в системе RDP он был обязан сохранить его, поэтому этот критерий не учитывался в период, заканчивающийся в 2020 году.

Приведенные выше критерии являются фундаментально и достаточно объективными и прозрачными, тем не менее очевидно, что в общей сумме баллов они имеют лишь почти половину веса всех критериев оценки. В обеих системах оценки бизнес-план и финансовый план оцениваются со значительным перевесом, однако не всегда можно было заранее знать со-

ответствующие критерии оценки, они не были определены достаточно объективным образом.

5. Критерии финансового и бизнес-плана

Как видно из приведенной *таблицы*, бизнес-план и финансовый план относятся к числу критериев оценки, имеющих значительный вес в обоих периодах программирования. В обоих периодах эти две части — бизнес-план и финансовый план — «жили отдельно», то есть оценка одной из них не влияла на оценку другой. Вместо представления в текстовой части финансового плана садоводческого предприятия могло бы быть представление животноводческого объекта, но на количество баллов это не повлияло бы.

В результате возникает вопрос: были ли представленные бизнес- и финансовый планы реальными или они были просто упрощенными финансовыми таблицами, соседствующими с текстовым описанием.

Как в практике системы NHRDP, так и системы RDP текстовые части включали следующее:

1. Основная часть — подробное описание заявителя и его деятельности, его клиентов и поставщиков, упрощенный SWOT-анализ.

2. Экономическая обоснованность — представление инвестиций, целей, состава ресурсов, эффектов, рисков.

3. Инновационная часть — презентация продукта и технологических инноваций.

4. Экономическая эффективность — обоснование экономически эффективного характера инвестиций.

Заявители составили финансовый план отдельно от текстовой части, но не привели оценочный критерий или регламент для изучения связи между этими двумя частями.

Например, при пересмотре финансовых планов не анализировались урожайность, материальные или кадровые затраты, т.е. если клиент заявлял, что увеличит производство тепличных томатов в десять раз, то не проводилась перекрестная проверка по поводу того, не отразится ли это увеличение на кадровых и материальных затратах, а также на прибыли. Аналогичным образом части балансового отчета не проверялись на предмет наличия в соответствующих строках финансового плана предполагаемых инвестиционной поддержки, увеличения капитала или привлечения средств.

Критерии оценки тендерных заявок на развитие садоводства в системах RDP и NHRDP

Критерии	Система оценки NHRDP (2007–2013)		Система оценки RDP (2014–2020)	
	Бенефициар	Максимальный балл	Бенефициар	Максимальный балл
I. Профессиональные	Член группы производителей или организации производителей	10 баллов	Член группы производителей или организации производителей	4 балла
	Участие в программе АЕМ	4 баллов	Органическое земледелие	3 балла
			Участие в схеме качества	4 баллов
II. Энергетические и экологические критерии	Возобновляемые источники энергии	10 баллов	Возобновляемые источники энергии	3 балла
			Реализация экологических аспектов	3 балла
			Повышение энергоэффективности	3 балла
III. Клиент	Женщина, цыганского происхождения, сниженная трудоспособность	6 баллов	Малое или среднее предприятие	15 баллов
	Место реализации	2 балла	Место реализации	5 баллов
IV. Создание рабочих мест	Сохранение	6 баллов	Создание	6 баллов
	Создание	12 баллов		
V. Финансовый план		20 баллов		-
VI. Бизнес-план		30 баллов		55 баллов
VII. Итого		100 баллов		100 баллов
	Коммуникационный план	(+) 5 баллов		-
	Социальная ответственность предприятия	(+) 5 баллов		-
VIII. Максимум		110 баллов		100 баллов

Источник: создано автором, 2019.

Вместо вышеизложенного, при оценке финансового плана учитывались только такие критерии, как увеличение оборота, а также вопросы о том, всегда ли прибыль до налогообложения была положительной и превышала ли планируемая инвестиционная поддержка оборот предыдущего закрытого финансового года, умноженный на десять.

Необходимо добавить при этом, что в начале осуществления программы NHRDP в её системе предпринимались попытки оценить финансовые планы иным, более сложным образом, отличным от вышеизложенного. В данной статье это будет обсуждаться в части, посвященной передовой практике.

Другие важные, но не оцененные критерии

Как в случае системы NHRDP, так и системы RDP не оценивались или были недостаточно оценены некоторые существенные критерии.

Наиболее важным среди них, на наш взгляд, является *проверка степени подготовленности*. Например, ни в один из программных периодов не проводилась оценка того, получил ли клиент окончательное разрешение на строительство, а также имелись ли у него планы реализации проекта или, в случае более крупных инвестиций, экологическое разрешение. В обеих программах считалось достаточным установить, что клиенты уже подали заявку на получение такого разрешения. Поэтому многие из них пользовались возможностью приостановить дорогостоящий процесс получения разрешения до тех пор, пока не будет принято решение о поддержке проекта. В результате хорошо продуманные проекты с полученными разрешениями не получили поддержку, а средства оказались замороженными, поскольку были привязаны к проектам, которые не могли быть реализованы на целевом участке.

Ни в одном из программных периодов не проводилась оценка *наличия источников финансирования*. Это означает, что во многих случаях поддержка оказывалась проектам, в которых, помимо разрешений, отсутствовал и необходимый собственный финансовый взнос как на момент подачи заявки, так и при предоставлении поддержки. В этих случаях многие заявители рассчитывали, что обеспечат необходимые средства после того, как заявка на поддержку будет одобрена. Или же они предполагали, что, значительно завышая цену разработки и тем самым существенно увеличивая, хотя это и было против правил, коэффициент поддержки, смогут сами финансировать инвестиции. По этим причинам многие операторы рынка планировали инвестиции такого масштаба, который в реальной ситуации предприятия был неоправданным и чрезмерным.

В случае заявок, поданных в рамках систем NHRDP и RDP, не был оценен *предыдущий опыт в области управления проектами* или был оценен недостаточно. Предприятия уже осуществлявшие инвестиции, имеют больше опыта, чтобы избежать ловушек. Однако эта система критериев может быть подвергнута критике в связи с тем, что поддержка может вновь оказываться тем, кто уже получал её ранее и отчитался за нее. И это также должно быть принято во внимание, если цель правительства состоит в том, чтобы привлечь общественные средства как можно быстрее.

В дополнение к предыдущему аспекту не были оценены другие критерии, касающиеся *внешних экспертов*, привлекаемых для оказания помощи во внутреннем управлении проектами: квалификация в области подготовки, планирования и осуществления проектов и опыт в сфере управления ими. На наш взгляд, в прошлом главный недостаток заключался в том, что не были определены критерии, связанные с составлением тендерных заявок. В результате в настоящее время это невозможно объективно оценить, но, безусловно, верно то, что участие в проекте предприятия консультанта по тендерам, имеющего опыт работы в области финансов, государственных закупок, планирования и бюджетирования, ускорит как подготовку, так и исполнение проекта и будет способствовать успеху его реализации.

Что касается заявок, то в них также не был оценен вопрос о том, *как долго функционируют предприятия*. Надо учитывать, что длительный период эксплуатации всегда означает больше обязательств со стороны владельцев, которые рассматривают свои идеи развития более тщательно и не приступят к воплощению проекта, который угрожал бы долгосрочной жизнеспособности предприятия.

В дополнение к вышесказанному можно было бы определить множество *других критериев*, таких как: система взаимоотношений руководства и собственников предприятия; роль, которую предприятия играют в других организациях (фермерские объединения, группы производителей, представительные органы, палаты и др.); история банковского финансирования и т.д., а также то, какие критерии, безусловно, оказывают положительное влияние на реализацию инвестиций. Однако эти критерии трудно поддаются количественной оценке, поэтому неясно, будет ли оправданным их включение в скоринг.

Самые распространенные ошибки, допущенные в системах подсчета баллов

Как Программа развития сельских территорий, так и предыдущая программа NHRDP содержали ряд ошибок в методах подсчета баллов, что имело негативные последствия для некоторых заявителей. Рассмотрим их неполный перечень, чтобы привлечь внимание к проблемам подсчета баллов.

Недостаточное изучение воздействия, оказываемого на предприятие

Как видно из таблицы, по 3 балла может быть присуждено за использование возобновляемых источников энергии и повышение энергоэффективности в системе RDP. Условием для первого из них было то, что план должен включать использование возобновляемых источников энергии, но без учета размера предприятия. Например, если бы клиент подал заявку на создание системы, использующей солнечную энергию, минимального размера — мощностью 1–2 кВт, он мог бы получить тот же балл, что и в случае, если бы весь его спрос на электроэнергию обеспечивался фотоэлектрической системой. Точно так же в случае энергосбережения было достаточно сэкономить 10% энергии, но не было определено, может ли это быть применимо к каждому зданию, каждому

бизнес-объекту или каждому заявителю. Если бы, например, заказчик планировал модернизацию сторожки площадью 10 кв. м, он мог бы достичь того же результата, что и при утеплении птичника площадью 2000 кв. м.

Несоответствие между определенными критериями по их значимости

В рамках RDP по критерию «размер предприятия» можно получить 5/15 баллов, если численность работников составляет меньше 50 человек, т.е. предприятие не является средним. Этот перевес в 15% практически предопределил круг победителей по статьям «модернизация животноводческих комплексов» и «строительство, модернизация малогабаритных объектов хранения, сушки и очистки сельскохозяйственных культур». Те, у кого было более 50 сотрудников в первом случае или более 10 сотрудников во втором, начинали с маленькими шансами на победу, так как, потеряв 10 или 15 баллов, они, безусловно, занимали нижние позиции при оценке.

Некорректная параметризация

В RDP за создание рабочих мест можно было бы дать в общей сложности 6 баллов, а именно:

Более 50 миллионов форинтов / новое рабочее место	0
10–50 миллионов форинтов / новое рабочее место	3
Менее 10 миллионов форинтов / новое рабочее место	6

В случае с животноводческим комплексом, требующим максимальной суммы поддержки (500 млн. форинтов), предприятие должно было взять на себя обязательство трудоустроить 51 человека за 6 баллов. Сегодня птицефабрику или свиноводческий комплекс можно содержать с 4–5 постоянными работниками, поэтому это было нереалистичным требованием со стороны властей. По крайней мере 11 сотрудников должны были быть приняты даже за 3 балла.

В результате многие соискатели просто упустили эти 6 баллов, т.е. не взяли на себя обязательства иметь определенное количество работников, несмотря на возможность трудоустройства 3–4 человек.

Бессмысленный критерий оценки

Критерий участия в схемах обеспечения качества уже был включен в программу RDP ошибочно: заметим, что за участие в такой схеме даются дополнительные баллы (4 балла). Тем не менее в начале действия RDP в 2016 году и во

время лавины заявок в 2017 году в Венгрии не было принятых и действующих схем качества. Указ об их создании был принят только в конце 2018 года. Соответственно никто не мог получить баллы по этому критерию.

Скоринг, оказывающий негативное влияние на некоторых кандидатов

Балльная система оценки NHRDP способствует трудоустройству людей цыганского происхождения, но это справедливо не для всех клиентов. Если клиент является юридическим лицом, то достаточно взять на себя обязательство нанимать цыган, однако в случае физических лиц (частные предприниматели, первичные производители) этот критерий позволяет набрать баллы только в том случае, если сам клиент имеет цыганское происхождение, независимо от того, сколько цыган он нанял или планирует нанять после развития.

Бесполезные критерии

Как уже указывалось выше, при оценке бизнес- и финансовых планов тот факт, что клиент перечисляет три риска и три метода управления рисками, или то, что оборот в финансовом плане постоянно увеличивается, не являются адекватными критериями для предоставления поддержки в размере 500 миллионов форинтов. При определении объема поддержки такого размера следует использовать более сложные критерии оценки, даже те, которые используются банками, с тем чтобы предотвратить ситуацию, когда из-за отсутствия банковского финансирования предоставленная поддержка будет привязана к неоправданно длительному периоду.

Хорошие или лучшие решения в системах оценки

Выше было высказано довольно много критических замечаний в адрес систем подсчета баллов RDP и NHRDP, однако необходимо указать на одно преимущество, которое они имеют по сравнению с системой программы ARDOP и которое заключается в том, что они смогли оценить большое количество заявок на поддержку при сравнительно небольших временных затратах. Хотя это сэкономленное время было потеряно из-за других административных требований в случае RDP, тем не менее, если бы эти бюрократические препятствия были устранены, вышеупомянутые методы оценки позволили бы провести быструю оценку.

Скоринговая система Pest County Application

Конечно, существует много систем подсчета баллов, сопровождающих другие оперативные программы. Основываясь на своем профессиональном опыте на сегодняшний момент, мы рассматриваем скоринговую систему Pest County Application как одну из самых информативных систем оценки.

Среди критериев оценки в этой системе используется оценка корпоративного прошлого, присуждающая значительно меньше баллов проектным компаниям, т.е. созданным только для привлечения средств. Финансовые показатели, такие как производительность, инвестиции, пропорциональные обороту (слишком высокие или слишком низкие – это плохо), потенциал роста и инвестиции, пропорциональные доходности активов, представлены ясно и четко; таким образом, заявители могут заранее оценить свои возможные баллы.

Степень подготовки проекта также дает возможность получить баллы, поэтому те, кто тщательно разрабатывает свои заявки, могут достичь максимального балла, в отличие от практики в RDP, где заявителям нужно было лишь представить свои предложения, когда они приводили заявку в порядок. Поэтому у тех, кто готовил свои заявки на поддержку в спешном порядке, менее тщательно, были равные шансы с более добросовестными заявителями.

Наряду с вышеуказанными критериями в этой системе также фигурирует принцип программирования подсчета очков – «сложность». Таким образом, если клиент подтвердит, что разработка связана с другой разработкой, запущенной ранее, он может получить дополнительные баллы.

Система оценки финансовых планов на момент начала осуществления программы NHRDP

В 2007 году Университетом Сент-Иштвана и Научно-исследовательским институтом сельскохозяйственной экономики была разработана система оценки финансовых планов, которая учитывала отличительные особенности заявителей и названия вспомогательных организаций. Причина разработки подобной системы заключалась в том, что оценка финансовых планов по системам, использовавшимся в предыдущей программе ARDOP, была трудоемкой и энергозатратной и в то же время недостаточно объективной и профессиональной.

Система подсчета баллов состояла из пяти групп критериев. Первая группа критериев, за которые в общей сложности можно было получить 4 балла, проверяла обоснованность инвестирования:

1. Увеличение стоимости основных средств за вычетом стоимости амортизации за год составляет +5, –10 % от суммы инвестиций: 1 балл.

2. Увеличение стоимости собственного капитала равно сумме безвозмездных субсидий и прибыли/убытка за данный год согласно бухгалтерскому балансу. Если разница составляет ±10%: 1 балл.

3. Увеличение стоимости амортизационных расходов равно амортизации, рассчитанной для приобретенных (или подлежащих приобретению) активов ±20%: 2 балла, ±40%: 1 балл, в противном случае: 0 баллов.

Вторым критерием была проверка обоснованности за годы эксплуатации:

4. Собственный капитал также должен увеличиваться в соответствии с размером прибыли/убытка за год согласно бухгалтерскому балансу. Если разница между ними составляет ±5%: 2 балла, в противном случае: 0 баллов.

Цель обеих проверок обоснованности состояла в том, чтобы выяснить, были ли учтены правила финансового планирования при подготовке финансового плана, т.е. финансовый план был составлен в соответствии с обоснованными правилами, или указанные в заявке цифры были введены произвольно.

Третья группа критериев – оценка базовых данных, при которой следующие базовые значения сопоставляются со стандартизированными значениями в сети данных бухгалтерского учета фермерских хозяйств AERI:

1. Стоимость производства на 1 ESU без сельскохозяйственных услуг (тыс. форинтов / ESU).

2. Прибыль/убыток до налогообложения за 1 ESU (тыс. форинтов / ESU).

3. Производственная стоимость пропорциональна рентабельности, скорректированной с учетом сельскохозяйственных услуг (%).

Если показатель заявителя находится между средним значением нижней и верхней четверти, дается 1 балл; если он находится между нижней и верхней четвертью +30%, дается 2 балла, т.е. максимальное количество баллов по данной группе – 6.

Четвертая группа критериев оценивает достоверность финансового плана, где рассматриваются показатели предыдущей группы не за базовый период, а за четвертый год функционирования. Если показатель меньше нижней четверти или выше верхней четверти +30%, претендент получает 0 баллов. Это означает, что нереально низкие или высокие цифры в плане дают ноль баллов. Однако если показатель находился между нижней и верхней четвертью +30%, оценка могла составлять 1 балл по каждому критерию.

Последним критерием оценки является рост владения:

Если количество использованных сельскохозяйственных земель владения увеличивается к четвертому году, то за каждые 5 процентных пунктов может быть начислен 1 балл, а в сумме может быть начислено 5 баллов.

Таким образом, 5 групп критериев могут дать заявителю в общей сложности 20 баллов. Преимущества системы заключаются в следующем:

- Оценка является полностью объективной, скоринг можно проводить автоматизированным способом на основе таблицы, учитывающей размеры владения и финансового плана.

- Показатели сравниваются не с произвольно заданными значениями, а с показателями владений, реально существующих в Венгрии, действующих в том же секторе и такого же размера.

- Система содержит «седловую точку». Это означает, что ни заниженный, ни слишком оптимистичный, нереально высокий оборот или прибыль, планируемые заявителями, не приведут к максимальному баллу.

- В системе исследованы стандартизированные значения, поэтому различия между заявителями, вытекающие из размеров владений, могут быть отфильтрованы.

Как и у всех систем подсчета баллов, у этой системы тоже есть проблемные элементы:

- Референтные значения — хотя AERI публиковала их в своих данных, они не были известны многим, так что заявители не знали заранее балл, который они могли бы получить. (Но если бы они знали, проверка достоверности не имела бы смысла.)

- Система требовала сложного предварительного программирования, но впоследствии это было использовано для быстрого подсчета баллов.

- Как частные предприниматели, так и первичные производители должны составлять планы с использованием метода двойного входа для обеспечения сопоставимости, что является еще одной проблемой для многих клиентов.

Выводы, предложения

Изучение тендерных систем различного типа и относящихся к разным отраслям имеет давнюю историю [18], большое влияние на это оказывали количественные и качественные аспекты экономических, природных и человеческих ресурсов, а также постоянные изменения связанных с ними политических волеизъявлений. Однако рассмотрение этого вопроса будет по-прежнему оставаться на повестке дня в силу его комплексного влияния на социально-экономические процессы.

Большинство исследований данной темы до настоящего времени были направлены на выявление совокупности проблем, затрагивающих большинство тендерных систем. Во многих случаях предметом исследований являлись уязвимая социальная структура, неблагоприятные социально-демографические процессы, старение населения, миграция, безработица, повышение эффективности отдельных отраслей. Помимо причинно-следственных связей были раскрыты также комплексные процессы, основанные на исторических особенностях. Общая картина в итоге такова: в Венгрии существует большая потребность в более эффективном функционировании системы помощи сельскому хозяйству и имеются огромные резервы с точки зрения повышения её эффективности.

Настоящее исследование было в основном мотивировано желанием изучить функционирование венгерских сельскохозяйственных тендерных систем, поскольку после тщательного анализа этого вопроса планируется внести вклад в дальнейшее развитие и создание системы с несколькими модифицирующими предложениями, с тем чтобы облегчить ее функционирование таким образом, который, на наш взгляд, является более эффективным.

Одной из основных особенностей управления проектным циклом является то, что мы включаем опыт, накопленный в ходе предыдущих проектов, в новый проект. Это может иметь существенный эффект не только на уровне проекта, но и на уровне программирования. Т.е. скоринговый опыт, накопленный в ходе выполнения программы NHRDP, можно было бы использовать и в рамках программы RDP, хотя намерение сделать это было ограниченным и не было достаточного объема ресурсов, доступных для обработки большого объема сгенерированных данных, с тем чтобы сделать необходимые выводы.

Основная задача будет заключаться в функционировании системы динамической оценки [19, 20, 21], такой, которая будет регистрировать особенности предыдущих оценок и исполнений в базе данных, анализировать эти данные и настраивать системы оценки соответствующим образом. Это то, что мы называем динамической системой оценки.

Особенности динамической системы оценки заключаются в следующем:

- в качестве отправной точки в ней используются результаты предыдущего периода программирования или среднесрочного обзора;
- в ней собираются показатели результатов успешных проектов, например, на основе количества сотрудников, квалификации, опыта, прошлого, инноваций, финансовых данных, публичной видимости;
- в дополнение к вышеприведенным данным она суммирует данные отклоненных заявок, а также поддержанных, но не реализованных и поддержанных, но не работающих проектов;
- «точная настройка» критериев производится на основе полученных данных.

После рассмотрения критериев, изученных в предыдущих частях, и описания ошибок, допущенных в определении критериев оценки, а также представления возможных хороших или лучших решений требования к критериям оценки могут быть определены следующим образом:

1. Скоринговые системы должны быть достаточно объективными, и эти объективные критерии могут быть известны заранее, т.е. операторы рынка знают, насколько велики их шансы на успех.

2. Должен быть обеспечен контроль каждого критерия, и это не должно требовать продолжительного времени или больших затрат со стороны участников.

3. Каждый критерий должен оцениваться в соответствии с его значимостью.

4. Оценка не должна содержать логических и количественных ошибок.

5. Не должны навязываться критерии, которые не могут быть выполнены всеми или кем-то из заявителей.

6. Критерии должны определяться таким образом, чтобы оценки, полученные по заявленным проектам, существенно различались, что позволит провести четкую границу между проектами, получившими поддержку, и проектами, получившими отказ.

7. Критерии оценки и связанные с ними процедуры должны быть бесспорными и объективными и не должны давать оснований для оспаривания.

8. У каждого рыночного оператора должна быть теоретическая возможность выполнить или взять на себя обязательства по выполнению критериев оценки, критерии не должны предъявлять нереалистичных требований.

9. Критерии должны учитывать специфику целевой группы.

10. Скоринг должен означать отбор, т.е. системы скоринга, в которых все заявки отклоняются либо поддерживаются, бессмысленны и не имеют значения.

11. К системе оценки должна быть приложена реалистичная система санкций.

12. Скоринговые системы должны быть динамичными, т.е. опыт предыдущих тендерных периодов должен быть включен в последующие периоды или периоды программирования, одна и та же ошибка не должна повторяться.

Результаты проведенного исследования имеют научную ценность в аспекте изучения тендерных систем. Применение требований к критериям оценки, которые нами сформулированы, позволит решить многие проблемы, затрудняющие и замедляющие принятие решений в настоящее время. По нашему мнению, это привело бы к заметному улучшению работы рассматриваемой тендерной системы. Насколько нам известно, такого масштабного исследования в Венгрии еще не проводилось, более

того, с учетом сделанных предложений можно было бы значительно повысить эффективность расходования средств на развитие сельских территорий.

Литература

1. Kollár K., Goda P., Tóth T. The Main Dimensions of the Regional Competitiveness. *Delhi Business Review*, 2009, 10:(2), p. 109.
2. Egyedné Gergely, J. Az önkormányzatok lehetőségei a szuburbanizációs folyamatok alakításában. A szuburbanizációs hatások térbeli megjelenése és a különbségek mögötti lehetséges okok vizsgálata a Budapesti Agglomeráció példáján (Doctoral dissertation, Budapesti Corvinus Egyetem), 2015. DOI: 10.14267/phd.2015013
3. Horváth, M.-Józsa Z. Az államigazgatás helyi és területi szervei: koncentráció és koncentrációtum, 2016, pp. 564–582. DOI: 10.14232/phd.3950
4. Beard N., Swinbank A. Decoupled Payments To Facilitate Cap Reform. *Food Policy*, Elsevier, 2001, vol. 26(2), pp. 121–145.
5. CAP: Common Agricultural Policy reform, 2002. Available at: <http://www.euractiv.com/en/cap/common-agricultural-policy-reform/article-10996> (letöltés dátuma: 2019. április 14).
6. Ritson C., Harvey R. The Common Agricultural Policy. 2nd edition. UK: CAB International, Wallingford, 1997, 440 p.
7. Buday-Sántha A. Vidékfejlesztés. *Gazdálkodás, Budapest*, 2010, 54. 7, pp. 792–798.
8. Dorgai L., Udovecz G. A közvetlen agrártámogatások feltételezett csökkentésének becsült hatásai Magyarországon, *Gazdálkodás*, 53. évfolyam, 2. 2009, szám 128–137.
9. Fazekas S. A magyar vidék talpra állításáért! *Gazdálkodás*, 2010, 54. 6, pp. 583–586.
10. Bourgeon J-M., Chambers R. G. Stop-and-Go Agricultural Policies. *American Journal of Agricultural Economics*, 2000, 82.1, pp. 1–13.
11. Goda P., Tóth T. Pókháló- entrópia, mint új rendszervizsgálati megközelítés a területi elemzésekben. *Területi Statisztika*, 2013, 53 (2), pp. 169–189. DOI: 10.15196/TS560101
12. Lobley M., Butler A. The impact of CAP reform on farmers' plans for the future: some evidence from South West England. *Food Policy*, 2010, 35, pp. 341–348.
13. Rechnitzer J., Smahó M. Területi politika. Akadémiai Kiadó, Budapest. 2011.
14. Ritter K., Nagy H., Tóth T. (2013): Hátrányos helyzetű vidéki térségek és helyi fejlesztési lehetőségeik egy Észak-magyarországi példán keresztül. pp. 224–242. Lukovics M., Savanya P. (szerk.) 2013. Új hangsúlyok a területi fejlődésben. Szeged: JATE Press.
15. Nagy L., Balogh P. Ökonometria, Debreceni Egyetem, Debrecen, 2013. 160 p.
16. Gujarati D.N. Basic Econometrics. McGraw-Hill Higher Education, 2003.
17. Losonczi M. Európai Unió kihívások és magyar válaszok. Osiris Kiadó. Budapest, 2004. 274 p.
18. Guth L., Káposzta J., Kapronczai I., Lehota J., Molnár J., Péter B., Puskás J., Szénay L., Tóth T., Villányi L. et al. Agrárgazdaságtan Budapest, Magyarország : Mezőgazdasági Szaktudás Kiadó, 2000. 242 p.
19. Kapronczai I. A magyar agrárgazdaság napjainkban. *Gazdálkodás*, 55. évfolyam 7. szám, 2011, pp. 615–628.
20. Paloma S.G., Ciaian P., Cristoiu A., Sammeth F. The future of agriculture. Prospective scenarios and modelling approaches for policy analysis. *Land Use Policy*, 2013, 31, pp. 102–113.
21. Raggi M., Sardonini L., Viaggi D. The effects of the Common Agricultural Policy on exit strategies and land re-allocation. *Land Use Policy*, 2013, 31, pp. 114–125.

Сведения об авторе

Кристиан Кестхели – преподаватель, факультет экономики и социальных наук, Университет им. Сент-Иштвана, (2100, Венгрия, г. Гёдёллө, ул. Патер К., д. 1; e-mail: keszthelyi.krisztian@gtk.szie.hu)

Keszthelyi K.

The Features of State Regulation of Agricultural and Rural Development of Territories in Hungary

Abstract. The purpose of this paper is to highlight the effects of the rural development, particularly the main role of the subsidy system. The determining part of the agricultural and rural development is the relevant effective subsidy systems. The study is focusing on the New Hungarian Rural Development Programme operating specialities and influence, which are my PhD study main components. Political goals and directions can be manifold; they are determined by the leaders' vision, way of thinking, ideology, and view of spatial structures. At the same time, the development, i.e. the series of actual interventions and their technique, stems from the particularities of the area system. [1]; [2] After 1990, a change of the model took place in central and eastern European countries, the centralized, state-centred national administration had to be replaced with a democratic public administration. The relationship between central and local bodies had to be placed on new foundations, the same had to be done with the fulfilment of the tasks of the State and those of local governments. The countries of the region are characterized by continuous pathfinding [3]. At the time of EU accession in 2004 and even before that, Hungary was entitled to pre-accession funds such as ISPA, SHAPARD, PHARE [4]; [5]; [60]. The purpose of my paper is to shed light on the regional effects of rural development in regional politics, and among them, the decisive role played by the aid system. A key element of the possibilities of agricultural and rural development is the effective operation of relevant aid systems. The study focuses on the operational features of the New Hungary Rural Development Programme and their effects, which comprises an important part of my PhD thesis in the process of being completed.

Key words: agricultural support, rural development, economic development.

Information about the Authors

Krisztian Keszthelyi – Lecturer, Faculty of Economics and Social Sciences, Szent István University (1, Pater K. Street, Gödöllő, 2100, Hungary; e-mail: keszthelyi.krisztian@gtk.szie.hu)

Статья поступила 15.10.2019.

МОНИТОРИНГ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества

Продолжая сложившуюся традицию нашего издания, приводим результаты мониторинговых оценок общественного мнения о состоянии российского общества, выполняемых ФГБУН ВолНЦ РАН в Вологодской области¹.

Нижеследующие таблицы и графики показывают динамику ряда параметров социального самочувствия и общественно-политических настроений населения региона по результатам последней «волны» мониторинга (декабрь 2019 – февраль 2020 г.), а также за период с февраля 2019 по февраль 2020 г.

Дается сопоставление результатов исследований с данными за 2007-й (последний год II президентского срока В.В. Путина, когда были достигнуты наиболее высокие оценки президентской деятельности), 2011-й (последний год президентства Д.А. Медведева) и 2012 г. (первый год III президентского срока В.В. Путина).

Представлена годовая динамика данных за 2017–2019 гг.

В декабре 2019 – феврале 2020 г. уровень одобрения деятельности Президента РФ существенно не изменился: доля положительных оценок составила 54%, удельный вес отрицательных суждений – 31%.

В целом уровень одобрения деятельности главы государства в начале 2020 г. несколько ниже, чем в феврале 2019 г. (59%), и чем в среднем за 2019 г. (56%)

Для справки:

По данным ВЦИОМ уровень одобрения деятельности Президента РФ в декабре 2019 – первой половине февраля 2020 г. возрос на 3 п.п. (с 63 до 66%), доля негативных суждений снизилась с 28 до 25%.

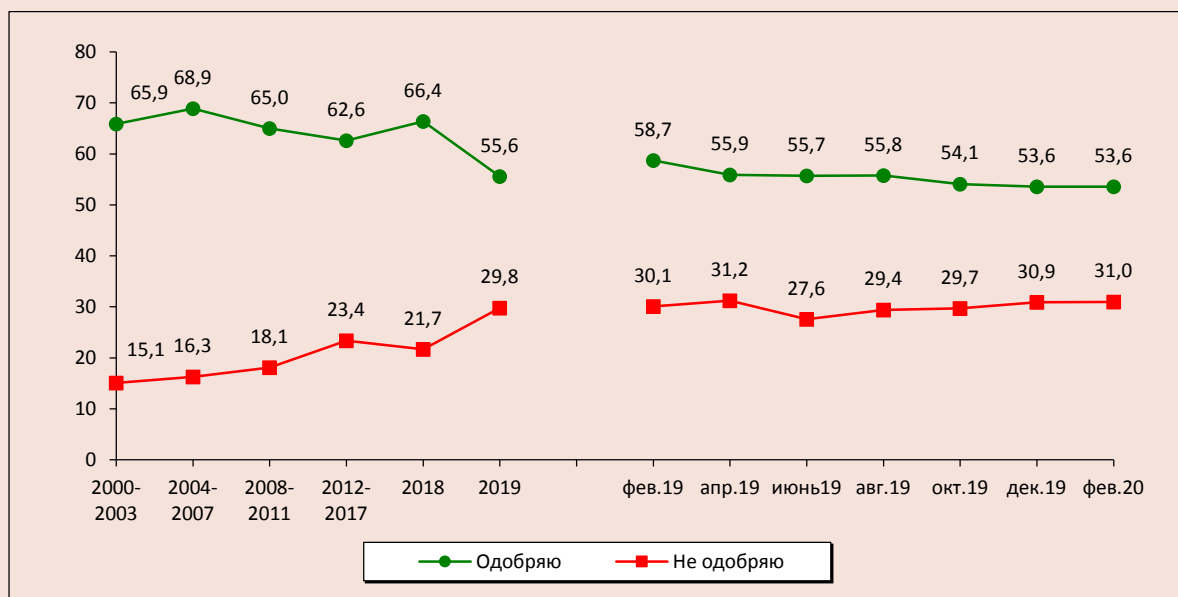
По данным Левада-Центра в декабре 2019 – январе 2020 г. доля положительных оценок деятельности главы государства составила 68%, доля негативных – 31%.

---

¹ Опросы проводятся 6 раз в год в Вологде, Череповце и в восьми районах области (Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском и Шекснинском). Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Объем выборочной совокупности – 1500 человек в возрасте 18 лет и старше. Выборка целенаправленная, квотная. Репрезентативность выборки обеспечена соблюдением пропорций между городским и сельским населением, пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города), половозрастной структуры взрослого населения области. Ошибка выборки не превышает 3%.

Более подробную информацию о результатах опросов, проводимых ВолНЦ РАН, можно найти на сайте <http://www.vscs.ac.ru/>.

Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Президента России? (в % от числа опрошенных)

Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность...? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2007	2011	2012	2017	2018	2019	Фев. 2019	Апр. 2019	Июнь 2019	Авг. 2019	Окт. 2019	Дек. 2019	Фев. 2020	Изменение (+/-) по отношению к...	
														Дек. 19	Фев. 19
Президент РФ															
Одобрять	75,3	58,7	51,7	67,3	66,4	55,6	58,7	55,9	55,7	55,8	54,1	53,6	53,6	0	-5
Не одобряю	11,5	25,5	32,6	20,0	21,7	29,8	30,1	31,2	27,6	29,4	29,7	30,9	31,0	0	+1
Бывший Председатель Правительства РФ*															
Одобрять	-*	59,3	49,6	49,5	48,0	41,1	41,6	38,8	40,9	43,1	41,1	41,1	37,9	-3	-4
Не одобряю	-	24,7	33,3	31,1	31,6	38,4	39,3	40,2	38,0	36,3	37,5	38,9	40,9	+2	+2
Губернатор															
Одобрять	55,8	45,7	41,9	39,8	38,4	35,7	36,5	34,7	35,4	36,1	35,6	35,6	36,2	+1	0
Не одобряю	22,2	30,5	33,3	39,3	37,6	40,2	41,5	41,4	38,6	38,5	40,1	40,8	41,8	+1	0

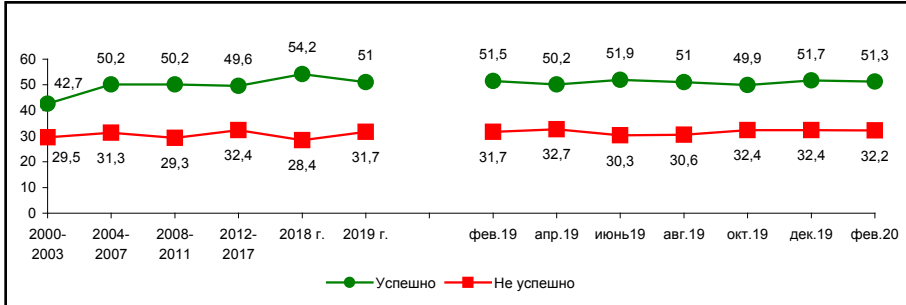
* Вопрос задается с 2008 г. В 2020 г. опрос проходил в период с 24 января по 12 февраля. Действующий Председатель Правительства РФ М.В. Мишустин только вступил в свою новую должность (16 января 2020 г.), поэтому у респондентов спрашивалось мнение относительно деятельности бывшего премьер-министра Д.А. Медведева.

За последние два месяца не произошло ощутимых изменений в оценке успешности решения Президентом ключевых проблем страны: 51–52% жителей области положительно оценивают работу главы государства по укреплению международных позиций России, 44% – по наведению порядка в стране, 34–35% – по защите демократии и укреплению свобод граждан, 26% – по подъему экономики и росту благосостояния населения.

Оценки населения в феврале 2020 г. соответствуют уровню февраля 2019 г. и среднегодовым оценкам за 2019 г. Однако стоит отметить, что за последние 12 месяцев (с февраля 2019 по февраль 2020 г.) незначительно увеличился удельный вес людей, недовольных тем, как Президент справляется с проблемой подъема экономики и роста благосостояния населения (на 3 п.п., с 57 до 60%).

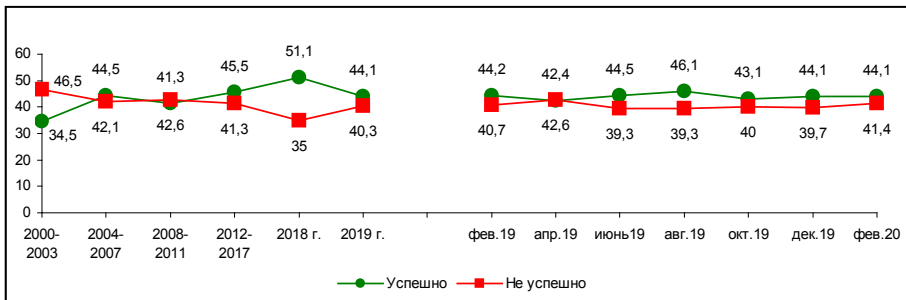
Насколько успешно, на Ваш взгляд, Президент РФ справляется с проблемами..?
(в % от числа опрошенных)

Укрепление международных позиций России

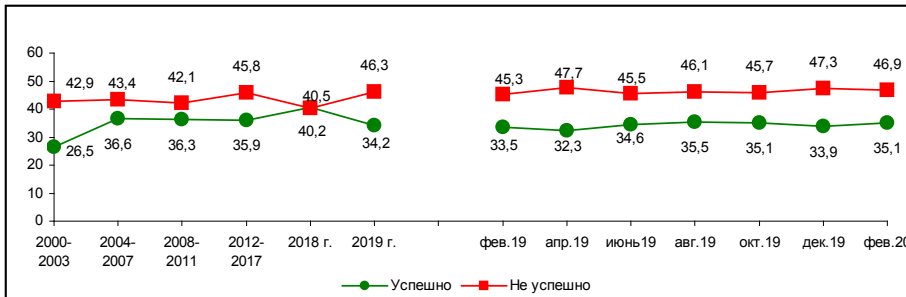
Изменение (+/-) Фев. 2020 по отношению к...		
Вариант ответа	Дек. 19	Фев. 19
Успешно	0	0
Не успешно	0	+1

Наведение порядка в стране

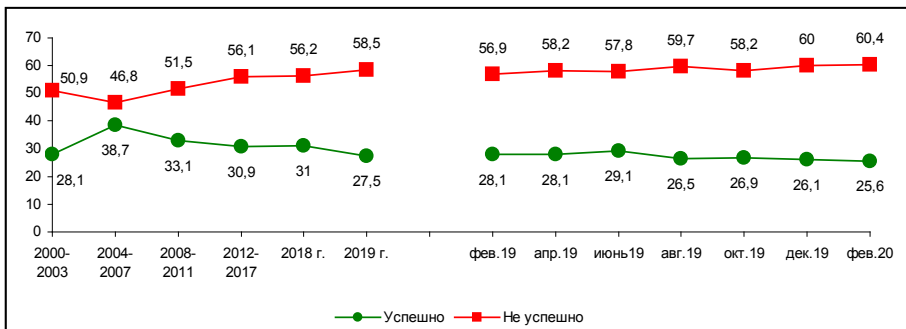
Изменение (+/-) Фев. 2020 по отношению к...		
Вариант ответа	Дек. 19	Фев. 19
Успешно	0	0
Не успешно	+2	+1

Защита демократии и укрепление свобод граждан

Изменение (+/-) Фев. 2020 по отношению к...		
Вариант ответа	Дек. 19	Фев. 19
Успешно	+1	+2
Не успешно	0	+2

Подъем экономики, рост благосостояния граждан

Изменение (+/-) Фев. 2020 по отношению к...		
Вариант ответа	Дек. 19	Фев. 19
Успешно	-1	-3
Не успешно	0	+4

В структуре партийно-политических предпочтений населения в декабре 2019 – феврале 2020 г. также не отмечается существенных перемен. Уровень поддержки партии «Единая Россия» стабильно составляет 33-34%, ЛДПР и КПРФ – 8-9%, «Справедливой России» – 4-5%.

Как в феврале прошлого года и в среднем за 2019 г., доля жителей области, считающих, что ни одна из парламентских партий не представляет их интересы, составляет 34%, **что заметно выше, чем в 2017–2018 гг. (29%)**.

Какая партия выражает Ваши интересы? (в % от числа опрошенных)

Партия	2007	2011	Выборы в ГД РФ 2011 г., факт	2012	2016	Выборы в ГД РФ 2016 г., факт	2017	2018	2019	Фев. 2019	Апр. 2019	Июнь 2019	Авг. 2019	Окт. 2019	Дек. 2019	Фев. 2020	Изменение (+/-) Фев. 20 по отношению к...	
																	Дек. 19	Фев. 19
Единая Россия	30,2	31,1	33,4	29,1	35,4	38,0	34,7	37,9	33,8	34,6	33,3	34,8	33,5	32,8	33,7	33,2	-1	-1
КПРФ	7,0	10,3	16,8	10,6	8,3	14,2	7,6	9,2	8,8	9,1	8,0	8,5	8,7	9,1	9,2	8,9	0	0
ЛДПР	7,5	7,8	15,4	7,8	10,4	21,9	11,0	9,6	9,1	8,9	8,2	9,1	10,5	8,3	9,4	9,9	+1	+1
Справедливая Россия	7,8	5,6	27,2	6,6	4,2	10,8	4,8	2,9	3,4	2,9	2,9	2,5	3,9	4,2	4,0	4,7	+1	+2
Другая	1,8	1,9	-	2,1	0,3	-	0,5	0,7	0,3	0,6	0,3	0,3	0,4	0,1	0,1	0,6	+1	0
Никакая	17,8	29,4	-	31,3	29,4	-	29,2	28,5	33,7	34,2	34,7	32,3	32,1	34,3	34,3	34,0	0	0
Затрудняюсь ответить	21,2	13,2	-	11,7	12,0	-	12,2	11,2	11,0	9,7	12,6	12,4	10,9	11,2	9,3	8,7	-1	-1

В оценках социального самочувствия населения за последние два месяца отмечается незначительное ухудшение. Доля людей, характеризующих свое настроение как «нормальное, прекрасное», уменьшилась на 3 п.п. (с 70 до 67%), а удельный вес тех, кто считает, что «все не так плохо и можно жить; жить трудно, но можно терпеть», – с 78 до 75%.

Эти показатели соответствуют значениям февраля 2019 г., но ниже, чем в среднем за 2019 г.

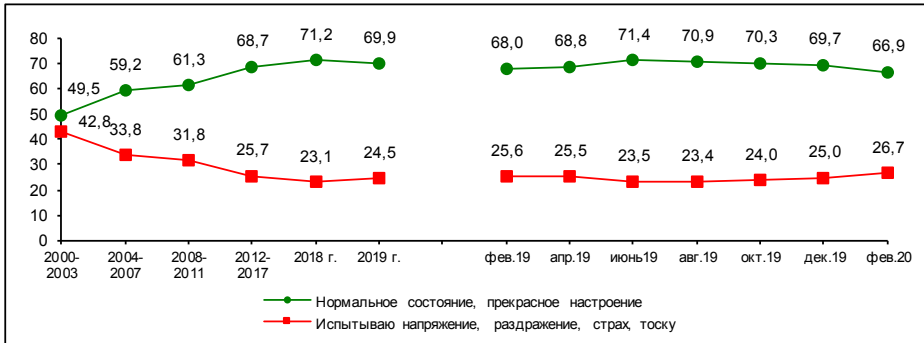
При этом в краткосрочной ретроспективе (за последние два месяца) в оценках благосостояния существенных изменений не наблюдается: доля жителей области, субъективно относящих себя к категории людей со средним уровнем достатка, составляет 40-41%; индекс потребительских настроений (отражающий представления людей о будущем российской экономики и своего личного материального положения) – 91 пункт.

Более негативными выглядят изменения оценок материального положения в долгосрочной ретроспективе: так, за последние 12 месяцев (с февраля 2019 по февраль 2020 г.) доля людей «среднего достатка» уменьшилась на 4 п.п. (с 44 до 40%), а удельный вес «бедных и нищих» возрос с 45 до 49%.

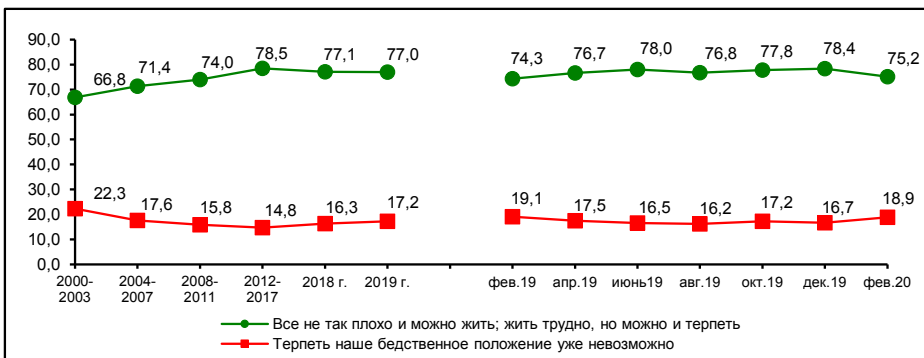
Оценка социального состояния (в % от числа опрошенных)

Социальное настроение

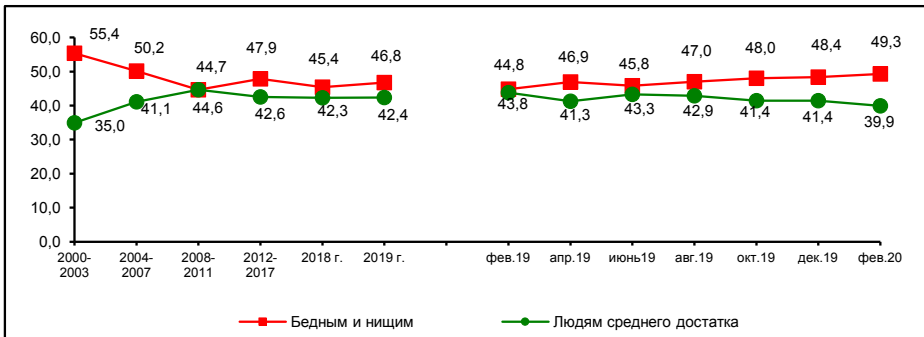
Изменение (+/-) Фев. 2020 по отношению к...		
Вариант ответа	Дек. 19	Фев. 19
Нормальное состояние, прекрасное настроение	-3	-1
Испытываю напряжение, раздражение, страх, тоску	+2	+1

Запас терпения

Изменение (+/-) Фев. 2020 по отношению к...		
Вариант ответа	Дек. 19	Фев. 19
Всё не так плохо и жить можно; жить трудно, но можно и терпеть	-3	+1
Терпеть наше бедственное положение уже невозможно	+2	0

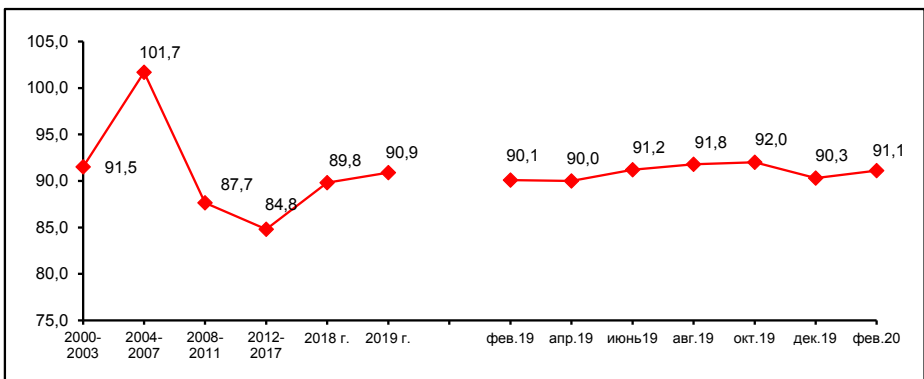
Социальная самоидентификация*

Изменение (+/-) Фев. 2020 по отношению к...		
Вариант ответа	Дек. 19	Фев. 19
Доля считающих себя людьми среднего достатка	-2	-4
Доля считающих себя бедными и нищими	+1	+5

* Формулировка вопроса: «К какой категории Вы себя относите?»

Индекс потребительских настроений (ИПН)

Изменение (+/-) Фев. 2020 по отношению к...		
ИПН	Дек. 19	Фев. 19
Значение индекса, в пунктах	+1	+1

В разрезе основных социально-демографических категорий населения в начале 2020 г. наблюдаются преимущественно негативные изменения (в 10 из 14 групп). На общем фоне особенно выделяется ухудшение оценок социального настроения среди женщин (на 10 п.п., с 81 до 71%), людей с высшим и незаконченным высшим образованием (на 6 п.п., с 75 до 69%) и людей, относящихся по самооценкам доходов к группе 60% среднеобеспеченных жителей области (на 5 п.п., с 73 до 68%).

Фактически ни в одной из анализируемых социально-демографических категорий за последние два месяца не отмечается позитивных изменений социального самочувствия. При этом в 10 из 14 групп оценки хуже, чем в среднем за 2019 г.

Социальное настроение в различных социальных группах (вариант ответа «Прекрасное настроение, нормальное, ровное состояние», в % от числа опрошенных)

Категория населения	2007	2011	2012	2017	2018	2019	Фев. 2019	Апр. 2019	Июнь 2019	Авг. 2019	Окт. 2019	Дек. 2019	Фев. 2020	Изменение (+/-) по отношению к...	
														Дек. 19	Фев. 19
Пол															
Мужской	65,9	64,5	69,1	70,6	72,8	70,1	69,9	68,6	72,1	71,8	69,2	69,0	67,0	-2	-3
Женский	61,7	62,0	65,8	70,2	69,8	69,6	66,4	69,0	70,8	70,1	71,2	70,3	66,9	-3	+1
Возраст															
До 30 лет	71,3	70,0	72,3	78,1	80,0	81,1	76,3	81,2	82,9	85,2	79,9	81,3	71,7	-10	-5
30-55 лет	64,8	62,5	67,9	71,5	72,6	71,2	68,0	71,5	70,5	74,0	71,1	71,9	67,5	-4	-1
Старше 55 лет	54,8	58,3	62,1	64,9	65,2	63,3	64,3	59,8	67,4	60,7	65,1	62,6	64,3	+2	0
Образование															
Среднее и н/среднее	58,4	57,4	57,2	63,6	64,8	63,2	61,5	60,4	64,4	65,6	63,4	64,0	63,1	-1	+2
Среднее специальное	64,6	63,6	66,7	72,0	72,2	72,7	68,6	73,0	77,3	72,8	73,9	70,4	69,0	-1	0
Высшее и н/высшее	68,6	68,3	77,0	75,8	76,8	73,4	73,8	73,3	72,1	73,9	72,6	74,7	68,6	-6	-5
Доходные группы															
20% наименее обеспеченных	51,6	45,3	51,5	52,9	57,3	53,2	50,4	56,1	54,9	53,2	54,1	50,2	48,4	-2	-2
60% средне-обеспеченных	62,9	65,3	68,7	72,0	71,9	71,4	67,2	69,9	74,1	72,1	72,6	72,6	68,4	-5	+1
20% наиболее обеспеченных	74,9	75,3	81,1	83,7	82,9	81,8	86,2	81,0	81,0	81,4	80,5	80,5	79,1	-1	-7
Территории															
Вологда	63,1	67,1	73,6	72,6	71,0	68,6	65,5	68,5	70,3	68,0	70,8	68,6	66,9	-2	+1
Череповец	68,1	71,2	76,2	75,7	75,8	71,2	71,1	67,8	72,1	74,4	72,0	69,9	67,3	-3	-4
Районы	61,6	57,1	59,8	66,1	68,7	69,8	67,6	69,6	71,7	70,5	69,0	70,3	66,8	-4	-1
Область	63,6	63,1	67,3	70,4	71,2	69,9	68,0	68,8	71,4	70,9	70,3	69,7	66,9	-3	-1

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Главным политическим событием последних месяцев стало Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию, в котором глава государства предложил внести ряд существенных изменений в Конституцию РФ², что повлечет за собой изменения в политической системе страны и уже привело к назначению нового Правительства.

Как показали исследования ВЦИОМ, от 60 до 90% россиян поддерживают поправки в Основной закон, предложенные Президентом³. По результатам опросов, проведенных ВолНЦ РАН на территории Вологодской области, 50% жителей региона либо внимательно следили за обращением В. Путина в прямом эфире, либо читали полный текст Послания и изучали комментарии экспертов (еще 12% планируют это сделать в ближайшее время). На 46% населения Послание произвело положительное впечатление; от 40 до 43% жителей области считают, что предложения, внесенные В. Путиным, будут способствовать улучшению политической системы страны, а также росту уровня и качества жизни всего российского общества (для сравнения: противоположного мнения придерживается всего 19% населения области).

По оценкам населения пока сложно дать какую-либо характеристику деятельности нового кабинета министров и нового Председателя Правительства РФ М.В. Мишустина. Он только начинает свою работу в этой должности, и для многих людей остается неизвестным как политическая фигура: поэтому 32% людей (самый распространенный ответ) отметили, что «пока что не знакомы с его деятельностью».

Зато вполне очевидным стало мнение жителей региона по поводу отставки предыдущего Правительства, возглавлявшегося Д. Медведевым: более половины опрошенных (51%) положительно отнеслись к этому событию (для сравнения: противоположную оценку дали всего лишь 13% жителей области).

Произошедшие в январе 2020 г. события в политической жизни страны во многом определяют характер общественного мнения по самым разным вопросам, касающимся не только оценки деятельности федеральных органов власти, но и перспектив развития российской экономики и своего собственного материального положения. В целом можно говорить о том, что общество пребывает в состоянии ожидания, причем это ожидание сложно назвать тревожным. Скорее, наоборот, люди с оптимизмом смотрят на перспективы нового кабинета министров выполнить целевые установки и обещания Президента, то есть сделать то, что долгие годы не удавалось сделать Правительству Д. Медведева.

Отсюда соответствующая динамика оценок общественного мнения: за последние два месяца в ней не отмечается существенных изменений, что является скорее положительным результатом, если учитывать негативные тенденции в долгосрочной ретроспективе (за последний год). Это касается и оценок деятельности Президента, и отношения людей к тому, насколько успешно он справляется с проблемой подъема экономики и роста благосостояния граждан, и самооценок материального положения.

В то же время отсутствие значимых изменений в динамике общественного мнения можно охарактеризовать положительно лишь относительно долгосрочных тенденций. Напомним, что в своих публичных выступлениях глава государства ставит задачу прорывного развития и существенного улучшения уровня и качества жизни, которое, прежде всего, должно быть ощутимым для широких

² Среди них: закрепление в Конституции нормы о регулярной индексации пенсий, а также о том, что минимальный размер оплаты труда не может быть ниже размера прожиточного минимума; приоритет Конституции РФ над нормами международного права; невозможность иметь иностранное гражданство лицам, занимающим должности «критически важные для обеспечения безопасности и суверенитета страны»; утверждение членов Правительства РФ Государственной Думой; включение муниципального уровня в единую систему публичной власти и т.д.

³ Поправки в Конституцию: значение и отношение: пресс-выпуск ВЦИОМ. 2020. №4160. 3 фев. <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10146>

слоев населения (в частности, об этом он говорил в своих Посланиях Федеральному Собранию в 2018 и 2019 гг.). С этой точки зрения результаты мониторинга пока явно не свидетельствуют о том, что данная задача достигнута или хотя бы близка к достижению.

Безусловно, и Президент, и новый глава кабинета министров понимают, чего ждут от них широкие слои населения и что нет времени на раскачку. Это внушает оптимизм, но оптимизм крайне сдержанный, поскольку в нынешней ситуации («пробуксовывания» национальных проектов и отсутствия ощутимых позитивных изменений в динамике уровня и качества жизни) одного лишь понимания явно недостаточно...

По большому счету именно об этом свидетельствуют негативные изменения в оценках социального настроения за последние два месяца. Снижение доли людей, положительно характеризующих свое эмоциональное состояние, а также уменьшение запаса терпения кажется не таким значительным (всего лишь на 3 п.п.), однако это произошло впервые за последние 12 месяцев. И, кроме того, в некоторых социально-демографических категориях снижение доли позитивных суждений является куда более ощутимым (на 5–10 п.п.). Скорее всего, это говорит о том, что люди устают от нереализованных обещаний и перспектив «реального изменения жизни к лучшему уже в ближайшее время»⁴, при этом чем конкретнее такие обещания звучат в публичных выступлениях руководящих органов страны, тем сильнее ожидания людей и, разумеется, тем глубже разочарование от их нереализованности.

В этих условиях остается только надеяться на то, что новое Правительство найдет новые инструменты и механизмы для реализации действительно амбициозных поручений Президента. Причем сделает это без ущерба для населения и без лишних рисков обострить и без того уже «пошатнувшееся» в результате пенсионной реформы 2018 г. ощущение социальной справедливости.

Материалы подготовили: М.В. Морев, И.М. Бахвалова, О.А. Сверкунова.

⁴ Послание Президента Федеральному Собранию РФ 20 февраля 2019 г. // Официальный сайт Президента. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59863>

ПРАВИЛА
приёма статей, направляемых в редакцию научного журнала
«Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз»
(в сокращении)

Журнал публикует оригинальные статьи теоретического и экспериментального характера, тематика которых соответствует тематике журнала, объёмом не менее 16 страниц (30 000 знаков с пробелами). Максимальный объём принимаемых к публикации статей – 25 страниц (50 000 знаков с пробелами). К публикации также принимаются рецензии на книги, информация о научных конференциях, хроника событий научной жизни. Статьи должны отражать результаты законченных и методически правильно выполненных работ.

Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала на основе заключения рецензента, также учитывается новизна, научная значимость и актуальность представленных материалов. Статьи, отклоненные редакционной коллегией, повторно не рассматриваются.

Требования к комплектности материалов

В электронном виде в редакцию предоставляются следующие материалы.

1. Файл со статьей в формате Microsoft Word с расширением .docx. Имя файла должно быть набрано латиницей и отражать фамилию автора (например: Ivanova.docx).
2. Данные об авторе статьи на отдельной странице, включающие Ф. И. О. полностью, ученую степень и ученое звание, место работы и должность автора, контактную информацию (почтовый адрес, телефон, при наличии – e-mail), идентификатор ORCID, идентификатор Researcher ID и оформленные по образцу.
3. Отсканированная копия обязательства автора не публиковать статью в других изданиях.
4. Цветная фотография автора в формате .jpeg / .jpg объемом не менее 1 Мб.

Комплект материалов в электронном виде может быть прислан по электронной почте на адрес редакционной коллегии (common@vscs.ac.ru).

Требования к оформлению текста статьи.

1. Поля.

Правое – 1 см., остальные – по 2 см.

2. Шрифт.

Размер (кегель) – 14, гарнитура – Times New Roman (если необходимо применить шрифт особой гарнитуры (при наборе греческих, арабских и т. п. слов, специальных символов), нужно пользоваться шрифтами, устанавливаемыми системой Windows по умолчанию). Если в работе есть редко используемые шрифты, их (все семейство) нужно предоставить вместе с файлом. Интервал – 1,5.

3. Абзацный отступ – 1,25. Выставляется автоматически в MS Word.

4. Нумерация.

Номера страниц статьи должны быть поставлены автоматически средствами MS Word в правом нижнем углу.

5. Оформление 1 страницы статьи.

В верхнем правом углу страницы указывается индекс УДК. Далее через полуторный интервал – индекс ББК. Далее через полуторный интервал – знак ©, отступ (пробел), фамилия и инициалы автора статьи. Применяется полужирное начертание. После отступа в два интервала строчными буквами приводится название статьи (выравнивание по центру, полужирное начертание). После отступа в два интервала приводится аннотация (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в один интервал приводятся ключевые слова (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в два интервала приводится текст статьи.

6. Требования к аннотации.

Объём текста аннотации должен составлять от 200 до 250 слов. В обязательном порядке в аннотации должна быть сформулирована цель проведенного исследования; лаконично перечислены образующие несомненную научную новизну отличия выполненной работы от аналогичных работ других ученых; перечислены использованные автором методы исследования; приведены основные результаты выполненной работы; определены области применения полученных результатов исследования; кратко сформулированы перспективы дальнейшей НИР в указанной области.

Примеры хороших аннотаций для различных типов статей (обзоры, научные статьи, концептуальные статьи, практические статьи) представлены на сайте:

<http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/abstracts.htm?part=2&PHPSESSID=hdac5rtkb73ae013ofk4g8nrv1>.

7. Требования к ключевым словам.

К каждой статье должны быть даны ключевые слова (до 8 слов или словосочетаний). Ключевые слова должны наиболее полно отражать содержание рукописи. Количество слов внутри ключевой фразы – не более трех.

8. Требования к оформлению таблиц.

В названии таблицы слово «Таблица» и её номер (при наличии) даются без выделения (обычное начертание). Название таблицы выделяется полужирным начертанием. Выравнивание – по центру.

Таблицы должны быть вставлены, а не нарисованы из линий автофигур. Не допускается выравнивание столбцов и ячеек пробелами либо табуляцией. Таблицы выполняются в табличном редакторе MS WORD. Каждому пункту боковика и шапки таблицы должна соответствовать своя ячейка. Создание и форматирование таблиц должно производиться исключительно стандартными средствами редактора, недопустимо использование символа абзаца, пробелов и пустых дополнительных строк для смысловой разбивки и выравнивания строк.

9. Требования к оформлению рисунков, схем, графиков, диаграмм.

Название и номер рисунка располагаются ниже самого рисунка. Начертание слова «Рис.» обычное (без выделения). Название рисунка приводится с полужирным выделением. Выравнивание – по центру. Интервал – одинарный.

Для создания графиков должна использоваться программа MS EXCEL, для создания блок-схем – MS WORD, MS VISIO, для создания формул – MS Equation.

Рисунки и схемы, выполненные в MS WORD, должны быть сгруппированы внутри единого объекта. Не допускается использование в статье сканированных, экспортированных или взятых из Интернета графических материалов.

Алгоритм вставки графиков из MS EXCEL в MS WORD:

1) в MS EXCEL выделить график компьютерной мышью, правой клавишей выбрать пункт контекстного меню «копировать»;

2) в MS WORD правой клавишей мыши выбрать пункт контекстного меню «вставить», выбрать параметр вставки «специальная вставка», «диаграмма Microsoft Excel».

10. Оформление библиографических сносок под таблицами и рисунками.

Пишется «Источник:», «Составлено по:», «Рассчитано по:» и т. п. и далее приводятся выходные данные источника.

11. Оформление постраничных сносок.

Постраничные сноски оформляются в строгом соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. – 2008.

12. Оформление и содержание списка литературы.

Слово «Литература» печатается строчными буквами полужирным курсивом, выравнивается по центру, дается через полтора интервала после текста статьи. После слова «Литература» делается полуторный интервал и приводится список библиографических источников.

Источники в списке литературы располагаются строго в алфавитном порядке (сначала русскоязычные источники, расположенные по алфавиту, затем – иностранные, также расположенные по алфавиту).

Ссылки на русскоязычные источники оформляются в соответствии с ГОСТ 7.1 – 2003 с указанием обязательных сведений библиографического описания. Ссылки на англоязычные источники оформляются в соответствии со схемой описания на основе стандарта Harvard¹.

В списке литературы должны быть приведены ссылки на научные труды, использованные автором при подготовке статьи. Обязательно наличие ссылок на все источники из списка литературы в тексте статьи.

В соответствии с международными стандартами подготовки публикаций рекомендуемое количество источников в списке литературы – не менее 20, из которых не менее 30% должны быть зарубежными.

Количество ссылок на работы автора не должно превышать 10 % от общего количества приведенных в списке литературы источников.

Авторам не рекомендуется включать в список литературы следующие источники: 1) статьи из любых ненаучных журналов, газет; 2) нормативные и законодательные акты; 3) статистические сборники и архивы; 4) источники без указания автора (например, сборники под чьей-либо редакцией); 5) словари, энциклопедии, другие справочники; 6) доклады, отчеты, записки, рапорты, протоколы; 7) учебники и т. д. Ссылки на указанные источники рекомендуется давать посредством соответствующих постраничных сносок.

В список литературы рекомендуется включать следующие источники: 1) статьи из печатных научных журналов (или электронных версий печатных научных журналов); 2) книги; 3) монографии; 4) опубликованные материалы конференций; 5) патенты.

Ссылка в тексте статьи на библиографический источник приводится в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника из списка литературы и номера страницы, на которую ссылается автор. Возможна отсылка к нескольким источникам из списка, порядковые номера которых должны быть разделены точкой с запятой (например: [26, с. 10], [26, с. 10; 37, с. 57], [28], [28; 47] и пр.).

Статьи без полного комплекта сопроводительных материалов, а также статьи, не соответствующие требованиям издательства по оформлению, к рассмотрению не принимаются!

---

¹ Информация об измененном стандарте Harvard представлена в работе О.В. Кирилловой «Редакционная подготовка научных журналов по международным стандартам. Рекомендации эксперта БД Scopus» (М., 2013. Ч. 1. 90 с.).

Лицензионный договор № _____

г. Вологда

« ____ » _____ 20__ года

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук, именуемое в дальнейшем «Лицензиат», в лице _____, действующего на основании доверенности _____, с одной стороны, и _____, именуемый(ая) в дальнейшем «Лицензиар», с другой стороны, именуемые в дальнейшем «Сторона/Стороны», заключили настоящий договор (далее — «Договор») о нижеследующем.

1. Предмет Договора

1.1. По настоящему Договору Лицензиар предоставляет Лицензиату неисключительные права на использование статьи _____, (наименование, характеристика передаваемых Издателю материалов) именуемой в дальнейшем «Произведение», в обусловленных договором пределах и на определенный договором срок.

1.2. Лицензиар гарантирует, что он обладает исключительными авторскими правами на передаваемое Лицензиату Произведение.

2. Права и обязанности Сторон

2.1. Лицензиар предоставляет Лицензиату на срок 5 (Пять) лет следующие права:

2.1.1. право на воспроизведение Произведения (опубликование, обнародование, дублирование, тиражирование или иное размножение Произведения) без ограничения тиража экземпляров. При этом каждый экземпляр Произведения должен содержать имя автора Произведения;

2.1.2. право на распространение Произведения любым способом;

2.1.3. право на переработку Произведения (создание на его основе нового, творчески самостоятельного произведения) и право на внесение изменений в Произведение, не представляющих собой его переработку;

2.1.4. право на публичное использование Произведения и демонстрацию его в информационных, рекламных и прочих целях;

2.1.5. право на доведение до всеобщего сведения;

2.1.6. право переуступить на договорных условиях частично или полностью полученные по настоящему договору права третьим лицам без выплаты Лицензиару вознаграждения.

2.2. Лицензиар гарантирует, что Произведение, права на использование которого переданы Лицензиату по настоящему Договору, является оригинальным произведением Лицензиара.

2.3. Лицензиар гарантирует, что данное Произведение никому ранее официально (т.е. по формально заключённому договору) не передавалось для воспроизведения и иного использования.

2.4. Лицензиар передает права Лицензиату по настоящему Договору на основе неисключительной лицензии.

2.5. Лицензиар обязан предоставить Лицензиату Произведение в печатной/электронной версии для ознакомления. В течение 60 (Шестидесяти) рабочих дней, если Лицензиатом не предъявлены к Лицензиару требования или претензии, связанные с качеством (содержанием) или объёмом предоставленной для ознакомления рукописи Произведения, Стороны подписывают Акт приёма-передачи Произведения.

2.6. Дата подписания Акта приёма-передачи Произведения является моментом передачи Лицензиату прав, указанных в настоящем Договоре.

2.7. Лицензиат обязуется соблюдать предусмотренные действующим законодательством авторские права, права Лицензиара, а также осуществлять их защиту и принимать все возможные меры для предупреждения нарушения авторских прав третьими лицами.

2.8. Территория, на которой допускается использование прав на Произведение, не ограничена.

3. Ответственность Сторон

3.1. Лицензиар и Лицензиат несут в соответствии с действующим законодательством РФ имущественную и иную юридическую ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязательств по настоящему Договору.

3.2. Сторона, ненадлежащим образом исполнившая или не исполнившая свои обязанности по настоящему Договору, обязана возместить убытки, причинённые другой Стороне, включая упущенную выгоду.

4. Конфиденциальность

Условия настоящего Договора и дополнительных соглашений к нему конфиденциальны и не подлежат разглашению.

5. Заключительные положения

5.1. Все споры и разногласия Сторон, вытекающие из условий настоящего Договора, подлежат урегулированию путём переговоров, а в случае их безрезультатности указанные споры подлежат разрешению в суде в соответствии с действующим законодательством РФ.

5.2. Настоящий Договор вступает в силу с момента подписания обеими Сторонами настоящего Договора и Акта приема-передачи Произведения.

5.3. Настоящий Договор действует до полного выполнения Сторонами своих обязательств по нему.

5.4. Срок действия настоящего Договора автоматически продлевается на каждый следующий пятилетний срок, если ни одна из сторон не выступила с инициативой его расторжения не позднее, чем за один месяц до истечения срока его действия.

5.5. Расторжение настоящего Договора возможно в любое время по обоюдному согласию Сторон, с обязательным подписанием Сторонами соответствующего соглашения об этом.

5.6. Расторжение настоящего Договора в одностороннем порядке возможно в случаях, предусмотренных действующим законодательством, либо по решению суда.

5.7. Любые изменения и дополнения к настоящему Договору вступают в силу только в том случае, если они составлены в письменной форме и подписаны обеими Сторонами настоящего Договора.

5.8. Во всём, что не предусмотрено настоящим Договором, Стороны руководствуются нормами действующего законодательства РФ.

5.9. Настоящий Договор составлен в двух экземплярах, имеющих одинаковое содержание и равную юридическую силу, по одному для каждой из Сторон.

6. Реквизиты Сторон

Лицензиат:

ВолНЦ РАН
ИНН 3525086170 / КПП 352501001
160014 г. Вологда, ул. Горького, 56а
УФК по Вологодской области (ИСЭРТ РАН
лиц. сч. 20306Ц32570)
Р/с 40501810400092000001
Отделение Вологда
БИК 041909001, ОКПО 22774067
ОКАТО 19401000000

_____/_____
подпись

Лицензиар:

Ф.И.О. _____
_____
Дата рождения: _____
Домашний адрес: _____
_____
Паспорт: серия _____
номер _____
выдан _____
когда выдан _____
ИНН _____
Свидетельство государственного пенсионного страхования _____

_____/_____
подпись / ф. и. о. полностью

ИНФОРМАЦИЯ О ПОДПИСКЕ

Уважаемые читатели журнала!

При Вашей заинтересованности Вы можете оформить подписку на журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» одним из следующих способов:

- 1) в одном из отделений ФГУП «Почта России» (подписка осуществляется через объединенный каталог «Пресса России», подписной индекс журнала – 41319);
- 2) на сайте <http://www.akc.ru>;
- 3) в редакции журнала (контактное лицо – Артамонова Анна Станиславовна, тел.: 8 (8172) 59-78-32, адрес электронной почты: esc@volnc.ru).

Редакционная подготовка	Л.Н. Воронина
Оригинал-макет	Т.В. Попова
Корректор	Н.В. Степанова

Подписано в печать 26.02.2020.
Дата выхода в свет 28.02.2020.
Формат 60×84¹/₈. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 30,2. Тираж 500 экз. Заказ № 62.
Свободная цена.

Журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз / Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство ПИ № ФС77-71361 от 26 октября 2017 года.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук» (ФГБУН ВолНЦ РАН)

Адрес редакции, издателя и типографии:
160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а
Телефон (8172) 59-78-03, факс (8172) 59-78-02
E-mail: common@volnc.ru